

Галина Черная Андрей Олегович Белянин Профессиональный оборотень

Профессиональный оборотень – 1

Текст предоставлен издательством «Армада» <http://www.litres.ru>
«Профессиональный оборотень: Профессиональный оборотень. Каникулы оборотней.
Хроники оборотней»: АЛЬФА-КНИГА; Москва; 2008
ISBN 978-5-9922-0088-1

Аннотация

Совершенно невероятная история приключилась одним холодным январским вечером с юной жительницей российского городка N Алиной Сафиной. Так бы и текла ее жизнь привычным чередом: институт, дом, родители, молодежные тусовки, – если бы она умудрилась вовремя свернуть с той злополучной улочки, где и напал на нее кровожадный монстр. Пах! Бах! Меткий выстрел! Мерзкое чудовище убито, и, казалось бы, героиня наша спасена. Но вся беда в том, что монстр успел поцарапать девушку, и теперь ей грозит постепенное обращение в Зверя.

На какие только жертвы не пойдет хорошенькая девушка, чтобы сохранить свежесть и красоту юного личика. Вот и Алина, не раздумывая, принимает предложение своих необычных избавителей: сероглазого командора и... говорящего кота. И вот она полноправный член бесстрашного спецотряда из будущего, в погоне за монстрами весело кочующего по временным параллелям.

**Андрей Белянин, Галина Черная
Профессиональный оборотень**

...января 2003 г.

Глава 1

Вечер был довольно холодный. Да оно и закономерно – январь месяц. Темнело по-прежнему рано, и возвращаться пришлось уже во мраке позднего вечера. Один раз даже в задумчивости чуть было не налетела на фонарный столб с соответственно разбитыми плафонами.

– Вот черт! Понаставили тут... прямо на дороге.

Со злости не удержалась и пнула столб ногой. Настроение и так было никакое, теперь еще и мизинец ушибла. Полчаса назад в институте я завалила зачет по специальности, после чего вспылила и наговорила преподу много чего лишнего. Из-за этой дурацкой вспыльчивости страдаю в первую очередь я сама, но поделаться с ней ничего не могу. Мама говорит, во всем виноваты гены... Мои предки по отцовской линии были рослыми казанскими татарами, их древняя кровь вечно кипела и искрилась. Так что в синяках я ходила с самого детства, хотя и уважали меня как ни одну девчонку. Короче, в результате мои шансы пересдать зачет значительно снизились. И не то чтобы учеба слишком претила. Нет, лекции не всегда бывали скучными. Учиться, в общем, даже интересно. Но все-таки порой, особенно во время сессий, хотелось бросить все и уехать куда-нибудь подальше из этого города, подальше от института, от бесконечной зубрежки, зачетов и курсовых. А было как раз то самое время – начало зимней сессии.

Улочка, куда я завернула и где в тот вечер впервые встретила этого самовлюбленного типа, сплошь состояла из старых неухоженных одно – и двухэтажных домиков, построенных еще в прошлом тысячелетии, а точнее – лет пятьдесят назад. Прохожих почти не было, поэтому я сразу обратила внимание на одинокого кота, расположившегося за деревом. Здоровенный такой серый котятра с белыми полосами на шкуре сидел на перевернутой консервной банке в позе роденовского мыслителя и вроде кого-то ждал. В иное время я бы точно заинтересовалась столь откормленным экземпляром, но настроение, как я уже говорила, было... не ах. Поэтому я ускорила шаг и не сразу заметила вынырнувшую из-за угла и несущуюся в мою сторону тень. Хотя сразу же стало ясно, что это и не тень вовсе, а странное двуногое существо с хвостом, с темной лоснящейся кожей, заостренными ушами и оскаленными клыками, здорово напоминающее персонаж киноужастика. Сначала я не поверила, что все это всерьез, но зверюшка улыбнулась и вроде бы даже сглотнула слюну...

– Хорошенькое дельце, – пробормотала я, лихорадочно пытаюсь найти в сумочке газовый баллончик. Нельзя сказать, чтобы подобные существа частенько разгуливали по улицам моего родного города. Поэтому-то я не столько испугалась, сколько удивилась. Ничего подобного этому индивиду мне еще не приходилось встречать в жизни. Разве что вид моего пьяницы-соседа в дикое полнолуние мог бы конкурировать с этим монстром. Который, кстати, и не собирался оставлять мне время на бесцеремонное разглядывание себя. В общем, даже не останавливаясь перед прыжком, наглое чудовище бросилось с разбегу прямо на меня. В деталях описать, что конкретно произошло в этот момент, трудно.

Помню только, что, зажмурившись, я попятилась назад, повалилась на кого-то спиной. И упала, естественно, вместе с ним. Тут же грохнул выстрел! И только в этот момент я вспомнила, что сложилась ситуация, предусматривающая с моей стороны визг, ну там дикие вопли, и от души пронзительно заорала. Но зверь, видимо, не убежал в ужасе, потому что теперь я слышала его рык прямо над ухом и на мгновение даже ощутила скользнувшую по шее когтистую лапу. Для бодрости духа не переставая вопить и зажмурившись еще сильнее, я выкинула вперед руку с газовым баллончиком и пустила из него длинную струю прямо в чью-то морду. С чего это я решила, что в морду? Ведь глаза-то были закрыты... Не знаю, но то, что попала в цель, легко можно было определить по чьей-то тихой, сквозь зубы короткой, но выразительной ругани. Монстры так не ругаются, однако об этом потом... Глаз я благоразумно не раскрывала, а потому продолжала лихо разбрызгивать вокруг себя все

содержимое баллончика. Через минуту он захрипел и сдох... Баллончик, разумеется.

И тут я услышала уже не рык, а просто рев какой-то и почувствовала зловонное дыхание. В ту же минуту меня толкнули в бок с такой силой, что я откатилась на пару метров от дороги. Опять выстрелы, слабое поскуливание, и тишина. Знаете, фронтовая такая тишина, когда в любой момент ждешь продолжения канонады, а немцы все не палят. Я полежала еще пару секунд, старательно не шевелясь. Но больше уже не смогла сдерживать все сильнее разгоравшееся внутри любопытство и открыла один глаз. Этим глазом я смогла увидеть только грязный снег и серую щебенку под щекой, на этой щебенке, видимо, и приходилось лежать, больше ничего интересного разглядеть не удалось. Еще через пару мгновений я решила открыть второй глаз и увидела в нескольких метрах какого-то мужчину в длинном черном пальто и шляпе. В опущенной правой руке он сжимал здоровенную пушку, в левой – носовой платок. Спаситель старательно отирал слезы, а у его ног лежала какая-то темная масса.

«Сдохший монстрик», – радостно сообщила я, но, увидев, что незнакомец повернулся в мою сторону, опустил оружие и направляется ко мне, тут же закрыла оба глаза. На шум, крики и выстрелы никто, естественно, и не подумал набежать. Иногда мне кажется, что милиция и дружинники у нас появляются только на народных гуляньях. А так – можно орать хоть до полуночи, никто и не почешется...

Я лежала без малейшего движения, черт его знает, что можно ожидать от вооруженного амбала, незнакомого к тому же. Нет, конечно, меня не оставило равнодушной то, как легко он расправился с антиобщественным элементом, чей хладный труп валялся сейчас в нескольких метрах от меня. Ну, по крайней мере, я хотела верить, что труп. Хотя, с другой стороны, он же вроде и рыдал над убиенным? Боже, с чего вообще все это? Шла себе тихомирно, никого не трогала. И нате вам... Тут мои мысленные жалобы были прерваны подошедшим гражданином, который довольно бесцеремонно потормошил меня за плечо. После нулевой реакции с моей стороны этот заботливый тип сообразительно попытался определить у меня пульс по руке.

– Вы меня слышите? – довольно прочувствованным тоном спросил он. Видимо, пульс был. Я бы посимулировала еще с полчаса, но он вздумал перевернуть меня на спину и, отложив пистолет, полез открывать мне веки. Чтобы посмотреть зрачки, видимо. Этого я уже стерпеть не могла.

– Что произошло? – слабым голосом выдохнула я, одновременно мягко, но настойчиво отодвигая его огромные лапищи от моего лица. Я медленно открыла глаза, боясь, что увижу что-то страшное. Может, этот тип и не человек вовсе и веселенький вечер с монстриками в подтанцовке еще не закончен. Но на самом деле все оказалось не так интересно, хотя и вдвойне более неожиданно. Передо мной на корточках сидел еврей с пейсами, черной бородкой, в очках и национальной кастровой шляпе. Под расстегнутым пальто виднелась жилетка поверх белой сорочки. Так как я лежала под единственным светящимся фонарем на этой улице, детали удалось засечь в две секунды.

– Лежи, пока я не обработаю царапину, – проговорил он, быстро доставая из-за пазухи какие-то лекарства. – Ну ты и вляпалась, подруга.

– Куда это я вляпалась? – глухо буркнула я, но ответа не дождалась. – И что это за покровительственный тон?

Дзинькнула металлическая коробочка, компактный одноразовый шприц тускло блеснул иголкой.

– И не надо со своими ампулами соваться, – запротестовала я, но парень уже разбил одну и отсчитывал кубики. Видимо, он собирался сделать мне укол. – Если это просто царапина, то я обойдусь без вашей дезинфекции.

– Сними куртку и закатай рукав свитера. Быстрее! – тоном, не терпящим возражений, скомандовал этот тип. Пришлось подчиниться. После укола он обработал мне рану какой-то страшно щиплющей кожу жидкостью.

– Да, формальности соблюдены. Но вряд ли это поможет, – как-то неоптимистично

пробормотал себе под нос этот бодрый эмчезовец, убрав шприцы и ампулы. Потом философски поцокал языком и сделал похоронное лицо. В его глазах все еще стояли слезы, видимо, с баллончиком я не очень промахнулась.

– Вы меня так утешили, так утешили, слов нет! Что все это значит? Неужели вон тот ушастенький болел СПИДом, и, значит, мы умрем?! В чем, вообще, дело? Откуда тут монстры, как будто выпрыгнувшие из дешевого ужастика? Воинствующие евреи с большущими пистолетами?! Что за идиотский маскарад? – залпом сердито выдала я. Увы, безымянный спаситель в который раз проигнорировал все мои вопросы. Только сделал вид, что думает о чем-то важном, поэтому имеет полное право меня не слышать. Подобный тип мужчин всегда бесил меня до крайности.

– Ладно, не хочешь отвечать – не надо! Привет братьям-евреям – борцам со всякой нечистью. Пока, пока... Выживу как-нибудь сама. Ничего, оклемаюсь. – Пока я говорила, этот тип молча поднялся и устоялся на меня, видимо ожидая, когда я закончу.

– И что ты хочешь этим сказать? – не выдержав, дрогнула я, глядя на него снизу вверх.

– Встать можешь? – осведомился он странно смягчившимся голосом. Так разговаривают с безнадежно больными.

– Попробую, но мне кажется, что я подвернула ногу.

Он подал мне руку и помог подняться.

– Большое мерси, – язвительно произнесла я. И только тут заметила, что у него довольно красивые серые глаза. Он посмотрел на меня задумчиво и улыбнулся.

– Ладно, мне пора, – проямлила я, поняв, что он и дальше собирается молчать. И, почему-то потупив взгляд, еще тише произнесла: – Пойду я. Темно уже. Извини, что я тебе попала в глаз из баллончика.

– Да ничего, сам виноват.

– И я о том же...

Конечно, было понятно, что меня никто и не держит, но почему-то хотелось оттянуть свой уход. Парень продолжал молчать, я покачалась туда-сюда на каблуках, нет, вроде ничего не подвернула. Царапина на шее уже не саднила, туша зверя лежала без движения, но, будь моя воля, я бы напомнила умнику о контрольном выстреле в голову. Хотя, может, он его уже сделал...

– Итак, что мы тут имеем? Алина Сафина, студентка второго курса заочного отделения института культуры, – четко и раздельно, но одновременно каким-то мурлыкающим голосом произнесли у меня за спиной. Я чуть не подпрыгнула на месте и резко обернулась. Да, неожиданности сегодняшнего вечера еще не закончились. На тротуаре в паре метров от нас валялась моя сумка, вероятно отлетевшая, когда я падала. А рядом сидел тот самый толстый котяра серо-белой масти, самым наглым образом листавший мои документы. Сейчас он держал в лапах мой студенческий, рядом валялся паспорт. Не успела я возмущенно распахнуть рот, как еврей опередил меня:

– Слушай, агент 013, она ведь не объект охоты, поэтому довольно невежливо рыться в ее сумке, – и, повернувшись ко мне, добавил: – извини, Алина, чрезмерное любопытство моего напарника, но его не переделаешь.

Я все еще была в шоке и не могла произнести ни слова, как вдруг кот, выслушав эти слова с самым скептическим выражением на морде, произнес:

– В общем и целом ты прав, коллега, но я должен возразить, что...

Я не могла больше молчать:

– Все! Хватит! Отдавай мои документы, толстяк! – Схватив свою сумочку и запихав все ее содержимое обратно, включая и обидчиво протянутый котом студенческий, я, переводя взгляд с незнакомца на кота, продолжала справедливо возмущаться. – Откуда вы взяли на мою голову?! Сначала нападает ваш монстр. Молчать! – рывкнула я, увидев, что кот собирается вставить слово. – Я не оговорила. Ваше появление и появление монстра естественным образом взаимосвязаны. Я еще ни разу не видела подобную тварь на улице, так же как и еврея с пистолетом и говорящим котом. К тому же все трое появляются один за

другим в течение каких-то пяти минут!

– И что тут странного? – с умным видом возразил хвостатый тип. – Мы с агентом Алексом являем собой специальное подразделение по борьбе с представителями так называемой нечисти.

Ха! Значит, уничтожителя монстров зовут Алекс. Ничего, мне нравится, Алеша – красивое имя. Или Леха, Лешка – замечательно! А отчество наверняка Соломонович? Носит кипу, ест мацу и рыбу-фиш, празднует шабат и не любит арабских террористов. Тьфу ты, дура, ну какое тебе, мусульманке, дело до еврея со странностями и его драного кота, пусть хоть дважды говорящего?!

– Алекс... Какое-то неподходящее для иудея имя, не правда ли, ребе? – съязвила я.

– Я не иудей, с чего ты взяла? – скучился парень и, задрав подбородок, отвернулся. Похоже, задело. Ну наконец-то!

– А костюм?

– Это для конспирации, милочка! – пояснил за обидчивого агента его кот. – Я читал, что в вашем времени многие так одеваются. И вообще, что за вопрос? Алекс, может, нам пора? На Базе уже ждут, а девочка пусть отправляется домой. Ее никто не тронет. Чудовищ тут больше нет, дорогуша, благодаря удачно проведенной операции, мозговым центром которой был ваш покорный слуга. Адииос, крошка!

Серый задавака демонстративно поклонился, положив правую лапу на грудь и привстав на задних лапах. При этом на его морде читалось столько собственного достоинства и уверенности в своих индивидуальных заслугах перед человечеством, что я, не удержавшись, приснула со смеху.

Кот, казалось, был огорошен таким внезапным приступом веселья, нарушившим всю торжественность момента. Алекс тоже не удержался и пару раз усмехнулся, встретившись со мной взглядом. Но только, дабы не задеть самолюбие коллеги, постарался, чтобы кот этого не заметил. Теперь пришло время дуться разумному зверьку. По-моему, слишком уж разумному...

– Тут некоторые проблемы, приятель. Ее оцарапал наш объект.

Кот вытаращил глаза, похоже забыв об обиде, и посмотрел на меня таким же сочувственным взглядом, каким одарил в свое время и Алекс.

Пока они не сообщили мне самого страшного, я поспешила ретироваться. Почему-то не люблю неприятных известий. Когда ничего не знаешь, спокойнее спишь. Черт его знает, проснусь завтра утром и окажется, что все произошедшее со мной сегодняшним вечером и во что я уже постепенно начинала верить, как в реальность, было сном. Эти два субъекта сейчас здорово напоминали картинку из «Мастера и Маргариты». И были похожи скорее на плод больного воображения, чем на суровую действительность. Нет, нет, скорее домой и баньки...

– Пока, ребята, приятно было познакомиться, спасибо за все, но мне действительно пора. – Я быстро перекинула сумку через плечо и чуть ли не рысью побежала прочь.

Услышав недоуменный вопль кота с упоминанием моего имени, пришлось пригнуться и закрыть уши, не сбавляя хода. Понеслись какие-то крики вслед, но я старалась не слушать.

– Минуточку. – Это произнесли так громко за моей спиной, что я встала как вкопанная. А обернувшись, увидела стоящих рядом кота и Алекса, который с улыбкой продолжил: – Не могла бы ты назвать свой точный адрес, где будешь находиться ближайший месяц-полтора?

В руках у него были блокнот и ручка. Кот тоже смотрел на меня, с интересом ожидая ответа.

– А зачем это вам? – распахнула я глаза. – Я вас не приглашала в гости.

– Это для того, чтобы не затруднять себя дополнительными поисками. При нашей работе время очень дорого, а через месяц, когда ты превратишься в монстра, нам придется вернуться в ваш временной отрезок и найти конкретно тебя. Надеюсь, ты понимаешь зачем. – Закончив эту тираду, парень довольно ехидно подмигнул.

Кажется, я начинала понимать. И мне это совершенно не нравилось... В поисках

спасения я посмотрела на кота в последней надежде услышать опровержение фактам. Но кот, встретившись со мной взглядом, неумолимо кивнул и с самым мрачным видом принялся поглаживать лапой усы.

Я побледнела и, похоже, начала падать, так как почувствовала, что под спину меня поддерживают.

– Извини, мы вовсе не хотели так тебя шокировать. Но обстоятельств не изменишь. Тебя поцарапал Зверь, через пять-шесть недель ты превратишься точно в такого же, ну, может, чуть более обаятельного. Но это не меняет сути вещей, – ровно пояснил охотник на монстров.

Он развернул меня к себе и, держа за плечи, строгим взглядом посмотрел мне в глаза. Только тут я заметила, что он наконец удосужился снять свой дурацкий головной убор. Оказалось, что на самом деле он коротко подстрижен. Да, без еврейской шляпы и парика с пейсами парень выглядел вполне современно и во сто крат привлекательнее. И где их таких берут в агенты...

– Ты меня слушаешь? – прервал он мои размышления.

– Да, и не надо меня так трясти! – возмутилась я.

– Извини, – искренне покаялся он. – Но мне показалось, что ты снова начала терять сознание – у тебя глаза стали мутными.

– Ничего подобного! Все, проехали, валяй дальше, – любезно напомнила я в ожидании продолжения сказки.

– Ну вот. Теперь самое главное. У тебя все-таки есть шанс.

– Да? – наивным тоном спросила я. – В каком смысле?

– При одном определенном условии тебя все же можно спасти, ты останешься человеком, – вмешался кот, он и так слишком долго молчал, что явно для него нехарактерно.

– А кто вам сказал, что я хочу остаться человеком? – притворно удивилась я.

Это уже походило на игру. Наверное, у меня начался сдвиг по фазе. Появись сейчас в небе огромный дракон в потертых джинсах и спроси, как быстрее пролететь отсюда к дискотеке «Лабиринт», я бы ничуть не удивилась.

– Это же так прикольно, – продолжала я с самой обаятельной улыбкой на лице, фамильярно почесав кота за ухом. Толстун возмущенно шарахнулся, чем я вполне удовлетворилась, позлорадствовав в душе. Пинок под хвост я решила оставить на потом, пусть котик пока живет. – Представьте себе – бегать по улицам, тряся мускулами и громящая огромным, мощным хвостом. О, хвост! Не об этом ли мечтаешь всю жизнь, даже зная, что такое великое достояние тебе не светит. А теперь у меня будет свой хвост, свой собственный! Ты, толстячок, понимаешь, о чем я, верно? – Я подмигнула ошарашенно вылупившемуся на меня коту. На Алекса, похоже, тоже нашел столбняк, но я возбужденно продолжала: – А какая у меня будет челюсть – громобойная просто, иначе не скажешь. А эти заостренные ушки! И если кое-где по телу, да пусть хоть сплошь, будет расти мех, я не против. На шубу зимой не нужно будет тратить, к тому же я давно мечтала о шубе из натурального меха. Это же так изысканно. А эти красные глаза! Ни у одной моей знакомой нет таких и не будет. Разве что мне взбредет кого-нибудь из них покусать. Парни так и попадают все без исключения, когда я в таком виде появлюсь на улицах. Веселенькая жизнь! В магазинах и на рынке все бесплатно. Голодать явно не придется. А с вами мы договоримся, мальчишки. Мы, похоже, уже добрые знакомые, поэтому я вас не трогаю и вы меня тоже. Ну как?

Ребята, судя по их мрачным лицам, не разделяли моего энтузиазма. Кот с хмурым выражением на морде почесывал брюхо. Алекс с жалостью смотрел на меня, потом напарники обменялись понимающими взглядами и, извинившись, отошли в сторону, – похоже, посоветоваться. Я вся превратилась в слух.

– Знаешь, тут есть два варианта, – волнуясь, говорил кот. – Или она свихнулась, а тут я должен согласиться, что, испытав такое потрясение, девушка вполне имеет на это право. – Я фыркнула. Ни один из них даже не обернулся в мою сторону. А кот продолжал: – Если это

так, то тут мы ничем не можем помочь. Как известно, психические заболевания плохо лечатся. Мы с тобой никакого отношения к психиатрии не имеем, поэтому наша совесть останется чиста. Второй вариант: девушка действительно очень рада так кстати подвернувшейся перспективе стать монстром. Это тоже ее право! Как ни верти, она свободный человек и к тому же совершеннолетняя. По паспорту ей уже двадцать один год, значит, она вполне осознанно отвечает за свои поступки. Так что вне зависимости от того, какой из названных мной моментов имеет место быть, мы можем только извиниться и уйти. От нас уже ничего не зависит. Наша миссия в этом случае полностью выполнена. Что скажешь, напарник? – Он посмотрел на Алекса в ожидании ответа.

Я, естественно, тоже, не скрывая любопытства, уставилась на парня. Тот почесал затылок, подумал и согласно кивнул:

– Ты прав, дружище, пошли. Уберем труп, сдадим рапорт – и на боковую.

Увидев, что они собираются уходить, я не смогла больше молчать.

– Эй, вы чего? Неужели хотите меня бросить? Эй, эй, эй... Ребята, это была шутка! Я не хочу становиться монстром, я пошутила, – впадая в панику, заголосила я, с тоской глядя вслед уходящим агентам.

Надо признать, Алекс тут же оглянулся.

– Ладно, подумались, и хватит. – Он подошел ко мне. – В общем, дела обстоят так, что, хочешь не хочешь – нам придется взять тебя с собой. Если ты согласна, конечно. Это единственный шанс. – Я поспешно кивнула. – Тебе нужно будет несколько раз ввести сыворотку, сделанную из крови различных монстров, на которых мы охотимся между делом. Вернее, это и есть наше основное дело. Может быть, и удастся тебя вылечить... Но честно предупреждаю: стопроцентных гарантий нет!

– Хм, значит, мне нужно будет бросить учебу, квартиру и что-то наврать родителям? – нахмурила я лоб, размышляя. – Ладно, придумаю что-нибудь.

– Это всего на месяц.

– Понятно.

– Я имел в виду, что уже через месяц будет ясно, получилось у нас или нет.

– Угу, вдвойне утешительно... А у меня есть время до завтра? То есть я хотела спросить, когда мы трогаемся?

– Ну, я думаю, до утра мы с тобой свободны, агент 013? – Алекс посмотрел на кота.

– Отлично, тогда переночуете у меня, а я как раз соберу вещи, позвоню родителям. Попрошу их связаться с институтом, – хмуро размышляла я вслух.

– Ладно, но при условии, что ты нас накормишь и не будешь беспокоить меня до утра. В смысле, не знаю, как насчет Алекса, но меня не будить. Мр-р-м. – Кот потянулся и, фырочно подмигнув, выгнулся дугой.

«Вот жирный нахал! Что он вообще о себе вообразил?!» – фыркнула я.

Спецагенты позвонили куда-то по сотовому телефону, и почти в ту же минуту в звездном небе мелькнуло темное пятно овальной формы. Матовый синий луч, ударив сверху, в считанные доли секунды «растворил» тело убитого монстра. Да, если бы и наши дворничихи работали так же оперативно, город блеснул бы чистотой...

– А далеко ли еще до твоего дома? – спросил охотник, когда мы прошли пару кварталов. Кот уже спал, здоровенным воротником улегшись у него на загривке.

– Да нет, еще десять минут, и мы на месте, – успокоила его я. За то время, пока мы топали, я успела узнать некоторые интересные вещи о жизни спецагентов и пару историй из профессиональной практики Алекса и его четвероногого консультанта. Это была совершенно неперевариваемая смесь мистики, хорра, экшена и фэнтези. К концу его рассказа у меня все мурашки в обморок попадали. Кентервильское привидение рядом цепями не гремело... Склизкие вампиры, ожившие мертвецы, оборотни-людоеды – все это реальные персонажи, с которыми в скором времени и мне придется столкнуться. У каждого из них нам потребуется взять по кубику крови для сыворотки, иначе меня не спасти... Так выходило по его словам. По крайней мере, в этом меня пытались убедить.

– Не надо собак вешать, – произнесла я.
– Где собаки? – удивился Алекс.
– Я говорю, ты заливаешь. Не может все это быть правдой, – сказала я самым мрачным тоном, глядя ему в глаза. Без толку... Они у Алекса были сейчас такие чистые и ясные, как у трехлетнего ребенка. Наконец до него дошло...
– Зачем мне врать? – гордо возмутился он. – Сама увидишь, какие они живые. Таких живых и среди людей не часто встретишь. Наша задача как раз и состоит в том, чтобы...
– Мр-м, я же просил не будить, – примиряюще проворчал кот. – Не ссорьтесь, голубки...

* * *

Мои родители живут у судоремонтного завода, на другом конце города. Добираться оттуда в институт неудобно, и во время сессии я обычно переезжаю в маленькую двухкомнатную квартирку моей покойной бабушки. Это и ближе, и не достает никто... Отперев дверь, я заскочила в прихожку, зажгла свет и, отойдя от прохода, любезно произнесла:

– Проходите. Вон гостевые тапочки. Сейчас я что-нибудь приготовлю на ужин. А вы пока располагайтесь. Туалет там, в конце коридора. Ванная рядом. Пользуйтесь. Но... – добавила я, глядя на окончательно проснувшегося котика, – ты не подумай, что я так вот могу запросто пригласить к себе домой первых встречных. Такое у меня впервые, усек?

– Как скажешь, подруга, буду считать себя избранным, – успокоил меня кот.

Он спрыгнул с плеча своего товарища и, переваливаясь, побрел напрямик в гостиную, наверное, в поисках дивана. Алекса я отправила в ванную мыть руки, а сама принялась готовить ужин. Отварила макароны, вылила туда остатки аджики, в холодильнике нашла кусок зачерствелого сыра (он тоже пошел в ход) и, на счастье моих дорогих гостей, три магазинные котлеты, которые оставалось только поджарить. В принципе я могла неделю не покупать продукты, один раз затарившись на рынке. Вопрос, что есть, меня никогда не беспокоил. Я вообще неприхотлива в еде, часто обхожусь парой бутербродов на ужин, не затрудняя себя готовкой. Но другое дело гости! У нас, на Востоке, это святое. Котлеты не слишком сильно подгорели, поэтому я надеялась, что голодные агенты будут удовлетворены моей стряпней и не заметят мелких недостатков. Закипел чайник, я полезла в шкаф за чашками. Вода в ванной перестала шуметь, и через пару минут в кухню заглянул агент Алекс с мокрыми волосами и встревоженно горящими глазами. Усы и борода также исчезли, наверняка были приклеенными.

– Что-то случилось?

– Нет, я хотел только спросить, то есть сказать, – замялся он. – В общем, кушать очень хочется. О, котлетки, сто лет не ел! – Он покосился на плиту, радостно облизнувшись.

– Правда? А сколько тебе тогда лет? – простодушно и с искренним любопытством осведомилась я, отпихивая его от плиты. – На вид не больше тридцати, но, может быть, и все двести?

Он удивленно посмотрел на меня, явно недопонимая...

– Ну, я думала, у вас в будущем вполне могли придумать какую-нибудь вакцину против старения, – пояснила я.

– А-а... это образное выражение, просто давно не ел мясных котлет, – уклонился он от ответа.

Конечно, не мешало бы дать ему что-нибудь переодеть после душа вместо еврейского костюмчика. Да у меня не было ни одного сарафана его размера. Но, похоже, парень и так был доволен. Просто не стал надевать жилетку и пиджак и сразу стал похож на человека, в смысле на современного человека. ореол таинственности с него сошел вместе с уличной пылью, поэтому я даже испытала некоторое разочарование. Хотя агент все равно оставался очень симпатичным.

Я быстро накрыла стол на кухне. Ну, решила, что к рангу почетных гостей агенты из будущего не относятся, поэтому сойдет и на кухне. Мы с Алексом принялись за ужин, но не подумайте, что я забыла о втором герое.

– Кота будем звать? – поинтересовалась я. – Просто он велел не беспокоить, а в итоге останется голодным. Хотя я не рискну обращать на себя его гнев – буди его ты, если хочешь.

– Он продрыхнет до утра, – ответил Алекс, заедая котлету большим количеством хлеба, видно, они подгорели сильнее, чем я предполагала. Поэтому свою котлету я не стала есть, предложив ее гостю. Парень энергично замотал головой, отказываясь и убеждая, что он и так уже сыт, а ужин был очень вкусным.

– Ну, если вкусным, – сказала я, улыбаясь, – зачем мяться, ведь я вижу, что тебе и вправду понравилось. Кушай на здоровье! – И все-таки заставила съесть мою котлету. Приятно было наблюдать за его мучениями, но вскоре я почувствовала укоры совести, с которой примирилась, отпоив спасителя большим количеством чая и кофе.

Когда Алекс немного пришел в себя, мне захотелось поболтать.

– Скажи, а почему ты называешь своего напарника агент 013? У него что, нет своего имени, как у тебя, допустим?

– Напротив, имен у него слишком много, хоть отбавляй, – ответил Алекс, пытаясь держать глаза открытыми. Видимо, его уже морил сон.

– Что ты имеешь в виду? Какие же это имена, и почему ты не можешь выбрать среди них что-то более достойное? Агент 013 – это как номер машины, совершенно безликое прозвище.

– Не подумай, что я его не уважаю. Просто когда ты узнаешь, КАКИЕ у него есть имена, сама поймешь, что лучше называть его так, по-простому. Он сам торжественно продиктует тебе весь список...

– А как это получилось, что он стал твоим напарником? – продолжала любопытствовать я. – У вас что, в будущем все животные образованные?

– Нет, пока он единственный в своем роде говорящий кот, – усмехнулся Алекс. – Но он гораздо охотнее сам расскажет тебе свою биографию. Не лишай его этого удовольствия.

– Ладно, – согласилась я и, видя, что Алекс всю зевает, задала последний на этот вечер вопрос: – А какая у тебя фамилия?

– Орлов, – почему-то страшно смутился он.

– Алекс Орлов? – неуверенно переспросила я. – Что-то очень уж знакомое...

– Увы, родители удружили... – Судя по его красной физиономии, никаких вразумительных разъяснений мне не видать. Пришлось встать и прикинуть, где его можно уложить. Котик мирно сопел в кресле. Замечательно. Я боялась, что он уснул на диване, а это было единственное место, которое оставалось для Алекса. Агент 013 был слишком больших размеров для кота и любил спать «раскидисто», чтобы они уместились там вдвоем. И пушистого агента пришлось бы переносить на руках. Это его большое самолюбие вряд ли бы пережило спокойно. Когда господин Орлов наконец смог лечь спать, я выключила в гостиной свет и унесла телефон в прихожую, звонить родителям.

Похоже, они не очень обрадовались, ведь было уже два часа ночи. Наскоро придумала и выложила им историю о том, что предложили вакантное место на курсах с перспективой на аспирантуру. Но это в другом городе, курсы престижные, стипендия приличная, все прочее – за счет приглашающих, поэтому выезжать нужно срочно, иначе место будет занято. Спросонья вроде бы поверили. Институт, видимо, придется просто бросить, временно. Если бы не выпало на эту проклятую сессию, моего отсутствия там могли бы и не заметить. Ничего, восстановиться будет не так трудно.

Немного пугал завтрашний день. Честно говоря, даже очень пугал, хотя в глубине души я была уверена, что тысячи девочек моих лет отдали бы все на свете, лишь бы их взяли в спецотряд Будущего по ликвидации монстров прошлого. Да плюс еще в компании такого мужественного красавчика. Алекс Орлов... Интересно, почему он не любит свою фамилию? В то, что у меня в крови опаснейший вирус, верилось не очень. По крайней мере,

я тешила себя надеждой, что просто понравилась этому сероглазому «еврею». Боже, ну кто додумался убедить его, будто бы в наше время так одеваются очень многие?! Ладно, будем работать вместе, я лично прослежу, куда и как он одевается, – коту такие вещи доверять нельзя. Хотя особенного страха все-таки, видимо, не было. Ни слез, ни скулежа, ни попыток звать маму...

Разумеется, я понимала, что борьба с нечистью не может быть односторонним делом. Представители этой самой нечисти тоже не дожидаются покорно своей участи, а, наоборот, применяя все подручные средства, пытаются выжить (а в идеальном варианте – первыми уничтожить охотников), и кто их за это осудит? О мое парадоксальное везение! И почему я не пошла в этот вечер домой другой дорогой? В обход, зайдя к подруге, в магазин и вообще другим маршрутом...

Хотя зачем теперь себе мозги парить, когда ничего уже не изменишь. Тьфу ты, пора спать! Похоже, это действительно реальность.

* * *

Я проснулась ранним утром от приглушенных звуков спора, доносящихся из комнаты, где спали напарники. Похоже, они старались говорить тише, но кот, порой увлекаясь, резко переходил на повышенные тона.

– Говорю тебе – начальству это не понравится, – наставительно давил он.

– Сам знаю, – отвечал Алекс, – но что делать?

– Я предлагаю пока оставить ее здесь. Сдадим рапорт, посоветуемся, проконсультируемся, получим новое задание, а там по ходу вернемся за ней.

– Если не опоздаем...

Тут я поняла, о чем речь, вскочила с кровати и пулей вылетела из спальни. Когда я влетела в гостиную, кот, увидев меня, выгнул спину и зашипел. А Алекс, сделав круглые глаза, свалился с дивана.

– Что такое? – спросила я полуудивленно-полурассерженно. И тут увидела свое отражение в зеркале на дверце шкафа. Черные волосы включены, брови сдвинутые, глаза горящие, лицо без косметики, бледная, в мятой мужской рубашке и лосинах. Короче, Баба Яга в молодости и с похмелья! Хотя обычно я красивая...

– Все нормально. Это я, – успокоила я ребят, приглаживая волосы. – Доброе утро. Как спалось?

– Замечательно, – нервно откашлялся спецагент, поднимаясь с пола. – Я не... просто ты как-то резко очень... вбежала.

Так, с этими ребятами лучше сразу переходить к делу.

– Я тут вас услышала случайно. А потому официально объявляю – никаких «оставим ее здесь» и «вернемся потом»! – Мое заявление звучало решительно и бесповоротно, как доклад президента. – Не хочу рисковать. Вдруг за делами вы спохватитесь и вернетесь за мной только через месяц, когда перевоспитывать будет уже поздно. Ну уж нет! У меня еще есть дела на этом свете и долги перед близкими. Отправляемся вместе и сейчас!

Но тут ввязался кот.

– Ты не знакома с нашим начальством, деточка, – с чувством превосходства заметил он. – Оно нас по шерстке не погладит за то, что мы выбрали на последнем задании постороннего человека, которого собираемся таскать по всем своим секретным операциям. Да и решение вешать на шею вздорную девчонку нам с Алексом далось с трудом. А скоропалительные решения иногда стоит и пересматривать, пока они не...

– И что, такие речи я должна выслушивать все то время, пока буду шляться с вами невесть где, частенько подвергаясь смертельной опасности? – внятно и раздельно произнесла я, обращаясь непосредственно к Алексу. – Может быть, я так и не успею вылечиться, а погибну смертью храбрых гораздо раньше, за что меня похоронят с почестями?! Так неужели и до могилы мне придется терпеть попреки этого хвостатого выскочки? Спасибо

большое, но тогда я лучше останусь дома.

– Это справедливо, – вынужденно согласился Алекс и, глянув на обиженного кота, добавил: – Алина права, дружище. Она ведь не виновата в том, что произошло, поэтому нам лучше принять ее как нового члена команды. Временного! В конце концов, если мы избавим ее от этой напасти, это ведь тоже будет своего рода победа над демоном.

– Ладно, напарник, принципиально я возражать не стану. Но попомни мои слова, мы еще с ней намучаемся, как говорится, женщина на корабле... – задумчиво добавил этот толстый зануда и протянул мне лапу: – Ладно, подруга, дай пять! Теперь мы повязаны одной веревкой. Извини, если порой я излишне строг, придирчив и педантичен, но иначе в нашей профессии не выжить. И потом, годы профессорства и преподавания в университете бесследно не проходят... – важно закончил он.

Мы ударили по рукам. И я примирительно (но больше чтобы утолить любопытство) спросила:

– Так ты что, еще и профессор? Не могу поверить. Когда же ты успел? Ведь насколько мне известно...

Я собиралась ляпнуть, что в среднем коты живут двенадцать лет, но вовремя остановилась. Иногда мне полезно сдерживать мой неконтролируемый язык...

Кот хмуро смотрел на меня, справедливо ожидая шпильку. Однако на этот раз я решила не вступать в конфронтацию.

– ...что для этого нужны основательные знания, годы писанины диссертаций и всяких там научных трудов. Приятно находиться в обществе такого умного и образованного джентльмена, – польстила я ему и, видя по расплывшейся физиономии усатого агента, что попала в точку, добавила: – Теперь я буду просто лапушкой и постараюсь пореже с тобой спорить!

– Рад слышать разумные слова, тем более от человека, от которого я меньше всего ожидал услышать что-либо подобное, – довольно проорчал этот самовлюбленный тип и еще раз подал мне лапу для пожатия.

Агент Орлов бесцеремонно прервал нашу идиллию:

– Очень рад за вас, но у нас остается каких-нибудь пять минут на сборы. Мы и так сильно опаздываем. Перемещаться будем прямо отсюда, поэтому, Алина, запри дверь квартиры изнутри и не забудь ключи. А из вещей бери только самое-самое необходимое. У нас на Базе полное комплектование.

– Есть, командор, – проворчала я. Не привыкла, чтобы мне указывали, пусть даже в таком заботливо-дружеском тоне, но котик поднял лапу:

– Не торопись, Алекс. По дороге я скончаюсь от голода, если сейчас же не поем. Девочка моя, насколько я помню, ты обещала стол с чем-то съедобным.

– Съедобного у нее нет, – трагическим шепотом предупредил кота Алекс, думая, что я не слышу.

– Как это нет? Мы просто не стали тебя будить вчера. Но оставили котлету там, на кухне, на сковородке, – громко возвестила я, торжествуя при виде радостного зрелища, когда котик впервые прислушался к моим словам, игнорируя бескорыстное предупреждение напарника, и со всех лап бросился на кухню. Это был его первый шаг к катару желудка.

Когда он вернулся, я стояла собранная, причесанная, упакованная для долгой дороги, с паспортом в руках и рюкзачком за плечами. Алекс опять достал свой сотовый и набрал какой-то номер. Теперь оставалось дожидаться, как этот супермен начнет юлить и выкручиваться, объясняя, что забыл машину времени на работе, что перенос будет только завтра, что... ой!

* * *

– Здорово! Как ты это сделал? – не скрывая своего восхищения, воскликнула я, когда мы очутились черт-те где, притом что пару секунд назад стояли в походном облачении в

моей квартире. Я назвала это место черт-те где по той простой причине, что оно находилось на инородной территории, куда, я уверена, сама не смогла бы попасть, даже изъездив весь земной шар, только со слов моих спутников зная, что это конкретное место называется «База». Но, по-моему, это было обычное фойе обычного административного здания. По крайней мере, очень похоже. Правда, без окон, без указателей, с гладкими стенами стального цвета. Несколько стульев в спартанском стиле, одинаково черные двери через каждые пять шагов, и все – больше ничего. Правда, туда-сюда изредка пробегали какие-то люди с военной выправкой и в строгой форме благородно-серого цвета с желтыми эмблемами. Они, проходя мимо, здоровались с Алексом и агентом 013, но эти двое страшно спешили и в долгие разговоры не ввязывались. По ходу дела мне выдали короткие инструкции:

– Слушай, Алина, садись вот тут, на стульчик, и никуда ни шагу, пока мы с напарником не вернемся за тобой. Нам нужно переодеться, чтобы предстать перед командованием по всей форме с рапортом. Доложим о тебе, выясним обстановку, потом пообедаем. Если все хорошо, получим новое задание, и вперед.

– А сколько это займет времени? – без энтузиазма спросила я, нехотя усаживаясь на жесткий стул. – Сколько мне тут скучать?

– Минут сорок. Но уверяю, скучать тебе не придется, – ответил за Алекса кот, скорчив морду, – у него болел живот. Но в полной мере оценить его туманный намек я смогла лишь после того, как они исчезли в конце коридора.

С другого конца фойе из-за угла вышел угрожающего вида бугай, разительно отличающийся по внешнему виду от тех немногочисленных мужчин, которых я тут видела. Более всего он напоминал ходячую рекламу многофункционального рыцаря. Что-то вроде горы доспехов, состоящих из широких пластин: налокотники, наколенники, шипы, шпоры, весь обвешан боевым арсеналом космического масштаба. Как я это определила? Ну просто видела почти такое же в каком-то фантастическом боевике про звездные войны. Среди прочего, совсем непонятного для меня оружия радостно узнала двухуровневый бластер. «Какая я умная, – довольная собой, подумала я, – могу отличить бластер от... от... ну, не важно от чего!» На боку у парня висел широкий стальной меч. Как известно, в космических сражениях без него, один пень, не обойтись! В руках амбал держал пластиковый шлем. «Ага, понятно, чтобы уши не отрубили», – сообразила я.

Воин шел, улыбаясь очень доброжелательно, а когда я поняла, что мне, очень даже обрадовалась. Во-первых, потому что, если он начнет знакомиться, я смогу утолить свое любопытство и расспросить его о том, с кем он идет воевать (с подробностями) и для чего нужны разные штуковины, которыми он обвешался. А во-вторых, похоже, у него мирные намерения и мне не придется прятаться под стул, что было моим первым порывом, когда я только увидела его. Но едва здоровяк подошел и начал заливать на тему неплохой погоды, а я, благосклонно улыбаясь, стала поддерживать разговор... Тут же рядом как из-под земли вырос Алекс, одарив моего собеседника хмурым взглядом.

– Ты что так быстро? – разочарованно протянула я. – По-моему, ты еще не со всеми делами разобрался.

– Нет, просто беспокоился за тебя. Привет, Стив, что, снова туда, где космос гудит? – сухо произнес Алекс.

– Орлов, здорово, дружище! Да, как обычно, туда же. Подвиги во благо человечества – это моя специальность, – весело ответил Стив, но тут же улыбка сошла у него с лица, парень счел за правильное своевременно попрощаться и отчалить. Видимо, что-то во взгляде моего товарища подсказало ему это решение.

– Что это значит? – резонно спросила я, глядя на Алекса. – Я требую ответа. Только-только начала завязывать интересное знакомство, как появляешься ты и все портишь.

– Я подумал и решил, что тебе, во-первых, лучше посидеть в приемной, чем тут у всех на виду. Там ты хотя бы будешь под присмотром, – мягко сказал он. – А во-вторых...

– Мне не нужна нянька! – Я топнула ногой. – Я вообще-то совершеннолетняя и, как помнится, полноправный партнер, нет?

Но сероглазый грубиян без лишних слов схватил меня за руку и потащил за собой. Сначала я вырывалась и приседала на корточки, упираясь в пол ногами, царапалась и кусалась, в общем, пыталась вырваться всеми средствами. Но проходящий мимо народ уже стал коситься в нашу сторону, а спецгент и не думал меня отпускать, так что пришлось смириться и отложить свои попытки обрести свободу. Тем паче что спасти «бедную жертву мужского шовинизма» никто почему-то не спешил... Я шла, опустив голову и надув губы. Алекс несколько раз бросал на меня взгляды (весьма насмешливые – в этом я уверена) и наконец не выдержал:

– Хорошо, я был неправ. Извини, если я в чем-то слишком резок, но просто теперь я в ответе за тебя и больше не собираюсь оставлять одну. Это, знаешь ли, чревато... Хотя мы практически не знаем друг друга, но мне кажется, что ты легко попадаешь в неприятные истории. Особенно если судить по тому, как мы с тобой познакомились.

– Ты – моя самая неприятная история! В остальном я чиста, как снег зимой... – сквозь зубы произнесла я, еще не до конца простив обиду. – А потому не надо переводить стрелки. Какая угроза могла исходить от Стива?

Алекс замялся.

– Вообще-то Стив хороший парень, – наконец произнес он, – но модель уже устаревшая, и его частенько заклинивает.

– Что?! – Я выпучила глаза. – Что ты имеешь в виду?

– Он биоробот, а заклинивает его чаще всего во время общения с хорошенькими девушками. Он чрезмерно возбуждается и перестает себя контролировать. Технари замучились менять ему платы... горит как свечка!

Вспомнив, что парень, о котором говорил Алекс, на две головы выше меня и раза в два тяжелее, я сглотнула. Перевозбужденные маньяки-роботы таких впечатляющих габаритов мне еще не встречались. Увидев выражение моего лица и ужас в глазах, мой товарищ удовлетворенно крикнул и добавил:

– Да, и тогда тебе никуда уже не деться... Еще никто не смог удрать, когда Стив начинает грузить нудными историями о своих бесконечных подвигах на стезе борьбы с инопланетными монстрами! Часа на три без перерыва...

Я остолбенела. Да надо мной тут просто издеваются! Я устала на него, густо покраснев и не в силах произнести ни одного слова, а этот нахал весело рассмеялся:

– Шутка! Успокойся, пожалуйста, – заботливо добавил он, видя, что я уже вскипаю. – Да, этот парень действительно робот, по внешности и характеру идентичный человеку. Для нас это нормально, я ни капли не выдумывал, просто не ожидал, что ты примешь так близко к сердцу проблемы Стива. Кроме того, тебе нужно пройти обследование.

В это время мы уже стояли на пороге, похоже, той самой приемной, о которой говорилось раньше.

– Что за обследование? – Я вцепилась ему в руку, позабыв обо всех обидах. – Это не больно?!

– Нет, там, скорее, тесты разные будут. Дело ведь не столько в здоровье, сколько в психологической предрасположенности к нашей работе. Не каждый может спустить курок и выстрелить даже во врага человечества. Так что подобная проверка совершенно необходима для твоего официального зачисления в наш спецотряд. Надеюсь, ты эпилепсией не страдаешь? – с нескрываемым любопытством осведомился он и, не дожидаясь ответа, добавил: – Надеюсь, что нет, просто, глядя на тебя, у меня иногда появляются сомнения насчет душевных заболеваний... – Это он уже произнес в сторону, как бы самому себе.

У меня появилось страстное желание пнуть его по коленке, но огромным усилием воли я подавила сей недостойный порыв. Чтобы отвлечься и успокоиться, я стала обозревать комнату, в которую мы вошли. Рядом с дверью столик, очевидно для секретарши. На нем компьютер, цветочки в вазе, стопки бумаг. На стене картина с марсианскими ландшафтами. Может, на самом деле и не марсианскими, просто я так называю картины, где непонятно что изображено, хоть ты ее вверх ногами перевеси, никто разницы и не заметит. Орлов куда-то

испарился. А вместо него из разъезжающейся в стороны овальной двери появилось шокирующее создание: огромное зеленое существо с гренадерскими плечами, судя по ярко накрашенным губам – женского рода. Одето в строгий костюм, на бугристых ногах тонкие колготки. Абсолютно круглая голова с заостренными ушами. На ней явно парик с длинными блондинистыми локонами. Обезоруживающая улыбка щербатых зубов, ласковый взгляд свинячьих глаз... и я уже готова сбежать куда угодно, если бы не ставшие вдруг ватными ноги.

– Здравствуйте, вы и есть та самая... – она сверилась с бумагой, которую держала в руках, – Алина Сафина? Вас должны зачислить в спецгруппу по поимке и обезвреживанию оборотней и монстров во всех временных отрезках, измерениях и географических широтах планеты Земля. Так сказать, в связи с чрезвычайными обстоятельствами...

– Вэк, – выдавила я. Не знаю, что это значит, но членораздельно говорить я в тот момент еще не могла. «Женщина», похоже действительно работавшая здесь секретаршей, приняла это за утвердительный ответ.

– Тогда прошу вас следовать за мной. Вам будет задано несколько вопросов.

В сущности, на самом деле ничего страшного и не было. Положила руку на какой-то стеклянный экран, забегали цифирьки, заиграли огоньки, чуточку кольнуло в кончиках пальцев, и все. Из щели сбоку выползла лента с диагнозом состояния моего здоровья. Ну там, группа крови, давление, пульс и вообще все подряд, вплоть до коэффициента умственного развития и уровня физической подготовки. Уродина за столиком сравнила полученные данные с типовой схемой и, причудливо улыбаясь, поздравила меня с зачислением в штат на испытательный срок. Выходило, что вроде бы стандартам я, хвала аллаху, соответствую. О том, что в моей крови сидит бацилла монстра, пока никто тактично не напоминал. Но, может быть, здесь это никого и не волнует? Тут, кажется, сами все чуточку такие...

Спустя полчаса, уже покончив со всеми росписями и бумажками, я сидела за столиком в огромной с куполообразной полупрозрачной крышей столовой и попивала чай из пластикового стаканчика. Напротив меня сидел агент 013, толстячок (как я его про себя называла), и, аккуратно разрезая бифштекс с помощью вилки и ножа, отправлял куски в рот. В первый раз видела кота, так ловко орудующего столовыми приборами. Да что там, я даже никогда не встречала кота, хоть как-то владеющего культурой поведения за столом.

– Слушай, детка, если ты так и будешь сидеть и таращиться на меня, твоя курица окончательно остынет, – сделал справедливое замечание мой теперь уже сослуживец и, взяв салфетку, деликатнейшим образом вытер усы. Выглядел он как никогда важно, полагаю, потому, что был одет в форму. На нем был строгий жилет из той же ткани, что и военного покроя костюм Алекса, с желтой эмблемой непонятного значения на груди. В таких здесь ходили очень многие.

Чтобы выглядеть послушной (знаю, коту это приятно), я принялась за курицу и тут же поняла, что страшно проголодалась. Толстяк, увидев мой энтузиазм, одобрительно кивнул.

– Ну как тебе у нас на Базе? – горделиво спросил он, делая глоток минералки.

– Нормально, только меня смущают разные непонятные существа, которые все время мелькают вокруг, – доверительно сообщила я, наклонившись к его пушистому уху. – Например, этот странный тип без головы, который убирает посуду. Он ведь делает это на ощупь, а как ловко получается... Или вон тот с синим лицом, петлей на шее и вываленным изо рта языком, который стоит на раздаче и отпускает добавку.

– А-а, так это наши местные монстры. Не обращай внимания... Понимаешь, девочка, просто у них был выбор – или безвозвратно в могилку, ну то есть на тот свет, или оставаться здесь на Базе и приносить какую-то пользу обществу. Те двое как раз и выбрали второе. Служба человечеству – гораздо интереснее процесса кормления червей собственным телом. А этот синий с языком – моя с Алексом работа, – гордо произнес он, с ухмылкой подмигнув, типа, знай наших.

– Вэк... – Кажется, это слово становится моим любимым. Я осторожно отодвинулась от

самодовольной морды этого представителя семейства кошачьих, если не сказать больше, и вспомнила, что мне с самого начала не понравился странный блеск в его зеленых глазах. – Вы что, повесили беднягу, кто бы он ни был, и теперь ты этим так цинично хвастаешься?

Профессор, похоже, удивился:

– Как ты могла такое обо мне подумать?! Наоборот, мы освободили его от проклятия! Когда-то, несколько веков тому назад, парнишка покончил жизнь самоубийством. С тех пор его дух не мог обрести покоя, полуразложившийся труп метался и душил, как он полагал, виновников своей смерти, а в дальнейшем их потомков, родственников, друзей и случайных знакомых.

Я жалостливо посмотрела на Синелицега, в этот момент бьющего половником по рукам лезущего за добавкой без очереди. Увидев нас, самоубийца радостно улыбнулся, обнажив два идеально ровных ряда черных гнилых зубов. И помахал рукой. Агент 013 в ответ отсалютовал ему лапой.

– Но в чем же причина? Что толкнуло этого несчастного на такой крайний шаг, как сведение счетов с жизнью? – спросила я, испытывая искреннее сочувствие и смахнула украдкой слезу.

– А, банальность. Карточные долги, – отмахнулся кот. – Должники наседали, вот он и решил, когда деваться было уже некуда, попробовать скрыться от них на том свете.

Висельник в этот момент уже бил половником по голове какого-то коротышку, пытавшегося стащить кекс у него из-под носа. Недомерок, видимо, не обижался, потому что, легко увертываясь от ударов, уверенно делал свое черное дело. Через пару секунд он уже пробежал с добычей мимо нас, сверкнув в воздухе грязными пятками.

– Никогда не мог понять, отчего хоббиты не носят обувь? – задумчиво проговорил кот, ковыряясь зубочисткой во рту.

– Но ты ведь тоже не носишь! – заступилась я, победно глядя на пузана сверху вниз. Но, честно признаться, меня саму давно интересовал этот вопрос: почему хоббиты всегда ходят босиком? И зимой и летом, причем ухитряются проходить огромные расстояния, как в этой всемирно известной истории с Кольцом. Да еще ни разу не простужаясь и не страдая от заноз... Уж на лаптях могли бы и не экономить.

– У меня на лапах подушечки, – резонно напомнил толстопуз, заодно проверяя маникюр. И, увидев в моих глазах немой вопрос, спокойно ответил: – Кстати, это один из зараженных Кольцом. Ведь когда его у бедняги с угрозами отнимают, бесследно для психики это не проходит. Кольцо, разумеется, фальшивое – так доктор рекомендовал. А ты ведь хотела спросить: что тут делает хоббит? Так вот, он проходит реабилитацию в нашей клинике.

– У вас что, есть клиника для хоббитов? – наивно распахнув глаза, ахнула я.

– Ну, не только, хотя сумасшедших хоббитов там полно. Конечно, не все из них бывшие «счастливые обладатели» Кольца Всевластья. Какие у них тогда проблемы, спрашиваешь? Ну как бы тебе объяснить. Я знаю, что в вашем времени бытовало такое выражение, как «чеченский синдром», так вот у них «мордорский синдром», понятно?

– Ага, – кивнула я. Почему-то больше не хотелось расспрашивать о бедных жителях Хоббитании. Вот об эльфах я, пожалуй, полюбопытствовала бы, но кот был не в настроении.

Я уже доела свою курицу, допила чай. Хотелось компота, я знала, что он есть, потому что Мурзик притащил один стакан и сам же его выпил. А я не решалась идти к Синелице, боясь попасть ему под горячую руку, несмотря на все уверения толстяка, что теперь, когда Синелицкий увидел меня с ним, дополнительный паек и стакан компота в любое время мне гарантированы. Я попросила кота принести мне один стакан, но этот несчастный лентяй жлобился до тех пор, пока я, не выдержав, не дернула его за хвост. От такой фамильярности он до того обалдел, что стал изображать немого. Тут как раз подошел Алекс, узнал о моем страстном желании и, увидев состояние товарища, тут же сбегал за компотом. Оно и правильно, если б только отказал – последствия были бы для него непредсказуемыми...

Потом командор выступил третейским судьей между мной и Васькой и объявил

военное перемирие. Мы кивнули, но жать лапу этому жирному упрямцу я не стала, демонстративно сложив руки на груди. Кот поступил точно так же.

– Эй, если вы будете глядеть в разные стороны, мы не сможем быть единой командой, – пытаюсь быть серьезным, заметил Алекс, но в конце концов махнул рукой. – Черт с вами, слушайте сюда. В общем, нам дали новое задание. Отправляемся в Японию, век – шестнадцатый, место – леса на острове Хоккайдо, объект – рокуро-куби-гоблины.

– Вэк, вэк? То есть как, как? – не удержавшись, переспросила я.

– Рокуро-куби-гоблины – Безголовые Гоблины Тьмы! Человекоподобные твари, терроризирующие местное население. Днем ходят, как обычные люди, безголовыми становятся ближе к вечеру. Но нам, полагаю, придется иметь дело как раз таки с головами, поскольку они-то и выходят по ночам на охоту. В это время тела находятся в горизонтальном положении и в обездвиженном состоянии. Питаются человечины. Подробнее в этом досье. – Он хлопнул рукой по папке, которую притащил с собой, и кинул ее на стол. – Изучим по дороге. Сейчас я только пообедаю, потом на склад, подберем прикид по фейсу, в смысле, одежду по времени. Но главное, – его глаза блеснули, и он потер ладони, – двойной паек!

– А потом? – нетерпеливо спросила я.

– На задание. После пайка всегда задание, – доверительно сообщил мне кот, похуже делая первый шаг к примирению. – Поверь опытному специалисту, Линочка, где паек, там и задание, а если паек двойной, значит, и задание особо сложное. Будем под пулями ходить, под обстрелами ползать, под бомбежкой зигзагами перемещаться. Эх, где наша не пропадала...

– Ты можешь обойтись без патетики? – поинтересовался Алекс (серый костюм был ему очень даже к лицу – это просто мое наблюдение, к делу не относится). – Лучше скажи, насколько хорошо ты владеешь самурайским мечом?

– Вэк. – Кто это сказал – я или наш жирненький, я так и не поняла.

* * *

– Ах так вот она какая... местами... Страна восходящего солнца! А вы знаете, мальчики, что турпутевки в Японию самые дорогие! Еще вчера я даже о «дешевом» Египте не мечтала.

Кот задумчиво потирал усы и, казалось, ухмылялся, глядя на меня. Алекс, щурясь от солнца, смотрел на меня и тоже улыбался. Я бы предпочла думать, что он любит, а не подсмеивается надо мной. Второе тоже могло иметь место, потому что платье, выданное на складе, сидело на мне как-то не так... Элементарное чувство неудобства подсказывало, что, во-первых, гейши так туго не затягивались и, во-вторых, наверняка носили что-то гораздо более приличное, чем убийственные деревянные сланцы.

А, ладно, я тут же об этом забыла, потому что перед глазами открывался такой роскошный обзор, что все виденное мною до сих пор просто меркло. Справа, чуть выше нас, бурлил водопад, а за высокими деревьями, похуже, скрывалась порожистая горная речка, сами горы были видны отсюда очень хорошо, их поросшие зеленью пологие склоны были последним штрихом в этом живом, но таком хокусаистом шедевре.

– Мы рады, что тебе нравится, – поклонился кот. Он маскировался под обычного кота, поэтому был «одет» в свою собственную шкуру. Разве что разрез глаз ему сделали чуть более «японский», узкими такими щелочками. Командор нарядился странствующим самураем. О, я долго не могла привыкнуть к его свежесбритой лысине и приклеенным на грудь волосам. У японцев это считалось признаком оч-чень храброго мужчины! Согласно «легенде», Алекс Орлов – очень знатный самурай, едва ли не сегун, страшно древнего рода, совершает обет, исполняя волю дедушки. Это коротко. Я была его случайной знакомой, встретились по пути. Представляете, идет себе по полям и лесам одинокий самурай, а навстречу ему – молоденькая гейша. Трах-бах, и им к тому же по дороге. Все так мило и случайно, ах, ах, ах! Бред собачий...

Мурзик был моим любимым котом, плюс по сюжету придется представиться глухонемой от рождения – японский я не знаю. Немая и глухая гейша! Вы только вообразите – как я могла «развлекать пением и искусными беседами во время чайной церемонии...»?! Такое мог придумать только кот с высшим образованием... Но что удивительно – оказалось, что Барсик владеет японским в совершенстве, а Алекс говорит на нем без малейшего акцента. Похоже, их обоих веселило то, что я такой неуч. Я уже надулась и хотела обозвать их вшивыми полиглотами, но «храбрый самурай» сказал:

– Спецagentы проходят ускоренный курс изучения языков, естественно, не вашим отсталым методом зубрежки – тебе подсознательно вводят эти знания. Просто мы решили пока не подвергать тебя этой процедуре. Зачем забивать мозги ненужной информацией. Вряд ли тебе потом пригодится один из устаревших диалектов японского, на котором говорили айны, аборигены острова Хоккайдо. Хватит и того, что мы с агентом 013 понимаем местных жителей.

– Хорошо, замаяли... Но в дальнейшем позволь мне самой решать, нужно ли мне знать язык айнов шестнадцатого века. Или хотя бы для разнообразия поинтересуйся моим мнением, – едко заметила я.

– Замечательно, так, может, ты еще возглавишь операцию? Сделай милость, разработай план уничтожения гоблинов, избавь от них округу, набери кровь для вакцины... Тогда мы, неопытные и неумелые, можем и вовсе не вмешиваться, чтобы тебя не сбивать. – Спецagent демонстративно поклонился, одарив меня таким высокомерно холодным взглядом, что я слегка оробела. Но тут же опомнилась и взяла себя в руки, дав ответ в его же тоне:

– Ну что вы, командор... Это я полностью в вашем распоряжении, ваш последний камикадзе, и слушаю ваши приказания. Только не лопните от важности, иначе я умру от смеха, великий вы наш стратег!

– Тут ты права, девочка, стратег из него неважнецкий. – Это вмешался кот, он всю потешался над нашим противостоянием. – В общем и целом стратегию разрабатываю я. Я всегда был белым, божественным мозгом команды, а значит, основная работа всегда на мне. Напарник, подтверди!

– Можешь и дальше в это верить, если тебе так удобнее, – ревниво буркнул Алекс.

Я тогда сразу подумала, что еще намучаюсь с моими просто до ребячливости амбициозными товарищами.

Шумно препираясь по дороге, мы стали спускаться с холма. Карты не было, но толстяк уверял, что у него врожденное чувство направления. Внизу на опушке леса стоял маленький покосившийся деревянный домик, крытый почерневшей соломой. Кот сказал, что гоблины обитают в здешнем зеленом лесу, но, чтобы узнать о них побольше, надо порасспросить местных жителей. Может, они сообщат что-то новое и полезное кроме того, что имелось в служебном досье. Вообще я не горела желанием встречаться с этими головастиками, но и не собиралась выставляться трусихой перед своими спутниками. Поэтому не стала ныть на тему «Не умею, не хочу, не буду», хотя могла бы... в принципе.

Когда мы подошли к дому, Алекс постучал в дверь. Ни ответа ни привета. Как говорится: «...и тишина, только мертвые с косами стоят!» Вру, никаких мертвецов с косами не было. Главное, вообще нет никаких признаков жизни: ни домашней живности типа курей, гусей, уток, ни брехливой собачки на веревочке перед домом. Герой-спаситель стал барабанить сильнее, и я поддала пару раз своими деревянными гэта. В смысле обуви они страшно неудобные, но достучаться до хозяев неожиданно помогли.

– Че надо? – наконец услышали мы испуганно-бодрящийся голос из-за двери. Конечно, он сказал это на своей тарабарщине, но догадаться было несложно.

– Всеобщая перепись населения, – оповестила я громким голосом, забыв о своей немоте и незнании языка. Как ни странно, дверь тут же распахнулась. Японца, похоже, убедило что-то в моей интонации. Я торжествующе глянула на Алекса.

Уже наступил полдень (а прибыли мы с утра), значит, будем обедать у гостеприимного охотника. Дом изнутри оказался намного просторней, чем это казалось по ту сторону входной двери. Просторно и довольно чисто, на деревянном полу расстелены желтоватые соломенные циновки, паутина только по углам и даже грязная тряпка для ног у входа. Мебели минимум: пара шкур на стенах, большой кувшин с водой, маленький очаг и низкий обеденный стол (почему-то покрытый пылью). Когда мы вошли, пришлось, по обычаю, снять обувь на пороге. Хозяин, довольно приятной внешности мужчина лет тридцати, кланялся как попугай, стараясь нам услужить. Наверное, тут имело значение то, что Алекс выглядел самураем – человеком высшей пробы! «Среди цветов красуется сакура, среди людей – самурай» – так, кажется? Знатность рода, аристократическое происхождение, право на «пробу меча»... В глазах простых людей все это добавляло ему представительности, а в моих – сексуальности...

Охотник, которого звали Фудзума, жил не один, а с целой ватагой молодцев, которые были его друзьями и родственниками. Сейчас парни были где-то по делам и должны были вернуться к ночи. Обо всем этом я узнала от кота, когда наш хозяин отправился варить соевые бобы к обеду. У нас с собой был мешок с сухарями и вяленой рыбой, там же лежала пара кремней для походной жизни, бумажный зонт на случай дождя, холщовые плащи и всякая мелочь вроде иголок, ниток, деревянных чашек для риса.

Еще во время сборов я спрашивала Алекса, почему он не берет оружие своего времени – ведь оно намного более совершенное. Оказалось, что не все так просто. «Мы должны действовать по законам данной конкретной эпохи и не брать с собой на задание инородные этому времени и стране предметы, а тем более не должны решать ими исход дела. Недопустимо нарушать общее равновесие и гармонию. Чтобы операция прошла успешно, пользоваться можно только подручным оружием местных жителей», – ответил он. «Выпендривается, – тихо добавил котик. – Охотиться на летающие головы с лазерным автоматом для него слишком просто. Ох, Алина, скольких сложностей мы бы избежали, если бы он хоть чуть-чуть прислушивался к советам специалиста...»

Вскоре нас позвали к столу. Сидели на циновках, подогнув ноги, как самые заправские японцы. Мы достали сухари из наших припасов и с удовольствием приступили к соевым бобам в горшочках, которые поставил на стол охотник. Были еще нарезанные овощи не первой свежести, но наши желудки безропотно приняли и их, поскольку завтракали мы уже несколько часов назад.

– Слушай, когда ты спросишь у него про гоблинов? – не выдержав, осведомилась я у Алекса и, отправив в рот очередную порцию бобов, закашлялась – они у меня уже в горле застревали.

Лжесамурай сделал страшные глаза.

– Ты что, забыла, что нужно изображать глухонемую?! – рассердился он.

– У тебя не спросила! Он все равно по-русски не фурычит, – парировала я. – Нет, ну два часа молчу, как дура. За это время любой мог поверить, что я немая, поэтому теперь я имею право говорить, сколько хочу!

– Эй, вы двое! Простите, что перебиваю, но меня кормить вы собираетесь или так и будете продолжать набивать свои собственные животы, как последние эгоисты, в то время как я, глядя на вас, глотаю слюни, – возмущенно, одним предложением, выпалил кот и ударил лапой по столу.

Хозяин в полном ошеломлении круглыми от ужаса глазами только и делал, что переводил взгляд с одного из нас на другого. Потом опомнился, вскочил с пола (все сидели, естественно, на полу, просто верх неудобства и хамства по отношению к гостям – ни одного стула!) и с воплями дернул наружу.

– Ну вот, теперь ты все испортила! – заметил Алекс странно мягким голосом, не предвещающим ничего хорошего.

– Почему сразу я?! У бедной гейши от вкуса соевых бобов разом прошла столетняя

врожденная немота, и она чудом заговорила на неизвестном иностранном языке. В энциклопедии тайн и загадок такое встречается направо-налево! А вот заговоривший кот... Короче, виноват толстун, и точка!

Агент 013 от таких обвинений застыл пухлым столбиком с протянутой к бобам лапой и не по-профессорски тупым выражением на морде.

– Да ладно вам... По всему, хозяин возвращаться не собирается, значит, дом нам достанется. Всегда мечтала о таком домике на опушке леса.

– Размечталась! Он дождется своих молодцев, и они приступом возьмут свое же жилище, а что сделают в их представлении с демонами, то есть с нами, можешь вообразить сама. Я, конечно, буду защищать тебя до последнего, но последнее может наступить слишком быстро. Здешние люди очень суеверны. Ого, кажется, уже идут...

Снаружи стали слышны топот и крики людей. Это нервировало, но безвыходных ситуаций не бывает... кажется.

– Может, отдадим им кота? – деловито предложила я, не обращая внимания на медленно откидывающуюся челюсть агента 013. – Говорящий кот должен быть главным демоном, тогда они нас отпустят – в конце концов, мы ведь обычные люди. А толстяка, я думаю, сначала помучают, потом повесят, а потом сожгут. Но все же лучше пожертвовать одним, чем погибать всем троим сразу.

– Логично! – подумав, быстро согласился наш командор. – Но мы пока никого сдавать не будем, лучше подождем. Пусть первый шаг сделают они.

Кот пересел поближе к нему и злобно уставился на меня. Крики, доносившиеся из леса, почему-то стихли. Но что-то слабо верилось в то, что нас оставят в покое...

– Эй, Алекс, может, ты выйдешь и посмотришь, точно ли они ушли? – попросила я. – Вдруг нам уже ловушку готовят, – внезапно установившаяся тишина меня нервировала.

Он пожал плечами, встал и пошел к выходу.

– Стой! – вдруг закричала я. Алекс удивленно остановился, а я, не сдержав порыва, подбежала к нему и схватила за руку. – Знаешь, если ты не вернешься... – драматично выдохнула я, размазывая слезы по лицу, но тут меня отвлекла штука в виде медальона, которая висела у него на груди на веревочке. Я эту штуковину еще раньше заметила, и меня с тех пор страшно мучило любопытство: что это такое? Слезы разом кончились, клятва отомстить всем произносить уже не хотелось, а вот поинтересоваться напоследок... – Слушай, а зачем тебе этот медальон?

– Ну-у, – замылся Алекс, – это «переводчик», он помогает понимать язык, на котором говорит мой собеседник, и соответственно говорить с ним.

– Ах вот он какой, «экспресс-метод изучения японского»! Наверное, и у кота такой же есть?

Тут уж Васька не смог промолчать:

– Ничего подобного! Я профессиональный лингвист и знаю японский уже лет десять, со всеми устаревшими диалектами, но не у всех же такие способности к языкам!

Наш самурай, казалось, был смущен:

– Данная операция не требует прохождения спецкурса языка, который действительно существует, потому что кратковременна, – на нее нам отпустили не больше двух суток. И потом, заранее не предполагалось такого уж тесного общения с местными жителями. Однако придется. Ладно, я пошел. – И он повернулся к двери.

– Я с тобой, – быстро сказала я, преграждая ему путь, – мне совсем не хочется тут оставаться. Пожалуйста, не оставляй меня одну!

– Но ты же не одна, ты – с агентом 013. Он позаботится о тебе, – попытался отвертеться Алекс.

Из внешнего мира по-прежнему не доносилось ни звука. Куда же подевались все люди, ведь совсем недавно были слышны их голоса. Процентом сто за то, что они караулили нас недалеко от дома, скорее всего за пригорочком, через который мы перевалили, еще когда подходили к домику. Но я твердо решила идти с Алексом, может, нам удастся их уболтать и

привести убедительные доводы в пользу того, что наш кот не демон. Вернее, демон, конечно, раз говорит, но демон – добрый! Это я и выложила компаньонам как основной тезис. Подумав, они признали разумность моих доводов. Потом посовещались еще и в конце концов решили идти втроем, так как у профессора была конкретная идея.

– Я им скажу, что я просветленный кот, милостью неба научившийся говорить! Этот дар я получил совсем недавно, живя в том же монастыре, где и наша немая гейша. Там я проводил время в неустанных молитвах, постился, пытался полностью отрешиться от бренного существования, пока наконец не обрел благодать и не удостоился дара человеческой речи! Видимо, небеса дали мне его для того, чтобы я нес истинные знания людям.

Похоже, наш кот и сам в это верил – я в этом почти не сомневалась, – но тем легче будет убедить остальных. Командор велел нам отойти в сторону от двери, сделал страшное лицо, обнажив свой самурайский меч. Я взяла ножик (на всякий случай, хотя отродясь еще никого не зарезала), а потом он пинком открыл дверь. Пауза. Камни и стрелы, бревна в нас пока не полетели...

– В непосредственной близости никого. Но за тем пригорочком явное шевеление. Там точно кто-то есть, и, судя по ряду подрагивающих рогатин, торчащих поверх кустов, человек семь-восемь... – сообщил крутой профи.

Мы с котом подошли к двери и признали его правоту. Потом втроем вышли из дома, и Алекс поперся вести дипломатические переговоры. Я, конечно, ни слова не понимала из того, что он говорил. Но, судя по тому, что рогатины вдруг замерли в недоумении, те, кто сидел в засаде, понимали и даже слушали первые полминуты. После этого из-за пригорка показалось не меньше десятка голов, и в нас полетел такой град камней...

Ей-богу, через пару минут завалило бы как сусликов! Хорошо еще мы вовремя отступили, а если бы вовремя не заскочили обратно в дом... Нравится мне это «если бы...», всегда помогает выкрутиться в трудную минуту. Мы закрыли дверь и только тут обнаружили, что кот остался снаружи. Ему ничем не попало по голове из-за малого роста (ну-у, сравнительно малого), кроме того, он был слишком уверен в силе своего ораторского искусства. Звать его назад было бесполезно... Он только огрызнулся, чтобы я не высывалась, когда попыталась воззвать к его разуму. После чего кот начал толкать речь! Я, как всегда, дура душой сидела у двери, не понимая ни слова, но... Как видно, сила его убеждения была такова, что нас перестали бомбардировать – только ровная размеренная речь агента 013, раздававшаяся среди благоговейной тишины.

– Он и мертвого убедит, что тот живой! Я этого профессора не первый год знаю, – сказал Алекс, спокойно доставая сухарь из мешка, пока я смотрела в щелку двери. – Будешь? И вот бобы еще остались...

– Спасибо, лопнуть во цвете лет мне не улыбается, – отказалась я. – Слушай, долго он еще будет болтать? А то после обеда всегда в сон клонит...

Я зевнула, глаза слипались, прошло не менее получаса, как кот вел свою проповедь – иначе чем проповедью его речь назвать было нельзя.

– Пока они все не примут его точку зрения на Бога, философию, религию, происхождение вещей и на сущность бытия, – ответил Алекс, продолжая хрустеть сухарем.

Я выглянула наружу и увидела, что напротив нашего кота кружком, побросав оружие, сидят десять наших оппонентов и восхищенно слушают усатого апостола. И это были мужчины самых разных возрастов примерно от восемнадцати до шестидесяти, судя по блеклой одежде и грязноватому виду, это были дровосеки и охотники. Фудзума сидел среди них и точно так же таращил глаза, как и его товарищи, благоговейно внимая речам нашего ученого кота.

Мы с Алексом, заскучав в доме, вышли тихонечко, присев рядышком с самым крайним слушателем. Потом командор еще больше заскучал – он и не вникал в суть речи кота, хотя у него и был медальон «переводчик». Наконец не выдержав, он обратился к коту:

– Напарник, ты затанул представление. У нас и так времени в обрез, пора закругляться. Этих ты уже обработал, а нам до ночи надо будет успеть найти головы узкоглазых рокуро-

куби-гоблинов, не забыл?

При его последних словах «обработанные» вдруг закопошились, с явным испугом в глазах посматривая на нашего самурая. Понять его слова насчет гоблинов они вроде бы никак не могли, но наверняка уловили «рокуро-куби...». Кот замолк, всем своим видом выражая искреннее возмущение и недовольство тем, что его перебили. Он уже собирался разразиться гневной отповедью, но Алекс поднял руку:

– Еще раз повторяю, благодаря твоей лекции они уже получили какую-то пользу для души и даже чуть-чуть просветились. Но сам знаешь – у нас задание. Пора.

– Ладно, Алекс, ты прав. Сейчас я только успокою их насчет гоблинов. Скажу, что мы пришли спасти мир от этой напасти.

Они потом еще долго говорили, но уже по-японски, чтобы я не поняла. Ну и подумаешь, больно надо... А я сидела и думала: «Странно, десять мужиков в одном доме и ни одной женщины. И что они все тут делают?» Мысли были грустные, в основном почему-то о Моисееве и Элтоне Джоне. Наверное, это телевидение виновато, хотя кто их разберет...

– Неужели мы на ночь глядя поспремся в лес? – спросила я без всякого энтузиазма, прихлопнув очередного комара. Эти кровососы доставали с того самого времени, как начало садиться солнце.

– Да, порыскаем, приборы ночного видения у нас есть, – ответил Алекс. Он, так же как и я, яростно чесался.

– Ага! А говорили, будто пользуемся техникой, только соответствующей данному отрезку времени-и... Брехуны!

– Это я настоял! – гордо выпятился котик.

Наш самурай мрачно выудил из-за пазухи некое подобие аквалангистской маски, мне стало его даже чуточку жаль.

– Ладно уж, но если мне приходится идти на такие жертвы – проводить ночь в лесу, полном озверевших комаров, то есть практически отдавать им себя на съедение, то у меня к тебе маленькая просьба.

И я одолжила у него поносить медальон «переводчик». Все равно в лесу нам вряд ли встретятся люди, говорить и слушать скорее всего будет некого, поэтому Алекс отдал мне его без разговоров. И сбегал в дом, чтобы прихватить наш мешок. А я переключила внимание на японцев. Кот к тому времени уже сделал объявление о миссии избавления, но охотники, похоже, не очень-то верили в наши возможности. Ко мне подошли двое любопытствующих парней с ухмылками на лицах.

– Вы что, всерьез решили победить рокуро-гоблинов? Разве вы не знаете, что они бессмертны? – с издевкой спросил один из них.

– У нас другая информация, – интригующим тоном ответила я, одарив обоих высокомерным взглядом. Судя по их лицам, они заинтересовались еще больше, но я не собиралась с ходу раскрывать все карты.

Тем более что сама ничего не знала. Времени не было расспросить ребят, когда те тщательно изучали досье, я подбирала себя платье на складе. Там были специалисты, которые занимались тем, что подыскивали и подгоняли костюмы под конкретную эпоху, время и место действия. А я уперлась, приглядев обалденное шелковое кимоно, ни за что не хотела с ним расставаться. У-у, меня долго убеждали, что, несмотря на то что кимоно сидит на мне просто шикарно, у охотников и рыболовов, составлявших основную часть населения острова Хоккайдо, возникнет здоровое недоумение – им и во сне не могла присниться элитная гейша в императорском кимоно эпохи на две вперед. Можно подумать, мне было до этого дело?! Переживут как-нибудь...

Алекс с дорожным мешком в руках призывно помахал мне рукой – они с котом уже направлялись к лесу, и я поспешила к ним. Кот выяснил у местных, где ближайшая деревня, и громко объявил, что нам туда надо успеть до ночи.

Углубляться в лес мы не стали – минут через десять ходьбы командор дал команду остановиться. Я присела на ствол поваленного сухого дерева. Было довольно прохладно.

Алекс свалил мешок на землю, а Пусик уселся подальше от меня, но на то же бревно. Мы по-прежнему не разговаривали.

– Так, пора держать совет, – объявил Алекс, глядя, как я, скинув гэта, с наслаждением массирую затекшие ноги. Видимо, я увлеклась и чересчур высоко подняла подол... – Как ты думаешь, агент 013, где они прячут тела?

– Основной тайник в доме. Это я успел заметить, когда хозяин отвлекся на твою болтовню. Во время тщательной проверки полов под одной из циновок явно прощупывалась крышка от хода, ведущего вниз. Просто в том месте сильно дуло. А потом, когда хозяин прошел по этой циновке, она прогнулась и чуть слышно скрипнула. В остальных местах пол очень ровный.

– Хорошо, а как же тогда головы вылетают на охоту? Они ведь закрывают крышку за собой и оставляют циновку так, чтобы она легла сверху, когда спускаются туда по вечерам.

– Наверняка с задней стороны дома есть окошечко, замаскированное... допустим, растущими перед ним сорняками.

Все это было не очень понятно для меня, поэтому я особенно и не слушала. Достала из мешка холщовый плащ, укуталась, сразу стало и тепло, и комары меньше кусали. Откопала большущий сухарь и с нескрываемым удовольствием съела его весь. За это время ребята приняли решение никуда не двигаться отсюда до темноты.

– Эй, сотрудники, я хотела спросить, мы что, не идем сегодня в деревню? А на фига ж тогда толстун выяснял, как нам туда добраться? Извините, но я сейчас так хочу спать, что уже ничего не соображаю.

Кот и Алекс посмотрели на меня с пониманием – с пониманием не в хорошем смысле этого слова, а как на круглую дуру.

– Деточка, как бы тебе объяснить попроще, так, чтобы дошло? – озадачился кот, состроив искреннюю озабоченность на наглой морде. – Просто нам нельзя далеко уходить, а деревня, как ты понимаешь, не близко, и возвращаться пришлось бы долго. А чем дальше мы находимся в лесу, не предпринимая активных мер против летающих голов, тем быстрее они нас найдут, а кусают они куда сильнее комаров.

– Спасибо за разъяснение, – язвительно заметила я, тем не менее мало что поняв. Глаза слипались, и я расслабленно пробормотала: – Алекс, можно я постелю твой плащ на бревно и посплю немножко?

Командор как раз надевал этот плащ, а я мягко, но решительно отобрала его (Алекс не сопротивлялся). Потом уютно устроилась на жестком дереве, деликатно передвинув кота. Мурзик, не стерпев, что его хватают руками, с оскорбленной физиономией спрыгнул на землю, что мне и требовалось... Теперь можно вытянуть ноги, я улеглась и тут же стала засыпать.

– Не забудьте... меня... разбудить, когда... эти ваши головы прилетят. Мхм-м, хр-р-р...

Когда меня растолкали, было уже совсем темно. Алекс надел на лицо свою маску, и я постепенно вспомнила, уже окончательно проснувшись, что это прибор ночного видения. Они с котом о чем-то переговаривались шепотом, а потом повернулись ко мне:

– О! Вижу, что ты полна сил и энтузиазма. Самое время трогаться, головы, по моим подсчетам, уже успели выйти на охоту и должны ринуться за нами в погоню. В сторону деревни, естественно... Вряд ли кто-то из них останется у дома – там просто нечем поживиться. Значит, путь свободен.

Я села, протерла глаза и бросила взгляд на мои гэта, валявшиеся в траве.

– Ладно, идем. Только не заставляйте меня снова надевать эти колодки – у меня чувство, что в кандалах ходить намного легче.

– Личный опыт?! – с любопытством спросил кот. И опять я сдержалась, не пнула его. А жаль. Вместо этого покорно потопала за командором... Орлов держал меч на изготовку. Оглянувшись, он с удивлением обнаружил, что я не надела прибор ночного видения.

– Зачем он мне? Видеть мир в зеленом свете? Тут благодаря луне не так и темно, а об свои ноги я не споткнусь. Разве что об кота, но это с превеликим удовольствием...

Алекс почему-то не стал слушать, а просто напялил мне на голову эту штуковину:

– Гляди внимательно! Заметишь хоть что-то подозрительное – докладывай мне. Ясно?

– Ясно.

– Они могут броситься на нас в любой момент. Неожиданность – их козырь!

– Ты о комарах? – неудачно пошутила я, как-то сразу сникнув. После предупреждения опытного агента в лесу стало неуютно, и неприятный холодок пробежал по спине.

Поначалу идти босиком было намного легче, но вскоре я почувствовала еще большее неудобство оттого, что шагать приходилось не только по мягкой траве – сухие веточки и камешки сильно кололи ноги. Минут через двадцать я уже так жалела себя, несчастную, что готова была разрыдаться.

«Что я делаю тут ночью с этими двумя бесчувственными чурбанами, которые спокойно топают и совершенно не думают обо мне... А сейчас еще прилетят эти легендарные головы и начнут кусать и вгрызаться прямо в руки, шею, мои босые ножки... Главное, чтобы не трогали лицо! Шрамы потом останутся, а на пластическую операцию я еще не накопила. Боже, за что мне все это?! Зачем я пошла не тем переулком из института? Зачем я сдавала зачет именно в этот день? Зачем преподаватель, скотина редкостная, назначил его на такой поздний час? Зачем я вообще поступила в этот поганый институт?!»

– Алина, не отставай, – обернувшись, предупредил командор.

– Ага, иначе какая-нибудь голова с ушами укусит тебя за пятку, – хихикнув, пошутил кот, я одарила его ненавидящим взглядом.

– Алекс, куда мы тащимся? – Легче страдать, когда в этом есть смысл.

– Возвращаемся в дом Фудзумы, где мы были сегодня днем. Находим тела гоблинов, скорее всего, они должны быть в подполе, отмеченном агентом 013. Если они там, ищем окошечко, через которое вылетают головы, – это должно быть довольно большое отверстие или даже два. Заваливаем все их камнями, благо рядом с домом много камней и валунов, главное – не оставить ни одной щели, чтобы они не могли проникнуть под дом. А в самом помещении крышку в подпол закрываем, кладем циновку, сверху наваливаем стол, а на него булыжники – чем тяжелее груз, тем лучше. Но это для перестраховки. На самом деле головам нечем будет даже открывать эту крышку, разве что зубами. Главное, чтобы они не смогли добраться к своим телам до рассвета... С первыми лучами солнца бедняги начнут усыхать, сморщиваться, пока не подохнут! – предельно доходчиво объяснил мне Алекс.

– И что, у них тела без голов лежат себе на полу в рядочек до самого рассвета? – медленно произнесла я, думая про себя: «О небо, какая чушь! Разве такое может быть в реальной жизни?» Однако тут же вспомнила, что сам факт существования летающих голов меня до этого времени как-то не удивлял. Постепенно до меня дошло то, о чем мои товарищи знали с самого начала, а именно: наш хозяин и его дружки, казавшиеся обычными людьми, с кем я общалась сама, ничего подозрительного в них не выявляя при этом, так вот, они не люди, а гоблины, у которых ночью отделяются головы и нападают на людей... Реальная нежить! Это более чем шокировало...

– Надеюсь, что так оно и есть. И все тела находятся в одном месте, что избавит нас от дополнительных хлопот.

– Вэк... А зачем ты признался им в том, что мы охотимся на гоблинов? – удивленно спросила я, вспоминая то, что было днем. – Ведь теперь они наверняка насторожились и вполне вероятно приняли какие-то меры, чтобы уберечься от нас, подстраховаться, перепрятаться, в конце концов.

– Наверяд ли, – вступил в разговор наш умный кот. – На самом деле мы хотели этим дать им понять, что и мысли не допускаем о том, что они и есть те самые гоблины. Эти головы уже давненько держат в страхе всю округу, да и на всей протяженности острова о них хорошо знают. А охотников на себя они не боятся, даже радуются при встрече, потому что ни разу еще не терпели неудачу. Они с самого начала знали, кого мы ищем. Поэтому надо было дать им понять, что нас нечего опасаться, что конкретно наших хозяев мы ни в чем не подозреваем. Плюс (если они, конечно, нам поверили) они считают, что мы сейчас в

той дальней части леса, у которой раскинулась деревенька, куда нам надо по каким-то своим делам. А значит, полетят следом, нюх у них не очень.

– Подожди, а что ты там говорил о наших предшественниках? Выходит, мы не первые, кто охотится именно на эту группу гоблинов. Что же произошло с остальными? – осторожно спросила я, морщась от постоянных уколов – идти приходилось по сплошному коврику кедровых и сосновых иголок. Хвойный лес – это, конечно, красиво, но он кажется еще красивей, когда отправляешься гулять по нему в удобных кроссовках на толстой подошве. Я даже пожалела, что бросила свои неудобные гэта у того бревна. – Ладно, можешь не отвечать, в принципе и так понятно...

Но кот уже открыл пасть, видимо собираясь разразиться пространством рассказом о мучительной кончине этих смельчаков со всеми описательными подробностями, как Орлов приложил палец к губам. Выражение его лица говорило о том, что враг не дремлет.

Впереди остались лишь редкие деревья, но, когда мы уже выходили на опушку, где стоял дом, вдруг закапал дождь. Сначала закапал, а потом и полил. Хотя на мне и был плащ и, в сущности, я не промочила ничего, кроме ног, но почувствовала себя еще мерзостнее. Наконец мы подошли к дому. Дверь была незаперта, хотя внутри никого не оказалось. Я заскочила первой, привалилась к стене, перевела дух и решительно объявила:

– Все! Хватит! Я остаюсь здесь и больше за порог ни шагу. Когда покончите со всеми своими делами в Японии, не забудьте забрать меня отсюда.

Алекс мгновение удивленно смотрел на меня, потом, ни слова не говоря, сбросил плащ на пол и откинул среднюю циновку.

– Да-да, там, – подтвердил кот, деловито отряхивая мокрые лапы (на нем тоже был маленький, специальный плащ). Под этой циновкой действительно обнаружился люк, ведущий в подпол. – Надо действовать быстро, пока головы не появились.

– Столько разговоров о них, а мы еще ни одной не видели. Быть может, кое-кто кое-что, как всегда, перепутал... – скептически заметила я. Обидно было, что эти двое практически не обратили внимания на мое заявление.

– А тебе не кажется странным – на дворе уже ночь, а хозяев почему-то нет дома, – заметил толстун, презрительно глядя на меня. На его наглой морде явно читалось: «Взяли на свою голову глупую девчонку, от которой не только помощи не жди, а она еще будет мешаться со своими идиотскими вопросами!» Честное слово, самым крупным шрифтом...

А наш герой зажег свечку и перед тем, как спуститься в подвал спокойно сказал:

– Ты права, Алина, все надо проверить. Мы в подполье, а ты сиди тут, будешь у нас на страже. – И он прыгнул в открытый люк.

Его слова меня сильно задели... Я не девочка на побегушках!

– Какого черта?! Я специально не буду стоять на страже, назло вам! С какой стати?! Я что, нанималась? За кого вы, вообще, меня тут держите?

Кот покачал головой, что, видимо, значило: «Это мучение, видимо, нам надолго...» Он уже почти собрался прыгать вслед за Алексом, но что-то замешкался и предварительно осведомился, сунув голову в люк:

– Мр-р, что там?

Услышав невнятное бормотание, профессор, похоже, проявил еще большую нерешительность. Но, встретившись с моим убийственным взглядом, заметался, собравшись прыгать, тут я, быстро подскочив, схватила его за шкуру:

– Стой! Давай поменяемся, я в подвал, а ты стоишь тут на стреме. Заметано?

И я, не дожидаясь его согласия, спустила ноги во мрак неизвестности и, зажмурив глаза, прыгнула с пола прямо в темноту. Бах! Бумс! Тарарах!.. Не буду приводить здесь яростную и громкую ругань, извергшуюся из уст моих и Алекса одновременно, – я свалилась прямо ему на спину (похоже, он сидел на корточках) и, естественно, затушила свечу.

– Смотри, куда прыгаешь!!!

– Я при всех говорила, что собираюсь вниз! Если у тебя уши заложены или наследственная глухота, я не виновата!

Крыть было нечем, Алекс молча опустился на колени в поисках свечки.

– Стой на месте! – велел он. – Пока я не зажгу свечу, даже не дыши.

Похоже, ее он уже нашел и теперь вовсю шелкал кремнем.

– И не подумаю! – разозлилась я. Всегда делаю все наоборот, когда со мной разговаривают в таком тоне. Вытянув руки, я сделала два шага вперед и конечно же чуть не упала.

– Черт побери! Раскидывают что попало, ханурики поганые, чтобы гуляющие тут ноги ломали! В суд на них мало подать!

Разозлившись, я пнула ногой по чему-то мягкому.

– Гуляющие тут не предусматривались! – хмыкнул Алекс, наконец-то зажег свечу и с ухмылкой уставился на меня, ожидая моей реакции... Я распахнула рот. – Согласно анкете, сердечных припадков у тебя в роду ни у кого не было? – нарочито заботливым тоном ехидно подчеркнул агент по борьбе с монстрами.

Но его сарказм до меня дошел не сразу, потому что я в тот момент пыталась нащупать руками стенку позади себя, чтобы не упасть. Увы, позади нащупывалась только пустота, поэтому мне ничего не оставалось, как устоять на ногах. Колени прыгали, и было от чего... Я увидела, обо что споткнулась или что пнула. На полу прямо передо мной в ровный рядок лежали тела наших знакомых охотников-дровосеков во главе с добрым хозяином Фудзумой (его я узнала по платью). Нет, все это не было бы настолько странным, чтобы вызвать у постороннего шоковое состояние... Подумаешь, здоровые мужики решили переночевать в погребке, довольно заманчивые преимущества перед постелью – холодный земляной пол и просто восхитительный запах плесени. Дело на любителя, может, у них такие вкусы...

Все это можно было бы понять, если бы дело не осложнялось нехваткой у «спящих» такой важной части тела, как голова. Вы можете сказать: что тут удивляться? Все к тому и шло – к обнаружению безголовых гоблинов в сыром подполье. Да я сама даже относилась к этому восхитительно легко, смущая умного Мурзика, пока не увидела своими глазами, то есть не столкнулась с реальностью. А подобное столкновение губительно для романтично настроенных барышень. Еще бы! Десять средневековых жмуриков с синеватой кожей и гладкими срезами на шее, которые даже не кровоточили.

– Роскошь! Голливуд отдыхает... И что теперь? – только и смогла произнести я, сглотнув и вопросительно уставившись на Алекса.

Он протянул мне свечку (очевидно, чтобы дать возможность сполна насладиться великолепной картиной) и ответил:

– Мешкать не стоит. Будем искать дыру в стене, через которую они вылетают наружу. Возьми у меня за пазухой еще четыре.

Я трясущимися руками набрала свечей, лихорадочно зажгла несколько и, отдав пару из них Алексу, три свечки сжала в руке, после чего, освещая ими стены, стала искать этот самый выход наружу. Теперь у меня и мысли не появлялось, а имеет ли Алекс право мне приказывать.

– Ну что там? Нашли, что ожидали? – послышался сверху слегка дрожащий, однако по-прежнему важный голос толстяка.

– Да, они все тут штабелем уложены, – сплюнув, деловито ответил командор. – Все десять.

– Отлично! Пока нам везет. Я обойду дом вокруг, поищу нужное отверстие снаружи, – оповестил кот.

– Удачи!

Алекс стал осматривать противоположную стену. Вообще, в подполье ничего, кроме покойничков (не знаю, можно ли их так называть, ведь не такие уж они и мертвые), не было, земляной пол, земляные стены и только над головой нестроганные бревна. Наконец я разглядела маленькую дыру наподобие лаза в собачью конуру. Я поднесла огонь поближе, чтобы убедиться, что дыра действительно ведет наружу, – сильный сквозняк чуть не задул свечи. Стук дождевых капель слышен был повсюду, дощатая стена дома, похоже, была

довольно тонкой.

– Нашла! – объявила я.

– Тут тоже есть один выход, – откликнулся спецгент.

В этот момент я увидела еще одну дыру, поменьше. Сколько же их тут? Оказалось, что в каждой стене по одной. В подвал дождь не заливал, потому что эти отверстия были выше уровня земли и сверху закрывались козырьком. Да, грамотные жмурики! Встав на цыпочки, я сунула руку в одну из дыр, и мои пальцы схватили что-то мягкое и пушистое.

– Ай!!! Тут голова!!! – Я с воплем отдернула руку. Тут же рядом со мной на пол прыгнуло что-то округлое и возмущенно произнесло:

– Деточка! Зачем же так орать?! Даже в лесу, я думаю, было слышно...

– О! Извини, – растерянно произнесла я, – это ты, зараза...

– Вот слякоть! А дождь льет как из ведра. Абсолютно не кошачья погода, – прокомментировал кот, по счастью не расслышав моих слов.

Хорошо, что в его времени База получала плащи для котов, иначе бы, я думаю, Васька сейчас находился в предынфарктном состоянии от одного вида дождя, как это обычно бывает у этих домашних питомцев, и не мог бы быть полноценным помощником.

Мы вылезли из подполья (изнутри законопатить дыры было нечем – если мебелью, то в доме ее раз-два и обчелся), закрыли люк, сверху положили циновки, придавили столом – крышка у него была тяжелая. Потушили свечи, надели плащи и отправились собирать камни. Перед этим в доме, под циновкой, я обнаружила пару стоптанных тапочек на завязочках. На два размера больше, но... Давно я не испытывала такого счастья и сразу почувствовала прилив сил. Командор только дивился моему энтузиазму – я набирала полный подол камней, валявшихся вокруг дома, и закидывала все это одним рывком прямо в дыру, ведущую в подвал. Потом снова набирала камней и, не сбавляя скорости, кидала их в ту же дыру. Подол трещал от тяжести, под ногти набилась грязь, пот катился по лицу, а я буквально летала со скоростью болида. После третьего захода Алекс сам остановил меня, перехватив за рукав и с силой оттаскивая от «завала».

– Эй, ты хочешь весь подвал засыпать? Но мне кажется, что на это даже с твоей феноменальной работоспособностью уйдет не меньше суток. И камни тебе придется таскать вон с той скалы – поблизости они уже просто кончаются, – сообщил он сочувственным тоном.

Я остановилась и глянула на результат своей работы – рядом валялось всего несколько мелких камушков. Самурай притащил пару булыжников, которыми сразу и заделали лаз, сверху для надежности завалил большим валуном, а я посыпала все это своими камушками. Интересно, чем теперь головы будут пытаться разбирать завалы, ушами? И когда они сами появятся? Меня уже снедало любопытство. Котик обходил дозором вокруг дома. Мы уже заделывали последнюю дыру, как раздался его крик:

– Полундра!!! Все по местам! Они летят сюда! Фр-р!!! Мяу!!!

У меня подкосились ноги, и я бухнулась прямо в грязь под стеной дома – любопытство разом закончилось.

– Нашла время отдохнуть, – удивленно заметил Алекс. – Может, повременишь? В любом случае утром все закончится. – Не дожидаясь ответа, он рывком поставил меня на ноги. – Найди себе какую-нибудь палку на всякий случай и отмахивайся, если прижмут. Мне сейчас некогда.

Вытащив свой самурайский меч, командор кинулся в ту сторону, откуда звенел голос кота, там, в воздухе, действительно маячило что-то белое и круглое. Я стала озираться в поисках подручного оружия. Надо было мне наплевать на межвременные порядки и одолжить у Стива бластер. Но сейчас об этом думать было уже поздно. Я спустилась к оврагу, который находился в паре метров от дома. Есть! На земле валялись разные сучья, нашлись и довольно толстые, с бейсбольную битку. Я схватила сразу два сука. Поочередно ободрала с них мелкие ветки и приготовилась к атаке. Прошла пара мгновений. Никого.

– Ну-у, я так не играю, – разочарованно протянула я. – Может быть, этот момент, когда

я на деле готова драться, быстро закончится и больше не повторится. А проклятым головам, конечно, наплевать на мои душевные порывы.

До меня доносились мерные звуки ударов, свист меча и кошачьи боевые кличи (такие от них можно услышать в марте, во время очередного побоища двух соперников за право обладания прекрасной кошкой, которая в это время уже ушла с третьим). Я слышала еще какой-то инородный вой и странные клацающие звуки. Но из-за темени ничего не было видно, свой прибор ночного видения я оставила в нашем мешке. Ну его... я в нем на ондатру похожа! Решила пойти в сторону наших, полагая, что моя помощь при любом раскладе пригодится, и там уже разглядела сразу несколько белых пятен, летающих вокруг Алекса. Монстры попеременно, а то и все вместе нападали на него, бедняга резво отмахивался мечом, кот в сторонке сражался, пустив в ход когти и зубы, с одной особо крупной особью.

Я выронила одну палку, а другую сжала обеими руками. Белые пятна приобрели очертания, у них появились страшные оскаленные пасти, издающие отвратительные чавкающие звуки, а из глаз лился фосфоресцирующий свет. Меня пока не замечали, поэтому я, чувствуя, как холодеет спина, и логично рассудив, что я тут пока лишняя, отступила обратно к дому. «Разумнее всего переждать сражение и присоединиться к победителю», – решила я, заворачивая за угол дома.

– Привет, красotka! А не выпить ли нам sake вечером? – раздался рядом приветливый голос.

Я подняла расширенные от ужаса глаза – прямо перед моим лицом в воздухе висела голова с довольно симпатичным с виду лицом и приятной улыбкой. Портили впечатление только большие оттопыренные уши, которыми голова помахивала в воздухе. Как оказалось, они являлись средством передвижения, вроде крыльев. Тут у нее изо рта вдруг закапала слюна, и это вывело меня из ступора. Размахнувшись палкой, я заехала ею по приветливой черепушке со словами:

– Спортсмены не пьют! А я, между прочим, играю в районной женской бейсбольной команде. – Врала безбожно... Откуда у нас в городке бейсбольные команды, я и правил этой игры близко себе не представляла. Потому что патриотка, а не абы кто!

Удар получился довольно сильный – голова с дикими воплями и проклятиями отлетела метров на десять. Но теперь в мою сторону развернулись сразу три. Морды у этих уже не отличались кротостью и доброжелательностью, и, глядя на их изуверские выражения, я попыталась настроиться на самое худшее. Чавкая и отпуская фразы типа: «Сейчас закусим! Ням-ням!», «У женщин мясо сочнее, чавк-чавк!», «Зачем играть с палкой, крошка! Отдай мне на зубочистки!» – они кинулись с разинутыми пастьями прямо на меня.

– А-а-а! Уроды! Отпустите! Убери свои грязные зубы, скотина японская! – кричала я не успевая отбиваться сразу от троих. Одна вцепилась мне в ногу, вторая норовила укунить за шею. Вот ее я успела схватить за длинные нечесанные волосы и быстро намотала их на левую руку, вращая при этом истошно вопившей головой. Третья вцепилась мне в правую, которой я держала палку, – естественно, я ее тут же выронила. Инстинкт самосохранения добавил мне сил, и я, уже ничего не соображая, не ощущая боли и чувствуя, как внутри меня сковывает ужасом, стала бить этой головой по стене дома.

– Ах ты мразь болотная! Щас, съешь ты меня, подавишься, обжора!

Вторая голова, которую я держала за волосы, возмутилась:

– Милая гейша, оставьте моего друга в покое. Вы уже обеспечили ему сотрясение мозга, бедняга в отключке, еще немного, и он отдаст концы.

– Чего?! Отпустить, чтобы он снова начал кусать мне руку? – Я продолжала стучать об стенку головой, которая действительно уже закатила глаза.

– А чего вы хотели? – удивился «заступник». – Вторгаетесь среди ночи в частные владения, шуруете тут что-то явно противозаконное, а мы, хозяева, не можем даже вступить за свои права. Мой собрат только попытался спросить у того самурая, вашего знакомого, в чем, собственно, дело, как был тут же рассечен надвое. Где справедливость? – Голова скорчила страдальческую мину, демонстрируя «свою искреннюю печаль по поводу

людской жестокости и несправедливости» и на тему «куда катится мир».

Я поневоле потеряла бдительность, слушая этого «борца за права», и в итоге поплатилась укушенной рукой.

– Ай! – Злодей вцепился зубами мне прямо в запястье, пытаюсь перегрызть артерии, но я вовремя треснула его об стену хижины. – Гад ползучий!

Кот, услышав мои крики, прибежал ко мне, вероятно, чтобы помочь. Очень трогательно! Добрый котик. Он расширил свои зеленые мерцающие глаза:

– Как?! У тебя всего трое?! Мы с Алексом уже расправились с пятью головами. С ними нужно кончать, не дожидаясь рассвета. Этих держи, смотри не отпускай. Сейчас я позову помощь. Напарник! Тут еще трое. Давай быстрее сюда.

Услышав это, мои головы хотели уже дать деру – даже обморочный очнулся. Его я тоже вовремя успела схватить за волосы. Так что двоих я удержала, а третий, который все кусал мне ногу сквозь бриджи (которые я тайком оставила под кимоно), все-таки улетел.

Алекс появился весь грязный, в драном самурайском костюме, с кровоподтеками и синяками на лице.

– Что-то ты плохо выглядишь, – с искренним удивлением произнесла я. – Бледный, небритый... Что это с тобой? Не выпался?

Командор устало смахнул грязной рукой пот со лба и раздраженно бросил:

– На себя посмотри – сразу пройдешь по номинации «Ведьма года»! И не обольщайся, это я о твоей внешности, а не о способностях. Давай кидай эти головы мне, попробую достать мечом.

Головы яростно кусались, и я понимала, что прямо тут, у стены, Алекс не может с ними покончить, потому что руки у меня тряслись, и по гоблинам трудно было попасть так, чтобы не отрубить мне все пальцы.

Я отшвырнула (с трудом, надо сказать – монстрик ко мне явно привязался и никак не горел желанием отпускать!) первую голову. Не успела она сориентироваться в воздухе и, захлопав ушами, спланировать в противоположную сторону, как Алекс одним ударом рассек ей черепушку. Вытекла отвратительная серая жидкость – меня чуть не стошнило.

– Держи вторую! – замахнулась я.

– Стой! – остановил он меня и зачем-то воткнул меч в землю.

– Она же кусается! – Мало того что злодейка грызла мне руку, так, собрав все силы, она взлетела в воздух и пыталась добраться до моего носа.

– Я больше не могу ее держать, Алекс, – взмолилась я. – Сделай что-нибудь!

– Возьми ее за уши – они этого не любят, но смотри не выпускай, – рассеянно отозвался он, даже не посмотрев в мою сторону. Похоже, ему что-то никак не удавалось найти за пазухой.

Кот куда-то исчез. Я последовала совету старших – и только сжала пальцами уши гоблина, как он истошно завопил:

– Нет!!! Только не уши! Ради всего, что для вас свято, только не их! Отпустите мои ушки, лучше вырвите мне все зубы, выбейте глаза, оторвите нос, но не трогайте уши.

Я удивилась – голова хныкала и умоляла. Вот притворная бестия! И я, испытывая изощренное удовольствие, со злорадной улыбкой еще сильнее сжала гоблинские уши. Бедняга чуть не умер. В это время Алекс нашел, что искал, – оказалось, это шприц. Я недоуменно уставилась на него:

– Мы что, будем делать голове укол от бешенства?

Услышав это, голова завопила:

– Не надо! Я больше не буду, я смирный!

– Его это уже не спасет, – ответил Алекс, – а вот для сыворотки, которая излечит тебя, нам нужно у каждого встреченного вида монстров брать жидкость – не имеет значения, кровь это, слизь, желчь или яд. Начальство пообещало давать нам предельно подходящие задания, по совету лаборатории, разумеется. Так что держи ее крепче.

Голова дернулась в последней попытке вырваться, я, удержав ее, зажмурилась и

отвернулась, а Алекс с холодным спокойствием вытянул шприцем у вопящей головы ту самую серую жидкость, которая у нее, похоже, была вместо крови, и снова убрал шприц за пазуху.

– Ты просто садист-самоучка! Разве нельзя было дать голове хоть какое-то обезболивающее? Это ведь так негуманно! – с чувством произнесла я, мне было очень жаль тихо постанывающую головушку.

– А когда ты ее об стенку била, тебе не пришла в голову идея сначала надеть на нее каску? – резонно заметил Алекс. – Ничего ей не сделается... И боли они не чувствуют, а вопят и ругаются только от злости.

Голова резко дернулась и вылетела из моих рук, а взлетев метра на три над нами, так что ни я, ни командор уже не могли ее достать, укоризненно произнесла:

– Станный вы самурай, однако... Вместо того чтобы защищать исторические ценности Японии, каковыми мы и являемся, вы уничтожаете редкий, исчезающий вид рокуро-куби! Но вам отольются наши слезы... Предсказываю, что когда-нибудь эта сумасшедшая гейша так оттреплет вас за уши, что вы света не взвидите! Хотел бы я тогда послушать и ваши вопли...

Выдав эту тираду оскорбленным тоном, голова взлетела еще выше и скрылась в лесу. Но Алекс все равно ничего не понял, ведь медальон «переводчик» был у меня. Я не стала ему переводить, хотя... мысль насчет ушей мне понравилась.

– Зря ты ее упустила. Надо было ее сразу прикончить, меньше хлопот, – посетовал командор. – Теперь их осталось всего четыре, и терять им в сущности нечего. Это может удвоить их силы, а если они объединятся, то запросто смогут загрызть кого-нибудь из нас, если мы будем гулять поодиночке...

Тут он замолк и посмотрел на меня. Мы лихорадочно пересчитали друг друга – похоже, одна и та же мысль пришла к нам одновременно.

– Где агент 013? – Кто это сказал, не помню. Мы ринулись звать котика – тишина. Похолодев сердцем, так и не дождавшись ответа, пошли его искать. Мы обошли дом, все осмотрели. Нигде никаких следов. В глазах предательски защипало...

«Зачем я ругалась с ним, обзывала Мурзиком, – чуть не плакала я. – Если он еще живой, добрый, милый толстячок, я больше никогда-никогда не позволю себе повышать на него голос. А какой он храбрый! Ведь несмотря на небольшой рост, он так отважно сражался со злобными головами, а еще до них скольких монстров одолел! Маленький герой... не доживший до большой победы!» – от этих мыслей у меня полились слезы.

Увидев, что я плачу, Алекс остановился.

– Тебе что, в глаза голова плюнула? – тоном, требующим объяснений, осведомился он. – У них слюна ядовитая, ты знаешь об этом? Теперь они у тебя будут еще долго слезиться.

– Нет, я лук чистила.

Алекса такой ответ вполне устроил. На редкость бесчувственный тип...

А я снова ушла в свои мысли: «Отважный усатый агент, героически погибший при выполнении сложнейшей операции. Я добьюсь, чтобы тебе поставили памятник, сняли документальный фильм, а детям в школе непременно в каждом классе рассказывали бы о твоей короткой, но полной подвигов жизни!»

– Черт! Как я сразу не догадался?! Тупой индюк! – Наш самурай хлопнул себя по лбу.

«Интересно, – на секунду отвлеклась я, – а если бы я сейчас назвала его тупым индюком, он бы согласился? Вряд ли... мужчины так непоследовательны».

– Ну что?! – с любопытством хлопнула я.

– Где ему еще быть, как не в доме, там единственное во всем лесу сухое место, где можно вздремнуть.

Мы поспешили в жилище Фудзумы, я заскочила впереди Алекса. Так и есть, пузан мирно дрых, развалившись на циновке в углу и выводя рулады носом.

– Не будем его тормозить, – решил Алекс, застыв на пороге. Но тут подо мной

скрипнула половица, и агент 013 резко поднял голову.

– А-а, это вы. Сколько там еще осталось до зари? Я прикрыл дверь, поэтому ушастики вряд ли сюда бы залетели. Сейчас они дунули в лес, подкрепиться личинками и червяками.

– До восхода около часа, я думаю, – ответил Алекс, – не меньше, судя по луне.

К этому времени дождь прекратился, тучи рассеялись, и в окошке можно было увидеть бледнеющую над лесом луну.

– А зачем им есть червяков? – уточнила я у «воскресшего» профессора.

– Потому что они потратили все время на нас, если бы им обломилось, еды хватило бы на неделю. А так надо набраться сил на решающий бой, ведь они наверняка с прошлой ночи не ели, – ответил за кота напарник.

Я умильно смотрела на Мурзика, радуясь в душе, что он жив. О, каких сил мне стоило сдержаться, чтобы не задушить его от счастья! Бедняга, не понимая, что это со мной, смутился и отвел взгляд.

– Ты взял все, что нужно для сыворотки? – спросил он у Алекса.

– Разумеется, но здесь нам нечего ловить. Пойдемте-ка проверим, не вытащили ли они камни? Надо подстраховаться, если хоть один из них уцелеет и нам придется провести здесь еще одну ночь, – от начальства будет большая взбучка.

Мы втроем переступили порог и, стараясь ступать очень тихо, завернули за угол дома. И какая же картина предстала нашим глазам? Четыре головы, фыркая и отдуваясь, пытались зубами растаскивать камни, которыми была завалена одна из дыр. Я быстро сгоняла за уже испытанной палкой, у Алекса при себе был меч, с которым он не расставался.

Головы, увидев нас, злобно зашипели. Еще бы, такой завал зубками не разбирался, и наши маленькие монстры, запыхавшись, просто пришли в неконтролируемую ярость. Они мигом взлетели в воздух и спикировали по две на нас с Алексом. Кот ничуть не обиделся на невнимание, с места прыгнув вверх и цапнув самую большую. Спасибо, на меня осталась только одна...

Далее все шло, как и в первой битве. Головы кусались. Мы отбивались. Вопли, визг, вой и проклятия разносились по всему лесу. Не буду описывать подробности, но дело на сей раз не обошлось так гладко, как в первый, – одна из голов все-таки прокусила мне палец до крови! Я дико завизжала от возмущения – она тут же подавилась.

Ничего, пальчик я потом перевязала, а «кусака» сам был не рад – начал отплеиваться и ворчать, что у меня кровь слишком соленая. Я чуть не задохнулась от оскорбления: какая-то паршивая летающая голова будет дегустировать мою кровь да еще высказывать недовольство ее вкусовыми качествами?! Но тут первые рассветные краски легли на верхушки деревьев, и все три головы (одну командор все-таки замочил!) мигом оставили нас в покое... Они засуетились, заскулили и в последней попытке стали лбами биться о камни, пытаясь проникнуть в подвал и соединиться с телами. Один пень, ничего у них не вышло – камни были слишком тяжелые. Наблюдая за их бесплодными усилиями, я вдруг устало подумала: «Целую ночь мы отбивались от летающих голов. Сейчас их осталось три, и все находятся перед нами. Они действительно летают, махая ушами, питаются человеческим мясом и под утро соединяются с телами. Они существуют! Неужели это возможно? Может, я сошла с ума? А может, тут все сумасшедшие... Похоже, я еще не скоро избавлюсь от всех этих сомнений. Да и надо ли, кстати? Ведь, в сущности, очень даже захватывающе...»

Головы двигались все медленней, в конце концов они упали на землю, и я увидела, как под еще бледными солнечными лучами сморщивается кожа у них на лицах. Еще пара минут, и бедняги закончили свое существование. Я подняла глаза на тяжело дышащего рядом командора:

– Ну что теперь?

– Домой. В смысле на Базу, до дома тебе, пожалуй, еще далековато... – ответил он.

Наконец-то можно будет выспаться... и вымыться. О! Только сейчас (грязная, потная, вымотанная, покусанная, усталая как собака) я поняла – горек хлеб спецагентов. Конец операции! Я медленно уселась прямо в грязь – прощай, шелковое кимоно... Лимонно-

розовое солнце залило целительным светом скромных героев острова Хоккайдо. В сердце начинала прокрадываться заслуженная гордость...

И тут далеко у кромки леса пронеслось нечто очень похожее на наших рокуро-гоблинов. Пронеслось и тут же скрылось за холмом. У меня челюсть откинулась, мне померещилось, что эта голова мне подмигнула.

– Что ты там увидела? – тихо опустившись рядом, поинтересовался Алекс.

Я улыбнулась, попытавшись скрыть волнение, и сказала непринужденным тоном:

– Ничего, совсем ничего. А с чего ты взял?

– Да так, показалось.

– Если откровенно, то... – Я запнулась, еще один день в погоне за летающими головами – и я разревусь, как первоклассница. Выходит, все зря?

– Я понял, – ободряюще улыбнулся командор, и я вновь утонула в его теплых глазах. – Это дневные рокуро-куби. У нас на них контракта не было. Мы своих гоблинов сделали честно, а эти уже задача Стива. Он получал задание сразу после меня, не будем портить ему охоту... и прими поздравления с боевым крещением.

В этот момент я была почти готова расцеловать его! Но он встал и, не обращая на меня ровно никакого внимания, стал паковать вещи. Когда-нибудь я его... задушу.

Жирник (это новое прозвище агента 013) мыл морду, и, как ни странно, языком. Я уже, грешным делом, думала, что он умывается только водопроводной водой, да с мылом и зубы два раза в день чистит. Глядя на то, как тщательно наш профессор вымывает лапкой за ушами, у меня промелькнула кошунственная мысль: а может, он еще и мышей ловит?

Напоследок мы на всякий пожарный заглянули в подвал (вместо того, чтобы скорей лететь домой, – это все Алекс, перестраховщик наш), пересчитали там тела (которые уже начали разлагаться), снова закрыли люк, привалив сверху столom. Сморщенные и высохшие головы давно рассыпались прахом. Тоже приятно, иначе Алекс наверняка велел бы их собрать на поляне, разжечь костер и спалить всех на фиг. Я, не стесняясь, сняла грязное кимоно, оставшись в модной маечке и бриджах. Все – домой! В смысле, на Базу и да здравствует свобода от честно выполненного долга!

Прихватив мешки, мы вышли на поляну. Котик прихрамывал, а из шерсти ему так и не удалось вытащить все застрявшие в ней сухие колючки. Теперь он казался мне грязным, усталым и запыленным ветераном. Алекс был впятеро грязнее (если сравнивать по росту), а царапины и кровоподтеки добавляли ему героического шарма. Мы все были голодные, измученные, но счастливые оттого, что победили.

– Прибудем на Базу, хочешь не хочешь, а мыться в горячей воде придется, – тупо констатировал кот. Это было единственным, что омрачало его безоблачное счастье.

Алекс достал «пульт перехода»:

– Ну что ж... Дело сделано, теперь мы действительно команда. Поздравляю с успешным окончанием операции, друзья, а теперь домой, – и нажал нужную кнопку.

Почти мгновенно мы перенеслись на место – в то самое фойе Базы, куда я впервые попала из своей маленькой уютной квартирки. Правда, нажимая на кнопку, парень не видел, что происходило у него за спиной, а кот смотрел в другую сторону. Над обрывом, вовсе не обращая внимания на уже яркое солнце, в прогулочном темпе порхали сразу три головы, а за ними на алюминиевых крыльях летел наш знакомый биоробот. В руках Стива блистал двуручный меч. Удачи тебе, парень...

* * *

На Базе царил хаос. Мимо нас, застывших от удивления, в полной панике табунами проносились все населяющие Базу существа. Я даже не подозревала, что их тут так много. Докричаться до кого-либо было бесполезно. Что, собственно, произошло? Ядерный взрыв, перепись населения, бесплатное кино или день выдачи зарплаты? На нас никто не обращал внимания. Наконец Алекс выхватил из толпы за шкуру какого-то карлика, который засучил

ногами и возмущенно завопил:

– Что такое?! В чем дело, товарищи?! Я требую уважения к правам гномов!!!

– Слушай, обормот, что тут происходит? – вежливо поинтересовалась я.

Коротышка посмотрел на меня как на ненормальную, смерил пренебрежительным взглядом моих товарищей и недоуменно произнес:

– Вы что, действительно не в курсе?! Сегодня у нас на базе День здоровья и спортивных достижений!!! Отжимание и поднятие тяжестей уже закончились, а сейчас всеобщий забег! Отпустите, придурки, я должен взять приз!

Командор выпустил воротник карлика. Тот мигом соскользнул на пол, влившись в общую массу, сразу взял быстрый темп и, не испытывая недостатка в ловкости, аккуратно проскакивал между ног более рослых соперников, а более мелких просто перепрыгивал.

– Точно! День физкультурника! – припомнил Алекс. – То-то я думаю, что-то знакомое.

– Еще бы, года три назад, возвращаясь с задания, мы с тобой также попали на этот праздник. Потом еще был заплыв. И нас с тобой заставили нырять, бр-р-р... Помнишь? – сказал кот.

– Конечно, такое забудешь... У нас начальство на этот счет проявляет большой энтузиазм, видно, боится, что сотрудникам заняться нечем.

Таким образом мы, рискуя быть растоптанными, марш-бросками пробирались к этому самому начальству – доложить о завершении операции. Профессору пришлось перебраться Алексу на плечо. Но сначала мы зашли в «костюмерную» и оставили там нашу конспиративную рвань, потом приняли душ и переоделись во все новое (на мое удивление, я тоже получила форму, надо же!) и уж только тогда пошли отчитываться. Алексу, правда, пришлось повозиться. У него никак не отклеивались волосы с груди, которые ему наклеили как истинному самураю, – пришлось драть. Станные обычаи были у этих воинов, надо сказать... По дороге я еще подсмеивалась над супергероем. В меру, конечно, чтобы не сильно обидеть...

Наконец мы собрались в приемной у троллеvidной секретарши, которую я все еще побаивалась. Пока она о нас докладывала, я тайком любовалась своей новой формой – серый пиджак военного покроя и юбка, как у главной героини «Звездного десанта». Все сидело точно по мне, ни морщинки, ни торчащей ниточки! Я ведь думала, зачем с меня мерки снимают перед тем, как отправить на задание, это, вероятней всего, чтобы знать, какого размера гроб мне нужно будет приготовить к нашему возвращению.

– О чем задумалась? Пошли, – вернул меня к действительности Алекс.

– Куда? К вашему начальству?! – Это слово всегда меня пугало, и я взмолилась, еще надеясь выкрутиться: – Но я ведь не агент, зачем мне к нему в кабинет заходить? Давайте вы сами, а...

– Нужно. Вернее, необходимо. Ты же принимала участие в операции, значит, и рапорт вместе надо сдавать, – жестко ответил командор и без лишних разговоров подтолкнул меня в спину, так что я поневоле открыла лбом дверь и оказалась в просторном кабинете. Алекс с котом вошли следом.

В глубине стоял массивный стол, а вдоль стен аккуратный стеллаж. Растения в кадках расставлены по углам, под пальмой овальный аквариум. На первый взгляд в кабинете никакого начальства не было. Разве что рядом с одной из кадок я увидела классического гнома с заостренными ушами и окладистой бородой. Гном поливал из большой лейки похожее на лимон растение. На нем были кирзовые сапоги, короткие брючки и белая сорочка, поверх которой надет коричневый жилет, и всем своим видом он здорово напоминал сельского жителя Средней Европы, если бы не красный колпак на голове.

– Э-э, здравствуйте, – опешила я.

Гном приветливо улыбнулся и, подойдя ко мне, поздоровался за руку, которую долго не отпускал.

– Очень рад познакомиться, милая девушка. Какие интересные сотрудники у нас появились...

Я почувствовала себя Белоснежкой, невольно делая книксен. И это то самое страшное и могущественное начальство?! Я украдкой отвела за спину и вытерла руку о пиджак, когда это существо наконец соизволило выпустить ее. Коротышка взобрался на высокий стул за столом и, посерьезнев, принялся слушать рапорт агента Орлова. Впоследствии мое мнение о боссе изменилось в лучшую сторону, когда я узнала, что он не только умеет играть на гармошке и вышивать крестиком в свободное от работы время. В молодости шеф слыл крутым уголовником, входил в печально известную шотландскую банду «красных колпаков» и не раз наводил шороху по округе. На каком-то этапе жизнь, полная кровопролитий и грабежей, показалась ему недостойной, и он подался в монахи. Пройдя долгий и тернистый путь от скромного послушника до начальника могущественной организации, он сумел сохранить чувство юмора, желание помочь ближнему и научился беречь своих сотрудников. Говорят, что при нем смертность агентов Базы снизилась втрое...

От гнома мы получили устное поощрение за удачно выполненную операцию, а лично я благодарность за красоту и обаяние... Далее нас направили в канцелярию, где нам вручили конверт с новым заданием и пухлую папку досье. Папка носила кодовое название «Дело крысы-вегетарианца». В действительности же операция предусматривала поимку и обезвреживание гигантского волка-людоеда, что являлось главным развлечением французов в шестидесятые годы восемнадцатого столетия. Этот Зверь вошел в историю под кличкой «жеводанский оборотень», так как обитал в горах Жеводана, французского округа Овернь, который и по сей день находится в центральной части Франции.

– Суеверные жители деревень, рядом с которыми ошивается это животное, называют его Дьяволом, – рассказывал профессор. – Некоторые полагают, что это вервольф – человековолк, колдун, оборотень. Прославился своей кровожадностью и феноменальной неуловимостью. Был неоднократно убит, освежеван и доставлен ко двору. В Лувре по сей день находится его шкура с пятьюдесятью шестью дырками от пуль. Тем не менее оборотень творит свои злодеяния снова и снова. Даже научные консультанты у нас на Базе не знают, кто он на самом деле.

– А почему они решили, что это один волк? – рассеянно осведомилась я, принимаясь за гуляш. Мы сидели в столовке, передо мной стояло два стакана с компотом, но теперь мне хотелось киселя. Синелиций на раздаче уже разливал его по стаканам, а я все еще не решалась к нему подойти.

– Потому, девочка моя... – между нами был уже окончательный мир – опасности операции с летающими головами сблизил нас с котом, – что люди его видели, и не один раз, и он отличается от обычного волка огромными размерами. Кроме того, у него есть особенный знак – черная полоса вдоль хребта на бурой шерсти, красные глаза, и он дьявольски хитер, никогда не рискует и нападает только на женщин и детей. Согласись, вряд ли в одной местности может быть несколько волков с такими приметами.

– Да-а, милый волчишка, – содрогнулась я. Но не от профессорских рассказов. Мне уже вторую минуту приходилось делать вид, будто я не замечаю подмигиваний странного парня, сидящего за соседним столиком. Больше всего он походил на мифического грифона: ястребиная голова и затянутое в тренировочный костюм львиное тело. От подмигиваний, не теряя надежды привлечь внимание, он перешел ко всяческим ужимкам, так что я уже стала опасаться, как бы не свело судорогой скулы его птичьего лица. От беспокойства слегка заелозила на стуле, но Алекс, поняливо сообразив, что к чему, усмехнулся:

– А, старина Рудик! Совершенно безобидный малый. Не издевайся над ним, просто не обращай внимания ближайшую пару часов, тогда он сам отстанет.

Пару часов?! И кто же над кем издевается...

Глава 2

Мы высадились на заросшем сорняками пригорке. Был жаркий полдень, середина лета. Внизу, на лугах, паслось стадо коров с телятами. За пастбищем чуть вправо, минутах в

пятнадцати ходьбы отсюда раскинулась довольно-таки большая деревня с церковью в центре. Дома в большинстве были довольно бедные, покосившиеся крестьянские лачуги. Отдельными островками попадались и более зажиточные дворы. За деревней колосились пшеничные поля, уходящие за горизонт, там и тут были видны многочисленные фигурки людей. Невдалеке синели горы.

– Итак, растворяемся среди местного населения. Легенда та же, я – королевский егермейстер, ты – моя сестра, – в который раз повторил Алекс.

– А я просто кот, независимая личность, – подхватил агент 013.

– Я – Жаннет, а ты – Густав Курбе, – заключила я.

Командор удовлетворенно кивнул.

На мой взгляд, он был одет слишком изысканно для егермейстера, который к тому же еще долго был в пути и вряд ли должен был выглядеть таким чистюлей. Не знаю, насколько уж его наряд соответствовал костюму егермейстеров Людовика XV, но на складе командор уперся именно в этот фасон. Камзол из какой-то бархатозамещающей ткани, сверху темно-зеленый кафтан, широкие рукава с обшлагами, два больших практичных кармана, штаны-кюлоты, которые под коленом застегивались на пуговку, белые чулки. На голове треуголка, а волосы гладко зачесаны и собраны в хвостик, завязанный черной лентой. (Самурайский бритый лоб давно уже оброс благодаря новейшему средству для роста волос. Это не реклама!) На ногах коричневые башмаки, за плечом – кремневое ружье с длинным стволом, заряженное серебряными пулями.

– Неплохо выглядишь, – восхищенно присвистнула я, – только не уверена, что егермейстеры одевались именно так. Но все равно вид у тебя потрясный!

– Спасибо, – отозвался Алекс. – Жаль только, что не могу сказать о тебе то же самое.

Я густо покраснела и закусила губу с досады. «Самовлюбленный тупой индюк!» Хуже всего было то, что он прав. Одета я была довольно просто: широкая полотняная юбка со сборками (ее еще крахмалить нужно), блуза с длинными рукавами, корсаж со шнуровкой, передник и несуразной формы чепец, а на ногах деревянные сабо. Все, конечно, чистенькое и отутюженное, но... в остальном, увы.

– Я не виновата, что меня одели как дуру, – надувшись, буркнула я. – Найду этого волка, отпинаю!

– За что? – любопытно спросил кот. – За покусанных детей?

– За то, что он не живет в Париже, а выбрал себе какую-то дыру – богом забытую гористую местность, где обитают дикие люди, которые одеваются в подобное отребье. – Я дернула за ненавистную юбку. – В Париже я могла бы наряжаться, как маркиза Помпадур.

– И тогда точно была бы душой! – заключил Мурзик, презрительно фыркнув. – Терпеть не могу перебор бантиков и кружавчиков.

– Но это еще не все! – Я топнула ногой. – В кои веки довелось попасть в это время! Один шанс на миллион, что нас снова пошлют именно во Францию шестидесятых годов восемнадцатого века, и что же? Я вынуждена прозябать в этой дыре, вместо того чтобы сейчас развлекаться в Париже и крутить роман с виконтом Вальмоном. Каждая девушка грезит об этом, когда перечитывает «Опасные связи».

– Мы вообще-то по делу.

– Но... может быть, и в самом Париже еще попадаются недобитые монстры. Призрак Оперы, например, или Злой Гений Лувра? – попыталась оправдаться я, поймав тяжелый взгляд кота. Теперь уже и Алекс смотрел на меня неодобрительно.

– Тьфу! Где вам обоим понять бедную женщину! Пошли, блюстители нравственности. – И я решительно направилась вниз. Мои спутники спешно потопали за мной, понимая, что у меня плохое настроение и пустой болтовней меня лучше не беспокоить. Только спустя пару минут Алекс осторожно положил мне руку на плечо, я недовольно обернулась и встретила с полными сочувствия серыми глазами моего товарища.

– Обещаю, – торжественно произнес он, – если эта шваль, Вальмон, будет проезжать

мимо или ненароком остановится на постоялом дворе поблизости в одной из окрестных деревень, я доставлю его к тебе! Пусть даже он будет сопротивляться, как сто чертей в бочке, – ты его получишь. И горе ему, если он только посмеет отвернуться от тебя...

– Спасибо, ты настоящий друг! – с чувством произнесла я, стараясь сдержать слезы благодарности.

Деревня при ближайшем рассмотрении оказалась еще больше, чем виделось сверху. Дома на центральной улице были каменные или глинобитные на деревянном фундаменте, отштукатуренные сверху. В одном из них и расположилась двухэтажная гостиница, первый этаж которой занимал трактир «Баран и ворота». А мы расквартировались на втором, золотые монеты с профилем Людовика XV нам выдали на Базе, так что нужды ночевать в лесу не было. Номера скромные, но довольно сносные – беленые стены, два стула, медный таз для умывания, широкая кровать с кучей подушечек и в изголовье над ней деревянное, покрытое темным лаком распятие.

«Все равно романтика», – решила я, оставшись одна и, не в силах больше сдерживать эмоции, с хохотом с разбега прыгнула на застеленное белоснежными простынями ложе. Вот это да! Франция, век восемнадцатый. Бесконечные войны с Австрией, роскошная жизнь при дворе короля, балы, грандиозные празднества с фейерверками, шампанское, дамы в кринолинах, галантные кавалеры, интриги, сплетни, мушки – короче, полный отрыв! «После нас хоть якобинцы». Сказочная жизнь затягивала, закручивала, оплетала, обволакивала густым розовым туманом...

Я очнулась от настойчивого поскребывания в дверь – так обычно заявляет о своем приходе профессор. Боже, неужели я уснула?

– Здравствуй, не знаешь, сколько времени? – спросила я, впусив его в комнату.

– Уже вечер, – лаконично доложил мой друг. – Алекс успел познакомиться с жителями деревни, благодаря его липовым документам все верят, что он королевский егермейстер. Оказалось, что охотников на волка здесь пруд пруди. Наша гостиница ими просто кишит. Народ стекается со всех концов Франции, оставляя все дела и семью в надежде завалить популярного волчару.

– С чего вдруг такой энтузиазм? – зевнула я, садясь на кровать.

– Король и епископ Мандский обещали за его голову десять тысяч ливров.

– О! – оживилась я. – А сколько это будет на доллары?

– М-м... если полновесными золотыми людовиками, по спекулятивному курсу твоего времени... – начал подсчитывать кот.

– Надеюсь, мы не уедем, не взяв вознаграждения?!

– Это было бы глупо, – согласился толстун, и мы с ним обменялись понимающими взглядами. Тут пришел Алекс (слегка навеселе), он побывал в трактире, и теперь его немного пошатывало. Снизу доносилось сбивчивое пение. Знакомый мотив.

– Ребята досрочно выучили «Марсельезу»... ик! – пояснил командор, видя, что я заинтересованно прислушиваюсь. – Правда, я и сам... до конца не помнил слова, пришлось по ходу досочинить. М-можно я тут прилягу, чей-то ноги не держат...

Он бесцеремонно отодвинул меня в сторону и, даже не снимая обуви, рухнул на мою кровать, демонстративно захрапел.

– Вэк! Слов нет, а теми, что есть, во Франции выражаться не принято... Я его еще таким не видела, – ошарашенно выдавила я. – И часто он этак напивается?

– Да нет, агенты обычно не злоупотребляют, – спокойно отозвался кот. – Ничего страшного, сегодня на вечер у нас намечалось всего лишь прошупывание местного населения. Пока волк не объявится, не следует предпринимать активных действий. Сейчас восемнадцать тридцать, мы с тобой можем позволить себе маленькую прогулку по деревне, а Алекс пусть проспится.

Оставив бесчувственного «спасителя человечества» в номере, мы с профессором спустились вниз. Подвыпившие гости еще не уgomонились, и хотя «Марсельеза» в переработке Алекса звучала довольно нелепо, только один человек в трактире, кроме

трактирщика, не пел. Сидевший за дальним столиком худощавый тип в черном камзоле с колючим взглядом наблюдал за происходящим вокруг и время от времени что-то строчил в тетради, лежащей перед ним.

– Кто это? – спросила я у трактирщика, поправив медальон «переводчик».

– А, этот в черном? Это агент тайной полиции Меризо по кличке Замочная Скважина. Он у нас инкогнито! – громовым голосом оповестил трактирщик, вытирая о фартук пальцы.

Услышав его слова, Меризо вжал голову в плечи и попытался стать меньше ростом, но, увидев, что на него не обращают ровно никакого внимания, бросил это дело и снова что-то застрочил в тетради.

Я выбрала свободный стол в углу. Кот примостился рядом, искоса изучая замызганное меню.

– Позвольте порекомендовать вам, мадемуазель, коронное блюдо нашего трактира, телячьи отбивные. Мы их так готовим, что просто пальчики оближешь, – услужливо улыбнулся хозяин.

– Мы подумаем, – строго сказала я.

– Значит, еще кто-то придет?

– Нет, мы подумаем с Пусиком. – Я смерила трактирщика строгим взглядом, указывая пальцем на кота, и тот поспешил отойти.

Котик был оскорблен:

– Как?! Меня – Пусиком?! Это меня, профессора университета, меня, секретного спецаргента по борьбе с монстрами? – зашипел он, стараясь, выглядеть предельно грозно.

– Извини, Пусик, но это имя тебе очень подходит, – влюбленно произнесла я, позволив себе просто кошунственную вещь – игриво почесать его за ухом. – Ну не дуйся, давай лучше посмотрим меню. Тебе что? Тут есть утка по-мексикански, луковый суп-пюре с сыром, отбивные, рагу «бланкет», форель под шубой...

По мере перечисления блюд кот постепенно успокаивался, к концу списка он незаметно замурлыкал, а список состоял из двадцати или около того блюд.

– Тогда мне, пожалуйста, вот эти...

– Слушай, это просто возмутительно! – перебивая воскликнула я. (Смущенный трактирщик, не задавая вопросов, тут же подбежал и подал мне вино за счет заведения. Всю бутылку мы оставили Алексу на опохмелку, но это к слову...) – Где лягушачьи ножки, я не пойму?! Это Франция или нет?

– Лягушки – это деликатесное блюдо, так же как и устрицы. Не обязательно они должны быть в трактире каждой богом забытой деревушки, как ты ее называешь, – укоризненно фыркнул Мурзик. – Кстати, от них толстеют.

– Утешил.

Мы сытно и вкусно отобедали (кухня тут была неплохая) и пошли знакомиться с местным населением. По дороге к выходу специально постояли возле сыщика Меризо, который испуганно прикрыл написанное рукой и проводил нас весьма недружелюбным взглядом.

В деревне нам встретились подвыпившие солдаты, которые громко распевали «Марсельезу». Видимо, песенка быстро распространилась...

– Чудесно! Замечательно! Феерично! Какая экзотика – королевские солдаты! – как можно громче произнесла я, обращаясь к коту и бесцеремонно, как музейные экспонаты, разглядывая четверых солдат. Парни поспешили свернуть с дороги, я слышала, как их предупредил командир: «Сумасшедшая... наверное, из Парижа, не надо с ней связываться».

– Солдаты тут по той же причине, что и мы, – ищут волка, – пояснил профессор, когда мы с ним прошли несколько шагов. Я обернулась. Один нетрезвый солдат говорил другому, остановившись между двумя домами и пошатываясь:

– Вот это наш дом.

– Нет, олух несчастный, тут расквартирован отряд Лебурье, нам вон к тому дому.

– А я говорю, что мы зашли не в то село, – вмешался третий.

– Похоже, они заблудились, – хмыкнула я. – Представляю, какую конкуренцию они нам составят в поисках волка.

Мы двинулись дальше. Увидев скопление женщин возле колодца, галдящих на всю округу, я поспешила к ним, в надежде подслушать что-нибудь интересное.

– Мари Анна снова спуталась с мужем Софи, и та сегодня пойдет трепать ее за волосы, – щебетала одна, ожидая своей очереди к колодцу.

– Как интересно! – воскликнула ее слушательница, восхищенно округлив глаза. – О, то есть я хотела сказать, несчастье-то какое!

– Я хочу с тобой поделиться по секрету, дорогая Мари, мы с Жаном Пьером наконец-то решили пожениться, – шепотом сообщила стоящая рядом со мной девушка своей подруге. От этой невинной фразы на всю деревню разнеслись визг и крики.

– Что?! Что ты сказала, стерва? Жан Пьер женится на мне, мы с ним договорились об этом только вчера вечером. – С другой стороны колодца появилась рыжая девушка и с грозным видом замахнулась деревянным ведром на не к месту разоткровенничавшуюся односельчанку. Я предусмотрительно отодвинулась на шаг в сторону.

– Эй вы! Две лгуньи паршивые, ведьмы драные! Заритесь на чужое счастье, плетете невесть что, а все потому, что завидуете. Ведь Жан Пьер любит меня вот уже последние две недели и только сегодня утром сделал мне предложение, – встряла третья красавица. Две «претендентки», до этого сосредоточенно царапавшие друг другу лица, тут же объединились и переключились на новую соперницу.

Мы с Мурзиком, как и остальные, с интересом смотрели на драку и даже делали ставки. Одна женщина быстро собирала деньги и карандашом делала отметки на клочке бумаги.

Я поставила на вторую, рыженькую. В это время стоявшая рядом со мной скромного вида девушка обратилась ко мне:

– Привет, меня зовут Жослин.

– А меня Жаннет.

– Знаешь, нет смысла в выяснении их отношений. Ведь Жан Пьер еще только полчаса назад как признался в любви мне, а венчаться мы решили уже завтра.

О, как же мне захотелось собственными глазами увидеть этого легендарного Жана Пьера! Драка закончилась, победителей не оказалось, все три женщины были изрядно потрепаны, но в принципе без особого перевеса. Сельчанки, делавшие ставки, с помощью пинков и колотушек выбили свои деньги обратно с букмекерши, которая под шумок собиралась улизнуть. Я тоже вернула свою мелочь. Женщины стали расходиться, а я решила задать вопрос моей новой знакомой:

– Слушай, а что сейчас говорят насчет жеводанского оборотня, он давно уже не проявлял себя?

– Нет, в последний раз его видели неделю назад, какой-то парень тащил его из трактира, упившегося почти до бесчувствия. Они вдвоем орали песни и скрылись в лесу. А что?

– Да нет, ничего, – слегка опешив от услышанного, протянула я. – Но разве его не ловят?

– Конечно, ловят, ведь он, говорят, уже съел больше двухсот человек. За один присест, по слухам, этот Волк съедает по две тушки, – спокойно разъяснила мне девушка.

– Кого?! – вытаращила я глаза. – О, то есть понятно. Просто это... так жутко звучит, извини. Так что, он тут сидит в кафе, то есть в деревенском трактире, и его еще никто не поймал? Как такое возможно?

– Охотники тоже были вдрызг пьяны, они ведь пили вместе, – охотно объяснила сельчанка, глядя на меня своими простодушными глазами.

– Восхитительно! Вас что, устраивает, что он тут всех ест?!

– И вовсе не всех! То есть он, конечно, может съесть всякого, но ты не представляешь, какая у нас жуткая скука... С появлением Волка в нашу деревню зачастили люди, многие так и оседают здесь на постоянное жительство. А как оживилась торговля сувенирами...

– Вэк! – не смогла удержаться я. – Ну-ка, ну-ка, расскажи поподробнее, может, я тоже вложу средства в гостиничный бизнес.

– Как? Ты что, совсем-совсем ничего не знаешь? – недоверчиво спросила моя собеседница, глядя на меня, как на столичную журналистку.

– Да просто хочу освежить память, – беспечно ответила я. Жослин только пискнула от восторга, ведь рассказать-то хотелось, и стала выливать на меня все, что слышала о Волке.

– Ну, говорят, что Зверь – это на самом деле и не волк никакой, а вервольф. Днем он человек, а ночью, надев волчью шкуру, становится Зверем. Его нельзя убить даже серебряными пулями, и он способен соблазнить любую девушку. А благодаря тому что он сделал наш Жеводан знаменитым, никто из местных никогда не станет помогать приезжим охотникам. Подозревают даже, – тут девушка сделала мне знак нагнуться к ней поближе и многообещающим шепотом сообщила мне на ухо, – что это наш деревенский староста Жак Коротышка.

– Да-а?! – в том же тоне откликнулась я, подумав про себя, с какой же дурой связалась.

– Почти наверняка это он. – Девушка убежденно кивнула. – Во-первых, больше некому, во-вторых, ему и положено заботиться о благе деревни, а еще... О, вон, кстати, он сам идет.

Вдалеке показался невысокий старичок, прихрамывающий на обе ноги, при ближайшем рассмотрении оказалось, что у него просто ноги колесом и хромотой он не страдает. Увидев нас (или, скорее, мою собеседницу), старичок в ужасе попятился и, обернувшись кругом, бросился бежать с неожиданной для его возраста резвостью.

– Станный у вас какой-то староста.

– Действительно, я только сейчас стала это замечать. – Жослин задумчиво наклонила голову вбок. – Не далее как вчера вечером я ему битых три часа объясняла, почему Жан Пьер никогда не женится на его уродине дочери, а сегодня он от меня убегает... Ну так вот, о Волке еще говорят, будто он кроме человечины очень любит утку по-мексикански. Поэтому в нашем деревенском трактире ее подают как «любимое кушанье жеводанского оборотня», это привлекает массу посетителей. Под влиянием всеобщей шумихи, созданной вокруг Зверя, трактирщик даже подумывает переименовать свое заведение и назвать его «Волк и бабушка».

– А почему «Волк и бабушка»?

Или тут все сумасшедшие, или я начинаю медленно сходить с ума.

– Потому что «Волк и Шапочка» уже есть в соседней деревне, – пояснила, дивясь моей непонятливости, Жослин. – Ведь Красная Шапочка, бывшая любовница Зверя, жила именно там.

– Потрясно! У него еще и любовниц полный пучок... Ну все, я пошла. – Я попыталась сбежать.

– Подожди, это еще не все, – затрещала Жослин, хватая меня за руку, – еще говорят...

И тут я заметила, что профессора рядом нет.

– Слушай, ты не видела моего кота? – немного встревоженно спросила я.

– А, этого серого толстячка? Я не знала, что это твой кот. Он ушел уже довольно давно, во-он в ту сторону. – Она показала вдоль деревенской улицы.

– Спасибо. Но мой кот никакой не толстячок, это здоровая мужская полнота! – разделяя слова, четко произнесла я, страшно обидевшись на такой пренебрежительный отзыв о моем боевом товарище.

После чего с гордо поднятой головой, стуча деревянными башмаками, пошла в указанном направлении. Жослин так и осталась стоять, пришибленная моим равнодушием к ее информации. Мне не терпелось найти агента 013 – не гулять же весь вечер одной. Юбку все время приходилось приподнимать, чтобы не споткнуться, чепец съехал на затылок, а мысли были о... разном, в основном об Алексее.

Неожиданно дорогу мне перегородил усатый парень в форме и сказал, что он драгунский капитан Леон.

– Ну и что? – буркнула я тоном, не располагающим к дальнейшему общению, и

попыталась его обойти. Однако француз не собирался уходить так быстро, а, наоборот, горел желанием познакомиться. Он обаятельно улыбался и не распускал рук, поэтому я снизошла до того, чтобы назвать свое имя. Что же, раз уж не удалось узнать ничего путного от сельчанки, может, капитан драгун знает побольше, и ради этого с ним стоит хотя бы недолго пообщаться. Мы шли по деревенской улице, капитан суетливо подпрыгивал, петушился, травил анекдоты, хвастался, осыпал меня комплиментами. Говорил, что он родом из Нормандии, а там живут лучшие во всей Франции парни, срывал придорожные цветы и совал мне в руку (я их украдкой выкидывала, уж слишком пыльные попадались...). В общем, капитан делал все, что в его понимании должно было непременно сразить мое сердце. Слушая его вполуха, я мрачно выглядывала везде своего кота.

– Вы кого-то ищете, мадемуазель? – ревниво спросил мой поклонник.

– Я ищу своего кота Пусика, – сухо ответила я. – Но ничего страшного, думаю, он не пропадет. Лучше скажите, если не секрет, как вы собираетесь уничтожить жеводанского оборотня? Мне кажется, что для ваших вояк это безнадежное дело...

– Мы ждем, пока он снова покажет себя, – помрачнел капитан. – В последний раз он напал на молочницу в паре лье отсюда, у обрыва, мы организовали облаву, но все напрасно, в ловушку попал медведь, когда мы его обнаружили, он надавал всем тумачков и сбежал. А Толстому Жану вообще ободрал ухо, причем левое!

– О-о, какая трагедия...

Леон потерял шею, наверное, вспоминая тяжелую лапу медведя, но уже через секунду беспечно улыбнулся. В общем-то парень он был беззлобный и даже симпатичный, черноволосый и скуластый. Но говорить с ним больше было не о чем, и я сослалась на безнадежно больную бабушку, сидящую дома в одиночестве, и попыталась распрощаться, но парень был на удивление прилипчив и отвязался, только увидев в конце улицы знакомых девушек, которые призывно махали ему рукой, безудержно хохоча. Бедняга, повинувшись естеству, извинился и вскачь понесся к ним.

А я, вздохнув свободно, вдруг почувствовала дикую усталость и решила, что кот действительно не пропадет и сам вернется домой. А до гостиницы я вполне доберусь и без его помощи. Боясь заблудиться, я пошла той дорогой, которой сюда забрела. Идя мимо низких глинобитных крестьянских домиков, утопающих в зелени фруктовых деревьев и кустов, я вдруг услышала кошачьи крики и призывное мяуканье. Так бывает, когда коты решают оторваться по полной программе с питьем селедочного рассола, как известно самого хмельного кошачьего напитка, с дракой и настойчивыми ухаживаниями за местными кошками. Эти крики доносились из чьего-то заросшего бузиной сада. Я решительным шагом направилась прямо туда и гавкнула изо всех сил! Мелькнули кошки, бросившиеся врассыпную, но я вовремя успела приметить и выхватить из кустов за шкурку грязного серого кота, лишь отдаленно напоминающего чинного и приглаженного профессора.

– О, извините, агент 013, я вам не помешала? – нарочито вежливым тоном осведомилась я, поставив кота на землю. Тот поднял на меня слегка осоловевшие зеленые глаза, покачался на задних лапах и выдал возмущенным тоном целую тираду:

– Что, я не имею права на личную жизнь?! Тут такие киски ходят, шерше ля фам, настоящие француженки! Когда доведется еще раз побывать в этой стране любви? Иди спать, киска, тьфу ты, девочка, и не пытайся учить старших. О, мон шер... лямур, лямур, лямур!

Замурлыкав, он демонстративно повернулся и бросился в кусты. Когда я уже вышла на дорогу, то снова услышала кошачьи серенады, еще более громкие и яростные.

«Ну, я вам это еще припомню, – рычала я, быстрым шагом направляясь к гостинице. – Сами развлекаются, как хотят, даже этот ханжеский кот раскрыл наконец свою истинную сущность, а меня оставили, бросили одну. Один пьет до поросычьего визга, другой по бабам... тьфу! по кошкам завинтился! Вот наплюю на вас и на вашего драного волка и уеду в Париж – узнаете тогда. Я теперь агент, и вы несете за меня ответственность, будете искать как миленькие, пока не найдете. Но и тогда не факт, что я к вам вернусь, просите

меня, умоляйте, а я, может, предпочту остаться в Париже и в этом времени, зачем мне домой?! Ничего, поживу без мамы, зато увижу французскую революцию. Хотя тогда мне будет лет пятьдесят, болезни замучают. Нет, как-то не в кайф это получается... Или, еще хуже, суд Робеспьера на гильотину отправит! Не-е, лучше жить сегодняшним днем. Найду Вальмона и соблазню его! Буду как маркиза де Мертей, куплю себе замок на вырученные от поимки Волка денежки. А что, я и сама его прекрасно поймаю! Потом устрою себе литературный салон, подружусь с Руссо и Вольтером, а Ватто и Буше будут писать с меня Коломбин. Хотя нет, похоже, этих двух художников уже нет. Ну да это поправимо, замена всегда найдется, Делакруа какой-нибудь...»

Бурча под нос и глядя под ноги, я не заметила, как вышла на задний двор гостиницы и стала спускаться к пустырю, куда сваливали мусор всей деревней. Уже смеркалось.

– Отлично выглядишь, крошка! – раздалось рядом. Опять Леон, этот ловелас несчастный деревенского масштаба вернулся, потому что у тех девчонок у него ничего не выгорело.

– Слушайте, Леон, – я, рыча, подняла глаза. Но это был не он... Мама дорогая! Передо мной, облокотившись о выступ замурованного окна, на задних лапах стоял не кто иной, как гигантский Волк со свалившейся бурой шерстью. Пока я столбенела, раскрыв рот, Зверь, наслаждаясь произведенным впечатлением, передней лапой почесал себе косматую шею и снова выжидательно уставился на меня.

– Здравствуйте, в-волчишка, – дрожащим голосом пролепетала я, тем не менее пытаясь выказать пренебрежение к его персоне. Понятно, что этот тип отличается повышенным самомнением. Терпеть таких не могу... Надо же было хотя бы попытаться поставить его на место. А перед смертью можно многое себе позволить.

– Ха! Волчишка?! – почему-то обрадовался Волк. – Хм, пикантно, еще ни одна девчонка меня так не называла, звучит так воркующе-нежно... Мне нравится.

В его огромных, красных, по-звериному выразительных глазах появился неподдельный интерес.

– Может, прогуляемся? – с улыбкой предложил он. Возможно, обычные волки не улыбаются, но этот точно умел это делать, к тому же с весьма многозначительным видом, почище любого киношного Вальмона, галантным движением подал мне лапу.

– Вы предлагаете прогуляться по пустырю? – набравшись храбрости, уточнила я, глядя на волчару снизу вверх.

– Конечно, но, если вас что-то смущает, прошу, не молчите, – заботливо проговорил серый кавалер, накрыв правой лапой мою руку.

– А... э-э... может, будет гораздо удобнее, если вы пригласите меня на чашечку кофе? Трактир рядом, к тому же становится прохладно... – стараясь быть убедительной, выпалила я.

Волк нахмурился (я задрожала), он спокойно, но уже со льдинкой в голосе произнес:

– Не считайте меня за круглого идиота, мадемуазель, в трактир мне сегодня вечером никак нельзя, да и завтра навряд ли. Потому что теперь на этом постоялом дворе поселился мой самый злейший враг – Густав Курбе!

Я аж подпрыгнула на месте.

– Но ведь он спит, – сболтнула я и тут же принялась корить себя и каяться, посыпая голову пеплом.

– Да?! Вы уверены? – Казалось, Волк раздумывает, в глазах его на мгновение мелькнула искорка злорадства, но только на мгновение, уступив место беспокойству. – Конечно, можно бы воспользоваться и расправиться с ним раз и навсегда, но слишком рискованно. Придется повременить. – И он снова с улыбкой обернулся ко мне: – Какие-нибудь еще есть предложения?

– Ну, может, тогда просто погуляем по деревне, я только сегодня приехала и не успела осмотреть все достопримечательности. Уже стемнело, так что вы никого не смутите, и нам дадут спокойно пообщаться.

Волк серьезно задумался:

– Вообще-то я эту деревню знаю вдоль и поперек, тут точно смотреть нечего. Из достопримечательностей разве что местные барышни, но сегодня вечером я только ваш. – Мой ухажер галантно поклонился. – О! Есть идея, ты сядешь мне на спину, и я мигом доскачу до ближайшего городка, там у меня есть безопасные места, где можно веселиться всю ночь напролет.

– Когда это мы успели перейти на «ты»?

– Ой, ну не строй из себя недотрогу, детка... Поехали!

– Пожалуй, нет, это перебор, я и так сегодня поступилась всеми принципами, – старательно смутилась я. – Вообще-то не в моих правилах гулять с незнакомыми волками.

– Но я ведь необычный волк, – выпятил грудь назойливый кавалер, – к тому же ты меня знаешь, зачем скрывать? Сейчас у меня пик популярности, о жеводанском оборотне знают во всей Центральной Франции, от Гаронны до Сены, не говоря уже о том, что весь Парижский двор только обо мне и судачит. Знаешь, как порой икается?

– Да неужели?

– Ага! Да и охотники время от времени достают. Все-таки популярность – вещь обременительная, – скромно потупив глаза, проговорил он. – Но тебе не нужно строить из себя целомудренную барышню, я же сразу понял по твоему лицу, что ты таковой не являешься. Хе-хе, – подленько захихикал он. – Но все равно ты трогательная милашка...

«Вот разбойник мохнатый, как же сейчас хочется дать ему пинка!» – мстительно думала я, гуляя с ним под руку по пустырю. А куда денешься? Он же просто волочит меня за собой...

– Слушай, волчишка, откуда ты знаешь Густава Курбе? Просто он мой не совсем близкий знакомый, но Густав ни разу не рассказывал мне о том, что встречался с тобой.

– О, это еще тот тип, чувствую, попортит мне шкуру! Лично я его никогда не видел, но благодаря своим связям знаю, что он сильный враг. Как известно, у великих много врагов, которые вырастают из завистников. Они пытаются ухватить хотя бы толику моей славы, просто как паразиты на теле. Ты думаешь, им нужны десять тысяч ливров, которые они могут получить за мою шкуру? Нет, они знают, что этих денег все равно не хватит на всех, и пытаются хотя бы потереться около и просто примазаться к моей фантастической популярности. А Густав Курбе, он не из них, и он даже не тот, за кого себя выдает. О, что-то я разболтался, разве с хорошенькими барышнями говорят на такие серьезные темы? – перешел он на игривый тон.

– Так кто же ты на самом деле? Умеешь разговаривать как человек, и еще много чего в тебе есть, что выгодно отличает тебя от обычного животного, – задумчиво спросила я, с любопытством заглядывая ему в глаза. Главное – не дать разговору закончиться и не переставая отвлекать волчару – мало ли что ему взбредет? Я даже думать об истинных его намерениях не хотела.

– Больно ты любопытна, крошка, для обычной деревенской девушки, – с подозрением проговорил Волк, слегка отстраняясь и, глядя на меня уже совсем другим, звериным, взглядом, медленно произнес: – Попробуем, какая же ты на вкус...

– Бабушка-а!!! – не своим голосом завопила я.

– Ты чего? – опешил Волк.

– Извини, я не то хотела сказать. А-алекс!!!

И тут с крыши гостиницы, у задней стены которой мы стояли, на нас упала сеть, раздались выстрелы, полетели камни! Свист, вой, огни, улюлюканье! Мы с Волком как угорелые бросились в разные стороны, он легко порвал сеть, вырвавшись на свободу, и прыгнул в ночь. Я видела бегущих к нам людей с ружьями, рогатинами, вилами. Запутавшись в сети, я бросилась к ним навстречу, рухнула и тут же почувствовала, как меня схватили в охапку. Пришлось вновь брыкаться и орать:

– Отпусти, волчара позорный! А-алекс!!!

– Это я и есть, твой Алекс. Не надо меня бить, пожалуйста, – взмолилось существо,

схватившее меня, ослабляя хватку.

Я вытаращила на него глаза. Точно, это был Алекс. Волка и след простыл. Народ остановился в недоумении, похоже, никто не заметил, куда он делся.

– Сначала зовет, потом пинает, что за манеры у тебя, Лина Жаннет? – раздраженным тоном выпалил Алекс. – Я с голыми руками кидаюсь между тобой и Волком, спасаю тебя от верной смерти, и вот она – благодарность?!

Я была готова его укусить, командор предусмотрительно отпрыгнул в сторону. Охотники, солдаты, крестьяне – все столпились кучей и галдели. Один говорил, что Зверь кувыркнулся в воздухе и исчез, другой, будто тот превратился в летучую мышь, третий шутил, что оборотень спрятался у меня под юбкой. Его я постаралась запомнить...

Жак Коротышка суетился больше всех, призывая народ сейчас же идти в лес и завалить Зверя, больше ему некуда деваться, наверняка он туда и побежал. В толпе мелькал Меризо Замочная Скважина и прислушивался. Получалось, Алекс успел ближе всех подобраться к Зверю, а значит, с него и спрос. Я бросила в его сторону гневный взгляд, ружья при агенте не было и в помине.

– Слушай, хитромудрый охотничек, а где твое ружье с серебряными пулями? Ты, вообще, осознаешь, что больше такого шанса не представится? Десять тысяч ливров, между прочим, на дороге не валяются, да и Почетная грамотка от начальства была бы уже у тебя в кармане, а я знаю, что она тебе дороже десяти тысяч ливров. Как ты мог так облажаться?

– Тебе, кстати, крупно повезло, что я поблизости ошивался. Извини, что, когда выхожу по нужде, про ружье как-то не вспоминаю. Конечно, услышав твой крик, я мог бы побежать за ним на второй этаж, почистить, зарядить и без суеты вернуться сюда. Но ты бы потом сама обвиняла меня в черствости и эгоизме!

Нет, я тоже высказала ему все, что я о нем думаю, но какой смысл ругаться? Разумнее было пойти спать, тем более что время приближалось к полуночи. Люди стали расходиться, глупо тащиться в лес ночью, тем более не факт, что их там кто-то заждался, а завтра рано утром многим выходить на работу. Меризо тоже исчез, видно, и тайным агентам отдыхать все-таки нужно, хоть иногда.

– А где агент 013? Ты его не видела? – зевнул командор, когда мы поднимались по лестнице.

Я проигнорировала его вопрос, хлопнув перед самым носом дверью своей комнаты.

– Завтра с утра идем в лес, сестричка, ставить капканы, – крикнул он, приложив губы к замочной скважине, – в девять утра я зайду за тобой, чтобы была готова.

Я слышала, как он, удаляясь, насвистывает «Марсельезу», а потом и скрип двери его с Мурзиком номера.

Можно было отдышаться и позволить себе расслабиться... Я причесалась, стоя над тазиком, умылась теплой водой из кувшина, разделась и легла, укрывшись одеялом. Наконец-то этот суматошный день закончился, и сон смежил мои ресницы. Мне стал грезиться Вальмон, который одновременно был и Алексом, и уборщиком на нашем постоялом дворе. Послышался какой-то шум, и я мгновенно очнулась. В стекло кто-то стучал, вернее не стучал, а кидал камешки. Я вскочила с кровати и подошла к окну. На опустевшей улице, залитой лунным светом, прямо под моими окнами стоял Волк. Заметив, что я его увидела, он призывно замахал лапой, вероятно приглашая на прогулку, и многозначительно подмигнул. Решив признать его галлюцинацией, я показала Зверю язык и спокойно проспала до самого утра...

Едва светало, когда я проснулась от таких громовых ударов в дверь, словно ее пытались пробить тараном. Выскочив из постели в одной ночной рубашке, я рванула щеколду, дабы обрушить на ранних гостей, кто бы они ни были, хоть старикашка Людовик XV со всей своей свитой, все, что я о них думаю. На пороге стоял свежий как огурчик Алекс, одетый по-дорожному, за плечами ранец, в руках ружье, а у ног его сидел агент 013. Но этот был, похоже, не в таком радостном расположении духа. После вчерашнего у кота были еще мутные и покрасневшие глаза, а шерсть на спине склеилась от селедочного рассола. Я только

раскрыла рот, как «мой брат» меня опередил.

– Жаннет, ты еще не готова?! Сколько прикажешь тебя ждать?! – раздраженно выпалил он, пряча благожелательную улыбку. Я только собиралась вставить слово, но мне опять помешали: – Мы ждем тебя внизу, в трактире. Надеюсь, десяти минут тебе хватит, чтобы собраться, – строгим голосом напомнил командор. После чего, резко повернувшись, быстро спустился по лестнице, не оставив мне возможности высказаться. Кот еле поспевал за ним, его еще здорово пошатывало после вчерашнего.

Как видите, выбора мне не оставили, поспать все равно уже не удастся, поэтому я скоренько привела себя в порядок: оделась, умылась и спустилась вниз.

– Во сколько ты должен был за мной зайти, братец? – окинув Алекса недовольным взглядом, спросила я, опершись руками на стол. – В девять! А сейчас еще нет и семи!

Но ожидаемых мук совести мои слова у него не вызвали, он просто зевнул и равнодушно пожал плечами. В трактире еще ничего не готовили, потому что посетителей не было, но для нас на скорую руку был сделан омлет с грибами, а коту мы взяли для больной головы гофмановский селедочный рассол.

Спустя полчаса мы уже шли по деревне сытые, суровые, и настроение у всех было заметно приподнятое. Жизнь вокруг кипела. Крестьяне с косами направлялись на сенокос, пастух гнал коров на пастбище, женщины выгоняли скотину за ворота. Командор подмигнул какой-то востроглазой девушке и обменялся с ней подозрительно-заговорщическим взглядом. Мне это почему-то совсем не понравилось, я обернулась и показала ей кулак. Мы неторопливо шли через луг, нас обгоняли другие охотники, с ног до головы увешанные капканами и оружием. Невдалеке в том же направлении, что и мы, шествовал какой-то странный тип – здоровый толстяк с гренадерскими усами в женской юбке и широкой кофте. На ногах – деревянные башмаки, такие же, как у меня, только размеров на пять больше. Я сначала зажмурилась на мгновение, думала, видение исчезнет, но не тут-то было, оно не только не исчезло, но и направилось к нам.

– Его нам только не хватало, – процедил сквозь зубы Алекс, пояснив мне, что это Толстый Жан, очень активный ловец жеводанского Зверя. Драгунский сержант из отряда Леона. Правда, если бы еще к его рвению добавить немножко ума...

– Здорово, Жан. Как ты после вчерашнего? Вижу, вижу, неплохо выглядишь. Позволь представить тебе эту милую девушку – моя младшая сестра Жаннет. Вы даже тезки. Правда, на этом сходство заканчивается.

Толстый Жан уже схватил мою руку обеими своими лапищами и возбужденно тряс, улыбаясь во всю ширь своего простецкого доброго лица. Вид бывшего ветерана в женском платье не просто потрясал, а доводил до ступора. Я застыла, невежливо распахнув рот...

– Очень приятно познакомиться, мадемуазель. Много хорошего слышан о вас от командира нашего отряда капитана Леона.

– Вэк...

– Что, что?! – переспросили Алекс с сержантом.

– Э-э... Очень надеюсь, что действительно только хорошее, – через силу улыбнулась я, на душе было довольно кисло – кто дал право этому зарвавшемуся капитанишке Леону трепать мое имя среди пьяных солдат?!

– Интересно, откуда Леон знает о тебе столько хорошего? Рассказал бы мне, я бы тоже, может, узнал что-то новое, чего раньше ну никак не замечал, – отвлеченным тоном, как бы между прочим, буркнул командор и принялся свистеть, дескать, что ему до всего этого абсолютно нет никакого дела.

– Извините, если не секрет, почему вы так необычно одеты? – не выдержала я, делая вид, что не замечаю реакции Алекса.

– Это приказ капитана, маскируемся под женщин, – улыбочиво разъяснил словоохотливый Жан. – Стараемся, так сказать, сыграть на мужской слабости Зверя. По-моему, это очень хитроумный маневр, и если сейчас Волк не клонет, то его поимка дело безнадежное.

– А почему вы уверены, что Зверь обратит внимание именно на вас? – недоумевала я. От такой «красотки» можно было только шарахаться...

– Потому что наш отряд не просто оделся в женские одежды, но и будет всячески пытаться попасть Волку на глаза! Мы будем гулять по лесу, крутиться около речки, где его чаще всего встречают. Иногда он подглядывает за купальщицами, хи-хи! Если в это время я буду сидеть в камышах на берегу, то подкараулю Волка и застрелю его. А потом, кому же еще прихлопнуть эту бестию, как не сержанту армии французского короля? А французская армия самая сильная в Европе, мадемуазель, не подведем честь мундира!

С этими словами Толстый Жан сорвался с места и галопом побежал в лес, путаясь в складках юбки, из-под которой явственно выпирало короткое ружье. Кот, героически молчавший во время нашего разговора, встал на задние лапки и выразительно покрутил когтем у виска. Я была с ним полностью солидарна.

Когда мы уже ступили под сень деревьев, я спросила у Алекса:

– И что теперь?

– Раскидаем капканы, а потом... А-ай!!! Черт их всех раздери!!!

Бедняга Алекс попал в капкан. Такой мощный, огромный, рассчитанный, наверное, на медведя, мы и не заметили его сразу в высокой траве. Я встревоженно суежилась, пытаюсь помочь командору освободиться, а кот в это время безмятежно точил когти о пенек и философствовал:

– Успокойся, Алекс, не подвывай так, каждому из нас в жизни уготован свой капкан. Тот, из которого ты сейчас на пару с Алиной пытаешься вытащить свой башмак, еще не из самых страшных. погоди, друг мой, – оптимистично предрекал он, – вот женишься, и это будет еще тот капкан, почище десятков таких, в который ты сейчас угодил.

– Хватит каркать! О-е-е!!!

Наконец-то стальные челюсти были разжаты, а наш напарник освобожден. Приглядевшись, мы только сейчас узрели, что в лесу, насколько хватало глаз, под деревьями, кустами и на открытых полянках – все было усеяно капканами всех размеров и конструкций, которые только существовали на свете!

– Нам тут делать нечего, – заключил Алекс, потирая пострадавшую ногу и, прихрамывая, побрел прочь из леса. Мы с Пусиком, естественно, поплелись за ним. Профессор взял слово, когда мы вышли в поле.

– Пора разработать действенный план ликвидации жеводанского Зверя. Еще вчера утром мы наивно полагали, что уничтожить его будет легко, по крайней мере, легче, чем справиться с летающими головами. Теперь же, видя многочисленных претендентов на шкуру Волка, мы понимаем, что он, похоже, действительно неуловим. Признайте, что эти люди здесь намного дольше, чем мы, и не сидят сложа руки. Если поглядеть хотя бы на этого Толстого Жана и усеянный капканами лес, становится ясно: охота приобрела характер крупномасштабного действия! Но вернемся к Зверю... Несомненно, он не обычное лесное животное, но кроме этого мы ничего не знаем о его уме, привычках и способностях. Кто он?! Как ему удастся ускользать так ловко во время облав, совершаемых столь периодически, что, похоже, они уже вошли в традицию, став для народа чем-то вроде развлечения. Несомненно, нам надо разработать тончайший план, но сделать это будет сложно, пока мы не узнаем, кто же на самом деле этот Волк – оборотень, демон, мистификация, исчадие ада или же кто-то еще и какие у него уязвимые места.

– Я знаю, что он любит утку по-мексикански, нельзя ли это как-то использовать? – Ничего более подходящего случаю сразу не вспомнилось. – Ее можно положить в капкан и...

Кот смерил меня взглядом, сокрушающимся о моей безысходной тупости.

– Деточка, этот Волк не глупее тебя, – сказал он, сузив глаза, и это еще было комплиментом моему уму.

– Все ясно. Придется подождать и посмотреть, как будут разворачиваться события, – заключил Алекс. – На эту операцию нам выделено две недели, так что время есть.

– Две недели в этой занюханной дыре?! Ребята, давайте на выходные смотаемся в

Париж!

– Такой отдых мы пока ничем не заслужили. Будем ждать здесь, на крайний шаг пойдем только в крайнем случае.

– А что это за крайний шаг? – с любопытством осведомилась я, семеня рядом (на один шаг Алекса получалось три моих, поэтому приходилось именно семенить).

– Использовать тебя как приманку, – спокойно ответил командор и посмотрел на меня так, как будто уже видел перед собой покойницу.

– Э-э, я так не согласна! – испуганно зачастила я. – Почему я?! Почему чуть что, сразу я? Это несправедливо! Пусть кот будет приманкой.

Профессор вновь одарил меня братоубийственным взглядом, но Алекс посмотрел на него очень внимательно, казалось всерьез обдумывая мои слова. Наконец он покачал головой:

– Нет, не сработает. Волк не поверит, что агент 013 – девушка. А ты единственная девушка у нас в отряде, к тому же вроде бы он уже положил на тебя глаз.

– Почему не поверит? Поверит! Мы только наденем толстуну чепец... – Кот возмущенно фыркнул и демонстративно отвернулся, задрал хвост. – Заставим ходить на задних лапах и строить глазки. Очень даже симпатичная выйдет девушка, усатая, полосатая – просто загляденье! – суетливо трещала я, всеми силами пытаюсь убедить командора. Однако при более детальном взгляде пришлось признать свое поражение и...

О, новая идея!

– Ты прав! У кота с ростом проблемы, а на усатую лилипутку с кривыми ногами и хвостом Зверь точно не клюнет. Но вот ты со своей смазливой физиономией выйдешь такой потрясной красоткой, что Волк просто не сможет пройти мимо!

– Подожди, подожди, хочешь сказать, что я похож на девушку?! Да я специально несколько дней не буду бриться, увидишь тогда, гожусь я на эту роль или нет.

– Не имеешь права! – возмущенно воскликнула я. – Дело превыше всего, на спецзадании ты не можешь выставлять свои амбиции. К тому же сейчас явно не моя очередь. Один раз я уже заманила Зверя в ловушку, тебе оставалось сделать такую малость – просто пристрелить его, пока я из последних сил, рискуя своим здоровьем, удерживала Волка на месте. И даже тут ты ухитрился забыть ружье! – выпалила я махом, обвиняюще тыча пальцем Алексу в грудь.

– Странно, я слышал от него абсолютно другой вариант этой истории, – пробормотал себе под нос кот.

– Хорошо, не хочешь быть приманкой – не надо, – неожиданно спокойно отступил Алекс. – Думаю, дело с Волком вполне может решиться прямо сегодня вечером. По случаю переименования трактира «Баран и ворота» в «Волк и бабушка» сегодня будет презентация этого события и праздник для всей деревни. Я слышал накануне, жители рассчитывают сделать это мероприятие ежегодным. Они собираются его назвать День Страшного Волка – все-таки Волк их местная достопримечательность и привлекает туристов, что приносит немалые доходы в деревенскую казну.

– Ну и что? – спросила я, не понимая, какое отношение предстоящее событие имеет к нашему делу.

– А то, что Волк не преминет поприсутствовать на презентации новой вывески. Он слишком тщеславен, чтобы пропустить такое событие, окончательно утверждающее его наполеоновские амбиции.

– Понятно, – сказала я. На деле понятного было мало. Неужели ребята рассчитывают застрелить Зверя, пока он будет торжественно перегрызать красную ленточку? Или будут палить навскидку в толпу, ориентируясь на голос...

Гадать можно было до бесконечности, разумнее просто дожждаться вечера. Когда мы вернулись в деревню, Алекс с котом сказали, что идут в трактир. К тому же эти нахалы отвергли все мои попытки увязаться за ними, аргументировав это тем, что у них там будут чисто мужские посиделки, а мне лучше походить по деревне, прислушиваясь к разговорам ее

жителей, – вдруг я услышу что-нибудь интересное о жеводанском Звере.

Лично меня подобное перераспределение обязанностей совсем не устраивало, я затопала ногами и стала возмущаться на всю улицу. Командор прямолинейно сказал, чтобы я заткнулась и уже воспринимала его предложение как приказ, что они с агентом 013 мужчины и у них больше прав, кроме того, их заранее пригласили на этот мальчишник в трактире, устраиваемый по случаю женитьбы Жана Пьера, насколько я помнила, местного героя-любовника. И напоследок, как бы оправдываясь, Алекс пояснил, что не пойти они не могут, потому что на мероприятии предусматривается бесплатная выпивка. А егермейстер, отказывающийся от бесплатной выпивки, выглядит более чем подозрительно. После чего ребята, развернувшись, с радостным прискоком рванули к трактиру, куда стекалось, как я только что заметила, почти все мужское население деревни, оставив всю дневную работу на своих женщин.

Мне ничего не оставалось, как, проводив своих товарищей тоскливым взглядом, отправиться вдоль по улице. От нечего делать в голову лезли самые пустые мысли, как, например: кого же все-таки выбрал Жан Пьер из четырех претенденток? Может, они кидали жребий? Или тыкались спицами через платок? И как, интересно, будет проходить праздник? Я знала, что на юге Франции устраивали бои быков и бега коров, но тут, в Оверни, люди к коровам, а коровы к людям относились гуманнее и понапрасну друг друга не беспокоили.

Я вышла на площадь у церкви. Здесь сидели кружком девушки и плели венки, выбирая более-менее пригодные ромашки из целого стога полевых цветов, сваленного рядом. Готовясь к празднику, некоторые из них украсили лифы платьев красными и фиолетовыми цветами. Крестьяне деловито готовили трибуну, которой служила старая разваливающаяся телега, сверху покрытая досками. Я немного побеспокоилась, что во время выступления оратора – а староста Жак Коротышка должен был произносить торжественную речь по случаю праздника – она почти наверняка рассыплется в труху или просто рухнет. С другой стороны подъехали фургончики с бродячими актерами, они стали устанавливать свою сцену, презрительно косясь на телегу.

Среди плетущих венки девушек я увидела трещащую без умолку Жослин и направилась к ней.

– О, привет, Жаннет! – Всем своим видом Жослин показывала, что ей не очень приятно меня видеть, но она продолжила, почему-то поджав губы: – Не думай, я не в обиде, я тебя понимаю – каждая девушка у нас на селе мечтает об этом.

– О чем?! – У меня расширились глаза. Почему-то сразу представилось что-то очень неприличное...

– Ты прекрасно знаешь о чем, милая... Почему ты так смотришь? Не надо ради меня притворяться! Разумеется, о том, что сегодня вечером твоя свадьба с Жаном Пьером!

Я растерянно окинула взглядом лица всех девушек, ожидая, что кто-нибудь сделает опровержение, но все они молчали, уставившись на меня злобно-завистливыми взглядами.

– Э-э, девчонки, вы что-то путаете, – проямлила я.

Вся эта орава в любой момент могла вскочить и наброситься на меня с неконтролируемой яростью, тем более что тут присутствовали все четыре претендентки, считая Жослин. А она вдруг, сменив гнев на милость, кинулась мне на шею и стала искренне желать счастья, целуя и крепко обнимая. Я попыталась высвободиться, видя, что на нас уже косятся, но тщетно.

– Извини, не хочется тебя разочаровывать, – из последних сил, чувствуя, что мне уже не хватает воздуха, выговорила я. – Но я даже никогда не видела этого вашего любимчика, так называемого Жана Пьера. Кто тебе сказал, что я за него выхожу замуж? Вы меня с кем-то путаете.

Жослин наконец стала соображать. Она немедленно выпустила меня и впала в глубокую задумчивость. К сожалению, тут негде было достать кислородную подушку, в которой я больше всего нуждалась на данный момент, – хватая ртом воздух, я была вынуждена осесть прямо на землю. Встреча с Волком прошла для меня заметно легче, чем с

этой ненормальной... Какой черт дернул меня к ней подойти, и что это за треп обо мне и местном донжуане? Жослин недоуменно смотрела на меня:

– Мне сказала Мари Анна, а ей Мария Луиза, а Марии Луизе призналась Мадлен Тибо, а Мадлен услышала об этом от своей тетки Симоны, которой рассказала Тереза Пирожница, а ей бабушка Марго, а бабушке Марго я не знаю кто. Получалось, что ты, Жаннет, сестра королевского егермейстера Густава Курбе, который только вчера появился в нашей деревне по приказу короля, давшего ему две недели на поимку жеводанского Зверя, выходишь замуж за Жана Пьера. А еще я слышала – король велел твоему брату, непременно связав, доставить волка живым в ближайший административный округ, где бедного Волчика должны будут судить и по вынесении приговора сначала повесить, потом отрубить ему голову, колесовать и под конец четвертовать, после чего все части его тела, кроме головы, собрать, поместить в самую большую пушку и выстрелить в сторону Австрии, а голову ваш брат должен положить в инкрустированный сундучок и доставить в Париж ко двору. Все это приказ короля, который я видела собственными глазами. Так что, ты не выходишь замуж?

Это была кульминация. Я почувствовала сильное головокружение и желание выругаться матом.

На протяжении всего рассказа подружки Жослин энергично кивали, подтверждая каждое ее слово. Я кляла себя за то, что вообще приблизилась к этим дурам, но теперь мне ничего не оставалось, как утолить их любопытство и рассеять сомнения.

– Нет, тут какая-то дикая ошибка! Я клянусь вам, что у меня и в мыслях не было намечать на сегодня свою свадьбу, тем более что такое ответственное решение я не стала бы принимать с бухты-барахты.

– А-а, так все-таки это правда! – вскричали сразу несколько сельчанок.

– Я не знаю вашего вшивого Жана Пьера, берите его себе с потрохами, без остатка. Он мне не нужен, сколько вам повторять?!

Кажется, девчонки начали мне верить. Но все же хотели быть уверенными до конца.

– Поклянись, что сегодня у тебя не будет свадьбы, – деловито потребовала Жослин. – И что ты никогда не выйдешь за Жана Пьера!

– Клянусь. – Но в душе в этот момент я засомневалась: если этот парень действительно такой красавчик, к тому же если он уже заочно согласен и даст мне французскую прописку, то почему бы и нет? Это стоило сделать хотя бы из-за того, чтобы досадить зарвавшимся сельчанкам, – ведь их зависть будет обеспечена, а что еще так удовлетворяет самолюбие женщины и делает ее счастливой, как не зависть окружающих женщин. Если я выйду за Жана Пьера, мне будут завидовать здесь так же, как завидовали бы дома, если бы я была женой Бреда Пита. Не меньше и даже больше, я думаю.

Поразмыслив таким образом, я помирилась с Жослин. Она и все девушки, услышав мою клятву, облегченно вздохнули (надежда к ним вернулась) и продолжили плести венки с заметно большим энтузиазмом.

Две женщины средних лет вешали огромные еловые венки на двери и окна деревенской церквушки. Я прошла мимо, собираясь выйти на луг и расспросить пастухов о Волке – неужели он никогда не нападал, пытаясь стащить ягненка? Если это так, то наше убеждение в том, что этот Волк мало чем, кроме внешности, похож на обычного, подтверждается еще одним фактом.

Переходя деревянный мостик через речку, отделяющую деревню от полей и пашен, я увидела сидящего под мостом человека, весьма странно одетого – в лохмотья серого цвета со следами черно-белых полос. На руках и ногах – браслеты кандалов с разорванной цепью. На черном от грязи лице сверкали голодные глаза. Он поманил меня пальцем. Я остановилась как вкопанная – разные люди тут попадают.

– Здравствуй, мамзеля, не найдется какой-нибудь мелочишки в кармане, век воли не видать? – прохрипел он, смачно сплюнув, и выжидательно уставился на меня.

– Иди работай! – парировала я и, собираясь отправиться дальше, подобрала юбку, делая первый шаг. Но этот проходимец тут же выскочил из-под моста, перегородив мне дорогу.

– Ну че, тебе жалко, что ли? – неожиданно заканючил он. – Я шесть дней не ел, совесть-то имей.

– Же не манж па сис жур? – удивилась я. – Бывший депутат Государственной Думы?

– Нет! – Похоже, проходимец поразился еще больше моего, но тут же вернулся к прежнему плаксивому тону: – Ну не жлобись! Сама небось в две хари жрешь, когда обедаешь, вон как бубен-то отъела.

Я покраснела от досады и, собрав всю свою волю в кулак, одарила его презрительно-высокомерным взглядом.

– Отойди с дороги, бездельник, иначе я позову своего брата, человека с ружьем! – пообещала я, в душе не очень-то веря, что мое требование будет тут же выполнено. Оборванец и не подумал сдвинуться с места и посматривал на меня искоса весьма нахальным взглядом. Пришлось лезть в декольте за деньгами. Фиг с ним, до Алекса действительно не доорешься, а жизнь дороже. Я выкопала оттуда всю мелочь и отдала пройдохе. Тот, казалось, был удовлетворен, с возбужденно сверкающими глазами он пересчитал монеты, предварительно освободив мне дорогу. Я быстренько спустилась с мостика, пересекла рощу и вышла на тропинку в поле. И тут только заметила, что по пятам за мной следует Замочная Скважина.

Еще в деревне я обратила внимание, что он то и дело оказывается за моей спиной, но тогда не придавала этому значения. Пришлось остановиться и подождать – Меризо, по всему виду, топает за мной не меньше получаса, такое настойчивое внимание не может не льстить. Я с улыбкой глядела на приближающегося тайного агента, который, похоже, совсем не обрадовался перспективе общения со мной. Вжав голову в плечи, он затравленно оглянулся, посмотрел по сторонам, в последней надежде, что я жду совсем не его, а кого-то, кто сейчас вынырнет из густых рядов пшеницы. Но чуда не случилось – мы с Меризо, к его нескрываемому разочарованию, оказались одни на всем поле. Не считая, конечно, переодетых в крестьянок королевских солдат, они теперь шныряли повсюду, в том числе и здесь, тщетно пытаясь попасть на глаза Волку.

– Добрый день, господин тайный агент, – любезно поприветствовала я, дождавшись, когда он подойдет ближе. На самом деле от Меризо я хотела узнать только одно: как он преодолел заслон в виде каторжника? Откупившись? Или, может, имеется другой способ? Поскольку срочных дел у меня не было, я решила во что бы то ни стало утолить свое любопытство, касающееся данного вопроса.

– Не имею чести быть знакомым, мадемуазель, – пробормотал Замочная Скважина и попытался ретироваться. Не тут-то было! Я успела схватить господина Меризо за полу камзола, прежде чем ему удалось юркнуть в самую густую часть пшеничного поля. Он упирался, я тянула, Меризо пришлось сдаться.

– Послушайте, я всего лишь хотела спросить, как это вы так быстро миновали того типа, что стоит у моста и говорит, будто он является представителем таможенных служб, – выдала я на одном дыхании. Сотрудник тайной канцелярии оставил наконец все попытки сбежать и с обреченным видом уставился на меня.

– А вы как? – спросил он, переминаясь с ноги на ногу от очевидного смущения.

– Как все, дала ему на лапу – ничего другого не оставалось, – охотно поделилась я.

– А меня он просто так пропустил, как это ни странно звучит, – краснея, признался Замочная Скважина. – Окинул жалостливым взглядом, просто возмутительно, и сказал: «Прходи, вижу, что с тебя шиш возьмешь».

Что имел в виду каторжанин, и так было понятно. Стоило взглянуть на не просто неприятный, а довольно потрепанный вид Меризо, как на глазах от жалости выступали слезы. Черный бархатный камзол был настолько засален и весь в таких огромных проплешинах – ну просто стиль а-ля клошар, если бы не претензии на былую изысканность. «Наверное, это оттого, что полицейским чиновникам мало платят», – подумала я и отчего-то начала испытывать нечто похожее на симпатию к этому таинственному человеку.

– Что вы думаете насчет этого Волка? – Мне показалось разумным завязать светскую

беседу.

Подобно Меризо заложив руки за спину, я шла с ним рядом и заглядывала ему в лицо. Беднягу это очень мучило, он не мог смотреть прямо в глаза собеседнику. Живо подметив эту его слабость, я решила поразвлечься и не сводила с него влюбленного взгляда. Меризо отворачивался, вжимал голову в плечи, пытался забежать вперед, но это было бесполезно. Он и краснел, и бледнел, и страшно потел, постоянно вытирая большие красные руки об полы камзола. А на деле оказался добродушным малым, врожденная застенчивость даже добавляла ему долю привлекательности, пусть небольшую, но все же.

– По правде говоря, мадемуазель, у меня есть сильное подозрение, что этот местный Волк совершеннейше политически неблагонадежный субъект. Боюсь, скорее всего он тайный лазутчик Австрии. – Последние слова были произнесены шепотом, так что мне пришлось сильно напирать слух.

– Да что вы говорите?! – расширила я глаза. – Какая интересная догадка...

Тронутый поддержкой, Меризо, несмотря на свой статус, обязывающий самому молчать в тряпочку и больше слушать других, совсем разоткровенничался и попытался выдать мне все секреты, известные французской тайной полиции. Нет, в самом деле, все секреты, касающиеся внешней и внутренней политики страны, включая тайны дипломатии и неизвестные широкой общественности сведения о последствиях семилетней войны с Австрией. Мне надо было зажать уши, но любопытство пересилило добрые намерения, и я их еще больше наострила. Вот что случается с тайными агентами королевского сыска, лишенными на протяжении многих лет нормального человеческого общения. Бедняге хватило малейшего проявления внимания со стороны «деревенской» девушки, чтобы позабыть об издержках своей профессии, как то: что нужно держать язык за зубами и не раскрывать служебные тайны кому попало, кроме непосредственного начальства. Странно, но почему-то все мужчины при первом знакомстве со мной начинают изливать душу, будто я по меньшей мере приходский священник. Под конец своей исповеди Меризо немножко сник, похоже сообразив, что сболтнул лишнее и теперь за мной нужен глаз да глаз, и с надеждой сказал:

– Сегодня вечером праздник в вашей деревне, поэтому я попросил бы, если вы будете так любезны, разрешения быть сегодня вашим спутником.

Он потер руки и уставился на меня умоляющими глазами.

«Ах ты, иезуит коварный...» – добродушно подумала я и, с самой широкой улыбкой глядя на тайного агента, произнесла:

– О чем речь! С сегодняшнего утра, уже несколько часов я удостоилась чести, и вы являетесь даже моей тенью, а не просто спутником. Так что тут и разговора быть не может, даже если бы я сказала вам «нет», то от этого ничего бы не изменилось, скорее всего вы бы все равно следовали за мной.

Поначалу он слегка опешил, но потом согласился:

– Да, вы правы, мадемуазель, – и грустно одарил меня чистым и невинным взглядом младшего сына главного раввина.

Когда мы вышли с пшеничного поля на луга и дошли до ближайшего пастбища, двое юных пастушков как раз обедали, наворачивая по целому батону хлеба и запивая его молоком. Нашему с Меризо появлению они не очень-то обрадовались, поэтому сначала скорчили недовольные рожи. Что, впрочем, не помешало вскоре сменить гнев на милость и приветствовать нас маслеными ухмылками.

– Здорово, мальчики!

– Привет, подруга! – ответил один из них и, пока я придумывала вопрос, обратился к своему товарищу: – Роскошная телочка, правда? Вот с ней бы я оторвался по полной хотя бы вон в тех кустах.

– Ну ты загнул, братишка. У меня в башке звенит от твоих откровений. Разве можно так говорить о городской дамочке, да еще сестре королевского егермейстера?! Когда-нибудь тебе точно заряд дробы достанется в задницу от ее благодарного брата.

– Ладно, не канючь, разве я не правду сказал?

– Да просто говорить надо умеючи! Видишь, девчонка интереса не проявляет, наверно, никак не поймет. Слышь, подруга, мой приятель хотел предложить тебе свои услуги. Но я лучше растолкую так, что тебе сразу станет вдомек: девчонки в деревне говорили, что ты городская штучка и ищешь сельской любви? Ну так мы не прочь... Я имею в виду – я, ты и этот оболтус Жеримо. Что скажешь, а?

– Послушайте, это возмутительно, – сообразил наконец, что к чему, тайный агент.

Я же без лишних слов шагнула к паренькам и подняла с земли чью-то пастушью палку. Неблагополучная молодежь попробовала отшутиться, но неудачно. У меня уже был хороший опыт борьбы с летающими головами... Озабоченные мальчишки бросились врассыпную, но далеко не ушли. Отвешивая крепкие удары, я уже во весь голос сыпала вполне обоснованными угрозами, тут же претворяя их в жизнь. Говорят, их жалостливые вопли разносились далеко по полям, заставляя вздрагивать жителей двух соседних деревень, креститься и шептать: «Это наш Волк на дневную охоту вышел, совсем залютовал, собака!» Потом я слышала, что особо сердобольные люди сразу после этого создали Фонд помощи голодающему соседу. Подразумевался, естественно, «недоедающий» сосед Волк, для которого делались пожертвования в виде съестных припасов, оставляемых на опушке леса раз в три дня. К слову, их тут же разбирали радостные клошары, и с тех пор каторжника больше никто не видел собирающим пошину за проход через мост.

Но в целом мой поход за деревню прошел безрезультатно, если не считать неожиданно завязавшиеся приятельские отношения с Меризо. Вернувшись обратно, мы застали деревню уже приготовившейся к предстоящему празднику. На площади, разряженной цветами, постепенно собирались не менее нарядные сельчане и сельчанки. Фургончик бродячих актеров был превращен в сцену с яркими цветными занавесками, подразумевающими кулисы. Кто-то бойко торговал фруктами и сладостями, счастливые дети с визгом носились взад-вперед. У самого края площади, где росли раскидистые деревья, было огорожено место для танцев, там же расставлялись столы. Из трактира, который сегодня переименовывался, доносились разные вкусные запахи. Меризо снова превратился в немного подсматривальщика и подслушивальщика, то есть бескорыстно пакостящего соглядатая. Жослин то и дело проходила мимо меня, высоко задрав нос, но вскоре сдалась. Похоже, я была единственной, кому она еще не рассказала об очередном сверхважном происшествии, о котором она наверняка знала, как всегда, больше всех.

– Не знаю, Жаннет, зачем я еще на тебя дуюсь, ведь оказалось, что ты действительно тут ни при чем, – защелкала она, так и кинувшись ко мне.

– В чем? – спросила я, отступая на шаг.

– Жан Пьер действительно женится, но не на тебе, – приближаясь вплотную, сообщила она тоном, не скрывающим радости оттого, что мне, так же как и ей, не достался этот деревенский покоритель сердец.

Н-да, этот тип представлял собой редкостное сокровище, не оцененное, вероятно, только мной.

– А на ком? – вежливо полюбопытствовала я, думая, как бы поскорей от нее отделаться. Надо было отыскать Алекса с агентом 013, я же их целую вечность не видела – часа четыре, не меньше.

– На Кривой Магдалене, этой толстухе, дочери нашего деревенского старосты Жака Коротышки, – тяжело вздохнув, сообщила мне милая сплетница.

– Может, это тоже неверная информация, – предположила я, стараясь подбодрить девушку, – все опять переменится, может, и свадьбы не будет?

– Как не будет? Я ведь уже сшила платье специально к сегодняшнему дню и приготовила подарок невесте – медный таз, который я собираюсь надеть этой жирной свинье Магдалене на голову и постучать сверху, – возбужденно поделилась со мной Жослин.

– Правильно, – поддержала ее я. – К тому же медный таз – незаменимая вещь в хозяйстве. Я думаю, Магдалена все равно будет рада, он ей потом пригодится для варки

варенья.

На лице Жослин после моих слов отразились сомнения. А я, оставив ее в мучительных размышлениях, пошла к нашей гостинице. Подходя к ней, я увидела, что вывеску, знаменующую то, что здесь находится именно трактир «Баран и ворота», а не, скажем, «Козел и копыта», уже успели снять, а окна вымыты. До этого дня я думала, что стекла в них тонированные, оказалось, что нет, и это еще раз подтвердило тот факт, что человеку свойственно ошибаться. Зайдя внутрь, я не нашла там моих товарищей, увидев только несколько вдрызг напившихся деревенских мужиков. Усадив за стол свинью, они пытались заставить ее пить из горла марочную «Вдову Клико», судя по этикетке. Особенно усердствовал местный кюре. Свинья упорно отказывалась, дико визжала от возмущения, вероятно, была большой трезвенницей, и яростно вырывалась, пытаясь цапнуть «благодетелей» за пальцы. Время от времени ей это удавалось, и по залу разносился крик укушенного, мало чем отличавшийся от визга свиньи. В общем, народ веселился вовсю.

Я поднялась наверх. Какая-то необычная тишина. Вообще в гостинице жили не только мы втроем с котом и Алексом, но и еще с десятков постояльцев, как то: школьный учитель, к которому наведывался вечно нетрезвый звонарь; хирург, втихаря практикующийся на лягушках. Он резал их в своем номере, разделявал и тут же сам готовил и съедал – редкий гурман, поэтому он никогда не обедал внизу в трактире, питаясь только результатами своей деятельности. Остальные постояльцы торговали скотом, и эта деревня была, видимо, постоянным местом их дислокации. И говорите после этого, что женщины ненаблюдательны...

Но сейчас, поднявшись до верхней ступеньки, я почувствовала какую-то смутную тревогу. Тишина полная, даже муха не прожужжит, несмотря на жаркий мушиный месяц июль.

– Алекс! – крикнула я. Ответа, естественно, не было. И только я собралась свеситься через перила и спросить у жены трактирщика тетюшки Марлон, куда все подевались, – дверь моей комнаты тихо со скрипом открылась.

«Наверно, горничная убирается», – попыталась успокоить себя я, но тревога нарастала. Впрочем, она никак не могла соперничать с разгоравшимся внутри любопытством, которое всегда являлось моим слабым местом.

Тут я услышала шум, веселые голоса на улице и громкий говор внизу. Я поняла по разговору, что это пришли за кюре.

– Невеста и жених уже ждут давно, да и люди начинают выказывать недовольство, святой отец, когда же вы наконец явитесь и сообразоволяете начать церемонию.

– Да, святой отец, а свинью вы и потом сможете напоить. Если хотите, мы даже возьмем ее с собой.

И с этими словами двое здоровенных мужиков выволокли упирающегося старичка в сутане на улицу. Следом еще двое тащили свинью, потому что священник ни в какую не хотел совершать обряд бракосочетания без присутствия этой, вероятно, чем-то дорогой его сердцу особы. Значит, праздник уже начался, я вновь повернулась к двери своего номера, продолжавшей медленно открываться, и решила наконец. Перешагнула последнюю ступеньку и, подбежав к двери, распахнула ее, вошла в номер и...

Тут же пожалела об этом, почувствовав очень явственно, как вдруг пересохло во рту, а глаза стали выкатываться из орбит. На моей кровати на боку полеживал и поглядывал на меня весьма насмешливым взглядом Волк, наш старый знакомый. Или, правильнее, наша будущая жертва.

– Давно не виделись, красавица, – проворковал он и распластался на постели еще фривольнее. А выражение морды такое, что не опишешь словами. Помните Джека Николсона в роли дьявола в похожей сцене в «Иствикских ведьмах»? Ничего ближе я вспомнить не могу.

– 3-3-3-здравствуйте, – пролепетала я, пятясь назад, но не успела обернуться и с воплями о помощи выскочить в коридор, как дверь резко захлопнулась, чуть не защемив мне

нос. Впрочем, ситуация складывалась так, что нос впоследствии оказался бы самой малой потерей из всего. Эта мысль меня сильно разозлила и заставила забыть о страхе. – Эй, что за хамство?! Это моя комната! И моя кровать! Как ты сюда попал?!

– Ха! Ты еще спроси: «Где моя бабушка?», – схамил Волк, широко улыбаясь, после чего похлопал лапой по постели рядом с собой, еще пакостнее усмехнувшись.

Я дернула за ручку двери. Она не подалась. Я задергала еще сильнее, упираясь в пол ногами, пока не вырвала ручку с мясом. Волк все это время с грустным видом наблюдал за моими отчаянными попытками открыть дверь. Поняв, что мои усилия бесполезны, я отшвырнула дверную ручку и раскрыла рот, приготовившись завопить, как милицейская сирена. Волк убрал улыбку и загрустил еще больше.

– Нет, не делай этого, пожалуйста, – вежливо попросил он тоскливым голосом. – Мне так лень вставать. О нет! Я же просил!

В это время я уже пронзительно орала, но это длилось не более секунды. Волк молниеносно вскочил с кровати, схватил меня в охапку одной лапой, а другой зажал рот:

– Ну чего ты в самом деле? Я же пошутил, а она сразу в крик. Пожалела хотя бы мои барабанные перепонки, крошка.

– М-м-м-мм! Мырмым?! Муммырмымма!!!

– О Жаннет! Я и не думал, что у тебя такие расшатанные нервы, если бы знал, не появлялся бы так неожиданно. Я даже узнал твое имя! Мне почему-то казалось, что ты будешь рада меня видеть.

«Ах ты, эгоист самовлюбленный, я вдвойне была бы рада тебя видеть, если бы поблизости стоял Алекс с полным арсеналом пулеметов, заряженных серебряными пулями!» – рыча, я пыталась вырваться из цепких лап зверя.

– Если ты обещаешь, что не будешь кричать, я тебя отпущу, – подумав, предложил Волк.

Я энергично закивала. Пусть он только выпустит меня на свободу, пусть относительную, а там посмотрим. Волк медленно разжал лапы.

– Вот и умница... Между прочим, вечером будут танцы. Чур, я первый на очереди!

– На какой очереди? – подавленно поинтересовалась я.

– Как на какой? На вальс и гавот! И вообще, ты что, собиралась танцевать с кем-то еще, кроме меня? – строго осведомился Волк, демонстративно сложив лапы на груди.

– Боже меня упаси это сделать, – пробормотала я в сторону и поспешила успокоить серого ревнивца: – Нет, конечно, я вообще не танцую.

– Как говорится, не умеешь – научим, не хочешь... – обрадовался он.

– Что, у вас тоже так говорится? – удивилась я.

– У кого это «у вас»? – насторожился он. – Разве ты не француженка?

– Еще бы! Конечно, француженка, причем чистокровная, у меня в роду были даже породистые французские бульдоги.

– Да?! – недоверчиво произнес Волк, искоса глядя на меня, видно, в душе у него зародились подозрения. Неужели он обо всем догадался и нас раскрыли?

– А почему у тебя глаза такие... – Он замаялся.

– Какие? – почти угрожающе потребовала пояснить я, догадываясь, к чему он ведет.

– Ну... э-э... слегка раскосые, – выкрутился Волк, отводя взгляд.

– Все ясно, сейчас я расскажу одну историю, и ты сразу поймешь, что я тебе не лгу. Был один человек, про которого все его соседи и друзья на протяжении многих лет думали, что у него узкие глаза, пока в один прекрасный день он не вышел с утра из дома трезвым. Тогда все увидели, что он самый обычный француз с нормальными европеоидными глазами. Вот так и я – француженка, только выпиваю иногда, – разъяснила я Волку, смущенно улыбаясь.

Выслушав меня, он слегка опешил.

– Извини, Жаннет, кто бы подумал, я даже не догадывался, – пробормотал он, с сочувствием глядя на меня.

– Вот так вот оно и бывает, – вздохнула я, решив поставить точку в разговоре на эту тему. Волк подошел к окну и выглянул наружу.

– Чудненько! – сразу же донесся его радостный голос. – Похоже, там уже накрывают столы. О! Чую черную кровяную колбасу, рыбный супчик с сыром – какой аромат! У нас в Оверни это главное блюдо. О! Судя по запаху, еще бифштексы с жаренным в кипящем масле картофелем, пальчики оближешь, и это еще не все... Рагу с разными соусами и... О да! Это она! Самая вкусная штука на свете – утка по-мексикански!

С горящими глазами серый гурман повернулся ко мне и облизнулся. «Этот тип полон загадок», – подумала я, невольно отступая к стене.

– Слушай, неужели ты собираешься и в самом деле быть на празднике? Мной овладевают здоровые сомнения...

– Ну я же решил навестить тебя, несмотря ни на что, милочка, – показушно обиделся Волк.

– А кстати, как тебе это удалось, Волчик? Помнится, ты опасался появляться в этой гостинице, – подковырнула я, почему-то отбросив все опасения насчет того, что он когда-нибудь все-таки причинит мне вред. Знаете, наблюдая за ним, я даже пришла к выводу, что у него все-таки есть шанс исправиться и стать законопослушным гражданином своей страны (если его до того времени не прихлопнут, конечно).

В этот момент на морде у Волка отразились внутренние сомнения.

– Признаюсь тебе, крошка, у меня есть одна слабость, – начал он вполне серьезным тоном, – это девушки...

Я сглотнула чисто инстинктивно:

– Вэк... в каком смысле?!

– Нет, нет, тебе нечего бояться. Но сердцу не прикажешь, почему-то я запал на тебя с того самого момента, как познакомился с тобой в такой романтической обстановке на помойке, за этими стенами.

Он мечтательно закатил глаза. В этот момент мы сидели на кровати на почтительном расстоянии друг от друга, Волк грустил и легонько сжал мою руку, так что я стиснула зубы, чтобы не завопить от боли. Не хотелось прерывать его речь, все девушки падки до подобных признаний.

– С тех пор я позабыл об осторожности, это уже однозначно, раз ты видишь меня здесь. Я сам себя не узнаю, даже стал подумывать о том, чтобы начать новую жизнь, прекратить эти разбойные нападения на людей и стать вегетарианцем. Ну, на худой конец, по крайней мере если я не смогу прожить без утки по-мексикански, вегетарианство придется отложить на неопределенный срок.

«Так же как и благие мысли о прекращении разбойных нападений на людей», – мысленно дополнила я, не очень-то веря в вольчую искренность.

– Уйду туда, где никто меня не знает, и начну претворять в жизнь то, что задумал. Надоела мне эта слава, существование (это и жизнью не назовешь), полное риска, – от таких вещей очень быстро устаешь. К тому же я не совсем бесчувственный, муки совести и меня порой достают. Может, окончательно завязать с этим людоедством? Что ты молчишь? – Волк посмотрел на меня с укором, как будто я сейчас в полный голос вопила: «Нет, я не могу в это поверить, ври больше! Муки совести? У легендарного жеводанского оборотня?! Ха! Не смешите мои тапочки!» – Зачем ждать, пока убийцы наспигуют тебя серебряными пулями и с упоением будут наблюдать за твоей предсмертной агонией, а затем сдерут дырявую шкуру с твоего хладного трупа и, постелив на пол вместо ковра, станут топтать ногами. Более того, они могут и в сапогах по ней ходить! – возмущенно произнес он и, заботливо пригладив шерсть на груди, сбил с нее пальцами невидимую пылинку и продолжил: – В общем, я твердо решил исправиться с того самого дня, как увидел тебя. А сейчас, Жаннет, хочу сказать тебе о самом важном. Кхе, кхе... – Он смущенно прокашлялся, отвернувшись. – Даже твое признание в том, что ты любишь выпивать, не смогло изменить силы моих чувств. Я искренне хотел бы верить, что ты поймешь меня, и буду заранее благодарен, если

осчастливишь положительным ответом. В общем, выходи за меня замуж!

После этих слов он торжественно взял и мою вторую руку в свои лапы, просительно уставившись мне в глаза.

Прямо какая-то мексиканская мелодрама в стиле «Дикого ангела»! Я не знала, что и думать, а уж тем более что говорить... Не буду врать, будто бы раньше мне никто не признавался в любви, но в любом случае это были никак не волки. И, честно говоря, я бы хотела услышать подобное признание совсем из других уст... Но от него дождешься, как же!

– Извини, Волчик, но все это как-то неожиданно для меня, – пробормотала я, стараясь не встречаться с ним взглядом и осторожно высвобождая руки.

– О Жаннет! Прошу тебя, не произноси жестоких слов отказа. Лучше подумай – я буду ждать хоть десять лет! – с пафосом воскликнул он и тут же поинтересовался: – До завтра тебе времени хватит? До семи утра, к примеру? Если ты к этому времени, хорошенько поразмыслив, решишь для себя, что я тебя не достоин, я пойму, но в любом случае я решил отчаливать отсюда завтра же, как только услышу твой ответ. Надеюсь, что ты скажешь «да» и мы уедем вместе! Сразу же регистрируемся в ближайшей мэрии (сама понимаешь, я оборотень и в церковь мне нельзя), потом поедem на побережье, там купим домик прямо у моря в какой-нибудь теплой бухте. Не беспокойся, средств я поднакопил, мы проживем вместе сытно и счастливо!

– Ладно, я подумаю. – Мне удалось изобразить ободряющую улыбку.

– Чудесно! А то я тут что-то проголодался. Все эти душевные терзания на почве любви, знаешь, заставляют больше думать о еде. Не замечала? – с интересом осведомился он и, когда я отрицательно мотнула головой, удивленно заметил: – Странно, а у меня всегда так... Ну ладно, я пошел, обязательно встретимся сегодня вечером на празднике. Он, похоже, в самом разгаре. До встречи часом позже, – заключил Волк и, распахнув окно, прыгнул вниз.

«Там же люди, да и высота приличная!» – ахнула я просто в шоке от такого безумного поступка. Но, подскочив к окну, не увидела внизу даже следов жеводанского Зверя, ни крови, ни кишок, ни разбрызганных мозгов. О, почти в рифму! Хотя кому я вру, поэтесса из меня еще хуже, чем балерина... Словом, никаких результатов отчаянного прыжка. Нарядно одетый люд ходил туда-сюда как ни в чем не бывало. Я подбежала к двери – она свободно открылась (чудеса!) – и на полной скорости выбежала в коридор. Спустившись вниз по лестнице, я выскочила на улицу и мигом долетела до площади перед церковью. Брачная церемония уже давно закончилась, все рассаживались за столы, дабы достойно открыть самую главную часть свадебного мероприятия – пьянку! Из-под обломков развалившейся ораторской телеги вытаскивали старосту Жака Коротышку. Я же говорила, что она рухнет, – получите...

– Алина! Тьфу... Жаннет! Ну где ты ходишь, сестричка? – послышался крик Алекса. Обернувшись, я увидела, как мой «братец» уже сидит за столом и держит для меня одной рукой место на скамье. Кот примостился у него на коленях и даже не обернулся в мою сторону. Я подседа к ним. Стол был завален всякой едой, просто ломился от разнообразия снеди. У Мурзика вовсю текли слюнки, а глаза остекленели при виде такого великолепия, поэтому неудивительно, что он не заметил моего прихода. Алекс подсунул ему сразу половинку свиного окорока, и кот самозабвенно принялся его уплетать. Как понимаете, бедняге здесь нельзя было в открытую сидеть за столом, иначе бы он провалил всю конспирацию, так что вынужденно приходилось мириться с неудобствами.

– Мы тебя уже давно ищем, где ты пропадала? – осведомился командор.

– Я тоже вас искала. Как прошел мальчишник? Целый день развлекаемся, когда работать будем? – строго поинтересовалась я, накладывая себе картошки с шампиньонами из большой общей миски, после чего пододвинула поближе соусницу.

Алекс слегка опешил, похоже, на его лице отобразились муки совести.

– Нормально, – ответил он, – весело было. Правда, потом Жан Пьер опять засомневался насчет своего окончательного выбора, но мы его быстро убедили, что нельзя вечно сомневаться и раз уж решил, так и следуй своему решению. Ничего, венчание прошло без

эксцессов, вроде бы все довольны.

– А где жених, мне бы хотелось на него посмотреть, – сказала я, с любопытством озираясь по сторонам.

– Да вон он, стоит под деревом с обреченным выражением на лице и с веревкой в руках, похоже, примеривается закинуть ее на сук. Ага, выбирает тот, что потолще... Так, а теперь проверяет петлю на веревке, достает из кармана мыло...

Под деревом, толстым раскидистым дубом, стоял не кто иной, как мой вчерашний знакомый, драгунский капитан Леон.

– Но разве это не Леон? – растерянно спросила я, наблюдая, как капитан ловко карабкается по дереву и начинает привязывать веревку, выбрав самый толстый сук.

– Он самый. Леон – это его прозвище, а настоящее имя Жан Пьер. Жалко, если такой парень повесится, скучно будет без него, компанейский малый, – притворно вздохнул командор и, доев рагу, отломил себе кусок курицы, одновременно пододвинув целую тарелку печеных пирожков с мясом и капустой.

– Эй-эй, оставь мне тоже, – предупредила я, глядя, как быстро они исчезают под нажимом его здорового аппетита. – Это я весь день не ела, вы-то наверняка ушли с мальчишника не с пустыми животами.

Прошло всего десять минут, и еды на столах заметно поубавилось – осталось меньше половины, потому что люди наворачивали ложками с огромной скоростью, и это естественно – все хотели хотя бы раз в пять окупить стоимость своего подарка новобрачным.

– А как прошло торжественное переименование трактира? – прочавкала я, увидев новенькую, блестящую свежей краской вывеску над входом в трактир, провозглашавшую, что забегаловка эта называется теперь никак не иначе, как «Волк и бабушка».

– Как по нотам! Сначала выступил Жак Коротышка, возвестивший, что это лучший день в его жизни, так как он наконец выдает замуж свою единственную дочь, Кривую Магдалену. А еще это лучший день в жизни деревни, ибо переименование трактира говорит о начале новой и лучшей эпохи в истории деревни и так далее, и тому подобная чушь. Потом выступали какие-то сельские старейшины, трактирщик, учитель приходской школы, и каждый толкал речь. Под конец, когда люди, уже устав от пустой болтовни, стали расходиться, вернее дернули к накрытым столам, на телегу снова полез Жак Коротышка... Похоже, он большой любитель произносить речи, и в этот момент телега развалилась на части. Вроде бы он переломал все ребра, ноги и руки, хотя я в этом сильно сомневаюсь...

– Почему?

– Хотя бы потому, что в таком случае Коротышка Жак вряд ли бы так быстро пробежал сейчас мимо нас, – изысканно парировал командор.

Я проследила за его взглядом. Точно, деревенский староста подбежал к Леону, который уже просунул голову в петлю, и, обхватив его руками, стал оттаскивать от дерева, отчего петля немедленно затянулась. Бедный капитан Леон, схватившись за горло, начал издавать хрипы и закатывать глаза. Мы с Алексом и агентом 013 с нескрываемым интересом наблюдали за этой сценой, впрочем, как и все сидящие за столами, ведь никто не ожидал, что в добавление к угощению будет еще и веселое развлечение.

Наконец общими усилиями жених был извлечен из петли и доставлен к рыдающей за столом девушке, по всему виду, к новобрачной, где и произошло примирение и воссоединение любящих сердец. Хотя по лицу Леона, или Жана Пьера, нельзя было сказать, что он так уж счастлив оттого, что его достали из петли. Увидев меня, он кисло, через силу улыбнулся. А когда через минуту Магдалена, встав из-за стола (она оказалась довольно здоровой бабищей), подхватила его на руки и куда-то понесла, у красавчика Леона уже не было сил для сопротивления.

– А где же его brave драгуны? – удивленно спросила я, думая, что, будь они здесь, не дали бы своего капитана в обиду.

– Все они в лесу по приказу Леона ищут Волка. Похоже, делают очередную бессмысленную облаву, – пояснил Алекс. – За исключением Толстого Жана, он попал в

медвежий капкан и теперь может передвигаться только на костылях. А их у него отобрал каторжник, когда тот вздумал гулять в роще, не теряя надежды подстеречь Волка. Так что вряд ли Жан доберется сегодня до деревни, разве что к утру – ползти-то порядочное расстояние.

– Что же получается: все знают, что произошло, но никто не помог бедняге? – поразилась я всеобщему бесчувствию, уж никак не ожидаемому мной от Алекса.

– А зачем? Он сам доползет, руки-то у него есть. Такой пьяница – вряд ли он захочет пропустить праздник, поэтому покроет расстояние до деревни в два раза быстрее, – спокойно ответил командор, похоже удивляясь тому, что меня волнует судьба какого-то драгунского сержанта. – И кстати, в капканы он полез по собственной воле, надеясь отхватить бюллетень именно на день свадьбы.

– Алекс, ты просто истинный мельнибонзец, – покачала я головой.

– Что ты имеешь в виду? – Он даже отложил надкушенный пирожок.

– Ты эгоистичный, самовлюбленный тип, – пояснила я. – Подай мне соль, пожалуйста.

Лицо Алекса приняло недовольное выражение, однако мою просьбу он все же выполнил.

– Кстати, – решил прервать напряженную паузу кот (тут как раз сидящий рядом за столом сосед встал, и агент 013 мог говорить свободно), – в своей книге «Легенда об Уленшпигеле» Шарль Де Костер советовал: «В ночь оборотней, когда все грешные души выходят из ада...»

– Оптимистичное начало, – ободряюще пробормотала я.

– «...надо три раза левой рукой перекреститься и сказать: „Соль! Соль! Соль!“ Это знак бессмертия, и тогда оборотни тебя не тронут». А в одной арабской книге шестнадцатого века сказано: «Дьявол не любит соль, потому что соль – символ вечности и по велению Бога употребляется во всех жертвоприношениях». А в Европе в Средневековье рыцари брали с собой в дорогу освященную в церкви соль для предохранения от встреч с колдунами и ведьмами.

– Здешние охотники на жеводанского оборотня тоже заряжали свои ружья солью. Но пока это еще никому не помогло, – хмыкнул Алекс.

– Ребята, а вы заметили, что у большинства местных все имена начинаются на «ж»? – вдруг вспомнила я. – Жан Пьер, Жослин, Жеримо, Толстый Жан, Жак Коротышка, и даже меня зовут Жаннет. Сплошное «ж», к чему бы это?

– К тому, в каком конкретно месте мы, с этой охотой, находимся... – неэтично намекнул профессор. Мы как-то сразу догадались, что он имел в виду не Жеводан.

Объявили начало танцев. Пришлось встать, потому что столы стали отодвигать к краю площадки, чтобы освободить больше пространства. Откуда-то появились скрипачи с трубачом и заиграли простую и незатейливую мелодию гавота. На самом деле я бы не отличила гавот от менуэта – это кот просветил нас с Алексом. Забавно было наблюдать за танцующими – они выделяли ногами такие кренделя, так прыгали и притопывали, что я только ахала... Причем все это стоя вчетвером в ряд и крепко держась за руки!

Буквально за четверть часа поднялась такая пыль... Я расчихалась и отвернулась. Меризо крутился поблизости, видимо собираясь с духом, чтобы пригласить меня на танец, но при этом не забывая подслушивать, о чем и с кем я говорю. Я вдруг задумалась: а платят ли спецагентам по поимке монстров зарплату? Само собой, должны бы, иначе кто бы тогда взялся за такую непрестижную работенку, пыльную к тому же (апчхи!). И премии за личный вклад в обезвреживание и полную нейтрализацию преступника должны быть обязательно.

А ведь Волк сейчас все это время где-нибудь неподалеку околачивается, грех было бы не воспользоваться и самой с ним как-нибудь справиться. К тому же тогда кроме премии я получила бы и кое-что более важное – я представила себе, с каким уважением Алекс с агентом 013 смотрят на меня, подбоченившись стоящую рядом с поверженным Волком.

«Как это тебе удалось, Алина?!» – в один голос воскликнут они, и в этом голосе уже не будет того пренебрежения, с которым сейчас относятся к моим способностям мои «коллеги»,

а только огромное восхищение и легкая зависть оттого, что мне удалось сделать то, чего не смогли они.

«Ну что вы, ребята, о чем речь... Это было раз плюнуть, проще пареной репы», – спокойно отвечу я и фыркну – дескать, что вас так удивило?

Они думают, что я ни на что не способна, просто глупая девчонка, которая вечно путается под ногами и мешает, а помощи от нее никакой, только одни дополнительные проблемы. Так нате вам, удивитесь!

За этими размышлениями я не заметила, как к нам подошла Жослин и начала заигрывать с Алексом. Тут же позабыв о своих тщеславных фантазиях, я полностью переключила внимание на эту парочку, которая, не обращая на меня ровно никакого внимания, оживленно щебетала между собой. А мой неприступный командор еще и слушал ее болтовню с такой глупой и счастливой улыбкой, какой я от него в жизни не получала и сто процентов гарантии, что вряд ли когда-нибудь удостоюсь! Я нахмурилась, а тут еще эта наглая девчонка стала хватать его за руки и в конце концов утянула к танцующим.

– Ну просто поразительное хамство! – возмутилась я и, сложив руки на груди, демонстративно отвернулась. Я заметила, что и кот куда-то пропал, наверное, пошел искать своих французских кисок.

– Что же тебя так задело, крошка? Ты не рада за братца? – услышала я прямо над ухом воркующий голос Волка и, оторопело обернувшись, увидела Меризо, обнажившего в улыбке поразительно белые и острые зубы. Но нет, это был не он...

Жеводанский оборотень собственной персоной, одетый в непритязательный костюм агента тайной полиции, не прячась разгуливал среди веселящейся толпы! О, надо отдать должное его дерзости и смекалке... Конечно, ведь Меризо здесь все знают и не будут слишком пристально приглядываться.

Схватив за руку, он увлек меня, безвольно обмякшую, подальше от танцевальной площадки. Заметив мой полный ужаса и непонимания взгляд, он поспешил рассеять мои страхи и утолить любопытство.

– Довольно непритязательное обличье, согласен с тобой, – виновато произнес он, заигрывающее подмигнув. – Мне даже неловко целовать тебя в таком виде, поэтому придется воздержаться, – показушно сожаляющим голосом произнесло это существо.

Я чуть не сплюнула от омерзения и про себя возблагодарила небеса за такую трогательную заботу обо мне со стороны оборотня. Но тут же я подумала: а может, он просто съел беднягу Замочную Скважину и забрал его платье для создания полноценной копии агента тайной полиции?

– Жаннет, любимая, не надо так пугаться! С твоим другом Меризо все в порядке. Как я могу покуситься на светоч и надежду ФСБ?

– Чего?!

– Французские Сыскные Балбесы. Дьявол меня упаси лишить жизни такого агента, самого преданного служаку и талантливейшего соглядатая, что они будут делать без него? Останутся как дети без матери, – притворно вздохнул Волк. – Он и сейчас спит сном невинного младенца в своей постели, проснется к утру, я полагаю. Одежду я верну, хотя какая, в сущности, разница? Главное – я пришел, а ты мне обещала танец! – И он потащил меня на освещенную масляными лампами танцевальную площадку.

Как раз вышла полная луна. Я увидела командора. Он уже принаровился к «сложным» па крестьянского танца и теперь явно получал удовольствие, танцуя с Жослин. Они крепко держались за руки и, похоже, веселились вовсю.

– Значит, ты узнал, что я сестра Густава Курбе, которого ты... э-э... считаешь врагом, – произнесла я тихо, пока «Меризо» разъяснял мне, что в гавоте главное следить за теми, кто танцует напротив.

– Да, но что я тут могу поделать, просто теперь я не буду покушаться на его жизнь, – легко ответил мой партнер по танцу. – Я же говорил, в любом случае мне ничего не остается, как съехать отсюда. Да, самые счастливые годы моей жизни прошли здесь, поэтому как-то

немножко жаль уходить навсегда...

Он плотоядно облизнулся, вероятно, в ответ на свои мысли и стал канючить, чтобы я назвала его «волчишка». Увы, мне приходилось напряженно следить за своими движениями в танце, весьма устаревшем в моем представлении, так что я игнорировала его просьбы, и в конце концов он отвернулся, надувшись. Постепенно танец затягивал, и несколько минут спустя мы, покрасневшие и довольные, уже весело смеялись. Алекс куда-то пропал, это несколько омрачило мое праздничное настроение, но, увидев, что Жослин осталась одна, я злорадно усмехнулась. Когда этот танец закончился, я попросила прощения у «кавалера» и подошла к своей деревенской подружке. Смерив ничего дурного не подозревающую девушку колючим взглядом, я холодно произнесла:

– Ну и как тебе мой братец?

Почувствовав угрозу в моем голосе, она робко ответила:

– Ой, он очень красивый и обаятельный, я бы с радостью вышла за него замуж.

Такая циничная откровенность просто взбесила меня.

– Закатай губы! Я его тетка, а не сестра! Воспитала с пеленок, вскормила собственным молоком, была вместо матери и потому не позволю ему связываться с первой встречной. Когда в следующий раз захочешь ручонками своими посучить – да-да, я видела, как ты к нему на шею вешалась, – сначала подойди ко мне и запишись в очередь! Это тебе не Жан Пьер, не клонет на любую деревенскую дуреху, кроме того, отсталую, по меньшей мере, на три века. У-у, мымра жеводанская!

Выплеснув всю злость, я повернулась и пошла прочь, на пути к гостинце меня догнал Волк, вытирающий со лба пот полрой камзола Меризо.

– Стой, ты куда, ведь вечер не закончился! – выпалил он радостно-возбужденным тоном. – Пошли еще потанцуем.

Тут я увидела ползущего Толстого Жана. Бедняга был весь в пыли, его форменный драгунский камзол на животе был протерт до дыр. Он дополз до нас и, подняв лицо, с отчаянием посмотрел мне в глаза.

– Я не сильно опоздал к празднику? – прохрипел он.

– Нет! Нет! – поспешила заверить его я. – Там даже угощение еще осталось.

При этих словах серое от пыли лицо просияло, и мужик пополз с удвоенной энергией – оставался последний рывок перед финишем.

– Знаешь, мне что-то так сильно спать захотелось... Ничего не могу с собой поделать, – попыталась отвязаться я. – Сейчас уже около полуночи, а дома я ложусь спать сразу после «Спокойной ночи, малыши».

Оборотень сделал вид, что обиделся, но потом сдался:

– Ладно, Жаннет, только не забудь, что я жду ответа. Завтра утречком я зайду узнать твое окончательное решение. Оревуар, ма шер!

Поднявшись к себе в номер, я, не раздеваясь, бухнулась на кровать, тут же уснула и даже видела сон. Во сне отчего-то Волк превратился в Ганнибала Лектера, а я была агентом ФБР, которую в «Молчании ягнят» играла Джоди Фостер, и потом людоед Лектер превратился в мультяшного Винни Пуха, зловеще произнес: «А не пора ли нам подкрепиться?» – и оскалил волчьи зубы. Тут откуда ни возьмись появился Алекс с котом наперевес и...

Я с криком проснулась. За окном раздался одинокий выстрел, за ним второй.

– Что за учебные стрельбы с утра пораньше?! Поспать не дадут, снайперы, – рассердилась я и, схватив стоявшую рядом с кроватью табуретку, кинула ее в окно. Хорошо, что не докинула, за разбитые стекла пришлось бы платить. Звуки выстрелов плодились, как тараканы, такое впечатление, что на улице революция. Судя по солнышку, уже часов шесть-семь утра. Я повернулась на другой бок и попыталась заснуть. Но не тут-то было. Ко мне в дверь бесцеремонно заколотили. Так, по-наглому громко, мог стучать только господин Орлов, вскоре он сам подтвердил свое присутствие голосом:

– Эй, сестричка, открывай давай, нечего дрыхнуть!

Пришлось выполнять. Алекс с котом вошли в комнату. Командор был с ружьем, видимо, его выстрелы меня и разбудили.

– Все, собирайся – задание выполнено, возвращаемся на Базу.

– Как?!

– Так, хайдук твоему Волку, нет больше жеводанского оборотня.

– Не может быть! – воскликнула я. – Что ты с ним сделал, убийца?!

– Пристрелил. И кровь для сыворотки достать успел, Волк не сразу умер, – не понимая моей реакции, похвалился наш герой. – А на его шкуру предъявили права сразу десять человек, каждый из которых уверяет, что именно он прихлопнул Зверя.

– С ними придется долго судиться, чтобы доказать свои права на вознаграждение за убитого Волка, – с сожалением проговорил кот.

Ничего не объясняя, я выбежала из комнаты. На улице уже собралась куча народу, все они говорили о Волке, протиснувшись в середину, я увидела Его. Бурая шкура с черной полосой вдоль спины была буквально изрешечена пулями. «Теперь уже и на коврик не сгодится...» – не ко времени практично подумала я. Вытерла набегающие слезы и медленно поплелась к себе наверх собираться в дорогу.

«Бедный маленький Волчик... Наверно, он действительно был равнодушен ко мне, а я, я, эгоистка несчастная, считала его бесчувственным отморозком. А если он всего лишь хотел жить и любить и чтобы его хоть чуть-чуть любили. Всего лишь чуточку, самую малость... Бедненький, ему хотелось немного тепла и ласки, ведь всего этого он был лишен, наверное, всю жизнь, а я не снизошла до его просьб, когда он в последний раз в своей жизни умолял меня назвать его волчишкой. И ведь это мне ничего не стоило... Несчастный Волк погиб так нелепо и неожиданно, в день, когда завязал с преступным прошлым и ступил на праведную дорожку. А ведь я его судила, я оценивала его поступки с высоты Охотника, а кто мне дал такое право, в конце концов...»

– Ты что пригорюнилась? – удивился Алекс, оказывается, я уже вошла в номер, даже не заметив этого за угрызениями совести.

– Живот болит, – пробурчала я, неприязненно глядя на главного виновника случившегося.

– У тебя глаза что-то покраснели, – подозрительно заметил он, но тут же сам объяснил этот факт: – Просто ты не выспалась.

Через полчаса наша команда была готова отчалить. Съездить в Париж командор не разрешил, хотя вроде бы мы управились с делом раньше намеченного срока. Мне просто деликатно напомнили, что кровь Зверя надо срочно доставить в лабораторию – это в моих интересах. Больше нас ничего не задерживало в шумной французской деревушке восемнадцатого века. Было немножко грустно при мысли о том, что я больше никогда не увижу Меризо, Леона, Коротышку Жака, Жослин с подругами, Толстого Жана, трактирщика, тетюшку Марлон и других жителей этой деревни, ставших уже почти родными. За всеми сборами я задержалась у себя в номере немного дольше, Алекс с котом ждали меня на улице. Тетюшка Марлон снимала белье с моей постели и, когда я, взяв дорожную сумку, попрощалась с ней и уже стояла на пороге, хозяйка вскрикнула:

– Подожди, ты, кажется, что-то забыла, девочка.

Обернувшись, я увидела в ее руках узкий белый конверт, извлеченный из-под подушки. Я удивленно вскинула брови и, взяв конверт, вышла из комнаты. На лестничной площадке я лихорадочно сломала сургучную печать (на ней был отпечаток волчьей лапы) и, развернув бумажный лист, прочла:

«Здравствуй, крошка! Я бы хотел начать иначе, например: „Милая Жаннет, привет тебе с Ривьеры – курортник тут ничего себе, бывает и похуже“, но на самом деле до Ривьеры доберусь только к завтрашнему вечеру. Я был вынужден как-то инсценировать свою трагическую гибель, прости, если заставил тебя пережить несколько неприятных мгновений. Пришлось пожертвовать собратом Волком – нас ведь тут несколько жеводанских оборотней. И все мы со своими претензиями... Ты сумела обратить одного из них на праведный путь, и

это немало. А тот, кого застрелил твой брат, пролил слишком много крови, и мне ничуть не жаль этого серого маньяка. Я еще вчера знал, что ты скажешь мне сегодня утром, поэтому и не пришел за ответом. Хотя надеялся до последнего... Засим остаюсь самый преданный твой поклонник, просто Волк, бывший жеводанский оборотень».

Я спрятала письмо поглубже в декольте и поспешила к ребятам. Мы в последний раз прошли по деревенским улицам, взойшли на пригорок, на котором очутились по прибытии сюда, и Алекс нажал кнопку на своей машинке, которая за доли секунды переправила нас на Базу. А на сердце было так легко и радостно, как никогда...

* * *

Три дня после возвращения из Франции мы жили на Базе и, если это можно так назвать, отдыхали. Большую часть времени я с агентом 013 проводила в обширной библиотеке за изучением материала, касающегося нашего следующего задания – мертвого младенца-убийцы с Чукотки, зовущегося в простонародье ангъяк. Но мысленно я частенько возвращалась во Францию. Конечно, можно было рассказать командору, что жеводанский Волк жив, вернее, что один из нескольких жеводанских оборотней сбежал. Но имело ли это смысл? Наш маленький отряд пустили бы по его следу сразу же. Я бы получила взбучку за то, что раньше не рассказала об относительно близком знакомстве с Волком. И Алекс бы не поверил до конца в то, что подсказывала мне женская интуиция – я знала, что жеводанский Волк (тот, с кем я была знакома) больше никогда никого не убьет, поэтому в его физическом уничтожении не было необходимости. Алекс, будучи профессионалом, не позволил бы себе положиться на мои слова и предпочел бы просто убить Зверя, чтобы уже не возникало сомнений о его возможном возвращении к преступному прошлому.

Если разобраться, мы прекратили разбойную практику целых двух жеводанских Зверей! А ведь по плану предусматривался один, потому что никто не знал о существовании других и не знает до сих пор. Нет, естественно, до того момента, как убийства продолжатся, – тогда у нас есть шанс снова вернуться во Францию для окончательной зачистки «волков» в районе жеводанских гор. Хотя, с другой стороны, иногда мне казалось, что Алекс с профессором догадываются, что история с Волком не так проста, но почему-то предпочитают оставлять свои мысли при себе. «Ну и ладно, не буду сейчас ломать себе над этим голову», – решила я, заметив пристальный взгляд котика.

– Что, снова витаешь в облаках? – добродушно мурлыкнул он, подкручивая усы, чтобы скрыть ухмылку. – Сегодня тебя с утра Стив искал.

– А где была я? – разочарованно протянула я.

– Ты флиртowała с Синелицом, набиваясь к нему в друзья, чтобы он отдельно для тебя готовил вишневый компот с кленовым сиропом. Ишь ты какая! – восхищенно протянул Мурзик, неожиданно сменив тон. – Я себе лишний стакан сметаны не рискую заказать...

– Куда тебе еще? Для тебя лишний стакан сметаны – это смерть от ожирения! Я еще удивляюсь, как ты умудряешься лопать каждый день столько жирной пищи, обычный домашний кот давно бы лопнул.

Как и следовало ожидать, агент 013 надулся и игнорировал меня все утро; примерно в таком ключе и прошли все эти три дня: мы с котом то мирились, то ссорились. Условия проживания здесь были недурственные, однако некий спартанский уклон все же чувствовался – горячую воду давали нечасто, койки были узкие и довольно жесткие, стены в серых тонах. По вечерам мы с котом резались в шахматы в его с Алексом номере. Сам «спаситель человечества» в это время был занят более серьезным делом – писал рапорты и отчеты. Я мухлевала по мелочи, в том смысле, что не ныкала ничего, кроме пешек. Их я прятала под себя – сидеть становилось неудобно, но внутреннее удовлетворение перекрывало все. Кот деланно возмущался:

– Где моя пешка?

– Это ты у меня спрашиваешь? – нарочито удивленно восклицала я с видом

оскорбленной невинности. – Кто хозяин твоим пешкам? Ты или я? Я твоих не пасу, а своих пересчитываю, мало ли что можно ожидать от партнера, пусть даже такого честнейшего кота, как ты.

Пусик, ворча, вынужден был продолжать игру. Но когда к концу партии я получала шах, а потом и мат, наступало время торжествовать коту, а мне кусать губы и молча выслушивать колкости от своего «добрейшего» товарища о среднем коэффициенте женского интеллекта, женской логике и т. д.

Вечером накануне отбытия на Чукотку для выполнения новой операции наш маленький отряд провел совещание в библиотеке. Перед нами лежали распечатки материалов, касающихся очередного дела; как я упоминала, это был ангъяк – мертвый младенец-убийца. Кот традиционно изложил обстоятельства дела. Глядя на нас с Алексом поверх очков (исключительно для солидности! Так профессор смотрит на студентов), он начал речь:

– Данное существо, в которое превращается после смерти младенец, среди эскимосов на Чукотке зовется ангъяком. Однако оно встречается и в Скандинавии – там его называют утбурд, и ничем, кроме имени, от ангъяка он не отличается. В Большой энциклопедии духов вкратце о нем говорится так: «Ангъяки – это духи младенцев, которых родители оставили умирать, предварительно дав имя, потому что не могли прокормить, или кого бросили незамужние матери». Ангъяк довольно долго копит силы, а затем начинает нападать на одиноких путников, кроме того, мстит тем, кто оставил его умирать. Иногда будущая жертва непосредственно перед нападением получает предупреждение – слышит крик ангъяка или видит белую сову. Но даже в этом случае шансов на спасение у потенциальной жертвы маловато, потому что ангъяк очень быстр и силен. Поначалу рост у него как у двух-, трехлетнего ребенка, но он может вырасти и с маленькую ярангу. Эскимосы их давно не видели, но несколько месяцев назад один появился.

– А чукотские шаманы что, ничего не могут с ним поделаться? Ради чего их местные жители содержат, шаманов этих? – сердито высказалась я, не очень-то меня грело тащиться на Крайний Север. При одной мысли о столь радостной перспективе заранее пробивал озноб.

– Неужели холодно? – удивился Алекс. – Батареи вроде горячие.

Я смерила его взглядом очковой змеи.

– А что, в другое место нельзя? Скажем, куда-нибудь на Канары... Там, случаем, не завелись крабы-людоеды? – обратилась я к коту. Тот хмыкнул и постучал себя по лбу:

– Ха, милочка, такие тепленькие местечки сразу разбирают. Или это от удачи зависит, я не знаю. Нам обычно достаются дела со вторых рук, с которыми до нас никто не смог справиться, дела, проваленные другими спецотрядами.

– Ого, значит, вы лучшие из лучших?! Приятно было услышать, глядя на вас, не скажешь, я бы сама вряд ли сообразила без подсказки, даже если бы всю жизнь с вами проработала. Ах, ах, ах, ну кто бы мог подумать! – нарочито восторженным тоном пропела я.

Лица моих товарищей приняли самые убийственные выражения, но остановиться было уже не в моих силах. Огромным усилием воли я постаралась переключиться на другую тему:

– Слушай, агент 013, у тебя восхитительное прозвище. Но звучит как-то официально, или еще хуже, как порядковый номер, мне почему-то хочется верить, что у тебя есть другое, настоящее имя!

Алекс вздохнул – дескать, сейчас начнется и настороженно покосился на кота, а тот уже задрал хвост трубой, надувшись от важности:

– Да у меня много настоящих имен – Непобедимый Воитель, Уничтожитель Монстров, Сумеречный Ужас, Стальной Коготь, Железный Нерв, Очень Мудрый Язык и еще многие другие. Так меня называли освобожденные мной от тяжелого гнета нечисти люди, испытывая глубокую благодарность и благоговение, – скромно признал кот. Теперь я понимала, почему Алекс предпочитал звать его агент 013. – Ты можешь выбрать среди этих замечательных имен любое и звать меня, как тебе заблагорассудится.

– Да ну! Правда? – удивилась я. Серый хвостун насторожился, заметив хитрый блеск в моих глазах, но было уже поздно. – Тогда я буду звать тебя уси-пуси толстун!

С этими словами, умильно улыбаясь, я протянула к нему руку, как будто собираюсь почесать за ухом. Кот испуганно шарахнулся и скатился со стула, но, быстро оправившись, принял вид оскорбленного достоинства. Я торжествовала, командор укоризненно смотрел на меня. Под его взглядом я потерялась и даже неожиданно почувствовала нечто похожее на укор совести – редкий человек может иметь на меня такое влияние.

– Значит, трогаемся в путь немедленно, – ровно сказал Алекс, я безропотно кивнула, а профессор одарил меня мстительным взглядом.

Зря это он, на задание надо идти только в случае полного взаимопонимания между членами одной команды. Я-то их обоих принимаю такими, как есть, чего ж на меня губы дуть? Ладно, у профессора душа отходчивая, долго злиться он не умеет. Тем более что уже часа через четыре мы шли по северной пустыне, метель мела в лицо, и деваться было некуда...

Глава 3

– Кто это шипит все время? – стуча зубами от холода, спросила я, глядя на командора. Кот все еще меня игнорировал, как только мы оказались среди снегов, он сразу же предусмотрительно залез Алексу на плечо. Утопать в снегу ему как-то не улыбалось.

– Это замерзает пар изо рта, – буркнул Алекс, поражаясь моей тупости, и ускорил шаг. Мы шли по льдистому берегу, наверное, самого северного из всех морей, судя по жуткому пронизывающему ветру и дикому холоду. Вдали виднелись ледяные скалы, небо было тусклым, солнце маленьким и бледно-зеленым. Мы попали в Край Ледяного Безмолвия в зимний период.

«Увезу тебя я в тундру-у...» Ага, как же! Теперь я понимаю: это песня маньяка, который понавыдумывал всяческие способы мучительной смерти для наивной девушки, которую он решил известить, – нормальный человек не стал бы такого петь для любимой.

Ветер, казалось, пробирался даже под теплый толстенный керкер-комбинезон из меха. Сверху, как и положено у чукотских женщин (по мнению специалистов на Базе), я надела рубаху из грубой ткани (выбрав голубую – мой любимый цвет, потому что идет к черным волосам). Предназначение у рубахи было простое – защищать мех от дождя и снега. Благодаря нерпичьим штанам и меховым сапожкам вскоре я более менее освоилась с местным климатом. У Алекса одежда была из того же материала, но другого покроя, естественно, и то, что сверху, называлось кухлянкой. Пусика нам тоже нарядили. На Севере, похоже, с котами было туговато, потому что не привыкшие к холодам мохнатые существа ни в какую не желали ехать на Чукотку. Они громким мяуканьем демонстрировали свой протест, как только какой-нибудь полярник перед отъездом из дома на Север вдруг начинал испытывать сильную привязанность к своему домашнему питомцу, желая непременно взять его с собой. Правда, один случай я вспомнила, когда полярники действительно держали у себя кота, но однажды ночью он остался на улице в жуткий мороз всего на два часа, но этого было достаточно, чтобы у него отмерзли и отвалились уши и хвост. Эту историю я не преминула рассказать перед отъездом нашему профессору, когда он начал протестовать против песцовой шубки, ворча, что его мех не хуже. Близко приняв к сердцу судьбу собрата, кот заволновался и попросил в дополнение к шубке еще и меховой комбинезон с капюшоном. Его пришлось шить специально, что часа на два отсрочило наш отъезд.

Мы шли около получаса, когда наконец увидели вдалеке одинокую ярангу.

– Там и живет престарелая мать семейства знаменитая Ухтыкак со своими многочисленными родичами. Она знает о нашем приходе, примет и накормит нас, у нее мы остановимся и будем жить, – уточнил толстун.

– А как она узнала о нас? – удивилась я.

– Ухтыкак – местная шаманка, периодически общается с духами и держит постоянную связь с нашей Базой. Мы с Алексом тут были года два назад, по делам, – лаконично ответил кот и отвернулся. Видя такое отношение, я пересилила себя и больше ни о чем не

спрашивала, хотя, само собой, у меня появилась куча вопросов.

На этот раз к моим страданиям снизошел сам Алекс:

– Для бабки Ухтыкак связаться с Базой – все равно что для людей твоего времени набрать по телефону номер «Скорой помощи». Мы с агентом 013 тут занимались ликвидацией моржа-призрака, как его называли местные жители – Жирного Усача. Здоровенный такой обжора, внезапно выныривал в ярангах из-под пола и сжирал все съестные припасы – рыбы в море ему не хватало, видите ли. Но это было летом, агенту 013 тогда было тепло и в своей шкуре, вот почему он не хотел брать еще и песцовую.

Профессор тем временем уже забежал в ярангу, легко прошмыгнув под оленьими шкурами, закрывающими вход. Алекс по-джентльменски откинул передо мной полог, я, пригнувшись, вошла внутрь, он шагнул следом за мной. В яранге нас встречала сгорбленная бабушка, лицом похожая на высушенную хурму. Она приветливо улыбалась, отчего глаза ее, и так узкие щелочки, и вовсе исчезали с лица. Все здесь говорили по-русски, так что нужды в медальоне «переводчике» не было, мы и так поняли бабушку-эскимоску.

– Здравствуй, сынок, здравствуй, дочка, как дошли, однако? У нас сейчас ветра с моря гуляют, холодно-о... – радостно сказала она. – Но тут вы сразу вспреете от жары, раздевайтесь, однако, скорей.

Действительно, в яранге все ходили полураздетыми, а спали, как я потом узнала, и вовсе голыми. Детишки разных возрастов с интересом смотрели на нас, а один мальчишка лет трех уже успел схватить нашего Мурзика за хвост и старательно тянул его на себе. Кот со скорбным выражением на морде вцепился когтями в шкуры, устилающие пол, из последних сил стараясь вырваться на свободу. Не удержавшись, я начала хихикать. Агент 013 попытался убить меня высокомерным взглядом, но у него это плохо получилось, положение у котика было не то. В яранге находились, кроме бабушки-шаманки и детей, еще двое мужчин и женщина, вообще жилище это было, как я потом узнала, несколько больших размеров по сравнению с обычной ярангой. Из имущества – очаг с треногой для котелка, два неработающих примуса, старенький «Маяк», охотничье ружье, три гарпуна, ну и чего-то там по мелочи... Я так поняла, что это окраина какого-то оленеводческого колхоза времен бывшего СССР. Хрущевско-брежневские годы, застой по всей стране, и до появления ангьяка властям дела нет. Советская наука существование данного монстра попросту отрицает, вот и пришлось старушке вызывать далекую Базу...

Нам тут же собрали «стол» и накормили вяленным мясом моржа и любимым лакомством здешних жителей – мантаком, полосками китовой кожи со слоем жира, запивали мы все это оленьим бульоном. Такую еду с большим аппетитом ел только Пусик. Алекс был менее активен за обедом, но все же вкус этой пищи ему был знаком. Я же пробовала мантак в первый раз – эскимосы с удивлением смотрели на мое лицо, когда я, морщась, разжевывала очередной кусок, на мой взгляд, совершенно неудобоваримой пищи. Но отказаться было нельзя – Алекс на пальцах показал, чтобы я терпела, обещав, что на небесах мне за это воздастся. Заметив мои страдания, бабушка-шаманка сообщила мне, что завтра они будут резать оленя и обязательно угостят меня самой вкусной штукой на свете (в чем я лично сомневалась) – оленьим костным мозгом! Сырым, разумеется, – они тут, похоже, вообще не затруднялись варкой еды, предпочитая есть все сырым.

После обеда Ухтыкак привела нам конкретные факты по нашему делу. Вот ее примерный рассказ, я хорошо запомнила...

У одной женщины в поселке Чапыл есть дочка Ялтэн. Девушке еще нет и восемнадцати, дура дурой, но вот в прошлом году она родила сына. Мать со скандалом выгнала ее из дома, кинув вслед большой кусок китового мяса, но не попала. Девушка увернулась и выбежала за порог, пригрозив, чтобы теперь мать не рассчитывала на нее, когда придет пора засаливать в бочках рыбу, мать сразу же покаялась в своей оплошности, но было уже поздно. Ялтэн пошла искать геологов, один из которых (она не знала точно кто, но смутные воспоминания у нее имелись) был отцом ее ребенка, дабы обрадовать его радостным известием о рождении сына и о том, что теперь она переезжает жить к нему и его

товарищам, с последующим переселением в его маленькую квартирку в центре Москвы. Там живут трое его детей и жена, которые, несомненно, примут ее и ребенка с распростертыми объятиями! (Ха, наив невероятный, просто тундра какая-то...)

Короче, чаяния девушки не оправдались. От сына, которому девушка дала имя Рахтын, все геологи отказались. А главный претендент на отцовство, на которого по-настоящему и надеялась Ялтэн, сказал, что отец этому ребенку белый медведь и что вообще скоро они сворачивают свою геологическую экспедицию на Севере и отправляются с новым заданием в Южную Африку. Им надо срочно отыскать для негров угольные месторождения, и там так жарко, что Ялтэн, будучи эскимоской по рождению, вряд ли выдержит такой климатический перепад. (Заботливый папик, правда?)

Девушка, услышав это, жутко разозлилась, назвала всех присутствовавших моржовыми задницами и пожелала, чтобы ездовые лайки геологов взбесились и пооткусывали им кое-какие места, так чтобы радости с оленями для них стали уже недоступны. (Я временами просто балдела от наворотов чукотского фольклора, такие эпитеты и образы...)

Эмоционально высказав все это, девушка схватила младенца и выбежала на улицу. Побродив по сугробам и закоченев, она оставила ребенка на снежном пригорке (так как не знала, что с ним делать дальше) и вернулась домой. Счастливая мамаша приняла ее с нескрываемой радостью, потому что теперь ей не приходилось искать других помощников для засолки рыбы.

Жестокая история, жестокая по отношению к младенцу, который никак не заслужил того, чтобы его оставили погибать на морозе. И вот, замерзнув до смерти, младенец умер, но продолжал жить, превратившись в ангъяка! С научной точки зрения факт совершенно необъяснимый... Получалось, что его душа не могла освободиться, так как Рахтын должен был отомстить за свою смерть, а до этого времени скопить достаточно сил, поэтому каждую ночь он приходил к своей матери за молоком и, насытившись, пропадал в темноте. Ялтэн, поняв, что оказалась по своей вине во власти ангъяка, так испугалась, что не посмела сразу же рассказать об этом и в течение полугода кормила его материнским молоком, которое недодала ребенку при жизни.

Два месяца назад, когда пропал один из соседей, охотник, все подумали, что его загрызли полярные волки. Но через несколько дней ангъяком был съеден еще один мужчина с этого поселения, его косточки нашли наутро...

– А как вы узнали, что тут именно ангъяк потрудился? – поинтересовалась я, как бы невзначай положив голову на плечо Алексу, я заранее учла, что отодвигаться ему некуда – дальше была только стена из туго натянутой шкуры оленя. Кот странно смотрел на меня, если бы мы с ним не были в ссоре, я бы сказала, что это был явно ревнивый взгляд.

– Ночью люди слышали страшный боевой клич этого существа, – пояснила старая шаманка, – а потом предсмертный вопль человека. Однако никто не посмел выйти из яранги, зная, что, если ангъяк вышел на охоту, без жертвы он не уйдет. Он шибко злой и не пощадит никого из тех, кто вступит с ним в борьбу, однако.

«Хорошее напутствие для нас с ребятами», – подумала я, зевнув и посетовав про себя на ненормированный рабочий день. Хотелось спать, а тут, того и гляди, придется тащиться в ночь за кровожадным коротышкой.

– Он почти неуловим, однако, – продолжала рассказывать весьма оптимистичным тоном мудрая старушка, – потому что может в любой момент уйти в потусторонний мир или стать невидимым. Недавно он потопил ангяпик у самого берега, на котором находились два брата его матери. Никто не спасся, хотя их и выловили баграми, люди уже замерзли в воде, однако. Жители поселка на берегу успели заметить маленького демона, он плыл по морю, сидя в черепае собаки вместо лодки, а веслом у него была собачья кость, однако, – торжественно заключила шаманка.

«Бабушкины сказки, – подумалось мне, – люди в такие моменты склонны преувеличивать, но, если тут еще кто-нибудь скажет „однако“ – меня стошнит!» Я отвлеклась от рассказа бабки Ухтыкак и потерялась щекой о плечо командора, злорадно глядя

на сидевшего с каким-то потерянным видом кота. Наконец и Алекс заметил меня:

– Слушай, Алина, у тебя что, скулы зачесались? – сочувственно поинтересовался он. – Помочь?

– Почеши кота за ухом, однако! – разозлилась я и, резко выпрямившись, полностью переключила свое внимание на молодого эскимоса, внука Ухтыкак, как я потом узнала, с улыбкой и крайним интересом на лице спрашивая у него, охотится ли он на белых медведей. Парень очень обрадовался этому вопросу, приняв мой интерес на счет своего неотразимого обаяния, и начал с энтузиазмом рассказывать о том, как завалил голыми руками сразу десять медведей, причем за одну ходку.

– Да ну?! Как интересно! Да неужели?! – подбадривала я его, время от времени делая круглые глаза и многообещающе улыбаясь, так что совсем скоро парень был уже мой и душой, и телом. Алекс, как я заметила краем глаза, кусал губы от досады. Ну и пусть, самовлюбленный индюк, чтоб ты треснул!

Спустя некоторое время командор с напарником стал вести какие-то тайные разговоры, причем агент 013 что-то ему нашептывал на ухо, то и дело подозрительно косясь на меня.

– Эй, а почему вы меня не извещаете о планах? Мы ведь в одной команде или уже нет? – раздраженно выпалила я, потеряв всякий интерес к эскимосу с того самого момента, как Алекс с агентом 013 повернулись ко мне спинами.

– Ты была так занята, что мы не посмели тебя беспокоить, – промурлыкал кот, – но раз уж ты заинтересовалась, то мы с другом решили отложить это дело до рассвета. Как сказала почтенная Ухтыкак – ангъяк появляется на рассвете каждого третьего дня. Завтра, вернее уже сегодня, как раз подходит срок.

Я посмотрела на шаманку, она утвердительно кивнула и добавила по существу:

– Если пойдете вдоль берега, вы очень быстро доберетесь до того самого поселка, однако, откуда родом этот ангъяк, в его окрестностях он и охотится.

– А очень быстро – это сколько примерно времени? – поинтересовалась я.

– Очень мало! – мудро изрекла преподобная Ухтыкак.

Пришлось удовольствоваться подобным ответом – кот на меня смотрел с таким выражением на усатой физиономии, что я поневоле смутилась. В его глазах четко читалось: «Если у тебя есть вопросы, обращай сначала к нам с Алексом и не позорь нашу команду перед людьми, всякий раз демонстрируя свою неосведомленность в простейших вещах!» Имелся в виду мой последний вопрос. Оказалось, что эскимосы часов не наблюдали и уж тем более не наблюдали минут и секунд, поэтому спрашивать о времени у них не имело смысла.

– Значит, нарты нам не понадобятся? Не надо будет собак запрягать? – уточнил командор.

– Нет! Зачем собак? Быстро дойдете, однако. Ангъяк сам вас найдет, – улыбаясь, пообещала нам старая Ухтыкак.

После такого греющего душу напутствия сон, наверное, должен был прийти сразу же, но отчего-то не торопился приходить. Раздеваться догола, как все, я отказалась, хотя охотник на медведей очень на это надеялся. Орлов тоже спал в рубашке и штанах. Я завернулась в шкуры и попыталась сосчитать баранов, но видела все время почему-то оленей. Сотым оказался олень с обломанным рогом и с весьма хамским выражением морды, он презрительно сплюнул и ехидно произнес:

«Похоже, ты влюбилась».

«Не говори чепухи, в кого тут можно влюбиться? – чего-то испугавшись, запротестовала я. – Одни безрогие олени и ходят».

«Раз безрогие, значит, жена верная. Тоже хорошо, – не смутившись, философски изрек парнокопытный собеседник, по-прежнему глядя на меня очень насмешливо. – Не пойму, зачем отрицать очевидное?»

«Слушай, я с детства люблю Винни Пуха, и у него еще не было повода сомневаться в моей верности».

Олень внаглую игнорировал мои слова.

«И тебе пора бы намекнуть этому человеку о своих чувствах». – Он весьма многозначительно подмигнул мне.

«А кто ты такой, чтобы вмешиваться в мою личную жизнь?! – наконец осенило меня. – Иди, щипли ягель, плоди детишек, лучшего занятия для тебя не придумаешь».

«Алекс ведь не будет ждать, пока ты наберешься храбрости, возьмет да и уйдет с какой-нибудь эвенкой, – пообещал олень, не обращая никакого внимания на мою реакцию. – Ты ведь понимаешь, о чем я?»

«Ну и пусть, мне-то что?! Это его проблемы!» – рассерженно воскликнула я и проснулась. У моего изголовья сидел агент 013 и с интересом, вытянув морду, глядел на меня. Рядом встревоженно склонился командор.

– О, наконец-то очнулась! – неожиданно ласково тронул меня лапкой кот. – Мы тут с Алексом думали, что ты бредишь, ты вскрикивала во сне и вопила так возмущенно. Хотя если бы это было наяву, я решил бы, что ты просто не в духе, как обычно. Может, простудилась? Не знобит, голова не болит? Тогда лучше еще поспи, а мы пока сами сходим на разведку...

Я до того удивилась его тону, что не сразу нашлась с ответом.

– Да-да, слишком мало вероятности, что мы сегодня встретимся с ангъяком, а то бы взяли тебя хоть для прикрытия, – поддержал Мурзика командор.

Ну конечно! Что еще от него можно было ждать? С таким объясняться в любви – все равно что целоваться с паровозом.

– Ну уж нет, я пойду с вами, неблагодарные. Даже не надейтесь, что я вас отпущу одних. Того и гляди, ангъяк устроит ранний завтрак, на основное блюдо возьмет «спасителя человечества», а Пусиком закусит. Всякое может случиться, где мне потом искать транспортировщик во времени, как одной отсюда выбраться? Ведь ты, Алекс, его всегда с собой таскаешь.

– На экстренный случай приходится носить с собой, но ты, если что, попросишь Ухтыкак, она в любое время свяжется с Базой, передаст твое сообщение, и они вышлют за тобой кого-нибудь.

– Надеюсь, сразу вышлют, а то меня не очень-то греет сидеть тут на таких харчах, от которых даже верблюды бы загнулись на второй день.

– Верблюды-то тут при чем? Ему-то уж никак не грозит кормиться тюленьим жиром, в отличие от тебя, если с нами что-то случится. Но насчет срока ничего утешительного сказать не могу. Вполне может быть, тебе даже придется тут ассимилироваться, замуж выйти, детишек завести. Чтобы не так скучно было, пока дождешься спасательной группы и своей очереди. Таких страждущих не так уж и мало по свету разбросано. Хотя через годик-другой тебя наверняка отыщут в этой заснеженной пустыне, не сомневайся!

Я начала быстро собираться уже на середине его речи, а когда он закончил, то стояла во фрунт, полностью одетая в дорогу и с несокрушимой готовностью к труду и обороне.

– Зря это ты, – проворчал профессор, когда мы уже выходили из яранги. – Мы ей, можно сказать, поблажки делаем, даем несколько лишних часов подрыхнуть в теплой постельке, а она рвется куда-то в морозную ночь. До рассвета еще спать да спать...

Он опять перелез Алексу на плечо, чтобы не утонуть в сугробах, а тот прихватил с собой толстенное копье.

Небо, бархатистое и темное, было страшно звездным. Таких больших и роскошных созвездий я больше нигде не видела... Мы шли, не разбирая дороги (ее тут не было и в помине), прямо по сугробам – хорошо хоть ветер стих. Вдруг мимо нас пролетела белая полярная сова, надеюсь не имеющая никакого отношения к Гарри Поттеру. Лицо у нее было такое серьезное и сосредоточенное, что мы невольно посторонились, вероятно, она торопилась по очень важному делу, какому именно – только сама птица и знала.

– Ну вот, первый знак есть, – заключил кот.

– О чем это ты? – не поняла я.

– Белая сова – это знак, что ангъяк крутится где-то поблизости.

Я оглядела снежную пустыню – видимость была так себе, в том смысле, что ни зги не было видно, хоть глаз выколи, хотя, может, я зря пеняю на природу? Ночью, на Севере, по колено в сугробах, да еще не знаешь, куда идешь... Естественно, мне и полагалось спотыкаться на каждом шагу. Что я и делала.

– Как ты ухитряешься спотыкаться на каждом шагу? – удивился командор и взял меня за руку. Было очень приятно чувствовать его руку через пятисантиметровую толщину наших меховых варежек. Но очень скоро мне этого показалось мало. В самом деле, а почему бы ему не понести меня на руках? Если у меня прямо сейчас ноги подкосятся, не уронит же он меня в снег, и я начала в соответствии с разработанным планом активно нудить:

– Ой, мамочки! Ой, не могу больше! Бросьте меня здесь, ибо я не в силах больше и шагу ступить. – Однако пришлось ступить еще целых три шага, потому что Алекс не сразу меня услышал и продолжал волочить по снегу. – Нет, нет, оставьте меня тут замерзать! Дело превыше всего, я не позволю вам со мной возиться, растрачивая бесценное время. Быть может, за это время ангъяк доберется до очередной жертвы, не допустите этого! А когда (я верю в вас!) маленький вредитель, то бишь зловредный ангъяк, будет устранен, свистните три раза, и я, услышав, буду знать, что дело сделано, дабы с покоем в душе покинуть этот бранный мир.

Прочитав весь монолог, я закатила глаза и начала заваливаться в снег. Орлов, чтобы мне не мешать, тут же отпустил мою руку, а я, не ожидая такой подлости, рухнула в глубокий сугроб. А когда, отфыркиваясь и ругаясь, я попыталась вылезти из него, мои напарники спокойно наблюдали за этим со стороны, а «спаситель человечества» пояснил:

– Что ты трепыхаешься, Алина? Да неужели мы не выполним твою просьбу?! Сиди спокойно в снегу и не пытайся встать – тебе вредно двигаться, мы с агентом 013 это уже поняли. Да, мы все сделаем, как ты сказала, и обязательно свистнем, когда придет срок, чтобы ты могла спокойно испустить дух. Даже не сомневайся, мы не предатели какие-нибудь и свистнуть нам нетрудно. Но время поджигает, сейчас уже светать начнет, нам надо поторапливаться. Прощай, наша боевая подруга! И если больше не доведется встретиться, знай, что я к тебе был неравнодушен...

– Прости за все, деточка, – язвительно бросил мне в яму кот (я бы уже давно выбралась, если бы не угодила в полутораметровую впадину), и эти двое нахалов спокойненько исчезли из виду. Снизу мне было никак не разглядеть, куда они пошли и пошли ли вообще, но я вдруг страшно испугалась. С них ведь станется, у этих агентов из будущего весьма своеобразный юмор... Так что я решила страшную месть перенести на потом, сейчас главное не остаться здесь в одиночестве, ведь в любой момент и ангъяк может навестить, а такая компания не очень-то радовала. Да и ноги начинали замерзать, по крайней мере со страху мне показалось, что я начинаю уже превращаться в ледяную статую. Завтра найдут тут снегурочку вместо родной, теплокровной Алиночки... А вдруг я тоже в ангъяка превращусь, когда замерзну до смерти, хотя на младенца я мало похожа, ну а кто знает, может, и младенцем не обязательно быть, чтобы стать ангъяком.

– Эй, вы, черти полосатые, вытащите меня отсюда! Ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!!! – взмолилась я, и мои вопли разносились далеко по всей ледяной пустыне. Наверное, я уже плохо соображала, потому что, соскользнув, ударилась головой о ледяную скалу, торчавшую рядом. – Милый котик, я тебя «Вискасом» закормлю, как только мы вернемся, не бросай меня здесь! Алекс, я буду стирать тебе носки и гладить все рубашки (хоть две!), только вытащи меня отсюда-а! Ребята, будьте добренькими, не оставляйте меня тут погибать!

Откуда только силы взялись – размазывая по лицу сопли со слезами вперемешку, загребая ногтями снег (я выкинула варежки), я выползла-таки из ямы, все это время не переставая вопить о помощи. По-моему, даже сидя на ее краю, я еще какое-то время орала на автомате...

Когда пришла в себя, поднялась на ноги и, отряхивая с себя снег, оглянулась по сторонам. Наши куда-то не ушли, стояли ко мне спиной шагах в двадцати. Повесив голову, я

поплелась за ними, спрятав подальше уязвленное самолюбие. Может быть, оттого, что смотрела себе под ноги, мне удалось сразу разглядеть, что с ними уже был кто-то еще. Проклятые сослуживцы даже не оборачивались на мои окрики, но кто же этот третий?

Наконец я подошла настолько близко, что сумела разглядеть с ними... девушку! Она была одета в одежду, подобную моей, черные волосы, выбившиеся из-под капюшона, развевались по ветру, и Алекс (вот изменщик!) держал ее за руку. Я сделала последний рывок и подбежала к ним:

– Ах ты обманщик! Предупреждал меня олень, да я не верила!

– Какой олень?! И кто вы такая?! – Я увидела круглые от самого настоящего удивления глаза агента Орлова, на плече у него сидел агент 013 и так же ошарашенно смотрел на меня. Одновременно девушка завопила и взвизгнула. Очень знакомо почему-то взвизгнула... Я перевела по-прежнему раздосадованный взгляд на нее, спутницу этих ловеласов. Вот жуки, не преминули воспользоваться моим коротким отсутствием и даже в снежной предрассветной пустыне подцепили какую-то девчонку, причем припадочную. Однако, увидев ее лицо, я завопила точно так же, и наш вопль слился в один, так что все прочие даже зажмурились.

Я стояла и смотрела на себя саму – на Алину Сафину!

Пытаясь сохранить остатки разума, я закричала:

– Где вы достали такое зеркало, шутники паршивые?! Я же чуть копыта не откинула от неожиданности!

– Кто это, Алекс? Объясни мне наконец, черт тебя подери, или давай по-быстрому валить отсюда, я не хочу больше ее видеть! – закричала в моем же тоне Алина-двойник и спрятала лицо на груди у Алекса, который ободряюще похлопывал ее по спине.

– Где вы ее подобрали?! – потребовала объяснений я, пытаюсь за волосы оттащить девицу от командора, который, не теряя спокойствия, остановил меня:

– Тебе не мы нужны.

– Как это не вы?

– Твои сослуживцы, Алекс и я, нас, то есть их надо искать вон в той стороне, – авторитетно изрек кот, указывая направление лапой с высоты командорского плеча. – А вон, кстати, какая-то знакомая фигура показалась. Пребывает в одиночестве, не считая моего собрата на плече. Девушки рядом нет, значит, вон они, твои агенты.

Я испуганно оглянулась. Не может быть...

– Нас тут вообще-то много по тундре шляется, осязаемый мираж... – спокойно добавил он. – Так что если это они и есть, то тебе крупно повезло. Север порой крутит такие странные чудеса... Ладно, удачи вам! А нам еще своего ангьяка выследить нужно до рассвета.

Я, ни слова не отвечая, с криками бросилась бежать к фигуре, обозначавшейся все явственней, конечно, это был Алекс, верный кот сидел на плече. Они спешили ко мне навстречу. Солнце начинало медленно подниматься, и когда мы уже подбегали друг к другу, стало совсем светло.

– Ребята, вы видели? Там, там, там... – запыхавшись, я с трудом выговаривала слова, показывая рукой за спину, – только что, я встретила вас... нас! Всех нас!

– Она рехнулась, – вынес окончательный диагноз профессор, обменявшись многозначительным взглядом с командором.

– Обычное дело, одним агентом больше, одним меньше, что тут страшного... Ты же знаешь статистику, База в среднем каждые три месяца по новобранцу теряет, кто-то погибает, кто-то теряет конечности, кто-то с ума сходит. Пора бы привыкнуть... Закончим операцию вдвоем, а ее сразу по прибытии сдадим в больницу.

– Не надо меня в больницу, неужели вы мне не верите?! Сейчас я вам докажу, за пять минут они не могли далеко уйти. – Я обернулась, выискивая взглядом на бескрайних снежных просторах двойников нашего отряда.

В той стороне, где мы встретились, стояли освещаемые лучами солнца две ледяные

глыбы, похожие на фигуры людей в тулупах. У той, что повыше, был какой-то дополнительный ком на месте плеча, как будто кот сидит. Я повернулась к ребятам и жалостливо заскулила...

– Может, Ухтыкак ее какими-нибудь отварами отпоит и вернет девочке разум?! – сострадательно поинтересовался кот.

– Разум?! По-моему, дело безнадежное, если бы что другое... Хотя мы-то что теряем? Решено, до окончания охоты отправляем ее к бабке. По крайней мере нас капризами отвлекать не будет, мешать не будет. Я думаю, это из-за ее воплей ангъяк и не появился, просто испугался и зарылся поглубже в снег.

– Хвалю, глубокая мысль, – съязвила я и демонстративно похлопала в ладоши. Алекс театрально раскланялся, а Васька, не удержавшись, рухнул с его плеча носом в снег. То, что он вслух высказывал о своем напарнике, я воспроизводить не берусь. Сама не ангел, но сколько новых слов наслушалась от профессора, век живи – век учись...

Ладно, пусть не верят. Мне-то что? Невдалеке прогукала сова. Метрах в пятидесяти от нас резво прошмыгнул какой-то кривоногий карлик. Как всегда, его заметила только я, мои товарищи смотрели в другую сторону. Ну был и убежал, какая кому разница? Ничего не стану им говорить, опять начнут обзывать тронутой.

– Скорей бы уж чертов ангъяк закричал, что ли! – нетерпеливо воскликнул Алекс. – Вон и яранги уже рядом. Именно тут он и должен появиться. Не хочется торчать здесь целые сутки. Даже если на наших глазах ничего не случится, все равно нужно будет проверить, все ли жители поселка в целости дожили до утра.

И мы решили обойти поселок кругом – не стоять же на месте, перспектива превратиться в ледяные статуи не очень-то грела. Ничего особенного. Уже люди из яранг стали выходить, кто на охоту, кто на рыбалку, кто к соседу за водкой. Шестеро мужчин вытаскивали ангяпик в воду, похоже, эта лодка была одна на весь колхоз. Поселок находился в бухте, у самого моря, яранг десять плюс какие-то деревянные склады. Люди были спокойные, как моржи. Без суеты занимались своими делами, время от времени поглядывая на нас, как на троицу чокнутых. Командор с копьём наперевес, за ним я, сжав кулаки в боксерской стойке, по цепочке за мной кот. Снег вокруг поселка был достаточно утоптан, так что Алекс заявил, что у него шея затекла и толстуна он больше катать не станет. Вдобавок я обозвала кота сибаритом, это не прибавило Пусику настроения, и он угрюмо шествовал за нами.

В общем и целом мы делали вокруг поселка уже пятый круг. В конце концов, не выдержав такого психологического давления, местные отправили к нам послом маленького мальчика. Подбежав, юнец старательно выпалил:

– Здравствуйте, дядя и тетя, однако! Много рыбы вам впрок и чтоб ловилась она в ваши сети сразу засоленной, однако!

Видимо, это было традиционное пожелание удачи на рыбалке.

– Что тебе, бодрое дитя? – неласково спросил кот, глядя на ребенка снизу вверх, отчего тот подпрыгнул на месте и шарахнулся от нас. Потом на расстоянии двух шагов дрожащим голосом все же сделал сообщение, с которым его послали взрослые:

– Мне, однако, велено спросить у вас, не нужна ли вам помощь? Может, вы заблудились, однако?

– Спасибо, однако, мальчик, однако, но нам, однако, ничего не нужно, однако... – вежливо ответил Алекс, стараясь перенять местную манеру речи... Мальчик понял, что разговор исчерпан, развернулся и бросился бежать к своим, те его стали активно расспрашивать и, получив ответ, дали пару затрещин (наверное, за говорящего кота).

– Похоже, с ангъяком на сегодня накрылось, – глубокомысленно изрек профессор. – Но думаю, нам обязательно надо повидать его мать, живущую здесь. Некую девицу по имени Ялтэн, если память мне не изменяет. Она может сообщить нам что-нибудь интересное.

И мы втроем пошли в поселок. Там нам какой-то мужичонка легко показал ее ярангу. Девушка сидела одна, явно скучая, но выражение ее лица тут же изменилось, как только она

увидела нас. Вернее Алекса. Глаза у нее сразу так заблестели, и она бросилась усаживать его поудобнее, буквально не в силах отвести от него взгляда. Мы-то с ворчуном не удостоились и половины такого внимания. Нет, девушка в конце концов заметила и наше присутствие, радостно улыбнулась, пригласила пройти и присесть.

– Как зовут этого милого котика? – осведомилась она, сияя лошадиными зубами. Профессор неожиданно растаял и даже (о чудо!) позволил этой нахалке почесать себя за ухом. Мне-то, родному человеку, не позволялось этого делать даже под страхом вечного отлучения от общения с такой особо важной персоной, как агент 013! Я тебе это припомню, паршивый котишка!

– Его зовут Пушок, но не гладьте его, у него блохи, – елеинным голосом сказала я, улыбаясь не менее лучезарно, чем хозяйка. – К тому же в ушах у него клещи, и уже пятеро заразились от Пушка стригущим лишаем.

Ялтэн сразу отдернула руку, агент 013 метнул в меня глазами молнию, а я ответила ему невинным взглядом котенка с только что прорезавшимися глазами.

– Тогда дам ему бульону, однако. – И девушка, прыгая как стрекоза, бросилась кормить нашего распухшего от голода котика. Агент 013 принялся с аппетитом лакать, перед этим одарив меня торжествующей ухмылкой. Я скромно села рядом с командором.

– Можно мне узнать, каким богам я обязана счастьем принимать столь дорогих гостей? – спросила хозяйка, сев напротив нас.

Эти слова относились исключительно к агенту Алексу, поскольку плутовка не сводила с него глаз и незаметно придвигалась все ближе. Не знаю, с чего это я до сих пор терплю такое бесчинство? Какие там боги, сколько помню, на рубеже семидесятых по стране атеизм гулял со страшной силой, выпендрежница!

– Прошу прощения, уважаемая Ялтэн. Это, наверное, не очень-то приятная для вас тема, но... Мы пришли в надежде получить какие-нибудь сведения об ангъяке, вашем бывшем сыне Рахтыне.

Алекс говорил весьма осторожно, мягким голосом, видимо боясь, что у девушки при напоминании о таком личном несчастье начнется истерика и слезы водопадом польются из глаз. Ничуть не бывало. Вместо этого Ялтэн радостно воскликнула:

– О сыночке моем, однако?! Но к чему вам это?

Алекс объяснил, что мы действуем от лица бабушки Ухтыкак и являемся дипломированными шаманами. В данный момент мы собираемся сделать все от нас зависящее, чтобы душа ангъяка успокоилась и ушла в мир мертвых, тем самым перестав приносить искалеченные человеческие жертвы. Тут уж все сомнения девушки рассеялись, и она радостно закивала, дескать, чем могу, помогу.

Но, как оказалось, она даже внешность его описать не могла, во-первых, ангъяк на кормежку всегда приходил в темноте, и она не могла его как следует рассмотреть. Во-вторых, с тех пор прошло много времени, и облик монстрика мог сильно измениться. Разговаривал он мало, при входе обычно ограничивался коротким «Дай жрать!», а насытившись, уходил молча, но громко сопя. Это были все сведения, которые нам честно предоставили. Вдруг девушка, что-то вспомнив, хлопнула себя по лбу. Я уже наострила уши, думая, что мы сейчас услышим нечто очень важное и нужное в деле.

– О мать-моржиха! Я совсем забыла предложить. Чай? Кофе? Меня? – спросила она, бесстыже строя глазки Алексу и придвигаясь к нему еще ближе.

– Ах ты, шлюшка чукотская! Щас, разбежалась! – закричала я и бросилась между ними. Оттолкнув Ялтэн, я наступила Алексу на ногу, чего изначально делать не планировала. Это вышло случайно – он так шарахнулся от меня в сторону, что упал на спину. Кот продолжал спокойно наслаждаться бульоном. Я собиралась извиниться, но попросту не успела, видимо, этот инцидент оказался для главы нашего отряда последней каплей. Он вскочил, взревел от ярости и поднял меня, схватив за шкуру.

– Убери руки, господин Орлов! Что за бесцеремонность? – праведно возмутилась я, пытаясь вырваться и тут же утратив всякое желание извиняться за оттопанную мозоль. Но

Алекс, не обращая никакого внимания на все мои вопли протеста, все-таки выволок меня на улицу. Краем глаза я успела увидеть, что хозяйка как ни в чем не бывало, уже позабыв обо всем, гладит по шерстке Мурзика, поэтому кот, естественно, в сторону своих товарищей и не глядел.

– Что ты себе позволяешь? Что ты из нас каждый раз дураков делаешь? Когда наконец прекратятся твои истерики и выходки, опасные для общества и здоровья окружающих?! Я же никогда не знаю, чего от тебя ожидать! Ты вообще способна думать головой или нет?! Сначала думать, а потом уже что-то делать?! Сколько нам еще с агентом 013 с тобой возиться, а?! Сколько, я тебя спрашиваю?! – закончил Алекс с такой тоской, что теперь мне было жаль не только себя, но и его, и я рыдала взхлеб уже за двоих.

– Хватит плакать! Этого еще не хватало. – Он достал из кармана платок и протянул мне, но я демонстративно отвернулась. – Ну не молчи ты, скажи что-нибудь.

Но я продолжала молчать, как партизан, и продолжала плакать вне себя от горькой обиды. Как он смел отчитывать меня, как школьницу? Выставляя меня дурочкой и даже полной кретинкой! Никогда этого ему не прощу, никогда, никогда! Тут я заметила, что парень мучается не меньше меня. Алекс был бледен как смерть, и его тоже трясло от нервного потрясения. Получив, таким образом, некоторое внутреннее удовлетворение и злорадствуя, я принялась рыдать с еще большим энтузиазмом.

– Ну ладно... ну прости, пожалуйста.

Чувствовалось, что эти слова дались ему с большим трудом. Я зарыдала еще сильнее, уже на уровне придушенного хрипа, во весь рост торжествуя внутри.

– Я очень виноват, Алина. Я дурак, грубиян и скотина, как мне заслужить твое прощение?

Я медленно утерла слезы и улыбнулась. Победа! Сладкое слово – победа!

– Мне надо подумать. Это – нет, это тоже – нет... А впрочем, знаешь, есть! – Я посмотрела ему в глаза, так радостно сияя, будто не плакала безутешно, как о кончине мира, всего полминуты назад. – Знаешь, Алекс, я давно мечтала, чтоб кто-нибудь покатал меня на спине!

– Чего?! – опешил он.

– Что тут непонятного? Покатай меня на спине сейчас.

– Ты... обалдела, что ли? – настороженно поинтересовался Алекс. – Нет, катать я тебя не буду. Я же потом вовеки не разогнусь.

– Что, радикулит замучил? – разочарованно протянула я.

– Да нет, не радикулит, а чувство собственного достоинства! С какой радости я должен катать на спине истеричную и глупую нахалку?

– Отлично, тогда я тебя никогда не прощу, и не надеюсь! Индюк самовлюбленный! Вали к своей эскимосской шлюшке, массируй ее тюленьим жиром. Проваливай давай, не стесняйся!

Тут из яранги вышел слегка прибалдевший кот. Видеть его счастливую физиономию для меня было последней каплей. Круто развернувшись, я стремительно понеслась прочь.

Пропадите вы пропадом оба, видеть вас больше не хочу! Я сама не знала, куда бегу, зачем? Алекс что-то кричал мне вслед, наверняка чисто из вежливости, просил вернуться. Нет уж, спасибо, было... Уйду в ледяную пустыню и выплачусь там без вас, достали уже. Все, достали, хоть вешайся! Мир перед глазами представал в самых мрачных тонах. Как говорится, жизнь проходит полосами – черными или еще чернее...

Но несмотря ни на что, снежная пустыня по-прежнему была белее белого и располагала к умиротворению. Потом я увидела полярную сову, судя по хмурому выражению лица (если, конечно, они тут не все такие озабоченные проблемами), ту самую, что мы встретили на рассвете. К своему изумлению, я поняла, что она держит курс на меня. Так и есть, спустя пару секунд птица, спланировав, присела мне на плечо. Хотя присела – мягко сказано, скорее вцепилась мертвой хваткой в плечо. Я обрадовалась, что на мне дубленка, а то когти-то у нее ого-го какие здоровые, но это к слову... Сделав посадку, она тут же открыла клюв и

заговорила человеческим голосом. Давно прошли те времена, когда я думала, что только в сказках птицы и звери разговаривают. Приключения последней недели образно показали: они везде достучаться до людского сознания могут. Даже в заснеженной тундре в зимний период...

– Привет тебе от Гарри Поттера. Я вообще редко с людьми общаюсь, поэтому сама можешь понять, как меня припекло сейчас, – серьезно сообщила сова.

– От Гарри Поттера? Так ты та самая...

– Нет, я только сестра его белой совы.

– Тогда с чего привет?

– Чтобы познакомиться! Сестричке, в отличие от меня, безумно повезло – попался спокойный интеллигентный мальчик, а мне приходится быть у ангьяка на побегушках, у этого злобного карлика. Боги, избавьте же меня от него!

Видно, действительно бедная птица уже дошла до ручки. Несмотря на постоянно хмурый взгляд, сова сразу же вызвала у меня сильную симпатию. «Некоторым достается от судьбы больше, чем тебе, а они не жалуются и не хнычут, как ты», – подумала я, все больше видя в пернатом существе родственную душу.

– Я к тебе по делу, – деловито начала сова. – Знаю, что ты со своими спутниками прибыла откуда-то из будущего. Похоже, вы являетесь спецотрядом, который и борется с такими злобными вредителями демонического подвида (сказать «вида» будет слишком жирно для него), как мой хозяин. Вы ведь специально для этого сюда и приехали, чтобы нейтрализовать его, правда? Но пока не знаете как.

– Да, все это так, – пробормотала я, слегка ошарашенная редкой осведомленностью обычной птицы, хотя, как получается, не такой уж и обычной, раз она является доверенным лицом ангьяка.

А сова тем же серьезным тоном продолжала:

– Не спрашивай, откуда у меня такие сведения, это к сути дела не относится. Главное в том, что я могу вам открыть, что и как надо сделать. Сегодня на рассвете я пролетела мимо вас по приказу хозяина. Работенка не пыльная, но довольно унижительная. Кроме того, у меня свои счеты с боссом, но это так, роли не играет... В общем, своим появлением я ввожу потенциальных жертв подобного чудовища в ступор. Это подготовительный этап. Люди пугаются, зная, что это стопроцентный знак и им вряд ли удастся спастись. Благодаря своему развитому воображению и устойчивому суеверию они и гибнут, к появлению ангьяка эскимосы были уже полумертвыми от страха, то есть тепленькими попадали в его ненасытный желудок. Сегодня жертвой вполне могла бы стать ты, поскольку местные жители уже поумнели и поодиночке по тундре не шляются. Но твои вопли так испугали этого жестокого карлика, что, убежав, он зарылся глубоко в снег и до сих пор еще не вылезал.

– Да ты мне льстишь, – засмушалась я, однако удовлетворенно крякнула про себя.

– Ни в одном глазу, – решительно опровергла сова. – Просто в нашей тундре таких криков еще не слышали. До встречи с тобой мой ангьяк считал, что у него самые сильные голосовые связи от моря и до тайги, но это опять же к делу не относится. Само по себе дело-то совсем простое.

– Да-да, я слушаю очень внимательно, буквально вся превратилась в слух!

Сова посверлила меня немигающими глазами и продолжила, оглядев всю тундру, нет ли кого поблизости... Живых существ рядом не наблюдалось, от поселка мы находились довольно далеко, и птица осторожно наклонилась к моему уху:

– Дело не стоит выеденного яйца. Надо всего лишь сломать кость. – Сказав это шепотом и весьма многозначительным тоном, пернатая советчица отстранилась и выжидательно уставилась на меня. Наверное, у меня в этот момент выражение лица было преглупое. И даже чуть более...

– И что?

– Как что? У ангьяка есть заговоренная собачья кость.

– А какая – берцовая, бедренная или тазовая? – деловито поинтересовалась я.

– Обычная кость от ноги, – немного подумав, сообщила сова и продолжила: – В общем, вся сила моего нехорошего хозяина находится в этой небольшого размера кости, но это в человеческом понимании небольшого – видела бы ты, как он этой костью в воде вместо весла загребает.

– Да, да, нам что-то говорили об этом, – припомнила я рассказ Ухтыкак, а ведь тогда посчитала историю о кости и черепушке чрезмерно преувеличенной.

– Слушай, а череп собачий, который вместо лодки, – он тоже имеет магическое значение?

– Конечно нет! С какой стати? Его назначение чисто практическое. В общем, так как сегодня у этого злобного доброходца дело обломилось, то завтра у нас будет внеплановый выход на охоту. Нет, вернее, выход на охоту у него, но мне тоже, как понимаешь, придется быть рядом. Итак, завтра на рассвете на этом месте – не забудь. И помни, у моего доброго хозяина особенно силен хук слева. Да и когти будь здоров, гораздо крупнее моих, поэтому в дополнительном оружии он не нуждается, но кость носит всегда с собой. Главное – отобрать ее и сломать пополам, этого достаточно, можно не мельчить. Теоретически его душа тут же должна вылететь из тела и покинуть землю живых. Тело, по идее, начнет уменьшаться на глазах, пока не превратится в маленькое пятнышко, которое вспыхнет и пропадет.

– Постой, постой, а что это значит «теоретически»? – насторожилась я. Что, эта сова пытается мне утку подсунуть? У меня появились смутные сомнения насчет белокрылой помощницы. – А ну давай договаривай!

– Я имела в виду, что так должно быть. Но для верности еще прочитайте какое-нибудь простейшее заклинание об изгнании мертвых. И дело будет сделано, всем хорошо, да здравствует свобода! У вас ведь есть знакомая шаманка? Ну так о чем речь?

Краем глаза я углядела, что в мою сторону топают Алекс с профессором. Надо же, вспомнили?! Чем я удостоилась такого внимания, ума не приложу...

– Это твои идут. – Сова тоже их заметила.

– Слушай, расскажи им все сама, а то они мне не поверят.

– Извини, не могу, времени в обрез, я и так уже тут у тебя засиделась. В любой момент ангяк меня может хватиться.

Алекс с агентом 013 подошли к нам.

– Наконец-то мы тебя отыскали. Что, на досуге решила подрессировать сову? – виновато начал командор. Чувствовалось, что он не в своей тарелке, наверное, никак не может себе простить, что отказался покатасть меня на спине...

Умной птице он совсем не понравился. Я, конечно, тут же раскрыла рот, чтобы вступить за оскорбленную сову, но та меня опередила:

– К сведению сказать, в дрессировке я не нуждаюсь. До всего можно дойти умом, и в гробу я видела вашу дрессуру... – Птица поклонилась, приложив к груди крыло. – Я здесь сугубо по делу, его обстоятельства изложит вам эта милая девушка. А мне, простите, пора откланяться. Ваша покорная слуга белая сова...

С этими словами птица взлетела в воздух и вскоре пропала из виду. Задвинув подальше в угол личные амбиции, я просто пересказала моим (еще пока) товарищам все, что услышала от неожиданно появившегося у нас нового партнера. Хотя правильнее было бы сказать – союзника...

– Ребята, а вы когда-нибудь раньше видели говорящих сов? – радостно-возбужденно подпрыгивала я сразу после того, как закончила свой довольно сумбурный рассказ об ангяке, охоте и костях.

– Я как-то встречал целую стаю говорящих уток, причем галдели они все одновременно. Тяжелое, надо сказать, зрелище, – припомнил кот, чуть вздрогнув. – А сове этой, я думаю, можно верить, что скажешь, Алекс?

– Согласен с тобой, рассказ звучит убедительно, – кивнул командор.

Как приятно, когда твои слова не подвергают сомнению.

– Значит, возвращаемся сюда на рассвете завтрашнего дня, – заключил кот. – А сейчас назад к Ухтыкак, придется еще и ее тащить с собой для читки заклинания. Бабуленька весит, по-моему, не меньше 180 кгэ и еле ноги передвигает, но можно воспользоваться санками, повезем по очереди. То есть вы повезете, меня ездовые собаки засмеют... В любом случае, кроме нее полагаться нам не на кого – других шаманов в округе не имеется.

Мы развернулись и двинулись назад. Я вспомнила слова Алекса, сказанные несколько часов назад, о том, что он ко мне равнодушен. Интересно, это он правду сказал или, как всегда, съязвил? Сейчас, идя с ним рядом и глядя в его непроницаемое лицо, я никак не могла угадать, что у него на душе. Хотя вполне могло быть, что он действительно проговорился и неожиданно для себя выдал сердечную тайну. Может, боится своим признанием дать мне повод для шуток, боится, что я начну над ним насмехаться и подтрунивать, поэтому и не раскрывает своих чувств.

Интересно, а был ли он женат? А обеспечен ли отдельной жилплощадью? Надо будет на досуге выпросить у кота, подкупив его баночкой сметаны. От самого Алекса я еще ни разу не слышала ни слова о его жизни вне Базы, о друзьях, родственниках, о троюродной бабушке, на худой конец. Не обмолвиться о таких близких людях – просто неприлично...

А может, он сирота? Бедный, если это так, то теперь я догадываюсь, отчего он такой черствый и холодный внешне и очень ранимый внутри. Может, он вырос у злобного дяди, вскормленный колотушками и оскорблениями? Вместо йогурта на завтрак получал пару тумачков, а на обед заправлялся подзатыльниками? Ему никто не читал сказки на ночь, не водил кататься на карусели, не покупал первые джинсы... Я так расчувствовалась от подобных мыслей, что начала уже похлюпывать носом, а глаза предательски увлажнились. Но, смерив взглядом уверенную фигуру командора, я сразу же поняла, что все это сентиментальные бредни. Ну не выглядел он таким уж несчастеньким на самом деле.

– Слушайте, а на нашей службе отпуск полагается? – поинтересовалась я, издали подбегая к интересующей меня теме.

– Конечно. Раз в год, – отстраненно ответил Алекс.

– На месяц?

– Да.

– Вэк... Надо же, как и у нас, – подивилась я и рискнула спросить: – А куда ты уезжаешь на это время?

Алекс помедлил.

– Остаюсь на Базе, – ответил он коротко, а кот смерил меня угрюмым взглядом, похоже, не одобряя мои расспросы.

Видимо, я затронула запретную тему...

– Понятно, – сказала я, хотя ничего не поняла. – А ты, Стальной Коготь?

«Агент 013» мне не нравилось, а на Мурзика он бы однозначно не откликнулся.

– Я уезжаю домой на Украину, – охотно ответил кот.

– Так ты с Украины? То-то я видела, как ты на сало кидаешься, – радостно воскликнула я.

– Я ведь родился в Харькове. У меня там многочисленное семейство – братья, сестры, племянники. Мама вот недавно письмо прислала о том, что у меня в прошлом месяце появилось еще три сестры и один брат, – разоткровенничался серый охотничек.

– Чудненько, представляю себе, какие они маленькие и пушистенькие, – воскликнула я, живо увидев перед глазами хорошеньких котят, и от восторга запела:

Ночь яка мисячна, зорена, ясная,
Выдно, хучь голки збырай!
Вийды, кохана, працею зморена,
Хучь на хвылыночку в гай!

Агент 013 совсем растаял, услышав от меня слова родной с детства песни.

– А по породе я персидский голубой кот, – важно сообщил он, – не в том смысле, конечно, голубой, а в смысле по породе.

– Правда? А ведь по тебе и не скажешь. Я думала, что ты беспородный, так просто, кот дворовый.

Это было как ушат холодной воды на распушившего хвост Мурзика. Он тут же сменил позу на предельно угрожающую, прожег меня сверкающими от ярости глазами и обратился к Алексу:

– Ты слышал? С ней нельзя разговаривать по-хорошему, стоило мне один раз расслабиться и потерять бдительность, как тут же получил плевков в душу.

– Я всего лишь сказала правду! – обиделась я. – Вот время – за откровенность прилюдно наказывают. Это не наш метод.

– Ты просто злая и вздорная девчонка, – заключил кот. – В этом вся твоя суть, и нечего оправдываться.

– Вот уж не думала! С какой стати? – Я демонстративно отвернулась. Командор сохранял полный нейтралитет, наверное, устал за утро.

Время подходило к полудню, когда мы наконец пришли домой, я имею в виду ярангу Ухтыкак. Там все сразу вскочили на ноги при нашем появлении, засуетились, кинулись накрывать на стол, не хватало разве что труб и фанфар.

– Поздно вы явились, однако, – подошел ко мне тот самый парень, борец с медведями, с которым я флиртовала вчерашним вечером.

– Неужели опоздали на обед? – испугался кот.

– Нет, однако, – слегка опешил парень. – Мы думали просто, что ангъяк вами позавтракал, однако.

– Много чести для какого-то паршивого плюгавенького коротышки, – заявила я, садясь поближе к очагу. Молодой эскимос тут же бросился накладывать мне в миску самые лучшие, с его точки зрения, куски жира, профессор в это время уже рассказывал Ухтыкак обстоятельства дела, подводя ее к тому, что наконец-то нам понадобилась ее помощь.

Рассказ добрая бабка выслушала с большим интересом, энергично кивая, но на просьбу кота отправиться завтра в тундру с сожалением покачала головой:

– Мне в этом году исполнится шибко много весен, однако. Я уже и не знаю, как давно не выхожу из этой яранги. Когда люди приходят ко мне за помощью, я, однако, могу помочь им только советом. Кроме того, больная я шибко. Астма у меня, однако, гипертония, сердечная недостаточность и справка есть о перенесенных в детстве инсультах и инфарктах. Все в этой яранге живут на одну мою пенсию – это главное. Так что никак я бы не смогла пойти с вами так далеко в тундру, однако.

– И что же нам делать? – поинтересовался Алекс, искоса поглядывая на нас с эскимосским парнем, имя которого, убей бог, я бы не вспомнила.

Ухтыкак повернулась к Алексу:

– Зачем вам я, однако? Сделать всю шаманскую работу может и уважаемый агент 013. Ты ведь умеешь читать?

– Давно не читал, однако, – соврал кот. В том, что Мурзик, кичащийся своими научными знаниями, «давно не читал», я глубоко сомневалась.

– Ну, это не трудно. Я тебе живо напомним, однако. Шибко грамотой не владею, но напишу тебе русскими буквами нужное заклинание на сушеной рыбе. Устроит, однако?

– А что, бумаги нет?

– Туалетная, берегу, однако... – был исчерпывающий ответ.

Весь остаток дня мы били баклуши, вернее мы с Алексом, а профессор, сидя в уголке с большой плоской рыбиной, читал с нее заклинания, пытаясь заучить наизусть. Я думаю, что это он хотел подстраховаться на случай, если по дороге не выдержит и схрюпает. Как понимаете, соблазн большой, когда несешь в зубах соленьючую треску, слюнки-то собираются. Агент 013 – это вам не Герда, которая, держа в руках рыбу с письмом, могла думать только о Кае. Кот, в отличие от нее, может думать только о еде, убрав на второй план

любого ангяка. Мои насмешливые мысли прервал командор:

– Слушай, Алина, сегодня в тундре, после того, как ты выбралась из ямы, и до того, как мы снова встретились, в этом промежутке ты ведь видела что-то, правда?

– Ага, – сглотнула я, вжав голову в плечи. Воспоминания были яркими, но не очень-то радовали. Непонятное часто пугает, вдруг глюк какой-нибудь подхватила...

– Что-то очень необычное, верно?

– Точно, я видела наших двойников, – нервным шепотом повторила я.

– Ясно, – ничуть не удивился командор. – А я-то надеялся до последнего, что, может быть, все обойдется и вакцина тебе не понадобится.

– Но при чем тут двойники? Я где-то читала, что это ведет к страшным вещам. Ты знаешь, когда лорд Байрон загибался от лихорадки в Греции, его двойник вовсю веселился в каком-то кабаке в Лондоне. На той же неделе он умер, – встревоженно закончила я, многозначительно посмотрев на Алекса.

– Кто? Двойник или Байрон? – спокойно поинтересовался Алекс.

– Байрон, конечно, а двойник пропал, – немножко удивившись, пояснила я.

– Замечательно, – насмешливо присвистнул он и тут же, посерьезнев, сменил тон на серьезный: – Во что ты веришь!

– Есть много свидетелей...

– Выбрось эту чушь из головы и слушай меня. Я должен тебе кое о чем рассказать. Но не пугайся заранее, я уверен, все обойдется.

– Ладно, тогда не тни резину, а то у меня все мурашки на нервной почве взбесились и спину кусают. Глаголь же скорей истину, – потребовала я.

– В общем, теперь появилось наглядное доказательство, что ты действительно заразилась от того поцарапавшего тебя монстра при первой нашей встрече. Яд все-таки остался в твоей крови, и если этому не помешать, то уже через месяц ты окончательно превратишься в такое же чудовище.

– Зачем напоминать? – расстроилась я, ведь все это время я пыталась забыть об этом.

– Просто был какой-то шанс, что ты избежишь подобной участи. Но теперь, когда у тебя стали появляться объемные галлюцинации, что непременно происходит в подобных случаях на ранней стадии, начинаются необратимые перестроения в организме, ясно, что ты все-таки скоро начнешь мутировать.

– Фу! Только не надо таких страшных слов! Не мог сказать помягче?! – Я начала сердиться. – Значит, двойники – это была галлюцинация?

– Конечно. И хорошо, что я увидел сову своими глазами, а то бы у меня возникли сомнения по поводу твоего рассказа, действительно ли это было или всего лишь плод больного воображения.

– Ну спасибо! Значит, я теперь вся неполноценная какая-то и моему разуму не доверяют!

– Нет, почему же? Ты вполне годишься для простой работы и прекрасно могла бы чистить картошку, резать лук, подметать полы. Жаль только, что в этом у нас пока нет надобности, – спокойно сказал командор.

– А когда эта вакцина будет готова? – поинтересовалась я, жалобно заглядывая Алексу в глаза.

– Ее уже делают на Базе. Но ты ведь понимаешь, что не у каждого монстра кровь или лимфа подходят для изготовления лекарства. Нам и так стараются помочь всеми средствами. В течение всего месяца мы будем охотиться в основном на тех монстров, внутренняя жидкость которых нам и нужна... Вернее, тебе нужна, – поправился он, – то есть годится для сыворотки.

После обеда Орлов с котом отправились погулять, а я разговорилась с молодой женщиной, живущей в нашей яранге. Оказалось, что она целыми днями молчаливо сшивала шкуры еще бабушкиной иглой. Все шкуры были разные, лисьи, куньи, заячьи, а в углу была свалена кучка песцовых. Меня осенила мысль... И как же я раньше не подумала, ведь

обойдется намного дешевле.

– Слушай, а не могла бы ты мне сшить на заказ песцовую шубку?

– Конечно, однако, – согласилась женщина, обрадовавшись неожиданной шашке.

Я была счастлива и тут же объяснила, какой фасон мне нужен. Она сняла с меня мерки и приступила к работе. Неужели это так легко, я имею в виду – получить новую шубку? От радости я прыгала и скакала по всей яранге, пока не упала, нечаянно споткнувшись о кота, не вовремя вернувшегося домой.

– Что за моду ты взяла пинать ногами невинных сотрудников? С утра Алексу досталось, теперь еще и мне? Скоро перебьешь всех в радиусе пяти километров...

– Ни-ни! Прости, пожалуйста, пушистик, – только и смогла сказать я, потирая ушибленный лоб.

Вечером, поужинав (наконец-то) вареным мясом оленя, которого забили с утра, мы отправились на боковую. До этого немного потренировались, ломая оленьи кости. Должна признать, что у «спасителя человечества» это получалось лучше всех. Мне, например, с огромным трудом удалось переломить оленье ребро о колено. И то синяков набил...

Уснуть не могла долго, боясь, что во сне снова придет олень с обломанным рогом и продолжит заваливать меня ценными советами. От Алекса и кота меня отделяла перегородка из шкур, свисающих с потолка. Мои товарищи по команде давно уже мирно дрыхли. Я знала, что Пусик лежит с моей стороны, и чуть-чуть приподняла шкуру-перегородку. Так и есть, кот на месте и спит без задних ног. Коварно улыбаясь, я протянула руку и резко дернула его за хвост! Когда ярангу огласило пронзительное «мя-а-у!!!», я уже, закрыв глаза, притворно похрапывала. А потом и непритворно...

– Пора, красавица, проснись! – услышала я хриплый и немного раздраженный голос над ухом.

Еле разлепив веки, я различила рядом с собой какой-то силуэт, который, обретая ясность, стал агентом 013 с отчего-то покрасневшими глазами.

– Что-то ты неважно выглядишь, – сонно пробормотала я. – Неужели плохо спал?

Мурзик возмущенно фыркнул:

– А кто меня всю ночь за хвост дергал?! Барабашка?!

– Не знаю, – как можно искреннее удивилась я и сделала предположение: – А может, это ангъяк? – с невинным видом заглядывая котику в глаза.

– Тьфу! Сил моих больше нет! Вставай быстрее, копуша! Мы с Алексом уже почти готовы, а ты все барствуешь. Пора трогаться в путь, деточка.

Зная, что нам предстоит довольно опасное мероприятие, я не в силах была изображать на лице радость по поводу грядущей охоты. Вяло походила по яранге, нехотя собирая одежду, потом с надеждой посмотрела на моих застывших в немом ожидании партнеров.

– Ребята, что-то я плохо себя чувствую. Видно, заболела холерой, вода-то тут из снега вытапливается, а в снегу знаете сколько кишечных палочек?!

– Во всяком случае, не настолько много, чтобы освободить тебя от прямых обязанностей. Особенно в такой момент, когда Родина в тебе нуждается, – тут же отмел мои чаяния агент Орлов. – В конце концов, кроме шуток, кто будет ломать кость? Мне придется держать разбушевавшегося ангъяка, это самая опасная часть дела. Он ведь тихо сидеть и ждать не будет, видя, что его жизнь висит на волоске. Агент 013 должен читать заклинание. У него самая тонкая и ответственная работа, а тебе нужно всего лишь сломать кость. Кроме того, у тебя вчера так хорошо получалось во время тренировок.

– Ага, я смогла сломать только десятую.

– Но ты же потом зубами себе помогать стала, дело совсем пошло на лад, так о чем же речь тогда? Погрызла, и хрясть о колено!

– Ну ладно, – сдалась я и, быстренько одевшись, попросила у Алекса ножик для самообороны.

– Зачем он тебе? Я же буду рядом.

– А вдруг ангъяк с ходу на меня бросится? И начнет кусать, а у тебя сил не хватит его

оттащить? Это только мужчин украшают шрамы в пол-лица, а мне потом на пластическую операцию трагиться.

Чтобы отделаться от моих бесконечных условий, он молча сунул мне в руку тяжелый охотничий нож. Сам взял гарпун со стальным наконечником, пару больших ножей для резки рыбы и топорик. Ухтыкак и ее сородичи пожелали нам всего хорошего и улеглись досыпать. Счастливики! Шуба моя была почти готова (портниха работала всю ночь), но, хоть соблазн и велик, я померяю ее по возвращении. Котик взял в зубы сушеную рыбку, ему надо было всегда иметь ее при себе – кто знает, может понадобится в любой момент. А потом мы вышли из яранги навстречу восходящему солнцу и нехорошему людоедику. Алекс тащил меня за руку, так как по дороге я ныла, что не выпалась и хочу вернуться и досмотреть сны, ангъяк все равно никуда не денется... Но небо было глухо к моим мольбам.

Наконец мы дошли до места. Наверное, было слишком рано – вчера я видела коротышку, когда солнце было повыше.

– Мы не будем стоять здесь как истуканы – это может вызвать подозрения у суеверного монстра, если он за нами сейчас откуда-нибудь наблюдает, – сказал Алекс. – А лучше сделаем вид, что вышли утречком прогуляться, подышать свежим воздухом, посмотреть на северное сияние.

– А где оно? – тут же поинтересовалась я, поглядев по сторонам.

– Северное сияние? Утром?! Отсюда его не видно, понимаешь ли, это так, к слову сказано, – зевая, заметил кот.

– Понятно, – разочарованно протянула я. Значит, и на сияние полюбоваться мне тоже не дадут. А ведь я-то думала, что это единственная заслуживающая внимания вещь на всем Севере...

И тут вдруг кто-то как вцепится в мою ногу! От неожиданности я вскрикнула и уже не закрывала рта, пока не увидела, кто это делает. А после того как увидела, заткнулась на минуточку, только чтобы набрать воздуха побольше в легкие, и огласила тундру таким воплем, какого никак не ожидаешь услышать от такой интеллигентной девушки среднего роста. Мою ногу повыше сапожек схватила покрытая мехом детская рука со здоровенными когтищами, как у Фрэдди Крюгера. Она торчала прямо из сугроба и сильными рывками пыталась утянуть меня под ставший вдруг рыхлым снег. Пока Алекс выхватывал топор, а храбрый кот, бросив рыбу, старался вцепиться зубами в мохнатую лапу, мимо успела пролететь с криком белая сова, на ходу отрывисто извинившись:

– Простите, немного опоздала. Беспокойная ночь.

Конечно, ведь птичка должна была своим появлением возвестить о скором приходе ангъяка, а не явиться следом. В это время из-под снега донесся раздраженный вопль (видно, хватка у Мурзика была крепкая), и рука, оставив в зубах у самоотверженного котика здоровущий клочок шерсти, скрылась в сугробе.

– О нога! Моя бедная, израненная нога! – выла я, приплясывая на ходу, но потом, опомнившись, переключилась на Алекса: – Ты что копался?! Видал, как агент 013 храбро бросился мне на помощь в ту же секунду?! Если бы не он – меня же съесть могли!

Пусик подбоченился и с важностью подкрутил лапой усы. В этот миг он более всего напоминал седого гусарского полковника.

– Ничего подобного! Ведь мы оба стояли рядом, но после него мне тут делать уже было нечего. Кроме того, я мог угодить топором по агенту 013, и мы лишились бы лучшего члена нашей троицы. Ты сама мне бы этого не простила, – с достоинством, спокойно ответил командор.

– Он рисковал собой, маленький, отчаянный, бесстрашный... – нежно произнесла я. Котик слушал наслаждаясь, приняв величественный вид.

Алекс потыкал гарпуном в сугроб, где пропал ангъяк.

– Плохо, что мы его упустили. Надеюсь, что он-то не успел тебя поцарапать? А то не хватало нам еще маленького злобного ангъяка в команде. Его кровь – сильнейший яд, знаешь об этом?

– Спасибо за предупреждение, как всегда, вовремя, – встревожилась я, проверяя ногу, – все в полном порядке...

– Нам нужно разделиться – на троих сразу он не нападет, хотя и ждать уже не может – больше четырех суток не получал добычи. Пока он не ушел далеко, разделимся и пойдем в разные стороны. Но ни в коем случае нельзя отдаляться друг от друга дальше чем на двадцать метров, – приказал Алекс.

– Нет! Я с тобой пойду! Не оставляйте меня одну, теперь не моя очередь подцеплять на крючок этого гадкого коротышку – он мне чуть ногу не отгрыз!

– Раз он тебя выбрал, значит, ты его чем-то привлекла. И мне кажется, что ангьяк не захочет так просто отказываться от намеченной добычи, а потому скорее всего нападет именно на тебя. Нам повезло, что теперь есть приманка. – Доводы командора были убийственно убедительны. Он встретился взглядом с котом, который ему кивнул (вот предатель!), и они действительно пошли в разные стороны.

Радужная перспективка, не находите? Но чего не сделаешь ради дела?! Покрепче сжав в руках ножик, я поплелась вперед. Вскоре, позабыв об ангьяке, полностью отдала свои мысли новой шубке, ожидающей меня в нашей яранге. Мимо вновь пролетела сова, сделав страшные глаза, она крикнула:

– Полундра! Он идет!

– Где?! – живо очухалась я.

– Сзади! – Совы и след простыл.

Я резко обернулась – никого, но дожидаться не имело смысла, я бросилась наутек и тут же услышала пронзительное мяуканье кота. Он, наверное, был где-то за ледяными глыбами. Ринувшись туда со всех ног, я увидела разгоряченного Алекса, который, размахивая тяжелым гарпуном, первым подскочил к тем глыбам. Следом туда добежала я, но поначалу ничего не поняла. Кот сидел на снегу, глядя на нас с командором виноватыми глазами, а в зубах у него была... мышь. Факт, не подлежащий комментариям! Положив ее перед собой, он скорбно произнес:

– Простите, друзья. Инстинкт. Ничего не мог поделать – увидел мышь, они тут под снегом живут, паршивцы, – и не смог совладать с охотничьим инстинктом... Как-то невольно, само собой, вырвался боевой клич! В смысле то, что вы приняли за вопль о помощи...

Алекс пытался скрыть нервное разочарование, пожимав древко оружия, он повернулся и молча пошел назад. Пусик все еще находился в потерянном состоянии, пытаясь невнятно объясниться:

– Ты не представляешь себе, Алина, это ведь была первая мышь в моей жизни! На протяжении многих лет я боролся с этим, как мне казалось, животным инстинктом, позорным для респектабельного профессора, спецagenta, охотника на монстров! А теперь, когда это случилось, я абсолютно растерялся...

После этих слов мышь вскочила на ноги, пискнула, нахально посмотрела на агента 013 и, махнув хвостиком, юркнула в норку в снегу. Толстун, закатывающий глаза, ровно ничего не заметил... Прервав душевные разглагольствования кота, я насмешливо указала:

– Послушай, у тебя мышь убежала, охотничек.

Только тут агент 013 огляделся и сильно удивился.

– Точно, она сбежала, но ты не представляешь себе, какие это были незабываемые ощущения, – мечтательно мурлыкнул он.

– Еще бы, – понимающе согласилась я.

На том мы и расстались, и я пошла в сторону моря, а он в обратном направлении в соответствии с планом командора. Пройдя несколько шагов, я вдруг почувствовала, что снег под ногами стал каким-то подозрительно скользким, и прежде чем я поняла, что к чему, уже летела вниз, как Алиса в норку Кролика! Хотя нет, это было больше похоже на ледяную горку в период рождественских гуляний. От страха я даже забыла закричать и с ужасом мычала, думая о том моменте, когда наконец придется приземлиться. Последнее, несмотря

на все мои опасения, прошло довольно безболезненно. Если не считать ушибленный копчик, я шлепнулась очень удачно, на земляной пол, покрытый шкурами. Почти сразу же вскочила на ноги и огляделась по сторонам.

Довольно светлая и уютная пещерка, наверное, не меньше двенадцати квадратных метров. В низком потолке над моей головой дыра, из нее я и выпала. В углу стоит стол, там же деревянная дверь, на одной стене висит шкафчик с посудой, на другой – зеркало и картинки из журналов. Напротив самая настоящая кровать, покрытая не шкурами, а шелковым покрывалом с оборками, и посреди комнаты – он! В деревянном кресле-качалке, укрыв ноги клетчатым пледом, сидит то самое существо, из-за которого у нас столько муторки в последние дни, и спокойно покуривает трубку. Рост мелкий, волосы светлые, лицо землистое, глаза... добрые. Я обронила охотничий ножик где-то в снегу и сейчас сильно в этом каялась.

– Здравствуй, милая девушка! Храни тебя Один, ты свалилась просто как снег на голову, честное слово, – спокойно произнесло существо, медленно пуская сизые колечки дыма.

– Вэк... – только и смогла выговорить я.

– Ты, наверное, хочешь знать, кто я? – тем же спокойно-доброжелательным тоном поинтересовалось существо.

– Э-э... уж это я-то знаю в рамках общего сюжета, – пробормотала я, раздраженная, как мне казалось, лицемерием коротышки.

– Откуда? – удивился карлик, сверкнув красными глазами. – Честное слово, я поражен, ведь я переселился сюда окончательно только позавчера. Едва-едва успел расставить свой скудный скарб и вот сижу отдыхаю. Даже пообедать еще не успел, честное слово. – И он улыбнулся, ощерив, как ни странно, ровные белые зубы.

«Ну, уж так просто меня не возьмешь, не на ту попал», – думала я, пятясь к стене.

– Но ведь это чудесно, что ты все-таки зашла, честное слово, – с нескрываемой умильной радостью сообщил хозяин.

– Слушай, ангъяк, или лучше по имени, Рахтын, все равно тебе не уйти от агента Алекса и Мурзика! Ты не смотри, что он кот, ему нет равных в рукопашной схватке. Греко-римская борьба, слышал?! Пусик за меня голову оторвет! Он тебя живо на обе лопатки уложит, понял?! А Алекс тебя на колбасу порубит или гарпун засунет знаешь куда...

Пока я говорила эти страшные вещи, лицо коротышки принимало все более удивленное выражение, и, дав мне излить душу, он воскликнул:

– О, юная богиня, столь краснолицая в гневе! Честное слово, теперь я понял, отчего выражение твоих глаз с самого начала так недружелюбно. Ты приняла меня за другого!

Я открыла было рот, чтобы заявить, что меня не проведешь, но вдруг начала соображать, что действительно образ этого улыбчивого коротышки в меховом жилетике никак не сходится с образом агрессивного и кровожадного ангъяка.

– Подожди, подожди, тогда кто же ты? – Меня поразила мысль о том, что ангъяк тут, оказывается, не один, а кроме него, может быть, целая когорта разномастных коротышек.

– Меня зовут не Рахтын, так ты, кажется, сказала, а Орм! Я всего лишь бедный эмигрант из Швеции, честное слово.

Да-а, похоже, я попала в сказочный мир, где все поставлено с ног на голову. Этот бедный парень эмигрировал! Из благоустроенной капиталистической Швеции на Чукотку советских времен! Чудеса, да и только.

– У нас там, в горах, страшное перенаселение, буквально строим жилища одно на другом, честное слово! Некоторым так вообще приходится снимать углы у людей, чтобы только где-то пристроиться. А у меня друг несколько месяцев назад переселился сюда, тоже к друзьям, потом и меня позвал, я решил посмотреть. Земли тут и снега завались – бескрайние просторы, но что главное всего – людей мало, и они не беспокоят понапрасну. О, простите, честное слово, я не хотел никого задеть, – вдруг спохватился он, сообразив, что сболтнул лишнее.

– Я тут временно, попала случайно и вам больше не помешаю, если только вы не заделаете крышу, – чопорно заметила я, немножко обидевшись.

– Нет-нет, что ты, честное слово, для меня большое счастье познакомиться в первый же день, в новоселье, с такой очаровательной девушкой! Поначалу из-за твоего роста я подумал, что ты моя соседка и тоже утбурд, но теперь вижу, что человек.

– Как это вы догадались?! – язвительно хмыкнула я. Мои метр пятьдесят восемь частенько заставляли меня комплексовать, хотя не всем же быть худющими фотомоделями по два с лишним. Дуться в принципе не на что, тем более что утбурд, чтобы утешить меня, живо выдвинул на середину комнаты стол, накрыл его относительной свежести льняной скатертью и тут же заставил извлеченными из стенных шкафчиков тарелками со всякой снедью. Тут были орехи, печенье и варенье из северных ягод, сухарики, мед, не хватало только горячего чаю, о чем я, не удержавшись, выразила сожаление.

– Чай?! Честное слово, ведь точно не хватает чаю. Но ты садись, садись.

Он тут же полез искать чайник, предварительно чуть ли не с силой втолкнув меня в кресло-качалку. Странно, в комнате было тепло, несмотря на отсутствие обогревательных приборов. Тут я вспомнила, что под снегом и должно быть тепло – разные покорители Севера в экстренных обстоятельствах при сильном морозе ночевали в специально вырытых в снегу норах, герметично заделывая вход.

Как ни странно, у утбурда я чувствовала себя хорошо и уютно, похоже, мантаком он меня кормить не собирается и мной кормиться тоже пока не думает. Несмотря на рассказы котика о кровожадности утбурдов, почему-то у меня зрело внутреннее убеждение, что тот, который сейчас с детской радостью на лице ставит вогнутый медный чайник на примус, вообще вегетарианец.

Потом я вспомнила об Алексее с профессором, они, наверное, уже обнаружили мою пропажу. Ничего, пусть немножко поволнуются, им это даже полезно. Кроме того, если ангъяк все-таки появится, то они наверняка прекрасно справятся с ним и без меня. Уходить отсюда не хотелось, по крайней мере сейчас – я ведь еще не все выяснила, а вопросы все накапливались. Поэтому я сняла рубашку и стала осматривать комнату. Утбурд пододвинул к столу табуретку и присел на краешек, не сводя с меня улыбающихся глаз.

– Ну вот, скоро вскипит, честное слово, – радостно сообщил он.

– Слушай, Орм, ты не обижайся, но я должна спросить, – начала я, грызя печенку, предварительно обмакнув ее в черничное варенье. – Но неужели то, что сказано об утбурдах в энциклопедии духов, полная чушь? То, что вы питаетесь только сырым человеческим мясом, ну и все такое, – как можно мягче сформулировала я свой вопрос.

– Я понял, о чем ты, – погрузился мой гостеприимный хозяин. – Люди, наверное, только по причине неумной фантазии и нравственной нечистоплотности очерняют таких безобидных существ, как утбурды, несчастнейших из жителей Волшебной страны, честное слово. Проклятие тяготеет над нами с самого рождения. С этим проклятием многие из нас (как я, например) борются всю жизнь, пытаюсь построить собственное счастье, не мешая другим, честное слово! Все мы сироты с детства, как ты, наверное, знаешь, но это не делает нас убийцами и последними отморозками, иначе мы не были достойны не то что жить в порядочном обществе, но и ходить по земле живых. Есть, конечно, отдельные злостные субъекты, но у какого народа их нет? Преступность не имеет национальности. Честное слово, когда-нибудь я подам в Гаагский суд на авторов этой энциклопедии.

– Но ведь ангъяки родственники вам?! – напомнила я, прослушав слезливую речь утбурда.

– Да, так оно и есть. Но мы, скандинавы, более мирные и цивилизованные. Мне говорили, что ангъяки уже исчезли как вид, оказалось, что нет, судя по твоим словам. Кстати, а как тебя зовут?

– Алина, только не восторгайся и не говори, что так звали твою бабушку, а то у всех моих поклонников бабушек только так и звали.

– Нет, мою, к сожалению, звали Гризельда Медвежья Шкура, – с сожалением признался

Орм.

– Наверное, за то, что ходила охотиться на медведя? – заинтересовалась я.

– Нет, честное слово, за то, что была шкурой. За вредный характер, – смутившись, сказал он. – Ей все знакомые так и говорили: шкура ты...

Тут вскипел чайник, мы заварили какой-то душистый травяной сбор и в полной идиллии, болтая ногами, весело хохоча и рассказывая друг другу анекдоты, пили ароматный чай с вареньем. Время от времени я вспоминала о моих агентах. Что-то они сейчас делают там без меня? Ну ничего, не дети все-таки, дорогу назад найдут. А вспоминать надо было о другом... Хотя бы о том, почему мой замечательный хозяин все время говорит «честное слово»?

Я отогрелась и разомлела, как-то все странно плыло перед глазами. Резко покачала головой, сбросив наваждение, но смутная тревога закралась в сердце: может быть, мне что-то подмешали в чай? Я чувствовала себя пьяной и, безудержно хохоча, поинтересовалась у Орма, а не он ли схватил меня за ногу, высунув руку из снега, примерно полчаса назад.

– Конечно нет, если бы это был я, я бы не выпустил такую очаровательную ножку, честное слово, – совершенно серьезно сказал он, странно блеснув глазами. Мне показалось сквозь все сильнее окутывающую мозг дрему, что утбурд, глянув на мою ногу, пробормотал себе под нос: «Не меньше семи кило...» – и зацокал языком.

– А белой совы у тебя наверняка нет! Ты что, не знаешь, что заводить белых сов сейчас очень модно из-за Гарри Поттера, – все еще смеялась я, перед глазами стоял туман и не рассеивался ни в какую.

– Я предпочитаю заводить исключительно девушек, – обиделся утбурд. – За кого ты меня принимаешь, честное слово?

Он одарил меня еще одним нехорошим взглядом, улыбка давно сошла с его лица. Я ощутила дрожь в коленках, но встать с места уже не могла, чувствуя страшную слабость в ногах. Сейчас бы сделать рывок и добежать до двери. Вполне могло быть, что это просто закрытый чулан, но в то же время есть шанс, что там все-таки запасной выход наружу.

Тут утбурд, не сводя с меня глаз, соскочил с табуретки и с довольным видом потер руки. «Когда он подойдет поближе, – подумала я, – надо напрячь все силы и ударить его локтем под дых или легче будет даже боднуть головой в подбородок или в лицо. В общем, попытаюсь причинить максимальный вред минимальными средствами».

Но тут дверь скрипнула, и в комнату вошел точно такой же коротышка, только Орм был со светлыми волосами, а этот – с черными, следом за ним залетела белая сова. Узнав меня и увидев, в каком я состоянии, она сделала страшные глаза и обратилась к спутнику, который наверняка и был этим самым знаменитым ангъяком. Его правую лапу украшали свежие царапины (как я уже рассказывала, это кот постарался).

– Я ведь тебе уже не нужна сегодня, хозяин? Тогда я полечу по своим делам.

– По каким это своим делам, однако? – злобно спросило мохнатое существо.

– Детишек проведать, птенчиков моих. До зарезу надо, хозяин. – И, не дожидаясь ответа, птица вылетела в дверь, одарив меня ободряющим взглядом. Дескать, держись и отбивайся сама, пока я не приведу подмогу. Теперь уже двое карликов, оскалив зубы, шли на меня.

Я попыталась вспомнить, как поступают героини в фильмах, попав в лапы маньяка:

– Стойте! Ребята, я знаю, ваш дух хочет освобождения, сдайтесь мне, и я помогу вам.

Орм, не удержавшись, насмешливо фыркнул:

– Куколка, ты не в той ситуации, чтобы ставить условия, честное слово. Хотя что тут удивительного, твой разум затуманился от моего зелья. Честное слово, я купил этот порошок у одного знакомого эльфа, очень сведущего в разных дурманных травах.

– Судя по всему, твой приятель занимается распространением наркотиков. Ты знаешь, сколько лет ему могут за это припать? Кстати, и тебе тоже, как полноценному соучастнику. Но это к делу не относится. Перед смертью можно узнать: сколько вас тут таких добродеев обитает? – серьезным тоном осведомила я.

– Двое нас, однако, а тебе что, больше надо? – отрезал Рахтын и, повернувшись к Орму, рявкнул: – Что мы медлим, однако? Давай хватать ее, есть больно хочется, совсем желудок пустой, однако!

– Куда торопиться, Рахтын, дорогой мой, успеется. – Орм, будучи более цивилизованным монстриком, похоже, отличался склонностью к садомазохизму. – Может быть, у девочки еще есть вопросы.

– У меня есть конкретное предложение: вы отдадите мне свои собачьи косточки, я их сломаю, а мой друг прочитает заклинание – и всего-то дел! Нам это совсем не сложно, а ваши души навечно обретут покой и утешение. Прямая выгода со всех сторон. Но что самое главное – фирма делает все это бесплатно! Надеюсь, мое предложение вас заинтересовало?

– Она знает о костях! Вот чертовка! – встревожился Орм и испуганно вытаращил глаза. – А ну говори, кто тебе рассказал? Сова?! Это твоя сова, Рахтын, ты слышал?

– Ага, слышал, однако, – сообщил он, потом вытащил из-за пазухи собачью бедренную кость и, протерев ее рукавом, удовлетворенно спрятал обратно.

– Значит, сова всю нашу малину как на духу сдала этим ффраерам, – совсем расстроился Орм. Но Рахтын, похоже, был неисправимым оптимистом:

– Ничего страшного, однако. Сейчас съедим девчонку, будем сытые – сильные будем. С маленьким зубастым зверьком справиться совсем легко будет, однако. Вот с охотником потрудней придется, здоровый шибко, однако. Ну ничего, мы и не таких делали. Верно, однако?

– Да уж, тогда давай кончать с этой, – вздохнув, кивнул Орм, с сожалением глядя на меня. Ему-то явно хотелось еще поболтать, но спорить с ангъяком он не решился.

Неожиданно я поняла, что зелье уже не действует... Не знаю, в чем причина, может быть, эльф продал некачественный товар? Эти двое уже тянули ко мне когтистые руки. Пора! Напрягшись всем телом, я вскочила на ноги и бросилась к двери, на ходу раздавая оплеухи в прямом смысле направо и налево. Карлики лезли с двух сторон, они повисли на моих ногах и пытались укусить за руки. Из последних сил с таким грузом на ногах я дернулась к выходу и с криком: «А-алекс!!!» потянулась к двери. Вот он момент, который я подстроила специально в надежде на эффектное появление спецагента Алекса, Героя и Победителя, вокруг которого все в этом романе и крутится. Он опоздал всего на мгновение. В смысле, я не сумела удержаться и грузно шлепнулась на пол.

Дверь резко распахнулась, естественно, не без помощи командорской ноги, и в проеме образовалась его широкоплечая фигура. Он кинулся поднимать меня, даже не глядя на коротышек:

– С тобой все в порядке?

– Орлов, ты, как всегда, вовремя, – прохрипела я, злобные карлики выли от ярости, продолжая бесплодные попытки прогрызть мои нерпичьи штаны. – Но я бы не обиделась, если бы ты пришел на минуту, нет, лучше на десять минут раньше.

– На тебя не угодишь, по-моему, я и так прихожу в самый нужный момент. Что, лучше было бы, если бы я вообще не появлялся?! – вздумал обидеться он.

– Сделай же что-нибудь с ними, молю! – взревела я. Алекс перевел тяжелый взгляд на двоих монстриков и посмотрел на них так, как будто никак не ожидал тут увидеть.

– Ну не бить же этих маломерков? Ты их держишь и держи, пока не явится агент 013. Он где-то потерял свою сушеную треску, теперь ищет, когда найдет, сразу прибежит, а до тех пор пусть висят на тебе. Кстати, оригинальный способ удерживать преступников, на наручники не надо тратить, – тонко подметил командор. – Начальство обязательно узнает о твоём вкладе в общее дело и, может быть, даже поощрит... устно.

Я закричала зубами. Орм, ошибочно оценив бездеятельность Алекса, мгновенно перепрыгнул ему на грудь и стал активно карабкаться вверх, пытаясь добраться зубами до шеи. Естественно, Алекс разозлился и вынужден был, ругаясь, защищаться.

– Теперь и ты наручниками поработаешь, – ехидно заметила я, воспряв духом и стуча кулаком ангъяку по макушке.

Не знаю, что уж там предупреждала Сова насчет хука слева, – боксировать я ни с кем не собиралась. Просто молотила его по маковке без всяких изысков, и все тут. На самом-то деле это был маневр – я его отвлекала от главного, когда, по моим подсчетам, от ударов у него должны были круги пойти перед глазами, я ловко сунула ему руку за пазуху и быстро извлекла так нужную нам собачью косточку. Злодей охнул и обвис...

– Ага! Что ты на это скажешь, ангъяк малахольный?! Эй, Алекс, ищи у своего за пазухой.

Командор перевернул Орма вверх ногами, основательно потряс, обыскал, постучал о стену, но ничего не нашел.

– Нет!

– Как нет?!

– Так нет! Хочешь, я ему просто все кости переломаю?

– Сам говорил, что это не поможет... Как же мы его прикончим тогда? – чуть было не опечалилась я, но в дверь заскреблись чьи-то коготки.

– Вот оно, счастье-то! – обрадовалась я. – Алекс, открой дверь, у меня руки заняты. Это, наверное, агент 013.

– А кто из нас ближе к двери? – отрезал Алекс.

Пришлось открывать мне, кот весь взмыленный, с рыбой в зубах, заскочил в комнату. После чего, с ходу оценив обстановку, даже не поздоровавшись, стал громко зачитывать заклинание. Ангъяк в моих руках дернулся и попытался ускользнуть в дверь, но я быстро защелкнула задвижку, благо что и она имелаась. Жилище ничего себе, сама бы не отказалась тут жить, думаю, что получше, чем в любой пятизвездочной яранге. Брошенный сын Ялтэн вновь стал грызть мои унты. Шведский утбурд совсем сник, прекратил всякую борьбу и завыл:

– Пропали мы с тобой, брат Рахтын, честное слово.

– Держись, однако, не все еще кончено, – не сдавался мой ангъяк, за что я его сильно заважала.

– А ну говори, убийца, где твоя косточка?! – громко потребовал Алекс у утбурда.

– Фигу тебе! – отрезал Орм.

Кот продолжал с выражением читать заклинание, уже по пятому разу. А я безуспешно пыталась сломать собачью кость: и об колено пробовала, и прыгала на ней, и зубами грызла – все без толку. Наконец меня осенило.

– Алекс, дай мне топорик, – попросила я.

– Ты что, хочешь кость сломать?

– Ну да! Не видишь, что ли?! – рассердилась я.

– Кидай-ка ее мне и поддержи пока моего утбурда.

Я кинула ему кость. Орм добросовестно подпрыгнул в воздухе, чтобы ее поймать, но роста ему не хватило... Во как – от твоего роста может, оказывается, зависеть жизнь друга! Алекс легко перехватил косточку. Я оттащила от него утбурда, схватив коротышку за шкуру. Мой ангъяк успел только в последний раз дернуться, попытавшись помешать командору (кот вновь читал заклинание), как тот – хрясь! – с первой же попытки переломил собачье бедро о свое колено. Тут ангъяк, как и предсказано было мудрой совой, стал уменьшаться на глазах, пока не превратился в маленькую точку, вспыхнул и исчез. Я поневоле пожалела мужественного карлика и пустила слезу (правда, слезы мои были аспидовы, но прошу учесть сам факт!). Орм заплакал вместе со мной, но нужно было заканчивать дело, и я, рыдая, подступила к утбурду, только что потерявшему друга:

– Говори сейчас же, паршивец, где твоя кость?

– О-о-о! Гэ-гэ-гэ! А-а-а! Друг мой, Рахтын, на кого ты меня покину-у-ул? А-а-о-о!

– Ну, заголосил! Слушай, у тебя, случайно, в роду не было русских плакальщиц? – поинтересовалась я, когда нам надоело слушать его завывания. Кот наконец перестал читать, но в то же время совершал страшное – под шумок грыз голову своей замечательной (спасибо ей за помощь!) сушеной трески.

– Что ты творишь, Мурзик?! – не удержавшись, вскрикнула я, вырвав буквально из пасти котика заветную рыбину.

– Ты мне чуть челюсть не вывихнула, – рассерженно взвыл агент 013, держась лапой за щеку. – Да выучил я заклинание, выучил!

– А рисковать все равно не нужно. Надо сначала закончить дело, а потом уж трескай свою камбалу или как ее там...

С этим кот скрепя сердце согласился. Командор тем временем шарил по комнате, ища вторую магическую кость, проверил все стенные шкафчики, отодвинул кровать, сдернул с нее покрывало, а потом и матрац.

– Может, у него сейф потайной имеется?! – пробормотал он, с подозрением глядя на притихшего утбурда. – А кстати, хорошо вспомнил, надо не забыть взять у него кровь.

Услышав слово «кровь», я уставилась на свои поцарапанные руки. Вот черт, как бы опять не было заражения. А то стану помесью сразу двух монстров, интересно, как это будет выглядеть? Хотя экспериментировать в этой области просто ради утоления любопытства почему-то не хотелось. Поэтому я тут же взяла из аптечки, которая у нас всегда была при себе, ватку и обеззараживающую бесцветную жидкость. К слову, Алекс один раз попытался подсунуть туда зеленку, просто чтобы посмеяться. Хам! Командор продолжал обыск, теперь уже полетели в разные стороны шкуры, устилающие пол. Судя по отчаянию в глазах утбурда, искомое было уже где-то рядом. Бедняга дернулся к выходу, но тут же присмирел, получив кулаком по темечку.

– Есть! – воскликнул профессор. – В этом месте земля свежевзрыхленная. Тут надо копать!

– И сколько метров? – тут же поинтересовалась я.

Мурзик пронзил меня испепеляющим взглядом:

– Нашла время для шуток!

И, поскольку земля была рыхлая, кот сам приступил к делу, стал копать, быстро-быстро засучив передними лапами. Обкапывая яму, он ходил по кругу, и размеры ее на глазах увеличивались. «Вот за кого надо замуж выходить, – думала я, восхищенно глядя на его труды. – Ведь это просто незаменимый работник на даче, все шесть соток за один день вскопает с такими редкими способностями к земляным работам». Когда яма стала глубиной в полметра, я решила поинтересоваться у Алекса, чтобы не отвлекать кота:

– Слушай, а с чего это он вдруг?

– О чем ты? – не понял Алекс.

– С чего это он вдруг стал проявлять склонность к землеройству? Вроде время неподходящее – надо кость магическую искать, чтобы поскорей закончить дело, а он внезапно в такую крайность кинулся. Не может, что ли, свои увлечения перенести на свободное время?

Командор посмотрел на меня с нескрываемой жалостью в глазах, как бы сокрушаясь о моем поврежденном рассудке. Я подошла к краю ямы и увидела агента 013 – он уже прокопал почти метр в вечной мерзлоте. Тут раздался характерный звук – котик царапнул когтями обо что-то железное. Утбурд придушенно вскрикнул и изобразил обморок.

– Неужели клад?! – восхитилась я.

Профессор не выдержал и бросил на меня презрительный взгляд, после чего быстренько откопал железную коробочку.

– Наверняка с царскими червонцами... – умилилась я. – Отвечай без утайки, утбурд любезный, где ты их достал?

Командор извлек из ямы коробочку, агент 013 выпрыгнул следом. Они оба, похоже, пропускали мимо ушей все мои слова. И тут совершенно неожиданно утбурд очнулся, подскочил к Алексу, выхватил у него из рук коробочку – тот не успел и глазом моргнуть – и прыгнул в дыру на потолке.

– Вот чертяка! – Алекс мгновенно поймал карлика за ногу и не без труда, под аккомпанемент истошных завываний, затащил его обратно, отшлепал и отобрал ларец.

Внутри его (как ни странно!) оказалась собачья кость, точь-в-точь как у ангъяка, пусть земля ему будет пухом!

Командор временно спрятал ее за пазуху и, велел мне держать утбурда крепче, взял у него кровь из пальца – тот уже не сопротивлялся. После чего спрятал шприц и хладнокровно сломал кость. Кот в это время читал заклинание по памяти (надо же, выучил все-таки!). Оорм сбросил маску невинной жертвы обстоятельств и злобно проклинал нас, обещая вернуться. Потом этот двуличный мерзавец стал корчиться, уменьшаться и вскоре, вспыхнув так же, как ангъяк, исчез.

– Дело сделано. – Алекс позволил себе улыбнуться, но, встретившись со мной взглядом, тут же помрачнел, хотя я тоже умильно улыбалась. Наверное, опять вспомнил, что Алина Сафина – это одна большая неразрешимая проблема и со мной ему даже временного покоя испытать не суждено.

Пузан, не оценив торжественности момента, тихонько грыз свою рыбу, ворча под нос, что с такой голодовкой и откинуть лапы недолго. Знаю я его, два часа не поест, начинает жаловаться и ныть. Нет, решено, не пойду я за него замуж – кормить придется много, а его работа на даче себя не окупит. Котик, похоже, не подозревая, что только что решила его судьба, спокойненько догрызал рыбий хвост. Мы с командором деликатно подождали его, а потом втроем покинули теперь уже бывшее жилище утбурда в самом разгромленном состоянии. За дверью оказался ледяной коридор, выведший нас наружу. Не успели мы пройти и нескольких шагов, как к нам подлетела белая сова в сильном возбуждении. Вот руку даю на отсечение, что она точно ждала поблизости, гадая: мы выйдем или карлики выйдут?

– Ну как?! – с ходу выпалила она.

– Нормально, оба кончились на моих руках, – ответила я, притворно вздохнув и сделав печальное лицо.

– Уф! – облегченно вздохнула сова, закатив глаза, – несомненно, волнения дали себя знать.

– А почему ты не рассказала Алине про утбурда? – с подозрением поинтересовался Орлов.

– Просто не успела, – спокойно ответила наша союзница. – Вы должны были сначала встретиться с Рахтыном. Уф! До сих пор не могу поверить, что наконец-то избавилась от него, а потом, когда бы вы с ним справились, я бы привела вас к логову утбурда. По крайней мере, так планировалось.

Все это было сказано с такой неподкупной искренностью, что командор согласно кивнул, а я и не сомневалась в честности птички.

– Значит, больше подобных существ тут не имеется, или ты не знаешь?

– Кроме этих двоих, которых вы одолели, больше нет никого, но и их хватало, скажу я вам, – призналась сова, проведя крылом по шее, дескать, хватало выше крыши.

– Куда ты теперь? – спросила я, дальнейшая судьба птицы почему-то волновала меня.

– Первым делом домой – к детям. Этот сыч, ангъяк, не очень-то баловал меня отпусками, – пожаловалась она. – А потом сестричка...

– Которая у Поттера живет? – перебила я.

– Ага, та самая. Она обещала пристроить меня у какого-нибудь доброго волшебника. Раз обещала, значит, сделает, – у нее там связи неплохие. – Белая сова на прощание торжественно пожала мне и Алексу руки, коту соответственно лапу и, помахав в воздухе крылом, улетела. Интересно, увижу ли я ее снова когда-нибудь? И где? Хотя, вполне может быть, в следующем фильме о Гарри Поттере...

Ухтыкак встретила нас с радостным лицом, кинувшись с благодарностями уже при входе. В яранге все откуда-то знали, что ангъяк побежден! На меня, сияющую, тут же торжественно надели новую шубку, она сидела на мне идеально, и сказали, что я за нее ничего не должна. Это, дескать, еще мало за такую услугу. Чудненько, подобные приятные стороны моей теперешней работы доселе еще не проявлялись. Услышав об утбурде, шаманка

искренне удивилась, она и понятия не имела о его существовании. Пусик получил целый мешок сушеной трески, а Алексу достались меховые унты сорок третьего размера. Но, похоже, командор с профессором были вовсе не так счастливы при виде подарков...

Они ворчали всю дорогу, когда мы, распрощавшись со всеми, наконец вышли из яранги и двинулись в обратный путь.

– Зачем мне вторая пара унтов? – недоумевал командор.

– А у меня на Базе еще от того мешка, который я получил в прошлый раз, половина трески осталась.

– О чем это вы?

– Когда мы в прошлый поход сюда избавили их от призрака-моржа, нам всучили такие же подарки, – недовольно пробурчал кот. – Нет, баста, в третий раз я сюда не поеду. Такой здоровый мешок рыбы каждый раз волочь на себе!

Хотя на самом деле тащить мешок приходилось нашему супергерою. Дойдя до пригорка, командор одной рукой из заплочной сумки достал «переходник» (как я его называла), и спустя несколько мгновений мы были уже на Базе. До сих пор не могу понять, как это осуществляется, – просто чувствуешь незначительное колебание воздуха вокруг себя, и происходит смена картинки. Непонятно. Может, потом у кота спросить? У Алекса бесполезно, наверняка он и сам не знает.

В этот же день, сдавая рапорт, командор не забыл отметить мою храбрость и предприимчивость, проявленные во время последней операции. За что мне сразу же вынесли устную благодарность и присвоили звание младшего лейтенанта! Часа два после этого я ходила, сияя как медный пятак, пока не узнала, что, оказывается, я тут никого не переплонула – кот уже давно полковник (за что, спрашивается, такие привилегии какому-то хвостатому зазнайке?), а Алекс Орлов – майор. Сочтя это за предательство со стороны моих партнеров, я с ними обоими демонстративно не разговаривала до самого вечера. Наконец Мурзик не выдержал (все-таки у него доброе сердце):

– Ладно, Алина, девочка, считай, что у тебя выше звание, чем у нас с Алексом. – Он посмотрел на товарища, прося подтверждения своим словам. Тот, видимо скрепя сердце, не сразу, но все-таки согласно кивнул.

Есть! Ура, ура, ура! Настроение у меня сразу стало преотличное, зато у моих напарников оно вскоре упало, потому что теперь стоило им о чем-то начать болтать, как я тут же кричала:

– Разговорчики в строю!

Если же мне самой хотелось пообщаться, я тут же требовала у кота, вальяжно растянувшегося на койке:

– Встать, когда с вами разговаривает старший по званию!

Все время заставляла обоих козырять, делать стойку «смирно», а чуть что – «упал-отжался»! На ужин им пришлось идти строем, и я всю дорогу ругалась, что маршировка у них паршивая.

– Строевая подготовка у вас никуда не годится, но ничего, я вас вымуштрую! – воодушевленно грозила я. И тут вдруг Алекс велел мне заткнуться! Я едва в обморок не брякнулась... А он нагло заявил, что игры кончились, на нас уже косятся и позориться среди сослуживцев из-за какой-то девчонки с амбициями ему не больно-то хочется. После этих слов профессор очнулся, уже освоив азы строевого шага, и вспомнил, что он полковник, а не рядовой солдат. Эх, служивая душа! В общем, кот тоже велел мне сбавить обороты, напомнив, что мы оба ниже его по званию.

Я, естественно, начала возмущаться, и на нас теперь уже глазел весь проходящий народ. Поэтому мои напарники, чтобы заткнуть мне рот, пошли на компромисс и торжественно обещали, что в нашем маленьком спецотряде я, безусловно, всегда буду самой главной, и когда мы останемся наедине, мне естественно можно будет их муштровать, сколько моей душе угодно. А на людях, увы, придется соблюдать субординацию... После таких посулов я немного успокоилась, но в столовой мне снова захотелось развлечься, и я

стала выводить из себя агента 013 чрезмерной показной заботливостью о нем, как о ребенке. Сама подавала ему тарелку с супом, совала хлеб в ротик. А только он принялся за еду, довольно подкрутив усы, я кинулась повязывать ему на шею салфетку, сюсюкая что-то вроде:

– Повяжем тебе слюнявчик, маленький мой толстопузик, чтобы ты не пролил ни капельки на свою пушистую белую манишечку.

– Дай поесть! – взмолился кот, поначалу он не понял, что я над ним просто насмехаюсь.

– Кушай, мой пушистик! Кушай, усатенький, расти большой! Уси-пуси, толстик, – продолжала издеваться я, зачерпывая ложкой суп и пытаюсь всунуть ему ее в рот. Но Васька без восторга принял мою заботу о себе и, плотно сжав челюсти, отодвинул ложку лапой в сторону.

– Алина, остепенись, – посоветовал мне Алекс. Видимо, ему не понравилось, что я столько внимания уделяю коту, а не ему. – И посмотри, кажется, тебе несут мороженое!

Тут же отпустив шею кота – пришлось держать его за шиворот, иначе никак нельзя было впихнуть ему в рот ложку, – я обернулась. Оттуда, куда указывал командор, шел улыбающийся Синелиций с подносом в руках, а через пару секунд он уже ставил передо мной клубнику со взбитыми сливками и мороженое, усыпанное шоколадом и орехами.

– О, спасибо, дорогой мой Синелиций, по какому поводу такой роскошный десерт? – обворожительно улыбаясь, поинтересовалась я.

– Это только для вас, милая леди, – поклонился повешенный, отчего его язык вывалился еще больше. Я и не подозревала, что у людей могут быть такие длинные языки, и уже хотела задать парочку вопросов на эту тему, но дольше болтать со мной этот галантный мужчина не мог. Стоило ему отойти на полминуты, как на его рабочем месте, на раздаче, уже всюду орудовали вечно голодные хоббиты, поэтому, коротко извинившись, он побежал отбивать у них пюре.

– Вот видите, как меня здесь все любят! – важно заметила я. – Только вы меня недооцениваете. Не в тот коллектив, наверное, я попала. Надо попробовать и с другими поработать, чтобы сделать достойный выбор. С вами, признаться, карьеру быстро не сделаешь. Болото стоячее... Возмемся с какими-то японскими головами, с карликами противными, с волками деревенскими. Суета и муторка! Негде развернуться. Не для меня это. Я создана для более грандиозных дел. Скажем, участвовать в звездных войнах, где решается судьба планеты, а лучше всей Звездной Системы. Стоит попробовать. Стив меня приглашал, кстати.

Напарники многозначительно переглянулись.

– Да-а, – протянул кот. – Испытание медными трубами для тебя пока проходит в тяжелой форме. Как же, в один день получить и младшего лейтенанта, и клубнику со сливками, ничего удивительного, что ты начала заговариваться. Кстати, а ведь десерт для тебя мы с Алексом заказали по случаю получения тобой лейтенантских погон.

Тут он меня прищучил! И я весь вечер мучилась угрызениями совести, что вообразила о себе невесту что и даже чуть не предала своих товарищей. Когда мы вернулись из столовой, все еще сильно мучаясь, я слезно спросила у ребят, как мне заслужить их прощение. Алекс только бросил коротко:

– Бог простит! – и завалился спать, а кот беззастенчиво воспользовался редкой возможностью. Сначала он заставил меня сыграть с ним пять партий в шахматы, я добросовестно прошла эту каторгу – не очень-то сладко все время проигрывать. А когда пришло время ложиться спать, этот усатый наглец с умильной физиономией велел мне чесать ему пятки, пока он не заснет, дескать: «А то не прощу!»

Я хотела поднять возмущенный крик, но, вспомнив, что Алекс спит, ограничилась тем, что попыталась схватить кота за шкурку, чтобы хорошенько оттрепать негодяя. Так этот хвостатый паршивец молниеносно юркнул под кровать, и пока я лезла за ним, сиганул оттуда за шкаф, а когда мне наконец удалось его поймать, он поспешил капитулировать, подняв передние лапы вверх и заявив, что с пленниками надо обращаться гуманно.

После чего облегчил мне испытание. Так что теперь я читала ему перед сном гофмановские «Житейские воззрения кота Мурра». Такая покладистость мне обычно несвойственна. Но прощение заслужить хотелось хотя бы для того, чтобы можно было по новой начать допекать милого котика. Пока я читала вслух, а профессор наслаждался историей жизни своего сородича, у меня созрел план мщения.

Наконец котик, мурлыкая от счастья, заснул. Я подождала еще минут пятнадцать, когда на часах было уже два часа ночи, отложила книгу, тихохонько встала на середину комнаты и заорала во всю мощь своего голоса:

– Рота, подъем!!! Боевая тревога-а-а!

Даже рупора не понадобилось. Вскочили как ошпаренные, похоже, давненько их так по «боевой тревоге» не поднимали.

– Спецотряд, срочно на выезд! ЧП в радиусе не менее пяти метров и не более восьмидесяти сантиметров. Попытка самоубийства – таракан залез на карниз и грозит прыгнуть вниз!

Когда я заканчивала свое выступление, красный Алекс уже держал меня за шкурку, как нашкодившего котенка. Я вжала голову в плечи, повесила ушки, но стойко выдержала его жесткий разгневанный взгляд. Наверное, он хотел меня убить. Нет, я бы за такое убила, честное слово... Однако у меня был такой запуганный вид, что Алекс неожиданно хмыкнул, смягчился и спокойно поинтересовался:

– Алина, милая, не пора ли тебе на боковую?

– Как миленькой, да?

– Ага, прямо в точку. Топай, пожалуйста, – напутствовал он, поставив меня на пол и подталкивая в сторону двери.

Мурзик добровольно вызвался проводить меня до койки, у него была легкая трясучка на нервной почве от неожиданного пробуждения, мои крики среди ночи никак не способствовали укреплению его нервной системы.

– Спиногрызка ты, – с поздним осознанием резюмировал он, глядя на меня грустными глазами и проследив, чтобы я легла в постель. После чего, пошатываясь, так что его белый ночной колпак съехал набок, с сонной физиономией поплелся к себе. Не знаю почему, но без ночного колпака с помпончиком кот не мог обойтись. Спустя немного времени я услышала щелчок, напарники заперли свою дверь. Ха! Как приятно мне было услышать этот звук – он означал, что я их все-таки достала, причем так, что можно теперь с чистой совестью дать парням передохнуть с недельку.

Наутро, проснувшись, я приняла душ, навела макияж, оделась понарядней и вышла в коридор. Мои еще спали. Ну не для них же я наводила красоту! Еще накануне, в столовой, Стив мне назначил свидание у мусорного бачка, поэтому я и встала пораньше. Я увидела его издалека. Парень уже переминался с ноги на ногу (это и неудивительно, я опоздала на два часа), а в руках держал какую-то металлическую штуковину, похожую на железную арматуру, прутик был ничего себе, здоровенький. Неужели это он так разозлился на меня за опоздание? Я немножко скисла. Если это так, то нашел на что обижаться – два часа это не время для влюбленного биоробота. Про влюбленного – это он сам утверждает, чего ж пузыриться?

– Привет, Стив. – Подойдя сзади, мне удалось так хлопнуть его по плечу, что он подскочил на месте и резко обернулся. – Я не слишком задержалась?

– З-дравствуй, Алиночка. – В руках у него оказалась роза, алюминиевая? Ах, это ее-то я и приняла за арматуру... – Ничего страшного, ты ненамного опоздала – в космических масштабах два часа это пыль, пустота, ничто.

Было очень приятно получить цветок, даже металлический. Стив, похоже, подкованный в этих вопросах малый и знает, что за розу можно завоевать любую женщину вместе с потрохами. Алекс скорее всего тоже это знает, но думает, что овчинка не стоит выделки. Даже если этот цветок растет под ногами, ведь надо же еще нагнуться, чтобы его сорвать. А стоит ли затруднять себя ради какой-то девчонки? Даже такой сногшибательной,

как я...

– Слушай, здорово! – искренне восхитилась я, разглядывая розу. – Сам кустарничаешь? Ну, не в смысле садоводства, а кустарным производством занимаешься?

– Ага, – радостно пробасил Стив. – Из космического лома я их делаю, так что материал бесплатный и всегда хватает.

– Тонкая работа, – отметила я, – трудно, наверно?

– Да нет, раз плюнуть. Ничего сложного. Хочешь, я и тебя научу такие розы делать?

– Как-нибудь обязательно. – Я снисходительно улыбнулась.

Так что в этот день впервые я завтракала со Стивом, а не со своими «героями» Алексом и Мурзиком. Мне было очень приятно наблюдать за их реакцией. Конечно, кот окончательно записал меня в ряды ренегатов и отступников. Командор только зевнул и сделал равнодушное лицо, когда увидел меня со Стивом. Вот наглость! Я ожидала от него более интенсивных действий. Негативная реакция профессора и показное равнодушие Алекса сделали свое дело, нас ведь знали как единую команду. Самоубийца сразу же отвернулся, но я успела заметить, что он смотрел на меня осуждающе. Господи, да какое ему-то дело?! Но настроение у меня уже упало, несмотря на все попытки Стива развеселить меня плоскими анекдотами о внеземных существах. Я упустила момент, когда мои партнеры, покончив с завтраком, вышли из столовой. А все Стив – отвлек меня показом дурацкого фокуса с проглатыванием ложки и последующей лекцией на тему: «Как работает пищеварительный тракт робота Стива».

После завтрака я побежала в номер Мурзика и командора, комната была заперта. Пришлось их искать по всему зданию. Наконец поиски мои увенчались успехом – я обнаружила ребят в библиотеке, но они при моем приближении почему-то замолчали (а до этого ведь оживленно что-то обсуждали!) и угрюмо уставились на меня. Пришлось делать вид, что ничего такого не заметила.

– Вот вы где! – нарочито удивленно воскликнула я. – А я вас по всей Базе ищу, обыскалась! Где вы пропали, предупредить же надо.

– Э-э, милочка, мы с агентом Алексом не должны перед тобой отчитываться в своих действиях. А теперь не могла бы ты нас оставить? Мы должны обсудить кое-какие мужские вопросы, – довольно высокомерно произнес котик.

– Нет, даже не проси, не могу, – с деланным сожалением проговорила я, подсаживаясь к ним поближе, – очень уж хочется вас послушать, и, кстати, женщины – лучшие специалисты в мужских вопросах. Ты можешь рассказать мне все!

– Да у меня ничего такого и нет...

– Все равно проконсультируйся у проктолога.

– Я здоро-о-ов! – окончательно сорвался Пушок, а Алекс с тяжким вздохом пододвинул мне стул.

– Спасибо. Завтра, кажется, мы уже должны выходить на новое дело, а все еще не знаем, что оно из себя представляет.

– Больше гуляй! – отдышавшись, фыркнул кот. Еще немного поломался и объяснил мне суть задания, которое они с Алексом Орловым получили сегодня утром в мое отсутствие.

На этот раз нам предстояла командировка в Россию, век девятнадцатый, семидесятые годы, деревенька в глуши поволжских степей и толпа поработанных колдуном деревенских жителей. Примеров масса. Самый страшный – этот злодей, приглашенный на свадьбу, заколдовал жениха и невесту, в результате чего те впали в детство. А по сути, даже во младенчество, и соседи по очереди дежурят с ними рядом, кормят их с ложечки и следят, чтобы новоявленные младенцы не учинили непоправимой беды: не выпили керосин и не подожгли избу. Но у соседей терпение уже на исходе, и «детишкам» приходится несладко... Когда тебя за любую провинность наказывают зуботычинами и полновесными подзатыльниками, шалеешь еще больше. Тот же колдун наслал на людей какую-то болезнь, от которой многие жители деревни медленно чахнут, а шестеро уже отдали богу душу по непонятным причинам. То, что это дело рук колдуна, доказать не могут, хотя сельчане

уверены на сто процентов.

– Если так, то я не понимаю, почему они не устроят облаву на заведомый источник всех несчастий? – спросила я с умным видом.

Профессор покачал головой, дескать, не все так просто.

– Да потому, сообразительная моя, что он вдруг ни с того ни с сего исчез, дом его опустел, но мор продолжается. И теперь крестьяне уже с подозрением поглядывают друг на друга, полагая, что колдун скрывается среди них. Ведь в России, как и в некоторых других славянских государствах, люди верят, что колдун (а некоторые еще поговаривают, что он упырь) может принять обличье любого из соседей или даже животного, и таким образом он до сих пор обитает в их деревне.

– Слушай, если он упырь, то как же под видом колдуна прохаживался по деревне днем? – недоуменно спросила я, поставив локти на стол и в задумчивости подперев голову руками.

– А его днем никто и не видел, этот тип всегда появлялся в темноте. Хотя если он и вампир, то необычный, обладающий гораздо большей силой и способностями. Вспомни хоть Дракулу, он вполне мог расхаживать и днем, не при солнечной погоде... – ответил за друга командор.

Но я уже не слушала, в моей голове на этот момент мелькали разные платья и сарафаны из той эпохи, в которую нам предстояло отправиться. Интересно, в какой наряд меня облачат? Хотелось бы что-то пышное с кружевами и кринолинами, и оборочек, оборочек побольше...

– Кого мы в этот раз из себя представляем? Ты уже разработал наши легенды? – поинтересовалась я у кота, так как этот аспект подготовки операции полностью лежал на его покатых плечах. Он неплохо с этим делом справлялся, если помните... Одна из его несомненных удач – глухонемая гейша! Про еврея с пейсами вообще молчу...

Агент 013 посмотрел на меня отчего-то ехидным взглядом, сузив глаза:

– Да, деточка, мы уже обсудили этот вопрос. Я, как обычно, буду представлять обыкновенного кота. Агент Алекс будет казаком, вероятнее всего, донским, возвращающимся домой на побывку с театра военных действий в Средней Азии, дело-то происходит во времена царствования Александра II.

– Последнее, что мы брали, – это Хивы, – с достоинством добавил Алекс, откинувшись в кресле, как в седле. Полная иллюзия, будто бы и в самом деле принимал в этом историческом действе непосредственное участие, – похоже, он уже вжился в образ.

– А я кем буду? – в нетерпении воскликнула я.

– Ты? Пленной таджичкой, естественно, – ответил кот таким тоном, словно альтернативы для меня не существовало, вызвав во мне сильное желание оттрепать его за уши.

– А почему это ты сам не хочешь побыть пленной таджичкой? – угрожающе приподнимаясь, спросила я.

– Ростом не вышел, – потупил глаза котик, однако торжествующего блеска в них скрыть не смог и тут же дрожащим от радостного возбуждения голосом добавил: – Тебе придется быть пленной таджичкой и ходить в парандже! Так-то, девочка моя, ха!!!

– Вэк! – От такой шокирующей наглости у меня глаза на лоб полезли и все слова застряли в горле, хотя длилось это недолго. – Чего?! Добрый мой Мурзик, не ослышалась ли я? Это мне ходить в парандже?! Мне, студентке института культуры, привыкшей одеваться свободно до грани риска?!

– Паранджа довольно свободная одежда, представляет из себя некий балахон, – пожав плечами, вставил Алекс. Издевается, скотина...

– Я имела в виду нечто иное, – смерив его испепеляющим взглядом, сквозь зубы процедила я. – И ты прекрасно понимаешь что!

Кот с опущенными от обиды (за Мурзика) усами пробурчал примирительно:

– Когда не знаешь, надо слушаться старших, Линочка. Я обладаю достоверными

сведениями, что таджички в эту эпоху у себя на родине ходили исключительно в парандже. А у девушки, годами закрывающей свое личико и все остальное, – он смерил мою фигуру таким взглядом, что я смутилась и одернула юбку, тщетно попытавшись прикрыть колени, – вырабатывается устойчивый комплекс. Да, тебя сгребли в плен и везут на Дон, дабы взять в жены, но... Такая девушка не сможет сразу, как только исчезнет территориальная необходимость в ношении этой закрытой одежды, скинуть ее и выйти из дома с открытым лицом и в более демократичном платье. Это неубедительно.

– А я, допустим, не сразу переоделась, а через полмесяца? Мы же не один день добирались из Таджикистана, – возразила я нашему доморощенному психологу.

Профессор с сожалением посмотрел на меня и покачал головой. Но сдаваться без боя – не по мне!

– Не надену паранджу, – решительно объявила я. – Не хочу ходить в ней одна, как дура! В той деревеньке небось все шарахаться от меня будут.

– А тебе-то что от этого? – скучающим тоном спросил командор, на него наша перепалка с агентом 013 уже навевала сон.

Но я игнорировала данный вопрос как глупый и не к месту.

– Вечно на меня самое тяжелое перепадает, – пожаловалась я неизвестно кому. – Небось ты, агент 013, не пошел бы на такие жертвы, если бы был на моем месте.

– Нет, почему это? Ради дела я на все готов. Но сейчас-то не обо мне речь, – напыжился этот уса́тый пуховик, сложив лапы на груди.

Но торжествовал он недолго. Теперь этому коту-белопогоннику отступать было некуда, ему пришлось, чтобы подтвердить свои слова о самоотверженной преданности делу, согласиться на мое условие. А я обещала надеть паранджу при условии, что котик тоже ее наденет! Как бы нелепо это ни звучало, но в принципе оказалось возможным – Пушок встанет на задние лапы, а при его росте, весьма нехилом для кота, дотянет мне аж до пояса. Мы с Орловым решили, что он будет изображать мою младшую сестренку, без которой я якобы демонстративно отказывалась идти в полон замуж. Я уже предвкушала, как повеселюсь, глядя на котика в чадре.

Таким образом, мы временно закончили обсуждение предстоящей операции, а потом отправились играть в шахматы. Эти двое оказались жутко обидчивыми: не могли простить мое предательство, завтрак со Стивом, целых сорок пять минут! Я, между прочим, отхожу за десять... Теперь напряга в общении уже не чувствовалось. Мы весело провели весь оставшийся день – Алекс даже поката́л меня на спине, чем вызвал у меня сильные подозрения: а не заболел ли он? Знаете ли, такая доброта и самоотверженность в отношении меня были ему несвойственны в трезвом рассудке и здравом уме.

Под вечер я позвонила родителям (за счет организации, естественно), как всегда, получила взбучку за то, что редко звоню. Надеюсь, у меня как-то получилось убедить их, что в моей жизни все складывается замечательно, и только чуточку омрачает предстоящая сессия. На самом деле мою голову занимали совсем другие мысли. Я думала, а чем, собственно, мы отличаемся от этих самых оборотней? Приходим из другого времени, меняем одежду, язык и обличье при сохранении все той же цели – убить... Нет, пусть иногда просто остановить, но суть от этого не меняется. Мы тоже – оборотни...

Заглянула к моим агентам пожелать спокойной ночи – котик как раз напяливал на голову свой знаменитый колпак, а Алекс в ванной чистил зубы.

На следующее утро сразу после завтрака мы отправились в костюмерную. Мне тут же выдали костюм таджички – национальное платье с ярким орнаментом, шаровары в полосочку, тубетейку и заплели волосы в мелкие косички. Увидев, что меня одевают совсем не так, как предполагалось ранее, кот возмущенно потребовал, чтобы костюмеры не забыли о парандже. Дескать, тут никто, кроме него, не знает истории, а правдивые легенды агентов строятся из мелочей. Если кто-то где-то заметит несоответствие, могут возникнуть подозрения.

Алекса одели в казачью форму, сильно потрепанную на вид, как будто в ней выросло

все мужское население тихого Дона, но это и нужно было, чтобы сойти за одежду, прошедшую боевое крещение. Плюс выдали шашку, нагайку и казнозарядное ружье. Агент 013, ворча, принял на лапы миниатюрную паранджу и узкое девичье платье. Решено было, что мы с ним напьем на себя сии одеяния перед самой отправкой, дабы не париться впустую все оставшееся время. Я заглянула в продмешок, собранный командором. На сей раз сухой паек состоял из ватрушек, ржаного хлеба, пирогов с ежевикой и зеленого лука. Негусто, но, надеюсь, деревенские жители не позволят нам похудеть. Кот точно помрет без сметанки.

Время года, на наше счастье, этот колдун-упырь для своих черных дел выбрал летнее. Поэтому я решила, что после зимней Чукотки нам эта операция покажется курортным отдыхом. Похоже, напарники не разделяли моего оптимистичного настроения, а кот даже разозлился на мой искренний смех, когда мы с Алексом торжественно напяливали на него паранджу. На мне это мрачноватое одеяние выглядело вполне естественно, но профессор-то не был женщиной. Но, несмотря на все эти мелочи вроде уязвленного кошачьего самолюбия, мы в положенное время совершили необходимый переход.

Глава 4

Итак, Россия. Век девятнадцатый. Семидесятые годы. Маленькая русская деревушка посреди степей, окруженных редкими лесопосадками. А явившаяся нашему взору березовая роща послужила неоспоримым доказательством того, что мы не сбились с курса и не попали, скажем, к североамериканским индейцам в эпоху расцвета цивилизации сименолов в правление Очень Одинокого Бизона. Алекс отрастил бороду и усы (ускоренным методом, разумеется) и теперь выглядел как заправский разбойник. Хотя казаки от них немногим отличались, и если прибавить сюда еще и драную форму, то определить, к какому именно казачьему войску он принадлежит, было нереально.

– Алекс, ты потрясно выглядишь, – восхищенно отметила я, одарив его влюбленным взглядом. – Теперь, по крайней мере, разбойники нам не страшны. Они попросту будут принимать нас за своих.

– Спасибо, – холодно улыбнулся командор. – Забыл тебя предупредить, что мне придется тащить тебя на веревочке – ведь ты пленница, в любой момент можешь сбежать. По сюжету мы еще не женаты и ты не приняла православие.

Только я успела возмущенно распахнуть рот, как кот меня опередил.

– Алекс прав, дорогуша, – пробубнил он через плотную ткань паранджи. – Иначе мы завалим наши легенды.

– У тебя уже навязчивая идея с этими легендами, – сердитым тоном заметила я. Похоже, Мурзик с непривычки с трудом стоял на задних лапах, и у меня страшно зачесались руки отвесить ему подзатыльник! Думаю, что право у меня есть, ведь эта малышка все-таки моя младшая сестра, но, как всегда, сдержалась. Что поделаешь – два голоса против одного – пришлось идти с веревкой на поясе, утешая себя мыслью, что все это ради общего дела.

Оказалось, что деревенька, которая после перехода открылась нашим взорам, была не той, что нам нужна. Кто-то на Базе ошибся в указании маршрута – до нашей деревни надо было еще топать и топать. Хорошо еще, что тут оказалась прямая дорога, ведущая в уездный город, и не пришлось топать по буеракам. Короче, часа за три-четыре дойдем...

Обо всем этом нам сообщил командор, попутно сверившись с картой. Я тоже заглянула в эту карту и подивилась, как Алекс может ориентироваться на местности, глядя на восьмерку червей? А он, с серьезным видом убрав карту за пазуху, стал спускаться к дороге, я, естественно, за ним, на веревке, как на коротком поводке, агент 013 семенил следом в своей парандже. Его вид меня сильно развлекал, что позволяло мне временами забывать о своем собственном незавидном положении пленницы-таджички.

По дороге двигались крестьянские телеги, временами попадались пешие, в основном божьи люди – старушки, старики – разные паломники, калеки. Все спешили в город, завтра

большой церковный праздник. Местные жители, которые принимали толстяка за маленькую девочку, пытались совать ему пряники, лепешки, угощали ягодами и удивлялись – отчего эта девочка, вместо того чтобы обрадоваться неожиданному гостинцу, прячет ручки под одеждой и что-то недовольно бурчит себе под нос. Но, несмотря на угрюмость, моя «сестренка» своей косолапой походкой продолжала вызывать зрительские симпатии. Один раз я даже испугалась за нашу конспирацию – когда котика попыталась погладить по голове какая-то растаявшая от умиления тетка. Но Алекс вовремя предупредил ее, что девочка была воспитана в диких азиатских обычаях и для нее жестокое оскорбление, если кто-то пытается погладить ее по голове. В ответ она с мгновенной реакцией может укунить за руку, причем челюсти у нее железные! На счету маленькой таджички пять насквозь прокушенных рук, два уха и один пирожок. Тетка ахнула, перекрестилась и отстала...

Мурзика хватило на полчаса, дело было даже не в надоедливых прохожих, а в летней полуденной жаре – котик страшно взопреп и на ближайшем повороте, нырнув в кусты, с неинтеллигентными ругательствами вылез из своего герметичного чехла. Я торжествовала...

– Ну что, помнишь наш уговор? Я хожу в парандже только с тобой на пару. Без тебя уже как-то некайфово, – с мнимым сожалением проговорила я, скидывая свое одеяние. Естественно, не все – зачем искушать народ? Платье я оставила, нахлобучила на голову очень идущую мне тюбетейку, встряхнула косичками и вновь принялась подкалывать кота: – Не надолго же хватило твоей самоотверженной преданности делу, агент 013!

– Всегда можно пойти другим путем, – задыхаясь, отнекивался кот, стаскивая узкое платье.

К вечеру, когда мы все трое уже валились с ног от усталости, Алекс под угрозами с моей стороны наконец признал, что до нужной нам деревни осталось топтать еще минут десять-пятнадцать, но в какую сторону – неясно. Начинало темнеть, прохожие уже не попадались, и тут мы увидели сидящего у развилки дороги мужика. Он был занят починкой лаптя. Я намекнула Алексу, что не мешало бы спросить у него дорогу, наверняка он местный, судя по одичалому виду и рваной одежде. Командор согласился со мной, и мы подошли к мужику.

– Здравствуй, приятель. Не подскажешь, как добраться до деревеньки Переделкино? Она тут должна быть где-то поблизости, – спросила я без малейшего акцента, опередив всех.

– Чего ж не знать, добрая девица, я и сам сейчас туда направляюсь. Вот обувочку залатаю, и мы сможем хоть вместе идти, – хриплым голосом ответил черноглазый, смерив нас троих улыбчивым взглядом.

– Ладно, но только поторапливайся, а то нам тут недосуг торчать до ночи, и так из-за некоторых целый день без роздыху шкандыбаем, – раздраженно брякнула я и тут же схлопотала подзатыльник от командора.

Ему не стоило так себя вести, даже если пленные таджички отличаются редкой забитостью...

Я мигом обернулась и отвесила ему полновесную оплеуху:

– Не распускай руки до свадьбы!

Алекс ошарашенно промолчал, потер шею и отвернулся. Не знаю, что это со мной... Наверное, нашло выход накопившееся за день раздражение. Путник, похоже, испугался, увидев наши внутренние разборки, и поспешил поскорее бросить работу, сунул веревочку за пазуху и поднялся на ноги.

– Все, я готов, – доложил он, подскакивая на одной ноге, в попытке натянуть лапоть. – Вот дела! Кажись, не так я его заплел, вона на пятку-то не лезет, – виновато объяснил бродяга.

«Идиот», – подумала я, глубоко вздохнув и пытаюсь взять себя в руки, чтобы не накричать на ни в чем не повинного мужичка.

– Черт-те что! Придется идти босиком, а ить похолодало к вечеру, – бормотал он себе под нос. – Глядишь, исчо ноги себе отморожу.

Присмотревшись повнимательнее, я заметила, что бродяга необычайно бледен, даже до

зеленоватого отлива. «Наверное, нелады с печенью, – сочувственно подумала я, раздражение понемногу начало сходить, – хотя на пьянчужку не похож». Мужик посетовал, что теперь ему придется заново все переплетать, а это надолго, поэтому, чтобы нас не задерживать, он просто укажет нам дорогу. Я была даже рада. Честно сказать, в компании этого бледного типа я чувствовала себя как-то не совсем уютно. Появились нездоровые опасения, хотя и очень смутные: а может, он и есть вурдалак? При этой мысли мне стало уже вовсе не по себе, и, отойдя подальше от незнакомца, я спряталась за спину командора.

– А идти вам надобно, люди добрые, вона через тот лесок напрямки. Да все держась северной сторонки, а уж ежели повезет, да с тропинки не собьетесь, так не успеет филин три раза угукнуть, как вон она – Переделкина-то! А ежели встретите по пути кота туманного с глазами огненными, уж не почтите за труд, скажите ему: дескать, ждут его у дорожной развилки.

– Вэк?! – не сдержалась я. Алекс, похоже, тоже был несколько шокирован.

– Это как, туманного? – спросил он. – Бестелесного, призрачного, что ли?

– Ага, кошачья душа, неприкаянная, он и есть! На вашего больно похож, правда, худей раза в два, – отметил бледнолицый, пристально глядя на профессора. Тот страшно смутился и, как и я, спрятался за Алекса. – У нас тут кормиться особо нечем, хлеба нет, неурожай круглый год, даже зимой. Прогневали, видать, Господа...

– Понятно, – серьезно кивнул командор, хотя, кроме него, никто ничего не понял. – И часто в ваших краях бестелесные животные встречаются?

– Да уж попадаются кой-когда, – еще больше заинтриговал нас незнакомец, после чего почесал затылок и пожелал нам доброго пути.

Надо признать, что уходили мы на хорошей скорости. Когда уже шли по лесу, я заметила, что агент 013 опасливо озирается по сторонам, вероятно предчувствуя скорую встречу с душой собрата.

– Мы даже не спросили, как его зовут, – вспомнила я.

– Кого, кота? – спросил Мурзик, заметно нервничая. В лесу и вправду было жутковато, кусты подозрительно шуршали, кто-то перекликался противными голосами, деревья-исполины уходили ввысь, и даже неба не было видно.

– Нет, мужичка, который так душевно к нам отнесся, – пояснила я и тут увидела просвет между деревьями. Почувствовав огромное облегчение, мы втроем дернули туда, кот даже чуть не «уронил» меня на опавшую листву – так рванул с места, проскочив у меня между ногами. Споткнувшись, я успела увидеть два ярко горящих огненно-красных глаза – на маленьком пенечке сидело какое-то рогатое существо. Но видение длилось всего мгновение – глаза исчезли.

Выбравшись из лесочка, мы увидели раскинувшуюся прямо за опушкой деревушку, за ней – кладбище, причем два. Разбросанные в художественном беспорядке избушки из потемневшего дерева, колодец, огородики, все, как на картинках. В первой же избушке нас накормили, сдали угол и сказали: живите, сколько хотите. Это свидетельствовало не столько о радушии местного населения, сколько о наличии у нас царских червонцев. Было и серебро, конечно, но Алекс, к большому недовольству кота, мелочиться не любил. Я тоже считала, что казну надо полностью передать в бережливые лапы агента 013, чтобы у Алекса не было возможности, пока тянется дело в этой деревне, покупать местным красавицам пряники и конфеты. Вполне вероятно, что он и не собирался баловать незнакомых девиц, но все равно не мешало подстраховаться.

Изба, в которой нас приветили, была обычным жилищем крестьянина (ну, может, если с натяжкой, то среднего крестьянина), живущего в российской деревне второй половины девятнадцатого столетия. Именно так я представляла убранство русской избы еще по Некрасову, хотя не припомню, есть ли у него где-то подобное описание. Ну да ладно, может, в музее видела? Главное, что мне выделили место на печке, а командору на полатах. Я быстро прикинула себе, что спать на раскаленной за день печи да в летнюю жару – удовольствие ниже среднего, и быстренько поменялась с Алексом. Ночью я ему все равно

спать не дам, одеяло стащу или нос сажей вымажу – фантазия у меня богатая...

Нашими хозяевами оказалась семейная пара лет шестидесяти на двоих, у них еще был сын чуть младше меня. Слава богу, что не дочка, а то бы я испереживалась из-за Алекса. Вспомнить хотя бы Францию или Чукотку... Буквально как мухи на мед липли там на него всякие разные девицы, пытаюсь соблазнить. Так что тут нужен глаз да глаз! Ведь ни один мужчина не сможет бесконечно сопротивляться. Кстати, зачем ему общаться с другими девчонками, если он меня любит?! Сам признавался, когда оставлял замерзать в снежной яме во время нашего последнего дела на Крайнем Севере.

Мы ужинали за общим столом: вареная картошка в чугушке, пироги и малиновый кисель. Естественно, всю свою провизию мы предоставили в общий котел – люди здесь не слишком богатые, а мы не жмоты. Потом хозяйка убирала со стола, а Алекс плел подробности истории его возвращения с театра военных действий в Средней Азии, но все это было довольно скучно слушать.

Про меня же он сказал, что зовут меня Алия, я его невеста и он меня сосватал в одной очень отсталой и малограмотной семье в далеком таджикском ауле. Когда же обнаружил, что русским я не владею, обучению не поддаюсь и к тому же страшно глупа, как говорится, было уже поздно! Хотя особого значения это не имеет, ведь брал он меня не для того, чтобы говорить со мной о новейших тенденциях современной философии, а как незаменимого работника в хозяйстве. Потому как общеизвестно, что таджички трудоспособнее тягловых волов, и теперь у них на Дону пошла мода на восточных жен.

Пока он нес всю эту шовинистическую белиберду, я грозно хмурила брови и делала страшные глаза, но все было без толку. Орлов не обращал на меня ни малейшего внимания, обсуждая с хозяином вопрос, кто лучше и быстрее может вспахать поле – русская женщина или восточная. Лошадь с плугом в противовес не шли... А мне не оставалось ничего другого, как уйти к коту на печку, ведь я «не владела языком» и словесного протеста выразить не могла. Играя с агентом 013 в пятнашки, мне удалось краем уха уловить, что теперь они говорят о колдуне.

– Ох, совсем он нас замучил, лютый, – вздохнув, сказал Семен (так звали нашего хозяина). – Жениха с невестой прямо на свадьбе и заколдовал, ровно дети малые стали. Мор на нас напустил – болеют люди, другие уже отдали богу душу. В деревне все ладанки стали носить, святой водой умываются, свечи в церкви ставят, а толку-то и нет...

– Да как же он появился у вас? – крутил усы Алекс.

– А были у нас соседями муж с женой, Иван да Марья, да брат ейный Петро, да дед с бабкой, да племянник ихний. Вдруг как стали помирать один за другим, один за другим, да все беспричинно! Ага, мрут как мухи, мы даже считать не успевали. Хотя один-то остался, Глеб. Но не здесь – его в солдаты забрали, кудыть в Азию, шаха воевать. Дык ведь и ты там тоже за царя и Отечество кровь проливал... Ну а он сбежал со службы своей. Два раза приходили от пристава его искать, да мы-то его, почитай, годка три уж не видали. В общем, дом у них опустел, обветшал, и вдруг объявился у нас в деревне мужик какой-то. Назвался Митрием и спросил, куды подевалась Иванова семья, сказал, что он-де сын его. Дескать, батюшка еще в малолетстве отдавал знахарю какому-то на учебу. Вот и мотался он с энтим знахарем по заморским странам, да, вишь, на родину потянуло... От Глеба-то вестей нет, ну и поселился Митрий в опустелом доме с соизволения старосты нашего и всех жителей деревни. Знали б мы тогда, кого к себе пускаем... Ведь все рады были. Люди-то у нас приветливые. А тока начались с его поселения дела лихие, нехорошие... Теперича вот не знаем, что и делать с этой напастью. Кто говорит, что упырь энтю, а кто – и что колдун заморский!

Да, похоже, здесь вся деревня была напугана, успешно приближаясь к панике. Но утро вечера мудренее, мы легли спать. Я тут же уснула у себя на полотах, укрывшись одеялкой в стиле пэчворк, совсем позабыв о том, что собиралась по ночам изводить Алекса, мирно проспавшего эту ночь, даже не подозревая, что ему грозило.

Наутро, когда я проснулась, в избе оставалась только наша команда. Хозяева, по всему

видать, спозаранку ушли в поле работать, оставив нам завтрак на столе. Я довольно бесцеремонно растолкала Алекса, а кота, спавшего на краю печки, просто дернула за хвост. Ну не ждать же, когда они соизволят проснуться, утро давно! Конечно, пришлось выслушать добрые слова от моих коллег, но уснуть они уже больше не могли.

Умывшись, Алекс (кот такой «глупой» привычки не имел – умываться перед завтраком) присоединился ко мне за столом. После каши с молоком мы отправились гулять по деревне, вызвав всенародное любопытство... Уж больно компания у нас была колоритная – кот, причем необычайно здоровый, донской казак и настоящая таджичка! На этот раз я категорически отказалась ходить на веревке, хотя в принципе никто особо и не настаивал.

По ходу дела мы обсуждали, с чего начать и как будем действовать. А так как кот и я должны были притворяться немymi, говорил один командор.

– Есть несколько способов распознавания вурдалака... Конечно, если он не колдун, а действительно вурдалак, – начал он, создавая впечатление контуженного казака, разговаривающего с самим собой. – Первый, но очень надежный. Носить с собой зеркало и тыкать каждому в лицо: упырь не отразится! Тут его можно брать, но этот метод основан на исключительной неожиданности. Как только вурдалак заметит и поймет, что к чему, он может мгновенно превратиться в уже проверенного.

Мы резонно покивали. Профессор все рвался вставить словечко, но прикусывал язычок – приходилось соблюдать конспирацию.

– Второй способ. Найти свежую могилу – пустую или с неразложившимся трупом. Второе было бы лучше, потому что на этом наша операция логично закончилась бы. Вурдалака мы бы тут же сожгли – это самый верный путь. Хотя, если бы он был обыкновенным упырем, можно было бы поступить проще – вместо банального осинового или рябинового кола просто вбить железный гвоздь в череп. Почти всегда помогает. Или отрезать голову и положить ее у упыря в ногах – тоже оправдывало. В конце концов, самое простое – это перевернуть его в могиле лицом вниз. Проснувшись, вампир начнет рыть землю, тем самым только все глубже закапывая себя. Ведь он-то будет думать, что подгребает вверх.

Вот умора! Как представлю себе, не могу удержаться от глупого хихиканья, хотя все равно немножко жалко доверчивого упыря.

– А как мы отыщем его могилу? Если пустой не окажется, так не перекапывать же все кладбище, тем более их тут два, – логично заметила я. Мы к этому времени уже вышли за околицу и приближались к старому кладбищу, а деревенские жители вдруг все куда-то пропали. Пока Алекс открывал рот, Мурзик успел влезть с ответом. Ведь, как известно, дольше необходимого коты молчать не могут – лопаются...

– Проще простого – тут имеется проверенный метод, – важно сказал он с видом большого знатока в вопросах вампирологии. – Нужно всего лишь найти мальчика, который никогда в жизни не видел женщин (причем зрячего!), посадить его на белую кобылицу, к которой еще ни разу не подвели жеребца, и пустить по кладбищу. Там, где лежит упырь, кобылица заржет и быстренько от этого места отскочит!

Я покачала головой и уселась на каком-то трухлявом бревне посреди кладбища. Живописное местечко, находится на пригорке и с трех сторон окружено лесом. Полусгнившие кресты покосились, где-то вообще были свалены, большинство могил заросло травой.

– Но мне все же кажется, что наш объект колдун, а не вампир, – тихо завершил кот, поддавшись мрачной атмосфере кладбища, места, где поневоле понижаешь голос.

– Черт их разберет. Может, он и не один тут действует, – сделал предположение Алекс, притулившись рядом. – Кстати, вчера, пока вы спали, я описал нашему хозяину того подозрительного мужика, который подсказал нам дорогу. Результат поразительный.

– Ну что? Что он тебе сказал? – в один голос воскликнули мы.

– Сказал, что не знает такого, – спокойно ответил Алекс.

– Что тут поразительного, я не пойму! – разозлилась я.

– А то, что в таком маленьком уезде все должны друг друга знать, хотя бы понаслышке, – пожав плечами, разъяснил командор. В это время толстун как-то забеспокоился, встревоженно прижал уши, но я поначалу не обратила на это внимания.

– Веский аргумент, – скептически заметила я. – Можно подумать, что народ не знает иного развлечения, кроме как ходить взад-вперед и со всеми знакомиться! Ох уж мне эта ваша дедукция...

Тут бревно под нами закачалось. Закачалось в самом прямом смысле слова, как будто его кто-то упорно толкал снизу с нечеловеческой силой. Представьте, приподнять здоровенное бревно с двумя взрослыми людьми и толстым котом – это, скажу я вам, надо было поднапрячься. Мы втроем тут же вскочили на ноги, не зная, что же будет дальше.

Из-под бревна показалась рука, нормальная человеческая рука, только с грязью под ногтями; она приподняла бревно, вслед за этим из образовавшейся расщелины высунулась голова с черными всклокоченными волосами, в которых застряли сухие листья, ползали муравьи и какие-то жучки. Лицо у этой головы было заспанное, поэтому она не сразу заметила наше присутствие, а заметив, тут же испуганно расширила глаза, тут мы ее и узнали! Вернее, его. Это оказался наш вчерашний знакомый, так мило указавший нам верный путь.

Не успели мы и глазом моргнуть, как он выскочил наружу и дал деру в сторону леса. Мы буквально остолбенели от неожиданности, потому не сразу спохватились броситься в погоню.

– Уйдет! Ну уйдет же-е...

– Да, уже не поймать... Что делать, не повезло.

– Надо пустить по его следу кота! – воскликнула я.

– А как мы потом найдем кота? – так же быстро спросил Алекс.

– Я сам вернусь, – обиделся агент 013, но потом смешался, по морде кота было видно, что на него внезапно снизошло озарение. – Что это я, в самом деле?! Я же не собака-ищейка какая-нибудь, а профессор, научный консультант. С вами, знаете ли, можно потерять последние остатки собственного достоинства. Вам надо, вы и бегите!

Так что бежать пришлось Алексу, я недолго думая припустила следом. Но было уже поздно, только успели заметить, как наш знакомец скрылся в лесу.

– Неужели мы обнаружили упыря? – с сомнением спросила я, когда мы возвращались к Мурзику. Несмотря на то что у меня это была уже четвертая операция по обезвреживанию монстров, все равно порой охватывало чувство нереальности творящегося вокруг, все вдруг начинало казаться сном – летающие головы, говорящие коты и волки, утбурды и ангъяки, а теперь и, по всему виду, настоящий, исконно русский упырь.

– Не знаю, посмотрим, – уклончиво бурнул Алекс. Кота рядом с бревном не было. Я немножко забеспокоилась, но оказалось, что все в порядке – он всего лишь решил исследовать могилку.

– Ну и как, в яме сильно сыровато? – спросила я, заглядывая к нему сверху. Странно, но в могилке не было и признаков гроба. А я-то, наивная, считала, что вылезают вампиры именно из гробов, в которых мирно спят, ничуть не боясь клаустрофобии. Еще одна странность – вместо этого там оказалась постелена дерюга, старенькая, но все же. Внутри могилы так же нашлась бутылка с водой, кусок черствого хлеба, чеснок и яичная скорлупа.

– Это не могила, – констатировал агент 013 (секундой назад ко мне закралась та же самая мысль). – Вернее, бывшая могила, а ныне скорее нечто вроде землянки.

– Неужели он беглый каторжанин? – подумала я вслух, вспомнив французского каторжника. – Или философ наподобие Диогена, только вместо бочки он выбрал могилу.

– Какая разница? Раз он не упырь, то нам до него нет больше дела, – заявил командор, а у меня, наоборот, разыгралось любопытство, и я задалась целью до отъезда на Базу обязательно узнать что к чему в личности этого «подземельщика».

Мы прошлись еще раз по кладбищу, осмотрели, что могли, и вернулись в деревню. У околицы нам попался странного вида старичок, приплясывавший на месте под собственный

аккомпанемент, вернее, бормотание какой-то песенки под нос. Он был одет в рваное тряпье – одеждой это не назовешь. Но на ногах были новые берестяные лапти ярко-желтого цвета. Все остальное, включая лицо и красный нос, что называется, двойной секонд-хэнд! Видно было, что старичок частенько прикладывался к бутылочке, а скорее всего, и не отрывался от нее на протяжении всей жизни. Позднее мы узнали, что это местный юродивый, бывший в большом почете среди жителей Переделкина. А сейчас он нас совершенно не заинтересовал, мало ли пьяниц на дороге валяется? Притаился себе поддатый дед в лопухах и вдруг как выскочит, как кинется бегать вокруг нас кругами. Алекс уже собирался его как-нибудь поделикатнее, попонятнее чтобы... пнуть, короче! Но старичок погрозил ему пальцем:

– Знаю я, что вы ищете, – ухмыльнулся он и подмигнул нам окосевшим глазом. – Лукашка все знает, все понимает. Лукашка непросто-о-й! Но Урюп страшно разозлится, ой как страшно... Ха-ха-ха, ажно коленки дрожат.

– Ты это о ком? – тут же зацепилась я. – Что еще за Урюп такой?

– Лукашке велено молчать. Ш-ш-ш, – многозначительно шикнул он, приложив палец к прыгающим губам.

– А-а, ну так мы тебя сейчас допросим. За этим дело не станет, – пригрозила я. – Молчать ему, видишь ли, велено...

– Тебе, кстати, тоже, – напомнил Алекс.

– Оставь больного человека, Алиночка, – поддержал кот, дергая меня за подол, чтобы отвлечь, но я уже сдвинула тюбетейку набок и...

– Не трогайте меня, не бейте меня, я добрый! – увертываясь, кричал Лукашка, припадая на обе ноги.

– Само собой, приятель, никто тебя не собирается трогать, но, если ты знаешь что-то о местном колдуне, лучше скажи! Здесь, сейчас и добровольно... А ну, делай доброе дело для всей деревни!!! – увещевала я, выкручивая старичку руку. Командор и профессор, шипя, оттаскивали меня в сторону.

– Урюпу это совсем не понравится, – заладил свое юродивый. Судя по выражению лица, он здорово перепугался, но рассказать все равно хотелось до икоты, и он тихо произнес: – Ищите хромого Игната. Но если что, Лукашка вам ничего не говорил!

– Конечно, а кто же тогда Урюп, который страшно разозлится?

– Злой колдун, – так же тихо сообщил старик, сдвинув сурово брови и многозначительно подняв вверх палец.

– Ну наконец-то хоть что-то, – порадовался кот, хотя и был поначалу против допроса юродивого. – Непроверенная информация все равно лучше, чем никакая.

Мы поблагодарили, Алекс даже подал копеечку.

– Лукашка молчал! Не обижайте Лукашку! Лукашка ничего не говорил. – Юродивый взял денежку, понюхал и бросился бежать по дороге, при этом страшно петляя, вероятно, чтобы замести следы.

Мы не стали мешкать, а попытались сразу же проверить полученные сведения, остановили первого прохожего и спросили у него, где тут проживает некий хромой Игнат. Мужик округлил глаза и шарахнулся от нас, скрывшись за ближайшим забором. Командор слегка удивился такой реакции и задал тот же вопрос встречной крестьянке. Тетка принялась креститься и бросилась бежать, волоча за собой коромысло с пустыми ведрами.

– Вот неvezуха, кто же нам все-таки ответит? – призадумалась я. – И что это за человек такой, от одного упоминания которого все спотыкаются?

– Да, тут есть о чем задуматься, – согласился со мной Алекс. – Ты ведь любишь тайны?

Потом мы встретили нашего домохозяина Семена. Этому деваться было некуда, сделав, как и положено, серьезное лицо, он сообщил нам, что хромой Игнат давно помер. Раз уж нам так это интересно, то он был дедом того самого Ивана, чье семейство начисто скосило смертью и в чьем доме поселился колдун.

Я только раскрыла рот, чтобы кое-что уточнить, но вовремя вспомнила, что в представлении Семена здраво мыслить я не умею. Как, впрочем, и говорить на русском

языке, поэтому пришлось промолчать и служить агенту Орлову молчаливым укором. Ничего, я ему это припомню, ведь он знал, что я не могу долго молчать. Теперь я понимала, каково приходится котику, он обменялся со мной понимающим взглядом, в котором читалось: «Мы с тобой родственные души, деточка».

– Хотя и помер он многие годы назад, да слава о нем шла нехорошая, слыл он колдуном-чернокнижником. Вот теперича люди болтают, будто старый Игнат возродился в своем потомке, то бишь в Митрии. Уж больно похож он на деда Игната, по праву Митрий занял Иванову хату, да только одна ли хата ему в наследство досталась...

– Но пока это всего лишь догадки. Прямых подтверждений, как я понимаю, нет? – в вопросительном тоне уточнил Алекс.

– У нас народ послушный, нам многого и не надо, чтобы поверить. И живем мы тут по дедовским порядкам, не то что вы на вольном Дону.

– Наверно, – пробормотал командор и, видя, что Семен заторопился, отпустил наконец мужика восвояси.

– Итак, что мы имеем, – начал профессор, когда мы вернулись в избу. Было время обеда, хозяева «пахали» в поле, так что на всех троих готовить пришлось мне. Пока я носилась с чугунками, Орлов растапливал печь, а котик, сидя на лавке, был по-своему не менее активен – разглагольствовал, подводя итоги нашего расследования. – Все еще больше запутывается. Появление псевдовампира...

– Это ты бродягу имеешь в виду? Того, что сказки про кошачью душу рассказывал? – поинтересовалась я, промывая гречневую крупу. Хватит с них и гречневой каши – я выбрала самое немудреное блюдо, чтобы не возиться долго.

– Конечно, кого же еще? – недовольно ответил кот, рассердившись на меня за то, что перебиваю и сбиваю с мысли. – Алина, твое дело – каша! Ну так вот, на чем это я остановился?

– На псевдовампире, – охотно подсказала я.

– Ну-у, с ним все вроде бы ясно, – продолжил агент 013, скосив глаза на пробежавшую у печки мышь. – Мужик гарантированно оказался обычным бомжом, по крайней мере, то, что он не упырь, я думаю, уже доказано. И вообще, есть ли какие-нибудь факты, подтверждающие, что тут может орудовать вурдалак, кроме голословного утверждения некоторых сельчан?

– Есть, – сухо сказал Алекс. – Ранки на шее. Я заметил их сегодня у тех двоих, кого мы спрашивали о хроме Игнате. Уверен, что происхождение подобных ранок сомнений не вызывает. А разве вы ничего не видели?

– Мне снизу как-то несподручно делать такие наблюдения, – укоризненно буркнул кот, – шея затекает и сильно болит.

– А я просто не обратила внимания, – призналась я, помешивая кашу и нечаянно сыпанув в нее соли раза в два больше необходимого. Сделав это черное дело, я испуганно оглянулась через плечо на моих голодных товарищей. Похоже, они ничего не заметили, хотя это все равно не спасло бы ситуацию, а профессор тем временем продолжал:

– С появлением новых фактов дело запуталось окончательно. Кто пил кровь у местных жителей? Зачем надо искать покойника Игната? О каком злом колдуне говорил юродивый Лукашка? Я понимаю, конечно, что на его слова надо смотреть под призмой сострадания к шизофренику, но...

– Будь проще, агент 013, и люди к тебе потянутся, – посоветовала ему я, устав вникать в его официальный тон.

– В общем, надо будет зайти в дом к колдуну. Даже если он стоит пустой, все равно есть шанс обнаружить там что-нибудь, что поможет нам приблизиться к развязке. Предлагаю поесть и сразу же идти. Каша скоро будет готова?

В принципе она уже была готова, только вот хотелось чуточку оттянуть неизбежное. Скрепя сердце я вытащила чугунок из печки и поставила его на стол. Большой деревянной ложкой наложила кашу в две тарелки.

– А ты что, не будешь? – удивился кот, не отрывая глаз от дымящейся гречневой каши, обильно сдобренной маслом.

– Нет, я потом поем, – еще больше загрустив, ответила я. Постепенно на сердце потеплело, когда я увидела, как двое моих товарищей, корча мученические рожи, все же наворачивают кашу, в конце концов доев все до крупинки.

– С-спасибо, – с трудом произнес кот, поглаживая круглое брюхо и живо напоминая волка из мультфильма «Жил-был пес».

– Да сколько угодно, – благосклонно кивнула я, оборачиваясь к Алексу. Но от этого типа благодарности я так и не дождалась.

Тогда я снова обернулась к Мурзику.

– Хочешь еще добавки? – поинтересовалась я с улыбкой Марии Медичи.

Глаза профессора наполнились ужасом.

– Н-нет, пожалуй, достаточно, – выдавил он, поспешно скатываясь с лавки. – Всего должно быть в меру.

Я с прежней улыбкой поймала малоподвижного агента и взялась за ложку. Пусика спас командор, некоторое время мы молча перетягивали кота, я за передние лапы, он – за задние. Победила грубая сила...

– Ну что, идем? – как ни в чем не бывало произнес Алекс. Делать нечего, мы пошли.

Дом колдуна находился, как всегда, на отшибе. Это традиция, нарушать ее никому не позволено, хотя я уж и не знаю, кто именно решил, где полагается жить колдунам. Это удобно, не пришлось тратить время на расспросы. Дом ничем особенным не отличался от других избушек, разве что был немного больше и ухоженнее. Мы взошли на крыльцо. Невдалеке по улице прошла женщина с пустыми ведрами, испуганно посмотрев на нас.

– Опять пустые хлопоты, – вздохнула я.

– Не каркай, – предупредил меня кот, но вид у него был какой-то подавленный. Усы опущены, а в глазах, я бы сказала – страх, если бы не знала наверняка, что наш храбрый котик просто не знаком с этим чувством.

Незапертая дверь заскрипела, как только ее толкнули. Мы, озираясь, вошли внутрь. Обстановка почти такая же, как и у наших хозяев, вот только больше паутины по углам и пауки крупнее. Лавки вдоль стен, стол, табуретки – все деревянное, само собой. Сразу как войдешь – печка. Вроде бы все как у людей, лишь одна странность: в углу за занавесочкой, еще один стол, поменьше, весь уставленный разными склянками с таинственным содержимым. Там же аптекарские весы, агрегат со змеевиком наподобие самогонного аппарата, стеклянные пробирки в большом количестве, чем-то заполненные и пустые, белые мыши в клетках. В общем, все это в целом сильно смахивало на лабораторию. Орлов велел мне ничего не трогать, а сам, похоже, даже не обратил внимания на этот странный факт.

Но самое странное неожиданно случилось с профессором, он вдруг страшно зашипел, издал дикий боевой клич и принялся кататься по полу, вздыбив шерсть и непрерывно мяуча! Мышки-альбиноски в клетках все как один рухнули без чувств, задрав вверх лапки...

– У милого котика часто такие припадки? – испуганно спросила я, вцепившись в руку командора. – Ты мне не говорил, что он эпилептик. Надеюсь, пенсию по инвалидности ему платят?

Кот вскочил на ноги, взвыл дурным голосом и дунул в дверь. Мы с Алексом не знали, что и думать.

– Бедненький, куда он побежал? Нам надо его отыскать, пока он не причинил себе вреда! – воскликнула я убежденно, таща Алекса за рукав, вернее пытаясь это делать. Он никак не реагировал на мои попытки, продолжая осматривать дом поверх моей головы.

Время от времени Алекс бормотал себе под нос:

– Он явно тут живет. Печка еще теплая, постель свежестеленная, мыши сыты, вон как носы воротят от хлебных крошек. Характерный запах серы еще не выветрился, видимо, он занимается подпольным производством спичек и делает это тайно, чтобы не платить налоги.

Я похолодела – и этот сбрендил... Продолжая нести тому подобную чушь, «спаситель

человечества» наконец обернулся и заметил меня – с прежней мольбой в глазах.

– Ты это о коте беспокоишься? Говоришь, надо немедленно отыскать его, иначе будет поздно? Нет, я так не считаю, агент 013 всегда может постоять за себя сам, он не раз это доказывал. Но раз уж ты так настаиваешь, пойдем, тем более тут искать больше нечего. Что надо было, я нашел.

Я придиричиво посмотрела по сторонам, перевела взгляд на его руки – ничего нет... Может, он спрятал за пазуху?

– А что ты нашел? Покажи, не жлобись.

Алекс в ответ только улыбнулся, поправил фуражку с красным околышем и первым вышел за дверь. Я сразу же выскочила следом, потому что одна даже под угрозой расстрела побоялась бы оставаться в доме, где коты сходят с ума.

Тут же, у калиточки, мы наткнулись на нашего хвостатого партнера. Он спокойненько сидел под деревом, по всему виду поджидая нас. Я тут же бросилась к нему со слезами и расспросами о самочувствии, но Мурзик царственно отстранил меня лапой, обратившись к Алексу.

– Этот кот просто зверь, никакой культуры, – начал он с возмущением в голосе. – Абсолютный дикарь, варвар, абориген! Ведь мог спокойно сказать: это, дескать, моя территория, я тут сторожевой кот. В процессе общения мы бы обязательно нашли общий язык. В области налаживания взаимоотношений мне нет равных!

О-о-о, похоже, нашего героя крепко припекло. Ребята сами говорили, что суперагенты частенько заканчивают свою карьеру в психушке. Наш бедный боевой друг... я буду тебя навещать.

– Алекс, ты же помнишь, как часто меня посылали с дипломатической миссией, и я ни разу не подводил свое правительство! А сколько международных скандалов было предотвращено благодаря моему своевременному вмешательству. Хотя бы там, в Прибалтике...

Нараставшие во мне подозрения, что кот заговаривается, крепи с каждой его новой фразой. Я даже задумалась, а есть ли на Базе смиренные рубашки для психованных котов? По идее, должны быть...

– Но нет, он сразу бросился в драку, причем с такой первородной яростью, что любой другой кот на моем месте наверняка бы растерялся и был бит! Но у меня-то за плечами годы регулярных тренировок по всем видам боевых искусств, специально разработанных для котов солидной комплекции...

Я была права, он несет абсолютную чушь, и это, похоже, надолго, поэтому я решила прервать его и дрожащим от жалости голосом сочувственно поинтересовалась:

– Может, тебе положить на голову холодный компресс? У меня есть носовой платок, я быстренько сбегаю к колодцу, намочу, приложишь ко лбу. А лучше пойдем скорей домой – я уложу тебя в постель, укурю одеялом, напою молоком и почитаю сказку...

Профессор, услышав такие речи, сначала страшно смутился, а потом, взяв себя в лапы, смерил меня строгим взглядом:

– Ты в своем уме, деточка?

Я опешила. Но потом подумала, что с больным надо быть терпимой и снисходительней относиться к его словам, сказанным наверняка в оголтелом бреду.

– О чем это ты, маленький? Ведь у тебя сейчас был припадок.

– Что?! – округлил глаза кот и от возмущения стал открывать и закрывать пасть, глотая воздух. Минут десять, ей-богу... Ну, у него есть эта противная привычка.

– Там, в доме, был невидимый кот, – неожиданно вступился Алекс, – помнишь, тот, о котором говорил тот мужик, которого мы встретили вчера на развилке, и он еще подсказал нам дорогу.

Наконец-то до меня дошло, что тут к чему. Я начала склеивать детали и поняла, как долго еще надо учиться, чтобы стать первоклассным агентом. Значит, туманный кот-призрак действительно существует и с тем бродягой не все так просто...

– Тогда прошу прощения, – протянула я, плетясь в хвосте за моими товарищами.

А на улице нас поджидал нескладный рыжеволосый парень с конопатым лицом. Мы остановились, он подошел и неловко поклонился Алексу.

– Здравствуйте, люди добрые. Звать меня Антон. Наш сосед Семен Рыков – его все на селе уважают – говорил о вас много хорошего. Знаем мы, что казак мужику не товарищ, а тока мы тут всей семьей посоветовались и решили пригласить тебя, Алексей, и жену твою Алию на Гришкину свадьбу. Гришка – это брат мой, уж очень хочет видеть вас на своей свадьбе и кланяться просил. Так явите милость, не побрезгуйте...

– Благодарствуйте, мы придем, – подумав, кивнул командор.

– На свадьбу-то колдуна надо бы звать, обычай у нас такой есть, – продолжал Антон. – Но сам видишь, дело нескладное с ним вышло. Потому порешили мы тут, что заместо колдуна и вы очень хорошо даже сойтить можете.

– Не понял?! – округлил глаза Алекс. Вернее, сказал Алекс, а округлили глаза все мы, дружно.

– Не серчайте, а тока вы из дальних краев к нам пришли, а земля слухом полнится. Судачат бабы, мол, жены некрещенные, татарские, все ворожить обучены. А казаки донские завсегда мощью к ведоству славны были. Раз жену мусульманскую взял, значит, сила в тебе великая! – разоткровенничался парень, отводя глаза и слегка сутулясь. Похоже, он нас побаивался. Это, наверно, потому, что я молчу. Иначе откуда бы такой ореол таинственности? Может, показать им пару карточных фокусов, наверняка нас еще больше зауважают? Но я тут же отбросила эту мысль как недостойную семейной пары колдунов, чтящих свою профессию. Страсть как хотелось поболтать с парнем, но приходится делать вид, что не умею говорить по-русски.

Когда мы распрощались и пошли дальше, командор недовольно пробурчал:

– Неужели мы так загадочно выглядим, что...

– ...что нас даже пригласили на свадьбу? – закончил за него кот. – Но ведь это же замечательно, друзья мои! Представляете, сколько там будет угощений! Хоть раз за эту операцию поедим по-человечески. А то у меня от сегодняшней гречки сушняк дикий. На таком корме я долго не продержусь. – Однако, поняв, что рискует, кот испуганно покосился на меня.

На этот раз я сделала вид, что ничего не услышала. Да пусть проваливает, куда хочет. Я к нему кухаркой не нанималась, не буду больше готовить на этих оглоедов, и все. Пусть сами выкручиваются, как хотят. В размышлениях угрюмость сошла на мое лицо, а котик тем временем поспешно сменил тему:

– Меня очень интересует личность этого призрачного кота. Пока не сумел я разобраться в структурной природе данного существа. Кто он, зачем, почему, какова первопричина и какой из этого следует вывод? Тут, знаете ли, вполне могло быть реализовано поверье о том, что вампир может превращаться в кота, тем самым инкриминируя нам, ни в чем не повинным четвероногим гражданам, свои жуткие преступления. В образе кошек они кидаются на людей, кусают их, могут даже, пробравшись ночью к постели ничего не подозревающего и мирно дрыхнувшего человека, перегрызть ему горло. Тут ведь сразу и не разберешься – обычный это был кот, мстящий за недодачу сметаны, или же оборотень, жаждущий крови.

Живо представив себе обрисованные котом картины, я вздрогнула, посмотрела на нашего пушистика уже другими глазами.

– А ты можешь доказать, что ты настоящий кот? – с опаской спросила его я.

Агент 013 только отмахнулся лапой, одарив меня жалостливым взглядом.

– Ну что ж, у нас еще есть время до ужина. Наши хозяева, я так полагаю, еще не вернулись с поля, поэтому, может, осмотрим сегодня и новое кладбище? – сделал предложение Алекс. – Это будет полезная и познавательная экскурсия. В любом случае без результата не останемся. Отсутствие упыриной могилы – тоже результат.

До отдаленного кладбища надо было топать минут двадцать. А мы уже и так с утра

мотаемся по этой жаре, поэтому я заняла:

– Пить хочу!

– Так вон же колодец, иди пей, – удивился Орлов.

– А я устала! Охота вам туда тащиться? Давайте все перенесем на потом, на когда-нибудь, а?

Кот закатил глаза, дескать, началось.

– Нам желательно закончить операцию завтра. Ты же знаешь, что обычно на каждое дело мы тратим не больше двух дней. Ну, при форс-мажорных обстоятельствах три, – терпеливо, стиснув зубы, начал объяснять Мурзик. – Прошли сутки, а мы все еще топчемся на месте – нейтрализовать монстра нужно уже к завтрашнему вечеру. Можно, конечно, задержаться на один день, но это грозит лишением законной премии.

– О, кстати... ты напомнил. Когда у вас на Базе выдача зарплаты? – сузила я глаза. Этот вопрос меня крайне интересовал. Мысль о том, что я бесплатно рискую жизнью, уже не грела.

– Раз в месяц, как и везде. А аванс уже на следующей неделе, – охотно пояснил кот.

– А сколько получает лейтенант?

– Непринципиально, – вмешался Алекс. – Если не будет готова сыворотка, размер оклада потеряет для тебя всякое значения.

– Увы, мой друг прав – ты с нами не навечно. В худшем случае – еще две недели максимум. Я буду скучать и даже хотел бы подарить тебе что-нибудь на память. – Профессор страшно засмутился, а я так же страшно удивилась. – Ну, скажем, колечко с бриллиантом, как ты на это смотришь?

Я на это смотрела выпученными глазами. И это говорит такой крайне бережливый, до скупердяйчатости, котик?! Такой дорогой сувенирчик на память? Нет, тут дело не чисто...

– Извини, не поняла юмора. – Я требовательно вперила в его застенчивые глаза, странно бегающие в ожидании ответа. Если бы не... Черт, я бы решила, что он – влюбился! Командору, судя по всему, совсем не понравились последние слова верного напарника. Он передернул плечами, поправил портупею и не оборачиваясь пошел вперед.

– Это в знак дружбы? – тихо спросила я у кота.

– Не только, – пробормотал мой хвостатый приятель. – Но я, кажется, выбрал не тот момент, – смущенно заметил он, глядя вслед Алексу. Больше он ничего не сказал, мы молча пустились догонять главу отряда.

Но в душе теперь у меня был полный разлад. Неужели этот маленький пушистик испытывает ко мне нечто большее, чем просто неприязнь? Приязни он ко мне никогда не испытывал... Я преисполнилась гордости и одновременно чувства неизъяснимого злорадства по отношению к «впереди идущим». Ну что, видишь, самовлюбленный ты наш, что я пользуюсь среди мужской части населения не меньшей популярностью (пусть это волки, коты и биороботы – но все равно мужчины!), чем ты среди женской? Но все же, хотя Васенька всегда занимал в моем сердце особое место и я не могу его приравнять к остальным моим поклонникам, лучше бы в меня влюбился Алекс. Хотя логика подсказывала, что нельзя разбрасываться такими предложениями, но жить с котом – это что-то сомнительное... Я имею в виду жить в том самом смысле. От меня же все друзья сразу отвернутся, преисполненные отвращения, да и родители не одобряют, наверное. С другой стороны, он ведь умный, добрый, самоотверженный. Сколько раз он вступался за меня при первой опасности, рискуя собственной жизнью.

Я очнулась от своих мыслей, увидев, что на кладбище как-то необычнолюдно сегодня. Сюда стеклось, наверное, не меньше половины деревни... Можно подумать, что мы попали на народное гулянье. Нет, судя по внешним признакам, скорее, все-таки похороны. Мужики стояли, обнажив головы, а женщины в темных платках не переставая голосили что-то вроде: «Да на кого ж вы нас оставили-и-и?!» Эти вопли, как ни странно, заканчивались хихиканьем. Да и лица хоронивших не отличались унылостью выражений. Парни помоложе улыбались и отпускали разные шуточки. Поначалу меня возмутило подобное кощунство, а когда мы

подошли ближе, я удивленно округлила глаза. Могилы как таковой не было, да и гроба тоже. Только маленькая ямка, куда при нас торжественно высыпали с маленькой досочки целую кучу дохлых мух и тараканов. Рядом весело приплясывал Лукашка. Кто-то бросил первый ком земли, постаравшись сделать максимально печальное лицо, после чего за полминуты «могила» была засыпана остальными участниками этой странной мистерии. Все стали расходиться, видимо торопясь на поминки, а вынырнувший из толпы Антон подскочил к нам. Шустрый какой, мы оставили его в деревне всего минут десять назад, а парень уже оказался в гуще событий.

– Ну как вам наш Семен-летопродавец? Верно, что веселый праздник?! – с горящими глазами выпалил он.

Меня терзало сильное любопытство, сразу захотелось узнать все об обычае хоронить тараканов, я ведь не слышала о таком ни разу. Поспешно ткнула в бок Алекса, довольно чувствительно, судя по тому, как он согнулся, зато, похоже, намек понял и спросил:

– Точно, очень интересное представление... А утоли-ка ты безграничную любознательность моей таджикской супруги (при этом я улыбнулась как можно милей) и расскажи нам поподробнее об этом деле.

– Дык она же вроде по-русски не понимает...

– Я ей потом художественно переведу.

– На Руси издавна в день Семена-летопродавца хоронили мух и тараканов, чтобы они ушли из дома, – объясняю для невежд, – не выдержал кот. Но, встретившись взглядом с побледневшим Антоном, он тяжело вздохнул и добавил, делая невинные глаза: – То есть я хотел сказать – мяу-мяу!

– Ты ничего такого сейчас не слышал? – взмолился парень, показывая глазами на спокойно умывающегося кота.

– Я сказал, что на Руси издавна в день Семена-летопродавца... – с нажимом повторил командор.

– А-а, понятно, так это ты сказал... Ну, вы ж и сами, оказывается, знаете все. Да оно так и должно быть, раз вы русские люди, – при этом он запнулся, взглянув на меня. – Пора пришла, вот и забавляемся. Уж мне и спешить надобно, встретимся завтра на свадьбе. Я имею в виду, вы ведь не передумали? Ну и ладненько.

И паренек побежал за своими, только рыжие вихры по ветру развевались.

– По-моему, этот человек сильно выбивается манерой речи из среды своих односельчан, – задумчиво отметил Алекс.

– А по-моему, у него очень красивые волосы, – в том же тоне откликнулась я.

«Казак лихой», как всегда, смерил меня взглядом и, ничего не говоря, двинулся вперед по дорожке между могильными крестами.

– Тут чисто, тут тоже, а вот тут... – бормотал он, но вдруг осекся и остановился возле очередной могилы. Я напряженно всматривалась в неприметный холмик: неужели вампир здесь? – А тут... надо бы прибраться – скорлупой яичной насорили.

Я с трудом перевела дыхание. Это он снова надо мной издевается, гад! Я тут же обернулась к коту и с самым участливым выражением на лице спросила:

– Милый мой, хочешь, я напеку блинов специально для тебя? Как только вернемся домой, возьму у хозяйки муки, яиц, сметаны, и всего делов-то...

Мурзик просто не верил своему счастью. Он поглядел на меня такими лучистыми глазами, что мне стало стыдно, но, увидев, как Алекс покосился на нас, я не могла уже остановиться и, нагнувшись, нежно погладила котика по спине. Васька, похоже, был на седьмом небе, потому что замурлыкал мгновенно.

Вот оно значит как... А ведь еще совсем недавно ты шпынял и поучал меня, мерзкий котишка! Нет, я не буду торопиться с ответом на твои неожиданно прорвавшиеся чувства, очень даже возможно, что в тебе дремлет ревнивый и деспотичный муж.

– Значит, это правда? – совсем растаяв, промурлыкал профессор, прервав мои мысли.

– Что «правда»? – тут же резко выпрямилась я.

– Что ты уже наполовину монстр, – как ни в чем не бывало пояснил этот серо-белый нахал.

– Объяснись сейчас же, что ты этим хотел сказать? – встревоженно потребовала я.

– У тебя зрачки стали вертикальные, – ничуть не смутившись, ответил агент 013. – Но мне так даже больше нравится... Ты становишься настоящей кошкой!

Я в ужасе обернулась к командору, в надежде, что он опровергнет слова кота, но не тут-то было. Его жалостливый взгляд был красноречивей всяких слов. Я пожалела, что у меня с собой нет зеркальца, осталось в вещмешке. Позже, вечером, я все-таки поглядела в него и тут же принялась хлюпать носом. Как же мне было жалко себя, ведь это оказалось правдой... У меня зрачки стали как у пантеры. Хоть в паранджу заново лезь, темные очки здесь не достанешь. А сейчас кот попытался меня успокоить:

– Ничего, ничего, не надо так огорчаться. Тут есть и свои положительные стороны – теперь ты наверняка можешь отлично видеть в темноте.

– Это слабо утешает, – огрызнулась я, оседая на случайно подвернувшийся пенек.

– Но я же всю жизнь с такими глазами живу, и ничего! – продолжал неуклюже успокаивать меня толстун.

– Но я не кошка и никогда не хотела ею быть! – сорвалась я. Тут уж пришло время обижаться агенту 013, он стал ворчливо объяснять, что кошки животные древние, благородные, и в этом смысле они во много раз превосходят некоторых зарвавшихся представителей человеческого рода.

Тут несколько слов произнес и Алекс:

– Я понимаю тебя, Алина, но что поделаешь? Ты все знала сама... Для вакцины нам нужно обработать минимум двух монстров. Но ведь ты видишь, мы не отдыхаем, мы стараемся. Может быть, еще неделя, и лекарство будет готово. Лаборанты пашут без выходных, шеф лично контролирует их опыты. Обещаю, мы обязательно тебя вылечим.

Говоря это, он коснулся рукой моей щеки, и у меня сразу же ручьем потекли слезы. На мгновение мне показалось, что я смотрю очередную голливудскую мелодраму. Мои напарники выглядели настолько нереально и трогательно, что сработал условный рефлекс – я заплакала. Алекс вытирал мои слезы, а я боялась шелохнуться, чувствуя на себе нежный взгляд этих любимых серых глаз. Не помню, испытывала ли я когда-нибудь еще что-либо подобное... Вряд ли. Из транса меня вывел голос профессора.

– Эй, тут свежевскопанная земля, а крест старый и трухлявый. Если это не значит – «вурдалак», то я не агент 013, – крикнул он нам через плечо, даже не оборачиваясь, потому что уже приступил к интенсивным раскопкам.

Кстати сказать, к кресту была прислонена лопата, которой тут же воспользовался командор, применив ее по назначению. Нормальная такая лопата, даже не ржавая. Вряд ли ее потеряли, такой хороший садовый инвентарь никто бы не стал терять, ее намеренно тут оставили. А кто ее мог оставить на кладбище? Сторожей тут близко не было, значит, это наверняка вампир, чтобы рукишний раз не пачкать и не надрываться особо. Попробуй-ка два раза в день прокапывать голыми руками полтора метра в глубину пусть даже такую влажно-рыхлую землю. Кто-то раньше, кто-то позже, в зависимости от уровня сообразительности, но любой упырь неизменно придет к выводу, что пора бы потратить пару монет и обзавестись лопатой, пусть даже самой заваливающей.

В общем, ребята, работая на пару, быстренько докопались до гроба. Я, само собой, стояла на стреме, не дай бог, появятся где-нибудь абсолютно ненужные нам свидетели. Алекс с помощью лопаты откинул крышку. Но... гроб оказался пуст.

– Черт-те что! Сейчас же солнце, по идее он должен лежать здесь, – разозлился командор.

– Да, если не относится к дневному виду, – возразил кот. Они вдвоем так же дружно засыпали и заровняли яму, постаравшись придать могиле прежний вид.

– Отлично, зато мы теперь знаем, в какое время суток его не бывает дома, – вставила свое слово и я.

– Значит, вурдалак у нас не из слабых – разгуливает даже днем. Такому достаточно отдохнуть в могиле хотя бы один день или ночь, и неделю он будет выглядеть как вполне нормальный человек. Значит, его можно поймать только на месте преступления, что крайне сложно сделать – в деревне больше полусотни жителей. Относительно мало для сельского населения, но достаточно много, когда надо вычислить среди них двух вампиров, – вслух размышлял профессор, привалившись спиной к покосившемуся кресту.

– А почему именно двух? С чего ты это взял? – скептически фыркнула я, сложив на груди руки. Не то чтобы меня это сильно интересовало, на самом деле сейчас я уже не чувствовала вкуса к поискам этого колдуна-вурдалака. На душе была страшная тоска, и в голове только одна мысль: когда наконец все это закончится?! Хочу домой, не на Базу, а именно домой! Конечно, Алекс заботится обо мне как настоящий рыцарь, и только, но опека – это одно, она не имеет никакого отношения к чувствам. Ничего подобного тому, что я испытываю к нему, у него нет... – У тебя неплохие дедуктивные способности, раз ты на пустом месте смог подсчитать, сколько здесь работает упырей, – повторно съязвила я, поскольку первый мой вопрос кот оставил без внимания. Он и сейчас меня не расслышал, по уши углубленный в собственные мысли.

Мы осмотрели и остальные могилы. Поскольку это было новое кладбище, захоронений здесь было поменьше, чем на старом. Вообще в этой деревне люди не столько жили, сколько умирали, но это так, к слову. Найдя еще одну подозрительно пустую могилу, я вынужденно признала правоту Пусика, и мы отправились домой. Был уже вечер, по возвращении нас ждал ужин. Щи со сметаной на первое, печеная картошка на второе, липовый чай с калачом на десерт. Просто объедение для тех, кто только завтракал (я ведь гречку свою в обед не стала есть, а отдала собакам).

Семен был какой-то хмурый, хотя как всегда предельно услужливый. Сообщил, что собирается завтра на свадьбу, но боится, как бы колдун опять чего не устроил. Алекс поинтересовался, не знает ли он, как поживают молодожены, возмнившие себя младенцами. В ответ Семенова жена сообщила, что они развиваются помаленьку, она у них только вчера была, так они уже ползать начали. После ужина наш хозяин принялся сосредоточенно чистить грязь под ногтями. Мы с котом резались в дурачка, засаленная колода карт имелась в вещмешке. Естественно, я делала вид, что играю сама с собой, а кот делал вид, что просто дремлет рядом со мной на полатах.

Потом агенту 013 надоело проигрывать раз за разом. Конечно, он, дурачок, забыл, что это не его любимые шахматы. Беда в том, что честный кот не умел мухлевать, а для меня, наоборот, в картах открывались необозримые просторы для этого дела. При каждом проигрыше у бедного Мурзика топорщились усы, глаза наливались гневом, он недовольно ворчал и совершенно по-детски расстраивался, что вызывало у меня смех. В конце концов, котик не выдержал и отказался играть дальше, с крайней обидой и глубоким пафосом он выпалил:

– Вот значит как, Алиночка, теперь я вижу, что ты только смеешься надо мной! Я чудовищно ошибался, когда думал, что нравлюсь тебе, – и, спрыгнув на пол, присоединился к Алексу, который разбирал наши вещи. Хозяин куда-то пропал, но вскоре вернулся, неся с собой лопату... ту самую лопату, которой Алекс сегодня копал могилу вампира, я узнала ее по отметинам. Командор, кот и я в шоке уставились на Семена, который, не заметив в наших глазах ничего, кроме любопытства, пояснил:

– Видать, кто-то нонче копал моей лопатой. Щас только заметил, вона затупили как. Поточить бы надо.

Усевшись на скамью и взяв в руки точило, он принялся за дело. Меня страшно подмывало спросить, что его лопата делала на кладбище. Еще я хотела крикнуть: «Ага, попался, проклятый упырь!», но опять же пришлось сдержаться. Мысли разные пришли потому что... Если логично предположить, что Семен – вампир, то почему он не покушался на меня? Ведь, как известно, они в первую очередь пьют кровь невинных девушек. Это даже как-то обидно, что меня так игнорировали... А еще, по поверью, сначала губят всю свою

семью, а уж потом принимаются за остальных. Скорей уж в той, полностью умершей, Ивановой семье должен был быть упырь. Я ничего не понимала, но, наученная горьким опытом, уже не спешила делать скоропалительные выводы и предпринимать необдуманные действия. Ребята наверняка тоже все видели...

Впрочем, время близилось к полуночи, и я как и все завалилась спать. Обычно ночью, когда я спускалась с полатей – воды попить или по другим причинам, я наступала на Алекса, а потом на кота. Сами виноваты! А куда мне еще ноги ставить, спускаясь с полатей, как не на печку? Но этой ночью я не нащупала ногой кота и страшно удивилась. Ища его, я раз пять наступила на командора, который, в конце концов, жалобно попросил меня сваливать поскорей, а кота как не бывало.

Это меня встревожило. Я добросовестно подождала минуты две, думая, что он вышел на двор, но котик так и не вернулся. В избе ночью полная темень, так что не определишь, кто где спит и кого не хватает. Может, Мурзик от жары под лавку забился или даже спустился в подпол? Посомневавшись еще минуты три, я раззевалась и со спокойной душой заснула. Меня разбудил едва слышный шум, было еще довольно темненько, но за окном пробивался рассвет. Хотя для деревенских жителей это не считалось ранним подъемом, судя по всему, семья уже отправилась на полевые работы, а последним при мне выходил Семен. Я сразу обратила внимание на его невыспавшуюся физиономию. Наверно, вчера у него была такая же рожа, но ведь тогда мы еще ничего не знали... Глаза красные, лицо бледное, ногти длинные – небось всю ночь охотился, вампир толстовский!

Напороге он бросил на нас пристальный взгляд, я притворилась, что сплю. Котик мирно дрых в ногах у Алекса. Едва Семен вышел за порог, как я прыгнула к ним на печь и принялась тормошить Алекса за плечо, яростно шепча ему в ухо:

– Эй, хватит дрыхнуть, соня! Вставай давай! Пора что-то решать с нашим упырем. Самое время – ведь сейчас он гораздо слабее, чем ночью.

Вчера вечером, когда раскрылась страшная упыриная тайна, я слишком хотела спать, но мои напарники знали свое дело. Наверняка они по очереди выслеживали упыря на протяжении всей ночи и вот сейчас пытаются отоспаться. Я-то улеглась спокойно, зная, что ко мне на полати можно добраться только через печь, на которой находятся мои соратники, поэтому никакой упырь мне не был страшен. Но раз Семен еще жив, значит, точно сегодня утром кто-то встал больным от недостатка крови.

А эти двое дрыхнут без задних ног! Похоже, им абсолютно наплевать на всех, кроме себя. Командор только огрызнулся в ответ: «Дай поспать!», а кот и ухом не повел, когда я душила его, щипала и дергала за хвост. В общем, выказал полнейшее пренебрежение к моим попыткам достучаться до его совести, оставив меня маяться в одиночестве. Я плюнула на этих засонь, схватила кусок оставленного для нас хлеба, намазала сверху творогом и, запив молоком, выскочила во двор. Делать было нечего, пришлось гонять кур, в большом количестве бегающих по двору. Занятия получше, чтобы убить время, попросту не нашлось.

Предрассветный холодок бодрил и заставлял двигаться, в четыре утра уже достаточно светло, хотя до настоящего рассвета еще не менее часа. На какое-то время я даже увлеклась и, возможно, поэтому, не сразу заметила незнакомца. Напротив крыльца под деревом на чурбачке посиживал себе какой-то невысокий толстяк несуразной внешности. Я остановилась, поправила съехавшую тюбетейку и невежливо кивнула: мол, чего надо? Радостно заулыбавшись, он вскочил на ноги с неожиданной для его полноты прытью и направился ко мне, выписывая ногами странные кренделя. Нет, вообще-то кренделя как кренделя – просто для походки это выглядело странно.

– Хозяев нет дома, – грубоватым тоном заявила я, как всегда позабыв о том, что на время данной операции я не говорю по-русски, и смерила незнакомца как можно более угрюмым взглядом.

– 3-з-здравствуйте, м-м-милая девица, – поприветствовал меня этот жирный тип, не убирая с лица широкой улыбки. После чего изобразил страшно манерный поклон, сверкнув в воздухе блестящей лысиной. Одеждой он сильно напоминал щедринского одичавшего

помещика. Белая рубашка с воланами на груди была мятая, донельзя засаленная и почему-то казалась приросшей к телу. Может, он ее не снимал полгода? Рубашка была заправлена в темные штаны, на коротеньких толстых ногах разболтанные кавалерийские ботфорты. Весь его вид был настолько нелеп, что мое плохое настроение как рукой сняло, я с трудом удерживалась, чтобы не прыснуть со смеху.

– Что вам угодно? Чаю и кофе с какавой предложить не могу, поскольку эти атрибуты роскоши здесь не водятся. Крестьянский быт, знаете ли, – как можно более серьезным тоном выдала я. Черт его знает, что это за тип приперся... Вроде не опасный, но лучше сохранять дистанцию, может, свалит побыстрее.

– Н-н-ничего, к-к-к... – От натуги его добродушная физиономия налилась краской.

– Красавица? – облизнулась я, пытаюсь помочь незнакомцу.

– Нет, к-к-к...

– Крошка?! – уже с холодком поинтересовалась я.

– Нет, к-к-к...

– Киска?! – праведно возмутилась я от такой фамильярности.

– Нет, к-к-картошку и огурцы, если м-можно, – наконец-то с облегчением выдохнул он, и улыбка снова вернулась на его сияющее лицо.

Я была шокирована такой наглостью:

– Здесь вам не благотворительный фонд. И мы не раздаем бесплатные обеды. Разве что только сиротам или нищим, и то с разрешения начальства, а оно спит. Но вы что-то не похожи на представителя голодающего Поволжья.

– Ну, нет так нет, – слегка обиженно произнес незнакомец, но тут же заулыбался снова: – И то, что хозяев нет, т-т-тоже не беда. Вообще-то я хотел пообщаться им-менно с вами, д-д-дорогая Алия. Потому п-п-пришлось немножко схитрить и наслать на ваших д-д-дражайших товарищей к-к-крепкий сон, иначе говоря, н-н-ненадолго усыпить, – ничуть не смутившись, признался он.

– Что?! – грозно и слегка шокированно воскликнула я.

– Н-н-ничего страшного, будут спать еще ровно тридцать пять минут и сорок секунд. Я очень п-п-педантичен в таких вопросах. П-п-привычка, выработанная годами, – добродушно улыбаясь, поклонился толстяк. – Не присядете ли н-на это время?

Все еще находясь в отупелом состоянии, я опустилась на крыльцо, коротышка тут же уселся рядом и, не теряя времени, приступил к рассказу:

– Я, разрешите д-д-доложить, здешний помещик. Б-бывший, конечно... В креп-постное время окрестный люд сплошь принадлежал м-м-мне. Ж-ж-жители этой и еще пяти близлежащих деревень были м-моими к-к-крестьянами. Т-т-теперь они по-прежнему п-п-пашут на моей земле и п-п-платят мне оброк. Правда, п-п-последние годы уже не д-д-деньгами и не житом, а своей к-к-кровушкой!!! – При последнем слове глаза его засверкали, и этот розовощекий маньяк схватил меня за шею и мгновенно оскалил длинные вампирские клыки.

– А-а, А-алекс!!! – по своей привычке заголосила я, выгибаясь в руках самого настоящего упыря. «Спаситель человечества» конечно же и не думал просыпаться. Вурдалак уже практически притянул мое горло к себе и примеривался укусить, но я, в последний момент собрав всю волю в кулак, резко вывернулась и вцепилась зубами в его руку.

– Ай! Б-больно же! – завопил этот жирный извращенец, мгновенно выпустил меня и, урча, принялся зализывать рану. Так гадко было на это смотреть, аж чуть не вырвало...

– В-в-в самом деле, виноват! Простите, н-не сдержался, – немного оправившись, покаянным тоном пробормотал жирный помещик-упырь. – Я не собирался т-т-так сразу...

– Ага, значит, все-таки собирался, скотина!

Я плюнула ему в лицо и бросилась к воротам – они высокие, но ничего, можно и через забор... Но добежать до этого самого забора не успела, потому как толстяк оказался очень прыток, мгновенно догнав, он ухватил меня за талию и поволок обратно к крыльцу.

– Я не б-б-буду вас трогать, г-г-глупышка, – увещевал он меня, но как-то

неубедительно.

– Еще бы, так я тебе и поверила, мерзкий ты упырь!

Но мое положение не менялось оттого, что дух мой не был сломлен. Толстяк с силой посадил меня на крыльцо и повернул мою голову к себе. И... едва я встретила с прямым взглядом его кроличьих глаз, как мгновенно почувствовала, что ноги становятся ватными. Этот тип внаглую гипнотизировал меня. За десять секунд я потеряла всякую способность двигаться.

– Выслушайте м-м-меня, прошу, – вполне серьезным тоном начал этот поганый кровосос, – я и н-н-не собирался вас кусать. П-п-просто наваждение временное было, оголодал я – д-д-два дня не ел и не пил, все в делах, в суете. Н-н-не удивляйтесь, обычную еду я т-тоже употребляю. Еще в жизни к ней был с-с-страшно привязан, разве н-не заметно по моей фигуре? Поэтому н-н-не могу т-т-так сразу от нее от-т-тказаться. Не п-против перейти на «ты»? Б-благодарю. Так вот, а т-ты знаешь, почему я тебя не ук-к-кусил? – поинтересовался он с любопытством в глазах, наклонив голову набок.

Я хотела крикнуть: «Нет, не знаю, ходячий бурдюк с тухлой кровью!» и еще добавить пару крепких словечек, но у меня даже язык онемел.

– М-молчишь?! Странно, я бы на твоём м-м-месте имел свое личное м-м-мнение на этот счет. Ведь кто тебя знает лучше, к-как не ты сама? В общем, я п-пришел к тебе, чтобы пригласить н-на бал. С-с-сегодня у н-н-нас б-б-большой Бал Вампиров. Х-х-хочешь спросить, почему именно теб-бя? Вот ради этого я и з-з-здесь, чтобы объявить, что ты официально зач-числена в н-наши ряды. – Но, встретив мой более чем непонимающий взгляд, он уже слегка раздраженно добавил: – Т-т-ты одна из нас! – И, торжественно выпрямившись, произнес: – Т-теперь уже официально т-ты пополнила р-р-ряды Темных Сил. В-в-вот приказ об этом за п-подписью самого Вия!

Последние слова он произнес с особой значимостью в голосе, потрясая желтым листком бумаги и наверняка удивляясь, отчего это у меня глаза не засверкали от радости после такого греющего душу сообщения. Он пожал плечами, но тут в его глазах мелькнула догадка. Щелчок пальцев, и в то же мгновение у меня развязался язык. Ага, руки тоже двигаются...

– А ну дай сюда эту собачью грамотку! – Я вырвала у опешившего от таких слов упыря листок бумаги, или этот его так называемый приказ, и пробежала глазами:

«...Сим удостоверяю, что Алия, она же Алина Сафина, отныне душой и телом принадлежит нашему Великому, Могучему, Непобедимому властителю Ада! Воплощению Нерушимого и Всепоглощающего Зла...»

Ну и так далее и тому подобное. Сначала я почему-то подумала на агента 013 – он любит громкие титулы. Но нет, он все-таки добрый кот, несмотря на некоторые свои заморочки. Да у кого их нет?

«...сим документом автоматически становится членом профсоюза „Монстры и Оборотни“, получает страховой медицинский полис для бесплатного лечения у знахарей и колдунов, практикующих черную магию, и имеет право на ежегодный двухнедельный отдых в аду. Полис предусматривает одно бесплатное переливание крови в год».

– А почему не законный месячный отпуск?! Нет, я так не согласна – это прямая дискриминация! – возмутилась я. – Где еще положенные две недели?!

Упырь-помещик затрясся, услышав такие слова:

– Что ты, что т-ты! Д-д-думай, что говоришь! М-месяц в аду отдыхает тольк-ко наш преп-подобный г-господин Вий!

– Ничего не знаю! Забирай свою бумажку и проваливай. Я не настолько низко пала, чтобы соглашаться на такие свинские условия, – прокричала я, но тут же поняла, что это уже, пожалуй, перебор. Краснощекий заика смотрел на меня невероятно злыми глазами:

– Все р-равно т-ты никуда не ден-нешься, т-ты уже стала одной из н-нас, Алина Ук-к-кушенная Лощеной Спиной!

Так вот как звали этого уроды-монстра, оцарапавшего меня в начале повествования.

Благодаря ему я и сижу сейчас рядышком с поганим вампиром, бросив учебу, родителей, дом, родину!

Тут неожиданно скрипнули ворота, и во двор заглянул Семен, но сейчас он выглядел совсем по-другому. Это был уже не обычный деревенский мужик, а ни от кого не скрывающийся вампир с длинными когтями и звериными глазами. Он зловеще ухмыльнулся и, посмотрев на жирного помещика преданными глазами, поинтересовался:

– Все в порядке, хозяин? Если что, я здесь.

– Да-да, злейший мой друг, Гнилой К-клык, вскоре ты см-можешь присоединиться к своей с-семье в поле. У б-бедняги еще не уб-брано сено, – повернувшись ко мне, пояснил упырь.

А Семен, или теперь уже Гнилой Клык, мгновенно исчез, закрыв за собой калитку.

Толстый кровосос, похоже, обрел былое спокойствие и с улыбкой обратился ко мне:

– Знаешь, т-ты нам сегодня п-просто н-необходима! М-м-мы остались без королевы б-бала. Об-бычно ею у нас б-б-была одна престарелая в-в-ведьма, н-н-но недавно эта д-д-дуреха сломала ногу на шаб-баше во время тан-н-ца. Т-такое н-несчастье!

– Подумаешь, великое горе, пусть управляет балом, сидя в инвалидной коляске, – пожала плечами я. – Мне-то что до этого?

– Но я за-за-забыл сказать, чт-то вчера она ск-к-ончалась, – грустно пояснил упырь.

– Из-за сломанной ноги?! – Я округлила глаза. – Ни фиги себе травматизм...

– Н-нет, от глубокой с-старости, и т-то она прожила на д-д-двести лет д-дольше, чем в-в-все предполагали. Да и ч-черт с ней! Что эт-то мы о н-ней столько говорим? В об-бщем, т-ты как, согласна б-быть королевой?

– М-м-м, – честно задумалась я. Королева всей адской нечисти, ваше величество Алина Сафина! Звучит неплохо... Обнаженная на парадной лестнице принимаю гостей, выходящих из камина, скелеты и разлагающиеся мертвецы целуют мне коленку. Ну чем не Маргарита? Тьфу!!! Гадость какая! Буду стоять на сквозняке, голая, как дура, а всякая зараза паяться будет... Не очень-то приятная перспектива, еще ведь и съесть могут. Но согласиться придется взамен на Мурзикову и Алексову неприкосновенность. Это и называется – «предложение, от которого НЕЛЬЗЯ отказаться».

– Допустим, я соглашусь, – уклончиво предположила я, – но что станет с моими товарищами?

– М-м-можешь съесть их сам-ма! – снисходительно бросил упырь и гаденько захихикал. – Они д-думали, ч-что могут справиться с н-нами, да не тут-то б-было! Наш конгломерат н-н-нерушим! Они д-даже не знают, против ЧЕГО в-выступили!

Тут на ворота села летучая мышь. Я вздрогнула: они же не могут летать средь бела дня!

– Не дня, а рассвета, – возразил моим мыслям улыбчивый жиртрест.

– А ты что подслушиваешь?! – рассердилась я.

– Просто на рассвете мы имеем большую активность, а объединившись, можем даже приостановить наступление дня, – ничуть не обидевшись, горделиво пояснил помещик-вампир.

Я внутренне озлобилась, поняв, что похвальба о том, что наша команда против их шайки ничего не может сделать, похоже, имеет под собой серьезные основания.

Летучая мышь вспорхнула с забора и приземлилась посреди двора, где ее тут же клюнул петух. Да и было за что – обнаглевший нетопырь бесстыже опустился на пробежавшую мимо курицу. Естественно, петух сразу же заподозрил ее в сексуальных домогательствах и был предельно решителен. Мышь брякнулась наземь и по всем признакам валялась без чувств, поскольку даже крылышками не дрыгала. Наблюдавший эту картину вместе со мной поганим кровосос вдруг страшно заволновался (в отличие от меня – я-то искренне веселилась) и бросился вприпрыжку, истошно вопя:

– Папа, папа, п-п-папа!!! М-милый папа, тебе б-больно? Вставай! Уж я п-покажу сейчас этой г-гадкой птице!

Этот нетопырь его родственник?! Кто бы подумал... Сердобольный сыночек! Надо же,

как переживает за папочку!

Упырь попытался поймать петуха, но не тут-то было. Глашатай утра обругал его, как хотел, и взлетел на ворота. Тогда он вернулся к летучей мыши, графично валявшейся в пыли, и я только умилялась, глядя, как пухлый вампир, держа ее за шею, основательно бултыхает в воздухе бесчувственным родителем.

– П-п-папа, папочка, очн-н-ись!

Мелодраматическая сцена безбожно затягивалась. Жалко, тухлых помидоров нет под рукой – спектакль мне надоел. Но в этот момент мышь превратилась в дряхлого, худощавого старика в пыльном камзолчике. С трудом вырвавшись из рук сына, оттолкнув его в сторону, он целенаправленно двинулся ко мне, страшно хромя и тряся головой. В руке у него была деревянная палочка, показавшаяся мне осиновым колом. Странно, я думала, вампиры боятся осины... Проследив за моим недоуменным взглядом, старичок ухмыльнулся и пояснил:

– Этим колом убили моего старого друга, а я оставил его себе на память. Как посох, надо сказать, совсем неплохо. Кхе-кхе-кхе.

– Здорово, дедуля! – слегка скиснув, поздоровалась я. Чего еще новенького ждать? И этот сейчас будет набиваться в родичи и тянуть за собой – по глазам вижу. Ох, тяжелое сегодня выдалось утро!

– Пойдем с нами, внученька, – без лишних предисловий начал дед. – Мы с сыночком тебе сразу все и покажем. Бал-то на носу, поспешать надобно, – прокряхтел он, ни разу даже не оглянувшись на родного жиртреста. Я было хотела спросить, не ронял ли он сынка в детстве, уж больно явное отклонение на голову. Но, повнимательнее глянув на отца, я решила, что это все-таки наследственное.

Не успела домыслить эту тему, как старичок без предупреждения выбросил вперед руку и вцепился мне в плечо с неожиданной для его возраста силой.

– Пора, внученька, солнце взошло, – в последний раз прокряхтел он, рассыпаясь на моих глазах туманом в золотистых лучах солнца.

– Урюп сразу з-за тобой, п-папочка! – крикнул толстяк-упырь, поступая по примеру отца, то есть тоже превращаясь в туман. Так вот кого Лукашка называл Урюпом и чьего гнева так боялся. Я тоже начала подниматься в воздух, как бы дико это ни звучало. В том смысле, что лично я никаких попыток для левитирования не делала, но...

– Алина, ты куда? А ну вернись, я кому сказал? – донесся голос командора.

Но я не могла произнести ни слова. Взлетая ввысь над домом и курятником, я увидела кота, прыгнувшего в воздух в отчаянной попытке поймать меня. Туман, густой и обволакивающий, не дающий глотнуть воздуха, клубился вокруг. Похоже, на нем меня и уносили.

Непередаваемые ощущения – ничего не скажу. Это, наверное, как полет на облаке, только сырости больше. Наверняка работа жирного Урюпа с папашей. И дался им этот бал! Неужели он так важен? Немного погодя я тихо уснула (видимо, от недостатка кислорода), а очнувшись и протерев глаза, оказалась сидящей вечером на скамейке в тенистом саду, который вполне можно было назвать запущенным. Передо мной в полусогнутом положении стоял бывший помещик, и, судя по улыбке, мерзкий упырь был в своем обычном умильно-радостном расположении духа.

– Как сп-палось, кр-расавица? – с крайним участием спросил он. – Уже д-девять вечера, душенька, т-только это д-д-дало мне право по-потревожить твой с-сон. Пора б-б-браться за свои неп-посредственные об-бязанности, в-ваше величество.

– У королев не бывает обязанностей, – огрызнулась я в ответ, потягиваясь со сна. Девять часов, неужели я так долго спала? – Что это за местечко, красавчик? – Последние слова я произнесла с сарказмом, употребив обращение в его же духе и заодно давая пинка сидящей у моих ног вороне. Птица возмущенно закаркала и захромала по дорожке – возможно, ворона была инвалидкой и не могла летать. Но меня это сейчас ничуть не трогало, я огладила на себе облегающее черное платье. Значит, переодели, пока спала. Надеюсь, больше ничего не сделали...

Урюп поглядел вслед птице и заметил, склонившись к моему уху:

– Н-не надо б-было его трогать. Это старый Игн-нат, весьма м-м-могущественный черн-нокнижник, теп-перь наверняка п-постарается нашк-кодить тебе в самое б-ближайшее время, хи-хи-хи...

– А нечего было под ногами путаться! – отрезала я. – Погоди-ка, этот Игнат, случайно, не из той семьи, что недавно вся повымерла? Кажется, у него был еще сын Иван с женой Марьей и дети какие-то... – Платье на мне сменилось на изумрудно-зеленое. Хм, это уже интересно, фасоны тоже будут меняться?

– Истинно, в-в-ваше в-величество, он-ни и есть, – подтвердил толстяк, вновь гаденько захихикав. – Б-бедные люди и не подозревали, хи-хи-хи, чт-то у них за д-дедуля, а Игнат в-всех з-за собой потянул. Как пом-мер, он п-поместил свою душу в воронье т-тело и ходит, вполн-не дов-вольный новой жизнью. Хот-тя не вполн-не. Одного н-никак н-не может забыть.

– Скорбит по умершим родственникам?

– Н-нет, он как их всех п-потравил, т-т-так и позабыл сразу, хи-хи-хи... Но п-просчет один все же д-допустил в своей жизн-ни – попалась ему не-не-нелетающая ворона. М-может, в детстве к-к-крылья повредила, с тех пор т-т-так и х-ходит. Это б-была единственная н-нелетающая ворона в н-наших краях, и надо же, старикашка п-попал именно н-н-на нее! Хи-хи-хи... Теперь он н-намерен см-менить об-блик, хочет п-побыть ск-келетом!

– Очень смешно, разделяю. А что это за садик и к чьему ведомству он относится? – поинтересовалась я с истинно царственным величием в голосе. Теперь на мне было шелковое платье вишневого цвета с глубоким декольте. И откуда только они брались?

– Вы п-потрясающе выг-г-глядите, королева, – поклонился этот подхалим, елеяно улыбаясь. – А с-сад в моем п-поместье. На этот раз я в-выиграл п-почетное право проведения Бала В-вампиров, п-потому он п-пройдет здесь. В России л-лучшей п-поляны не сыскать, – горделиво добавил он, указывая рукой вперед.

И действительно, когда мы вышли из парка на открытое прямоугольное пространство, короче, большую поляну с растущими на ней колокольчиками и ромашками, я признала его правоту. По краям поляны какие-то мерзкие с виду существа уже расставляли деревянные, крашенные в белый цвет столы и стулья. Эти твари, видимо слуги, были маленькие, с синей кожей и красными глазами, передвигались они исключительно враскорячку, при ходьбе выкидывая далеко вперед широкие, как ласты, ступни с длиннющими желтыми когтями.

– Вот умора! – прыснула я со смеху, понаблюдав за ними с полминуты. Страшно мне не было, я на Базе и не таких насмотрелась, один Синелиций чего стоит... Эти же самые отвратительные (но одновременно умиротворяющие) монстрики развешивали по деревьям цветные фонарики со вставленными внутрь свечами из человеческого сала. Я так предполагаю, ну не церковный же воск им использовать?!

– Значит, этот бал проходит в разных местах. А где прошлый, к примеру, был?

– В Рум-мынии, на родине н-наших п-предков. Там ок-казалось столько м-местных вампиров, что нас, п-п-приезжих, даже разм-мещать негде б-было. Т-так и сп-пали в лесу в-повалку. Ох и з-здорово же все мы т-т-тогда п-повеселились!

От радостных воспоминаний мой гид еще больше развеселился, начал приплясывать и похлопывать в маленькие толстые ладошки. Потом вспомнил о том, что надо где-то сажать музыкантов, и вприпрыжку побежал улаживать это дело. А я с удовлетворением обнаружила, что на мне уже не вишневое, а сверкающее серебристое платье с открытой спиной. Оно все время меняло оттенки и производило впечатление струящегося потока воды, который у ног вдруг обрывался.

Но меня оставили в покое ненадолго. Не успел Урюп скрыться из глаз, как на полянке появился его батюшка. Вернее, сначала возникли два упыря с лакейскими лицами, одетые в красные ливреи, они бежали бегом в моем направлении, таща маленькие носилки. Добежав, они так резко остановились, что лежавшее в носилках существо подпрыгнуло на полметра вверх и вполне благополучно хлопнулось обратно. Это и оказался старикашка-вампир,

Урюпин папаня. На носилках он выглядел еще более усохшим и древним.

– Как самочувствие, бабушка? – вежливо поинтересовалась я. Похоже, мой вопрос прозвучал бестактно – ведь и так было видно, что старичок близок к тому, чтобы отдать душу дьяволу.

– Отлично, внученька! Вот только отлежусь чуток и к полуночи буду на ногах. Дел невпроворот, отдыхать некогда, – неожиданно бодрым голосом отозвался дедуля. – Просто сегодня перенапрягся, когда мы с сыночком тебя на своих хребтах несли по воздуху, спина болит, кхе-кхе, – закричал он. – Больно ты тяжела для своего роста, внучка...

– Вэк... Всего-то сорок шесть килограмм, – смущенно пробормотала я. Но больше ничего не добавила, а что еще добавлять? Ну не просить же прощения, в самом деле? Вам нужна была королева, так будьте благодарны, что я здесь! А уж если для этого пришлось поднапрячься чуток, что ж? Это ваши проблемы...

– Где мой маленький Урюпка, где мой мальчик? – спросил старик таким тоскующим голосом, что я несколько опешила поначалу, но потом ответила, что отправился искать музыкантов.

– Спасибо, внучка, удачи тебе. Хотя я бы не советовал особо перетруждаться... Ты пока отдыхай, гуляй, но смотри не ешь ничего! Вообще-то быть королевой бала не так обременительно, просто выполняешь пару ритуальчиков вначале, а там уж развлекаешься всю ночь в свое удовольствие.

– Ритуальчиков – это вы имеете в виду перерезать ленточку и торжественно объявить об открытии бала? – наивно уточнила я.

– Э-э... хм-м, – отчего-то смутился старик. – Что-то вроде этого, перерезать, да... Но сначала надо встретить гостей. Значитца, увидимся на балу, внученька.

В тот же момент его носильщики сорвались с места и рысью поскакали вперед. Вот незадача, а я как раз собиралась порасспросить дедулю поподробнее о ритуалах – что-то он тут темнит. Надо бы их догнать, но меня отвлек маленький скелетик. Он, скотинка такая, подошел ко мне сзади и подергал за платье, чтобы привлечь внимание. Конечно же я испугалась и вскрикнула, подпрыгнув на месте. Со мной чуть припадок сердечный не случился, а этот коротыш стоит себе спокойно, смотрит на меня добрыми пустыми глазницами и улыбается как ни в чем не бывало. Ну и, ясное дело, я до того разозлилась, что схватила его за худенькое плечо и легко отшвырнула подальше!

Если бы я знала, что именно так и совершаются непреднамеренные убийства... я бы убежала подальше и пнула какой-нибудь столик с краю, а не подняла руку на это беззащитное создание. Но что теперь каяться – дело сделано... Маленький скелетик рассыпался прахом, с размаху врезавшись в случайно подкравшееся дерево. Пусть тебе земля будет пухом, несчастная жертва моего необузданного характера! Наверняка мне всю жизнь придется замаливать свой грех, моя совесть ни за что не оставит меня в покое. Прости меня, дуру несуразную, мой несчастный скелетик... Каким ты был при «жизни», я уже никогда не узнаю, но что сердце у тебя было доброе – в этом почему-то не сомневаюсь. Прощай же, прощай, мой маленький несостоявшийся друг (ты мог бы им стать, если бы не погиб так нелепо).

Вскоре за мной пришел Урюп и увел меня в дом, классический помещичий особняк с колоннами, который так же, как и сад, оказался настоящим рассадником всякой нечисти. Как я поняла, факту исчезновения незнакомого скелетика никто значения не придавал. В гостиной шумно сидели две кумушки-упырихи, первые гости, пришлось болтать с ними на всякие светские темы типа засолки и маринования огурцов, пока не начали появляться остальные. По гостиной шныряли те же синие вурдалаки, что и в саду, зажигая свечи, расставляя на столах тарелки с каким-то месивом и готовые бутылки с вином. Все это до того походило на сон, что я постоянно щипала себя для проверки. Потом надоело, смысла нет, а синяки будут. Ну сон так сон! Будем смотреть его до конца, а если приснится что-то страшное – мама меня обязательно разбудит...

Гостей я встречала уже на лестнице, в доме оказался до того спертый воздух, что при

первом же удобном случае я оттуда улизнула. Помещик опять исчез, почему-то попросив меня быть с гостями не слишком вежливой, дескать, у них этикет требует как можно больше нагрубить и унижить вновь пришедшего – только в этом случае гость окажется доволен.

Естественно, никому особо грубить я не стала. Еще только полчаса как на мне висит убийство, естественно, моя душа была полна раскаяния, а в такие моменты я бываю очень доброй. Доброта из меня просто прет, доставляя массу неудобств окружающим, обычно я все только порчу, когда пытаюсь совершить добрый поступок.

Гости – разные мерзкие твари всех рангов и сословий – появлялись, как ни странно, не из камина, а из главных ворот. Кто в карете, а кто и пешком, кто ползком, а кто и на ком-то. На мне было роскошное золотистое платье, расшитое, я уверена, бриллиантами, а не стекляшками... Хотя кое-что в фасоне меня смущало – оно обнажало мою грудь. То есть полностью открывало, никаких там лифчиков, ленточек, присосочек... Я попробовала прикрыться длинным развевающимся подолом, но он оказался не настолько длинным, чтобы закрыть все. Нет, закрывать закрывал, конечно, но снизу тогда... сами понимаете. Да, ну и тьфу на них, пусть ослепнут! Сон ведь...

Короче, я оставила свои тщетные попытки прикрыться и приняла самый величественный вид. (Скажу без лишней скромности, это у меня получалось хорошо еще со второго класса, когда я сыграла в школьном спектакле королеву из «Двенадцати месяцев».) Шею тоже украшали драгоценности, а волосы выросли до пояса и закрутились в спиральки. Чудненько! Я царственно улыбнулась и слегка выставила коленку навстречу первому поднимающемуся по лестнице гостю – синюшного вида юноше в черном смокинге и цилиндре. Но он, робко приблизившись ко мне, со страшным благоговением в глазах поклонился и пожал мне руку...

Не поняла!!! Точно так же поступали и остальные невежи, полностью игнорируя бессмертные тексты Булгакова. Я улыбалась, говорила добрые слова, вернее, пару добрых слов в напутствие, но никто даже не думал целовать мне коленку. Это возмутительно! Безнравственно! Обидно, в конце концов!!! Увы, вампирское общество, как и человеческое, в последнее время затронула всеобщая демократизация.

Гостей было много, причем все они являли собой весьма необычные создания. Например, пришлепала целая банда болотных монстров, их грязные склизкие тела местами были покрыты зеленой тиной. За ними явилась целая делегация карликов-горбунов из Китая в пестрых нарядах. Многие существа с человеческим телом были то ли в масках зверей и птиц, то ли представляли собой дьявольскую помесь этих животных и человека. Прошло полчаса, поток гостей уменьшился, и я справедливо решила, что имею право на отдых, а припозднившиеся гости не заблудятся и найдут дорогу.

Идя по дорожке сада, я ловила на себе восхищенные взгляды встречающих вампиров. Один извращенец, сидя под деревом, выкапывал из ямки червей и с аппетитом поедая их. Заметив меня, он оскалил желтые зубы и, корча невероятные рожи, прохрипел:

– Чудра любить червяк! Чудра тетя тоже любить и дать тете вкусный, ням-ням, червяк! Чудра червяк не жалко. Чудра много еще копать и всех угощать. Чудра добрый!

С этими словами он, подскочив ко мне, принялся совать мне прямо в лицо ладони, полные плодородной земли с копошащимися в ней розовыми червями.

– Отлезь, чувырла! Тетя не любит червяк, она любит паук и крыс! – сердито отмахнулась я, попытавшись обойти эту образину. Но существо не сдавалось:

– Чудра тоже любить паук и крыс, но червяк вкусней нет. Червяк ням-ням! Кушай, Чудра тебя угощать.

– Отвали ты наконец, добром прошу! – взмолилась я, надеясь, что он еще не успел испачкать мне платье.

– Ква-ква! Требуется помощь, моя королева? – проквакали сзади.

Обернувшись, я увидела зеленого типа, очень похожего на жабу, правда, в человеческий рост.

– Кыш, малявка! – велел он все еще копошившемуся у моих ног любителю червяков,

тот обиженно отбежал в сторону и снова уселся под деревом.

– Злой дядя! – обиженно бормотал он про себя, вновь принимаясь копать в земле.

– Благодарю вас! – величественным тоном произнесла я, обращаясь к жабообразному мутанту.

– Ква-а-а! – радостно проквакало существо, низко поклонившись и расшаркавшись, насколько получалось это сделать на траве.

Глядя на его глупую физиономию, меня потянуло поозорничать.

– Простите, вас, случайно, звать не Жабья Морда? – ласково поинтересовалась я.

– Меня зовут... – обиженным тоном начало это зеленое земноводное.

– Ну это не важно. Больно у вас потешный вид, особенно лицо, точнее, физиономия. Так что у меня, не обессудьте, сударь, страшно руки зачесались подергать вас за нос. – От слов я тут же перешла к делу. Обычно я себя так не веду, но сон есть сон. И почему эта моя жертва так дико разоралась?

– Ква-ква-ква!!! Ква-а-ау!!! Отпустите мой нос, госпожа, отпустите!

Я послушненько его отпустила, но не из жалости, а потому что это мое маленькое развлечение очень быстро собрало кучу мерзких тварей, которые тут же принялись гудеть и кричать:

– Отдайте нам его нос, отдайте нам его уши, мы их скушаем без соли и хлеба! Отдайте нам зеленую образину! – кричали страшные рожи. – Мы разорвем его на кусочки и съедим!!!

«Гостям пора за стол», – решила я, послушав их речи. Отсюда хорошо была видна поляна, где слуги-упыри уже заканчивали накрывать столы.

– Милостивые господа и их леди! Как говорится, дамы и дамовладельцы, прошу вас всех занять места за столами. Приятного всем аппетита!

Над садом разнесся восторженный вой, и все морды, хари, образины и физиономии тут же вихрем бросились на поляну.

Наконец-то я осталась хоть ненадолго в одиночестве. На самом деле – роскошный сон, рассказать Алексу с котом – не поверят, скажут, все выдумала. Ну как можно выдумать такое? Заметив все еще копавшегося в земле Чудру, я искренне восхитилась. Парень, по всему виду, самодостаточен, и никакие банкеты ему и даром не нужны, когда еще есть под рукой кусок земли с дождевыми червями. Нет, сон просто чудо! Но тут я вспомнила о полагающихся ритуалах и слегка встревожилась. Ленточку, которую мне надо будет перерезать для торжественного открытия бала, я нигде не видела. Кроме того, запускания в воздух сотни воздушных шариков тоже, похоже, не предполагалось, так о каких еще ритуалах идет речь?!

К этому времени я уже дошла до поляны, села за крайний стол и заглянула в тарелки моих соседей. Боже, что они ели?! Хотя чему я ужасаюсь, во сне можно есть все... Пробовать эту дрянь, естественно, я не собиралась, только поинтересовалась у сидящей рядом гарпии (по виду тетка была ее копией):

– Вкусно?

– Ага, человеческие кишки приготовлены отменно! – чавкая, сообщила древнегреческая мымра. – И язык под майонезом очень неплох!

– Говяжий? – слегка скиснув, поинтересовалась я в последней надежде, что все-таки хоть что-то съедобное для человека за этим столом имеется. Гарпия смерила меня взглядом, в котором ясно читалось: «Хоть ты и королева, но полная дура! Не лучше моей соседки по лестничной клетке».

Тут мимо меня прошел, слегка поклонившись, наш знакомый бородатый бродяга с котом-призраком. Кот с гордым видом шел у его ног, излучая яркое фосфоресцирующее мерцание.

– Стой, приятель, – притормозила я чернявого мужика. Обернувшись, он посмотрел на меня независимым взглядом, а его кот зыркнул своими красными глазами слишком злобно для такого маленького существа. Мне это совсем не понравилось.

– Что, воспитываешь кошку Баскервилей? – съехидничала я.

– Вроде того, ваше величество, хе-хе, – сдержанно ответил мужик.

– Послушай-ка, а к какому роду нечисти ты относишься? – любопытствовала я, сузив глаза в ожидании ответа.

Мой собеседник не торопился отвечать и в задумчивости почесал пятку. И я увидела, что одна нога у него необута, он так и не дочинил свой лапоть. Чертовски странный тип...

– Не нечисть я. Это брат мой, Митрий, колдун, и кот колдовской, но общий, – развязно буркнул мужик.

Его ответ меня слегка взволновал.

– Постой-ка, постой, так ты что, тот самый Глеб, местный дезертир?

– Да, он самый, а вы откуда знаете? – опешил он.

– Вопросы тут задаю я! – От моего рыка даже кот-призрак притушил блеск в глазах. – Где твой брат, отвечай сейчас же! – потребовала я. Но Глеб на это патетично воскликнул:

– Не предам я своего брата, ваше величество, хоть режьте! Не Каин я, не на того напали!

– Тогда ответь, с чего вдруг он открыл в вашей избе серный мини-завод?

– Выгодно это – спички изготавливать, тем и живем, – гордо ответил чернобородый.

– А зачем людей заколдовывать? – возмутилась я, приняв на себя роль поборницы порядка и справедливости.

– Не могу я тут за брата ответ держать. Он вам сам скажет, коли захочет, спросите его.

– Спросите его, спросите! – зашумели все вокруг. Оказалось, что нас слушала вся поляна.

– Для этого сначала надо его сюда притащить, – логично заметила я. И не успела произнести эти слова, как толпа мгновенно выхватила кого-то из своей середины и бросила мне под ноги с криками:

– Вот он, вот он, проклятый колдун!

Я ничуть не удивилась, что нечисть называет колдуна проклятым. Ведь подобные люди обычно бывают абсолютными изгоями – их не держат за своих демоны, презирает нечисть и ненавидят люди.

С земли приподнялся, потирая ушибленный бок, довольно здоровый с виду мужчина. У колдуна было необычное лицо, слишком красивое и благородное для сына крестьянина. Понятно, что по законам сна и лорд-канцлер Англии у меня мог выглядеть как каменщик из семьи потомственных каменщиков. Одет был колдун в длинный черный тулуп до земли и скрипучие сапоги из черной кожи. Под густыми бровями злобно сверкали темные глаза. Он демонстративно сложил руки на груди и величественным тоном произнес:

– Ты хочешь знать, зачем я заколдовал новобрачных на свадьбе? А захотелось мне так... Люблю я это дело. Главное, чтобы где-то в округе была свадьба. Такой уж я злодей – терпеть не могу молодоженов. Да каждый раз что-то новенькое придумываю. Сегодня вечером в Переделкине на свадьбе... Там твой казак и кот побывали, но и они, само собой, супротив меня бессильны были. Потравил я всех! Всех потравил огурцами солеными моего засола, пасленного... – закончил он весьма самодовольно.

Толпа нечисти одобрительно загудела. А у меня от услышанного просто сердце упало... Алекс!

– Слушай, если с моими товарищами что-то случилось... – Я выдержала угрожающую паузу, но это не произвело никакого впечатления на злодея.

– А зачем? Мне в их смерти корысти нет, – ухмыльнулся маньяк. – Люди страшно животами маются, какой уж им тут праздник? А невесте с женихом больше всех досталось...

– Да что ты так на них заиклился?! – полуудивленно-полурассерженно воскликнула я.

Колдун гневно сверкнул глазами:

– Когда-то у самого алтаря меня бросила моя невеста! С тех пор я ненавижу и свадьбы, и любящих мужей и жен. Сколько на моей совести порушенных семей... Эх, и не сосчитать! Никто меня не остановит, не натешусь покуда...

Теперь мне было все ясно – этот колдун оказался обычным сумасшедшим. А по

профессии наверняка алхимик, судя по домашней лаборатории кустарного производства.

– Что ж, с более точным диагнозом определятся врачи, – пробормотала я. Жаль только, что это во сне вроде бы наше дело стало яснее ясного. Хотя нет – мы еще не знаем, сколько в нашем поселке упырей. Надо бы посчитать и доложить напарникам. Тьфу ты, я опять забыла, что сплю. – Слушай, колдун, казенный дом по тебе плачет, – с жалостью глядя на него, признала я.

– ???

– Нет, нет, не делай такие круглые глаза, это не тюрьма и даже не призывной пункт в армию – и от того и от другого ты застрахован. Шизоидов в другом доме держат...

Увидев непонятно откуда взявшегося Урюпа за моим левым плечом, я сделала ему знак нагнуться ко мне поближе и поинтересовалась, есть ли у нечисти больницы для сумасшедших. Тот страшно удивился и с ухмылкой произнес:

– Если б-бы они были, м-моя королева, т-то у нас сегодня н-не м-могло бы б-быть Бала Вампиров. Все п-присутствующие здесь, вк-ключая и н-нас с вами, н-находились бы в этом самом д-доме для умалишенных. П-посмотрите вокруг, разве т-тут есть хоть один н-н-нормальный?

– Хм, логично, – пробормотала я, – рожи тут у всех действительно абсолютно дебилные.

Но колдун подслушал мои слова, обращенные к хозяину поместья, и понял, на чей счет они относятся. От избытка чувств и возмущения он подпрыгнул на месте и в ярости воскликнул:

– Так, значит, я сумасшедший?!

– Фу, можно не так театрально? – попросила я. – Не надо разводить шекспировских трагедий. Бывает, что некоторых врачи спасают...

– Эй, друзья и соратники, присутствующие здесь упыри и монстры, знаете ли вы, что эта королева не наша по крови, что она коварная шпионка?! Стойте, стойте, вы успеете меня растерзать в любой момент, дайте мне лишь досказать, – остановил он отдельных возмущенных субъектов из толпы, порывавшихся вступить за мою честь.

– Что он н-несет? – злобно пробормотал толстый Урюп. – Этот п-псих мо-может нам все исп-портить! – И кивнул слугам, чтобы те стащили колдуна с ораторского места.

– Не надо! – остановила я их с улыбкой, мне хотелось послушать. Все равно же сон.

– Она заодно с людьми, профессионально занимающимися отстрелом таких, как мы. Эта якобы ваша королева приехала сюда специально, чтобы убить всех упырей, которые живут в Переделкине, – то есть целых двух наших братьев!

– У-у-у!!! – завопили одни.

– Где доказательства? Подавай нам их сейчас же! – потребовали другие. – Кто тебе вообще такую чушь в башку втемяшил?

– Мой кот! – важно ответил колдун. – Это умнейшее создание, и я сам его сотворил. Путем жесточайшего отбора.

– Короче, Склифосовский, – раздался недовольные голоса.

– Этот кот может проникать в сознание человека и читать его мысли. Вчера в нашей деревне появилась необычная троица – кот, казак и пленная таджичка (да, именно эту роль взяла на себя ваша самозваная королева). Мне рассказал о них брат, встретивший их на дороге, и я, заподозрив неладное, послал моего кота следить за пришельцами. А потом и сам пообщался с ними, приняв образ рыжего Антона, когда тот был в поле. Я сразу же почувствовал исходящую от них угрозу, говорю вам – они профессиональные охотники на монстров и черт знает сколько у них на совести загубленных шкур наших собратьев!

– В-а-у-у-у!!! – разнеслось над поляной, и на меня уставилось несколько десятков враждебных глаз.

Да, дело плохо... Боже, как же все это развлекает! Сейчас проснусь и пойду на настоящую деревенскую свадьбу, куда нас действительно приглашали. Но представляю, насколько там будет все скучней, чем здесь, в моем сновидении...

– Ну и дальше? – фыркнула я, пытаюсь сохранить серьезность, когда наш талантливый оратор замолчал, вероятно, для того, чтобы перевести дух.

– Вот какую заразу допустили вы в свои ряды! – заключил этот подлый тип. – Но я знаю, что я для вас не авторитет. А вот мой дед заслуженно пользуется вашим глубоким уважением и почитанием! Так ведь?

Присутствующие единодушно заурчали, соглашаясь с этим.

– Так спросите моего деда Игната – ведь он по праву занимает место советника вашего великого отца и благодетеля, преподобного господина Вия.

О, сколько титулов у этого почитаемого ими субъекта, почти как у агента 013. Хотя нет, котика в этом смысле никто не переплюнет... Интересно, интересно, так, значит, мы сейчас еще раз получили возможность лицеизреть деда Игната. А он, оказывается, тут важная шишка?

Какой-то тип с ногами как у кузнечика – коленками назад – живо побежал куда-то, вероятно за стариком, но через пару секунд уже летел обратно. Бросившись напрямик к колдуну, он что-то зашептал ему в ухо, отчего у злодея, и без того дико нервного, глаза налились кровью. Подскочив ко мне, колдун гневно закричал, обвиняюще тыча пальцем:

– Мой дедушка погиб! И наверняка в этом замешана ты или твои приспешники! Враг среди нас! У кого могла подняться рука на маленького скелетика, каковым должен был предстать мой безвременно утраченный дед?! – срывающимся голосом воскликнул он.

Толпа нечисти заколыхалась.

– Что, наш дедушка погиб?! – затрясся Глеб, все еще держа под мышкой кота. И, получив утвердительный кивок, принялся в открытую реветь.

– Ой! Это я нечаянно, – пробормотала я себе под нос. Так вот кем оказался несчастный скелетик – и надо же ему было так невовремя менять облик! Ходил себе вороной, так нет – приспичило на свою голову... Ведь Урюп мне говорил – как же я могла забыть, что он сегодня предстанет скелетиком?

– Неужели мы будем терпеть такое бесчинство? – вновь обретя твердый голос, возопил колдун. – Она будет под шумок убивать наших предводителей и родственников, а нам что, безропотно смотреть на это?!

– А еще она держала меня за нос! – услышала я из толпы знакомый голос, это пожаловался Жабья Морда. Встретившись со мной взглядом, он тут же спрятался за чью-то спину. Но его слова оказались тем самым детонатором.

– Доколе терпеть?! Отомстим за наших братьев и за хромого Игната, – запищали, заскулили, завопили мерзкие твари, кидаясь на меня.

– Я его не убивала! – поспешила соврать я, но меня никто не слушал. Мерзкие когтистые лапы тянулись со всех сторон... – Ой, не надо! А то я сейчас проснусь, а мне очень хочется досмотреть бал до конца, – молила я.

– Что ты хочешь этим сказать, самозванка? – патетично воскликнул колдун, хватая меня за руку. – Кладите ее на стол и кушайте – вот вам настоящая кровь и свежее мясо, а не та дрянь, что готовят из тухлой мертвечины! Ее кровь...

– Ваша кровь, каннибалы проклятые! Во мне кровь монстра, такой же мерзкой твари, как и вы, уроды! У меня же зрачки вертикальные-е-е!!! – вопила я, не переставая вырываться.

В сторонке стоял толстый помещик, наблюдавший за этим бесчинством с задумчивой улыбкой на губах. Он с довольным видом потирал ладони.

– Ах ты предатель! – воскликнула я, не прекращая пинаться и раздавать тумаки всем подряд. Надо сказать, эти твари, напавшие на меня скопом, ни силой, ни ловкостью не отличались. Похоже, у них в моде быть болезненно хилым, хотя это, с другой стороны, и хорошо – не надо тратить время на посещение тренажерных залов. Серьезную опасность представляли лишь Глеб с Митрием, но их оттеснили более прожорливые...

Встретив мой взгляд, Урюп страшно смутился, однако тут же совладал с собой и теперь был уже без дружеской личины. Упырь посмотрел мне в глаза, дрожа от ненависти.

– Н-нет, они н-не убьют тебя! – воскликнул он, дико захохотав, что и предусматривалось подобным сценарием. – Тебе еще н-нужно б-будет выполнить ритуал п-принесения человеческой жертвы н-нашему г-господину. А п-потом мы п-поддержим тебя т-тут, пока за т-тобой не яв-вятся твои друзья, тогда мы всех т-троих т-тепленькими и п-повяжем! Хи-хи-хи... Д-даже папочка не знал, п-почему я так сильно хотел зап-получить в королевы именно т-тебя. Сегодня утром я усыпил т-твоих т-товарищей, это м-можно сделать и на расстоянии. Н-но идти н-на них в одиночку, п-пусть даже н-на спящих, равносильно с-самоубийству...

– Трус несчастный! – закричала я, попытавшись доплунуть до лица поганого толстяка. Он же мне сразу не понравился, хотя потом поганцу удалось усыпить мои подозрения своей показной предупредительностью.

А все-таки замечательно, что подлый Урюпка последний трус и не осмелился закусать до смерти спящих Алекса и кота. О том, что на самом деле опасаться было нечего, знала только я – этим двоим лишь бы подрыхнуть лишний часок.

– Т-теперь т-тащите ее к жертвенному ст-толу, п-пусть приступает к делу, – приказал хозяин застолья, весело подпрыгивая на месте. Видимо, он никак не мог нарадоваться, что оказался автором такой «хитроумной» ловушки для охотников на монстров. Что ж, недолго тебе осталось радоваться, жирная сволочь... Вот сейчас придут Алекс с профессором – даже во сне они обязательно придут вовремя – и дадут тебе оторваться по полной, кровосос проклятый.

А пока меня торжественно несли на руках, куда – не знаю. Сад кончился, мои носильщики стали подниматься по ступенькам лестницы, где я всего час назад встречала гостей, значит, мы вошли в дом.

– Ай, поосторожней! Я вам не кукла резиновая, а живой человек! – прикрикнула я. Вроде бы прислушались – нести стали гораздо мягче.

– Так удобней? – смущенно поинтересовался один, очень похожий на могильного червя, только в человеческий рост.

– Вполне! – беспечно отозвалась я, устраиваясь посвободней. Как я сегодня убедилась, большинство нечисти довольно простодушные существа, на которых очень легко влиять. Наконец мы куда-то пришли, меня аккуратно опустили на пол, и я смогла оглядеться. Да-а-а, в жуткое место попала...

Огромная комната была заставлена горящими черными свечами разных размеров и толщины. Высокий потолок весь был облеплен летучими мышами. Наверняка это тоже упыри, поспешившие занять лучшие места, по крайней мере, с потолка открывался хороший обзор. Посреди пустой комнаты находилась гранитная глыба – так называемый жертвенный камень, размерами с операционный стол. Там лежала уже связанная жертва – какой-то бомжеватого вида мужичок в лохмотьях, но однако же – в новых лаптях. Подойдя поближе, я узнала деревенского юродивого Лукашку. Бедняга посмотрел на меня грустными глазами и, тяжело вздыхая, жалобно протянул:

– Лукашку повязали, Лукашке хотят сделать бо-бо... У, злые бесы!

– Бедненький мой! – прошептала я. – Не бойся, это всего лишь мой сон. Они ничего с тобой не сделают.

– М-мы-то нет, это т-тебе п-придется делать, – раздался за моей спиной уверенный голос помещика Урюпа. Он протянул мне острый ритуальный нож. Злобные рожи с вилами и мотыгами взяли меня в полукруг.

– Если попробуешь воспользоваться ножом не по назначению, тут же будешь растерзана на мелкие кусочки, – предупредил меня подоспевший колдун.

В комнату набилась огромная толпа гаденьких тварей, которые в предвкушении теплой крови и мяса нетерпеливо призывали меня поторапливаться:

– Давай режь его, королева, иначе нам придется отужинать тобой! Пусть прольется кровь! Скорей, скорей, девчонка!

Все это время они толкали, пинали и щипали меня, думая этим поскорее подстегнуть к

действию. Как-то затянулся мой сон и шел явно не в том направлении. А просыпаться я боялась, потому что начинала подозревать правду – я не сплю...

– Нет, я так не согласна! – задыхаясь, воскликнула я, уже с трудом отпихивая наседавшую нечисть. – Почему мужик на столе? Где положенная девственница?! Это уже не ритуал жертвоприношения, а фарс какой-то получается. Я была лучшего мнения о ваших вкусах. Где непорочная голубоглазая блондинка?!

– З-заткнись, им в-все равно, ч-что жрать! – прорычал Урюп. – Иначе с-сама угодишь н-на этот с-стол.

Но я все еще мялась. Резать живого человека, пусть даже во сне, рука не поднималась. На фиг мне нужен дополнительный грех на душу? Я поджала губы и решительно покачала головой. Тогда помещик с ревом выхватил у меня из рук нож и замахнулся на беззащитного Лукашку, бедняга был крепко привязан, и, естественно, его бы зарезали, как овцу, если бы...

– Свободу несчастной жертве сатанистов! – Я повисла на руке жирного кровососа, окончательно теряя голову. Тот, не ожидая такой наглости, выронил нож.

В ту же секунду раздался голос Алекса:

– Алина, держи! – И мне под ноги упал противогаз. – Надевай, быстро!

– Что, газовая атака? – удивилась я, ища глазами командора и между тем быстро выполняя его приказ. Расспросы типа: «Зачем надевать противогаз?! Ведь он совсем не идет к моему вечернему платью и испортит весь мой антураж» – откладывались, потому что приставать было не к кому. Пока я надевала эту резиновую штуковину, какой-то карлик попытался вырвать ее из рук, но это была единственная попытка мне помешать.

Как только я надела противогаз, комната окуталась дымом, тут же раздались дикие вопли! Все, кто находился тут, начали корчиться, закрывая лапами морды, включая Урюпа и колдуна, тот вообще катался по полу, истошно вопя. Подняв бесхозно валяющийся ритуальный нож, я стала разрезать веревки, опутавшие руки и ноги несчастного Лукашки, который подключил свои голосовые связки к общему вою и к тому же еще заливался слезами. Я за шкурку стащила бедного юродивого на пол и волоком потащила в коридор, куда уже ломанулась вся нечисть. Но там тоже было все в дыму хоть глаз выколи. По пути Лукашка сообразил, что бежать надо быстрее, и, рванув с места, пропал из виду. Упыри и монстры падали на пол как подкошенные, некоторых же только слегка пошатывало, и они были похожи на одурманенных ядом тараканов.

Юродивый, скорее всего, успел сбежать. Теперь ему только ноги помогут. Тут ко мне подскочили Алекс с котом в противогазах. На шее у Мурзика висел крестик, так же как и у Алекса, от обоих так воняло чесноком, что и через противогаз чувствовалось. К моему величайшему удивлению, Мурзик держал в лапе... мой бюстгальтер. Стыдливо отворачиваясь, он протянул его мне, пробубнив еле слышно:

– На, надень. Нашел тут в одной комнате вместе с таджикским платьем, догадался, что твой. Стыд-то какой, прикройся скорей...

Тут только я вспомнила об открытой груди и густо покраснела. Все-таки мои товарищи – это не упыри какие-нибудь, и я бы никогда не стала разгуливать перед ними в таком виде, даже во сне! Чтобы скрыть смущение, я топнула ногой и рассерженно заорала:

– Нашел на что смотреть, тут уносить ноги надо!

– Точно, агент 013, время не ждет! – поддержал командор, схватив меня за руку, и мы бросились бежать не разбирая дороги. Видя, что дым за спиной начал рассеиваться, он кинул еще одну газовую гранату. – Выберемся через кухню, там есть черный ход, – на бегу бросил Алекс.

В коридоре, куда мы свернули, никого не было, несмотря на дымовую завесу, – я поняла это по абсолютной тишине. Вампиры, похоже, высыпали во двор через парадную дверь.

– Слушай, надеюсь, это не те газы, что использовали немцы в Первую мировую? Сколько помню, они запрещены Гаагским судом, – укоризненно напомнила я. – Отвернись, дай переодеться!

– Бога ради... Нет, обычный слезоточивый газ. Если мы уничтожим сейчас всех вампиров скопом, это будет неинтересно – с кем потом работать? – хмыкнул Алекс, но через противогаз я не могла оценить его неотразимой улыбки.

– Н-да, вот и вся романтика... А я-то обрадовалась, думала, что ты в неуправляемой ярости порешишь всех гадких тварей, посмеявшись поднять руку на твою... э-э... твоего боевого друга! Со словами, что они за это заплатят, бросишься в неравный бой. И не важно, что эти поганцы превосходят численностью вас с Мурзиком! Пусть хоть в сотню раз, хоть в тысячу... Ты не думая о себе (хотя мог бы подумать о коте!), бросишься мстить! Самой жестокой мстью за свою... э-э... своего напарника.

Боюсь, всю эту тираду он просто не расслышал.

Мы добежали до кухни, и командор выбил ногой дверь. Эффектно так, хотя она открывалась совсем не в ту сторону, к тому же не была заперта, и оказался лицом к лицу с толстым здоровым монстром, огромное тело которого все было покрыто белым мехом.

– Йети? – удивилась я.

– Угу, – утвердительно кивнуло чудовище и полезло обниматься. Но Алекс успел дать ему ногой под дых и спас меня. Нет, естественно, этот удар не произвел на йети ни малейшего впечатления, просто теперь он переключился на Алекса. Я отпрыгнула в угол, нашла там табуретку и стала спешно приводить себя в порядок. Меняющееся платье заклинило на последней модели, в двух местах подол порвался, и видок лифчиком наружу был более чем оригинальным. Приемы рукопашного боя не давали моему герою никакого преимущества в бою. Казачья шашка никак не могла прорубить толстенный слой шерсти, жира и кожи йети. Сам виноват, надо думать, куда суесться! Мог бы прихватить гранатомет, а то и винтовку забыл. Вот дурная привычка пользоваться только оружием данной эпохи... Эй, минутку, а газовые гранаты?! Но переспрашивать командора сейчас не время... Ладно, уточню потом.

Он уже два раза был сбит с ног чудовищем, и только случайно ему удавалось в последний момент увернуться от удара и вскочить на ноги. Наконец в очередной раз проскочив у йети под мышкой и оказавшись у него за спиной, Алекс вытащил из кармана крохотную гранатку и, дернув кольцо, бросил под ноги здоровяку. Я решила помочь и прыгнула на спину зверя. Мы с командором висели там минуты три. Когда же эта глыба надышалась газом и рухнула, Алекс схватил меня за руку, и мы беспрепятственно выбежали во двор.

Ночь, звезды, тишина, поблизости никого. Командор сорвал с себя противогаз, я тоже.

– А... где... агент 013? – едва отдышавшись, спросил командор. Я уставилась на него широко распахнутыми глазами. Значит, как меня спасти, спешки нет, а стоит коту пропасть... Озарение пришло к нам одновременно. Я вспомнила, как во время нашего бегства Пусик был затерт в толпе убегающей нечисти. Что, если с него сбили противогаз, он надышался и валяется теперь в той комнате в бесчувственном состоянии?

– Стой тут, – велел Алекс, вновь нахлобучивая на голову средство газовой защиты, – я быстро. – И нырнул обратно в дверь. Оттуда повалил дым, и я поспешила, зажав нос, отойти подальше вдоль задней стены дома.

– Ах, в-вот ты где п-прячешься! – раздался за спиной знакомый голос, и, резко обернувшись, я увидела Урюпа.

Дать деру не удалось, толстяк мгновенно схватил меня за запястье.

– Т-теперь уж н-не уйдешь, г-гадкая девчонка! – Он блеснул острыми клыками, примериваясь к моему горлу. Переломив свой миролюбивый характер, я со всего маху треснула его кулаком в челюсть. Упырь взвыл, сразу же отпустив меня, и схватился за подбородок.

– Больно? – без малейшей иронии произнесла я. – Коренные зубки целы? Так это ненадолго...

Но Урюп вдруг сделал испуганные глаза и отшатнулся от меня.

– Д-двое на одного? Н-нет уж, лучше я сб-бегаю за п-подмогой, – злобно прошипел он

и бросился наутек. Обернувшись, я увидела Алекса, в руках у него бездвижно распластался укутанный в мое таджикское платье агент 013. Подбежав к нему, я смахнула слезу, накатившую при виде такого скорбного зрелища, и ласково провела рукой по взлохмаченной шерстке бесчувственного котика. Лицо командора не предвещало ничего хорошего.

– Он жив? – с надрывом спросила я, боясь услышать самое страшное.

Алекс удивленно поднял бровь:

– Конечно, что с ним делается?

Кот глубоко вздохнул и открыл глаза.

– Я вас не задерживаю? – с некоторым чувством вины поинтересовался он. – Но, может быть, мы все-таки поторопимся, друзья? Не хотелось бы мне из-за таких олухов быть растерзанным вампирами... – Он бросил взгляд на мою грудь, убедился, что прикрыта, и снова потерял сознание.

– Надо поторапливаться. Я знаю короткую дорогу, – сказал Алекс, перекинув кота на плечо. Тот не преминул сделать возмущенную морду, но сколько можно с ним цацкаться?

По всему имению еще раздавались вопли жертв газовой атаки, и мы, беспрепятственно выскользнув в калиточку, очутились в лесу, а потом бежали, бежали и бежали... Естественно, в конце концов я сильно запыхалась. И хотя вокруг сотни страшно разозленных на нас упырей и неопознанных разновидностей монстров, а нас всего трое – у меня отчего-то пропал стимул бежать дальше. Что они с нами могут сделать, если это всего лишь сон? Тут у меня блеснула догадка, что мой избранник в этом сне может исполнять несколько иную роль, вовсе не идентичную той, что он играет в жизни.

– Алина, ты что, ногу подвернула?

Прикрывая руками озябшие плечи, я едва сдерживала праведное возмущение.

– Слушай, умник, а тебе не пришло в голову дать мне свой пиджак?!

Орлов грустно усмехнулся:

– Да приходило вообще-то, только это гимнастерка, а не пиджак. Но если ты настаиваешь, я отдам.

Сон мне уже начал надоедать, что-то больно долго он длится.

– Слушай, а кто ты такой вообще?! Нет, без всякой попытки задеть твое самолюбие, – добавила я, увидев его изменившееся лицо. – Просто мне любопытно, кто ты? Тебя зовут Алекс Орлов, без всякого отчества. В жизни ты спецагент, наказываешь плохих и спасаешь хороших, меня, например... Но что ты за человек в сущности? Есть ли у тебя душа, сердце, глаза, в конце концов! А ну говори, как лично ты ко мне относишься?!

Кот с трудом поднял голову, переглянулся с командором и слабым голосом произнес:

– Бедная Алиночка, значит, мы не успели ее спасти? Тело – да, спасли, но не разум!

От слов профессора я начала закипать.

– Что-то ты заговариваешься, Мурзик, – заметила я, уперев руки в бока и в упор глядя на него. – Только не думай, что, если ты сейчас себя плохо чувствуешь, значит, все можно и все сойдет с лап!

Агент 013 на это ничего не ответил, снова обменялся с Алексом долгим понимающим взглядом и тихо проговорил:

– Может, пойдем потихоньку? Погони за нами нет, но все-таки дольше тут оставаться не следует, это сопряжено с риском. – После чего котик закрыл глаза и уронил голову – похоже, вновь впал в забытие.

– Да, кстати, – что-то вспомнил Алекс и, порывшись за пазухой, достал оттуда веночек из головок чеснока. – Надень на всякий случай, если нас догонят. До утра еще далеко. Да, и вот еще... в этом платье ты просто сногшибательно выглядишь! – Надев мне на шею чесночный оберег, как колье королевы, он взял меня за руку и без лишних слов пошел вперед.

Ох! Такой комплимент из уст командора равносителен признанию в любви. Чудесное сновидение – здорово, что я не проснулась раньше, до этого момента!

Итак, все дело в роскошном золотистом платье – оно выгодно подчеркивает все достоинства моей фигуры. Значит, даже несмотря на то что оно мято-пермято и в дырах, я

не стала выглядеть намного хуже. Однако в лесу несколько похолодало, ветер стал поддувать сильнее, и ноги сразу замерзли, странно. Вэк... не может быть?! Я опустила глаза вниз: великолепное платье обернулось старой мешковиной. И волосы стали заметно короче, то есть мне вернули мои волосы. Боже, так, значит, Орлов просто издевался надо мной с этим своим «сногшибательно выглядишь»?! Нет, попытки строить с таким человеком какие-то отношения, кроме товарищеских, просто бессмысленны. Я плотнее завернулась в пыльный мешок, хорошо хоть, он доходил мне почти до колен. Когда же и как это, интересно, произошло? Увы, в сновидениях обычно не бывает логики. И еще я боялась, что, если сейчас котик откроет глаза, от ужаса бедный ханжа снова мигом потеряет сознание... А как я покажусь в деревне? Даже во сне меня это волновало довольно сильно. Хотя сейчас ночь – может, и не заметят.

– Если холодно – могу отдать тебе твоё платье. Не такое роскошное, что ты носила на балу, но зато гарантированно лучше того, в чем ты оказалась. Мы прихватили его, увидев в одной из комнат, – предложил Алекс, разворачивая кота. Сжав губы, я резко вырвала у него из рук своё платье и ушла за дерево. Через полминуты я вернулась к этому бесчувственному чурбану с тем же мрачным выражением на лице. Он сидел на пенечке, поджидая меня.

– Слушай, Алина, нам надо бы обсудить кое-какие вопросы, – бодро начал он, указывая на соседний пенек.

Вообще этих пеньков тут стояло три – как будто специально вырубленных для экстренных совещаний какого-нибудь отдыхающего в лесу совета директоров. Их охватывал плавно вытоптанный круг, поверх примятой травы белел порошок мела. На третьем уже лежал бессознательный кот, он занял самый широкий и ровный пенёк. Мне же, как явившейся последней, достался самый дурацкий – весь в сучках. Я осторожно присела на него, по-прежнему злая и обиженная, выжидательно уставившись на командора. Станный сон. Как раз сейчас пора бы ему и закончиться, иначе я могу не выдержать и поссорюсь с Алексом. А мне и в жизни достаточно с ним перепалок...

– Прежде всего, ты знаешь, что у тебя уши заострились? – ровным голосом отметил он. – Мне бросилось это в глаза, ещё когда мы были в доме.

– В доме?! Нет, нет, нет... Может, тебе показалось?

– Но я отчетливо видел...

– А сейчас не видишь, что ли?!

Я схватилась руками за уши – ой, где мои маленькие розовые ушки?! Они не только заострились, но и выросли.

– Нет, вижу, но неотчетливо, тут же темно! – воскликнул Алекс.

– Издеваешься? Даже я с моим зрением вижу все вокруг предельно ясно. Вон, кстати, мышшь пробежала, только не говори, что не видел.

– Где мышшь? – поднял голову агент 013, расширив зрачки, но, поймав мой взгляд, в котором в откровенной форме было высказано, что он последний симулянт, агент 013 нехотя уселся.

– Нет, не видел, – отчего-то с грустной ноткой в голосе ответил Алекс. – Значит, ты ещё и видишь в темноте...

– В какой ещё темноте? – разозлилась я. – Светло же, как днем. Может, тут тоже есть что-то вроде белых ночей, как в Петербурге. Аномальная же область...

Он только покачал головой.

– Ну и что? Пусть ты прав, и я окончательно превращаюсь в укусившего меня монстра, но ведь это всего лишь сон! Хотя тут странным образом все является следствием того, что происходило в реальности, – призадумалась я.

– Кто тебе вдолбил, что это сон?! – поразился Алекс.

– Это не сон! – авторитетно заявил кот, поднимаясь на лапы.

– А что же тогда это такое? Весь этот вертеп, что окружал меня целый день? – разозлилась я. – Только не говорите мне, что это в действительности туман перенес меня на упыриную вечеринку? А ходячий скелетик, рассыпавшийся в прах, едва я его толкнула, что,

тоже настоящий?!

– Это ты о хромом Игнате? – как ни в чем не бывало буркнул Алекс.

– Да, а ты откуда знаешь? А впрочем, не важно. Это ведь сон. А то, что я была королевой бала, платья, которые менялись на мне посредством волшебства, а неизвестно откуда взявшийся на Балу Вампиров снежный человек? Вы что, не понимаете, что такой бред может только присниться?! Я еще не сошла с ума!

– Так, значит, ты допускаешь, что это все-таки возможно... Как самочувствие, агент 013? – по ходу поинтересовался командор.

– Нормально, – ответил профессор, выгибая спину и усаживаясь поудобней. – Свежий ночной воздух немало способствовал улучшению моего состояния.

Но здоровье кота меня сейчас волновало меньше всего.

– Боже, так, значит, это не сон!

– Ну наконец-то созрела! – саркастично заметил котик, почесывая задней лапой шею.

Я смерила его испепеляющим взглядом. И этот циник всего полминуты назад притворялся смертельно больным? Поубивала бы гада! Мне сильно захотелось отвесить этому наглецу подзатыльник, но я сдержалась...

– Как вы меня нашли? – обратилась я исключительно к Алексу. Теперь я уже полностью вернулась в реальность и, вспомнив, что нас сейчас ищет целая кодла вампиров, почувствовала некоторую дрожь в коленках. Хотя, если бы тогда я не верила, что это сон, точно бы свихнулась или поседела...

– Не беспокойся, круг нас защитит, – сказал Алекс, чутко уловив мое состояние. – Я решил, что нам лучше остаться здесь до утра. У Семена теперь не заночуешь – проводить ночь в одном доме с его семьей, после того как мы закололи хозяина, неловко... К тому же упыри могут прийти по нашему следу в деревню. А зачем нам подставлять ни в чем не повинных людей?

– Ага, если они все поголовно не вампиры, – заметила я.

– Ты имеешь в виду ранки на шее? Не все так просто. После укуса вампира действительно можно стать его подобием, но не всегда. Попадаются и заботливые кровососы, что берегут своих жертв, как дойных коров. И не высасывают всю кровь до конца, не стремятся наплодить конкурентов.

– Понятненько, а знаешь, там, на балу, колдун говорил о двух упырях в Переделкине. Если один был Семен, то второй кто? Урюп с отцом, как я полагаю, находятся днем в фамильных склепах на кладбище где-то в округе имения. Или колдун и есть упырь?

– Вторым оказался жених.

– Не может быть! Колдун хвастался, что он сам был на этой свадьбе, лично видел вас и всех отравил солеными огурцами.

– Брехло! – припечатал Алекс. – Когда тебя унесло туманом, Семен заглянул в ворота, забыв сменить личину, наверняка рассчитывал, что мы еще спим. Пришлось показать ему, чего стоит донской казак в рукопашной схватке. Перед смертью он рассказал про Бал Вампиров, про своего друга-упыря, что сегодня женится, но демонстративно отказался говорить, в какую даль унесли тебя его хозяева. Мы над ним и так и этак бились...

– Вы что, пытали его? – возмущенно воскликнула я, с удивлением переводя взгляд с Алекса на кота, они оба отвели глаза.

– А что нам оставалось? – сердито заметил толстун. – Знаешь, как мы переволновались, гадая, жива ты еще или нет. Пришлось кормить его чесноком... Ради твоего же спасения старались, неблагодарная!

– А что случилось с вампиром-женихом?

Профессор, будто не слыша меня, принялся точить когти о пенечек. На самом деле это он так успокаивал расшатанные нервы. По его словам, после моего появления в команде они расшатались, а до этого были вполне здоровыми, кота даже кто-то из поклонников называл (опять же, по его словам) благозвучным именем Стальной Нерв!

– Это было настоящее народное гулянье, – продолжал Алекс. – За деревней на лужайке

установили столб, к которому привязали несчастного новобрачного... Какой облом, свою первую брачную ночь он наверняка представлял себе как-то иначе. Ну и сожгли, само собой, после этого и пошло веселье: песни да игры, угощения было – завались. Нам с агентом 013 даже уходить не хотелось, так там было весело.

– А невеста как отреагировала? – сочувственно поинтересовалась я. Бедная девушка – кого подсунили вместо жениха?! Мерзкого упыришку, противного кровососа. Какое дикое разочарование! С другой стороны, может быть, это был ее последний шанс в жизни и она была рада выйти хоть за упыря, но люди ее и того лишили.

– Нормально, не то чтобы спокойно, скорее с бурной радостью. Во всяком случае, отплясывала она больше всех.

– А как вы узнали колдуна?

– А кто еще кроме него мог ходить в черном тулупе посреди лета? Короче, он явился с трехлитровой банкой соленых огурцов и попытался незаметно подменить огурцы со всего стола. Может, кто бы и не заметил, но мы с напарником быстренько выкинули эту гадость подальше. Он все ждал, когда народ начнет валиться с режью в желудке, потом плюнул и ушел. Видимо, очень торопился на бал... Агент 013 шел по его следу, как первоклассная овчарка.

Я в свою очередь поведала о том, как стала королевой и что из этого вышло. Котик тем временем, слушая вполуха, начал тревожно вглядываться в темноту и вдруг закричал, указывая лапой вперед:

– Полундра! Они нас все-таки нашли!

На поляну выбежали разнаряженные, прямо с банкета, упыри, монстрики, болотные твари, землистые вампиры, горбатые карлики и вся прочая толпень. Они всем скопом бросились на нас, воя как ненормальные! С замершим сердцем я спряталась по своему обыкновению за спину Алекса, Мурзик зашипел, выгнувшись дугой. И тут все навернулись лбами на невидимую стену магического круга, вой усилился, но изменилась тональность...

– Пришлось прибегнуть к волшебству, – ровно пояснил командор.

– Ты что, разбираешься в магии? – поразила я, на всякий случай отодвинувшись подальше от того места, где в стенку лениво скребся Жабья Морда. Причем скребся он не один – тут была целая банда более активных и злых тварей, стремящихся несмотря ни на что добраться до цели. Они облепили по кругу невидимую стену, разделяющую нас, да еще, карабкаясь друг другу на головы, лезли все выше и выше.

– Да нет, в магии я почти не разбираюсь, но это всего лишь элемент самообороны, взятый из классической литературы. – Алекс тоже смотрел на них, но скорее с интересом, как в зоопарке.

Только я успела тревожно подумать: «А на какую высоту распространяется защитная сила круга?», как сверху на нас бросились сразу три летучие мыши. Алекс с казачьей небрежностью выхватил шашку и рассек пополам ближайшее к нему легкокрылое создание. Мышь успела только злобно ощерить зубки и, закатив глаза, упала нам под ноги. Я закрылась руками от напавшей на меня твари, дико визжа, – она пыталась тяпнуть меня за шею, ничуть не испугавшись чесночного ожерелья. Командор швырнул ее оземь и просто раздавил сапогом! В то же мгновение сзади на него бросился третий нетопырь. Я отломила кусок дубовой коры от своего пня и со всей силы – хлопбысь! – ошарашила летучую тварь, пытавшуюся прокусить Алексу жилу за ухом.

– А-ай! Оу-у! – предсмертно взвыла тварь, командор рухнул на землю.

– Что, получила, гадина? – торжествовала я, вновь замахиваясь своим подручным оружием.

– Ай, ё-моё! Не надо, Алина, не помогай мне! Не надо мне помогать, заклинаю тебя ради всего святого! – Он отскреб с шеи погибшую мышь и едва поднялся на ноги.

– Ну, ну... как скажешь! – обидчиво отвернулась я.

Четвертый вампир, видя гибель своих собратьев, поспешил ретироваться и, взмахнув крылами, дернул вверх. А у наших ног теперь лежали не издохшие летучие мыши, а

синюшный юноша, отказавшийся целовать мое колено, две половинки помещика Урюпа и хилое тело его отца, которого мне было по-настоящему жалко. Старичок был безвредный, не то что его жирный отпрыск.

– Да вы молодцы, ребята! – восхитился кот, разглядывая погибших упырей. Он поднял на меня лучистый взгляд. – Ты знаешь, что это конец нашей операции? Убиты два вампира, терроризировавшие село. Фу, прямо гора с плеч, умотался я что-то...

– А как же эти? – движением головы показав на все еще неутомимо скребущихся за кругом тварей, спросила я.

– Эти все приезжие, – ответил за кота командор. Он травой отер испачканную кровью шашку и бросил ее в ножны. – До рассвета им надо убраться восвояси, чтобы не угореть на солнышке. Для многих из них первые лучи означают потенциальную смерть.

Но я все еще не могла поверить – казалось, что это дело длится уже целую вечность и не закончится никогда.

– А как же колдун?

– Отыщем и возьмем с собой, ты права – оставлять его здесь преступно. Это крайне вредный антиобщественный тип, поместим его в закрытую психиатрическую лечебницу у нас на Базе, – сказал кот. – А кстати, муж с женой, которым он путем гипноза внушил, что они младенцы, почти поправились – сейчас они уже в старшем подростковом возрасте, еще неделька, и ребята окончательно придут в себя. О-о-о, поберегись!

Сверху на нас грохнулся один из неутомимых молодых вампиров, которому посчастливилось добраться до нужной высоты. Он с ходу бросился на меня, рыча и брызжа слюной. Я зажмурилась, не успев даже взкнуть... на миг щеку обожгло холодом стали! Когда открыла глаза, монстр уже валялся у моих ног на последнем издыхании, Алекс вновь вытирал шашку, а кот прилизывал шерсть. Потом командор достал шприц и взял у твари необходимую для вакцины слезу.

Потирая шею, я оглянулась по сторонам. Склизкие твари, похоже, уже начали расходиться, поглядывая на небо. Кто-то говорил Жабьей Морде, похлопывая по плечу:

– Пора делать ноги, дружище, если не хочешь тут загнуться, когда взойдет светило.

Последними отчалили болотные монстры с водорослями на ушах – эти оказались самыми упертыми. Я еще подремала часок у Алекса на плече, хотя котик уверял, что он намного мягче и на нем мне будет гораздо удобнее. Но я пожалела агента 013 (он ведь только для кота большой, а так на самом деле маленькое существо, я бы его просто расплющила, если бы попыталась использовать вместо подушки) и все-таки предпочла Алекса.

Проснувшись я от довольно чувствительной встряски – это наш казак меня разбудил, приподняв за плечи, – как известно, он не любит церемониться.

– Спасибо, – великодушно произнесла я, глядя на него сверху вниз. Для этого пришлось специально встать на пенек, на цыпочки...

Потом мы пошли по лесу, кот отлично знал дорогу, да с такой тропинки и я бы не сбилась. Важный вид Мурзика (ну как же, он ведь указывает путь!) заставил меня улыбнуться.

– Хороший у нас сыскной кот, лучше любой собаки, – заметила я нарочито громко, чтобы профессор услышал обязательно. При этом я почувствовала себя страшно вредной. Кот, как я и хотела, услышал и, как обычно, жутко обиделся. Надувшись, он остановился посреди дороги и уставился в небо. Потом тяжело вздохнул и сделал печальное лицо, явно ожидая, что я начну каяться, посыпать голову пеплом и просить прощения.

Нетушки, не дождетесь! А тут еще желудок начал прилипать к спине, это у меня впервые – возвращаться с банкета голодной! Двое моих так называемых соратников наверняка наелись вволю на деревенской свадьбе. Никогда им этого не прощу! Обжираться, в то время как я, голодная девочка, вкалывала всю без обедов и даже сухих пайков на должности королевы Бала Вампиров и Оборотней! Неблагодарная же оказалась работенка...

Так мы дошли до деревни, где народ еще только приходил в себя после вчерашнего, и,

судя по лицам, крестьяне шли на полевые работы с головной болью. Навстречу, подпрыгивая на одной ноге, вероятно от избытка чувств, выскочил Лукашка в той же драной одежонке, в которой лежал вчера на вампирском алтаре. Счастливый аж до ушей, он схватил меня за руку и заговорил быстро-быстро:

– Спасибо тебе, девица, спасла бедного Лукашку! Старенький Лукашка этого не забудет! Нет, нет, не таковский я... Урюпа уже нет, нет больше злого Урюпа! Упырь хотел Лукашку съесть, а Лукашка хороший, его нельзя есть, а тут...

– Все ясно, я все поняла, за все спасибо, – прервала я его изъяснения глубокой признательности, мягко высвобождая свою руку. – И тебе всего наилучшего, всех благ! Пока, пока, приятель.

Командор повел нас мимо дома деревенского священника, отца Пафнутия, тот как раз сидел на крыльце, внимательно следя за тем, как его работница Параська (кстати, эта девушка и была вчерашней невестой) кормила свиней. Завидев нас, поп махнул рукой, чтобы мы его подождали, и степенной походкой вышел к нам за калитку. От него мы тоже слышали благодарственные слова, произнесенные, конечно, в несколько менее эмоциональной форме, чем у Лукашки, но тоже приятно.

Потом он рассказал, что обе могилы они с дьяком как следует полили святой водой и начитали охранных молитв на всякий случай. Алекс осторожно у него поинтересовался насчет местного помещика, в чьем ведомстве находится Переделкино. Отец Пафнутий почесал бороду и сказал:

– А зачем вам? Честно сказать, с наших крестьян уже давненько никто подати не собирает. Но тайна сие! Если что, я вам ничего не говорил, дети мои. Главное, чтобы волостное начальство о том не прознало. Который месяц живем в тиши да божьей благодати. Раньше у нас Урюпины были помещики, сын и отец. Да померли давно оба. А что?

– Да ничего, так, любопытственно. Спасибо, батюшка, – по-казачьи поклонился Алекс.

– Велик Господь и чудны его деяния, – пробормотал священник и пригласил нас к себе перекусить чем бог послал. Вот этого как раз я и дожидалась – ведь сразу видно, что человек к нам расположен, так можно было бы и не кормить разговорами, а сразу перейти к главному.

– Эй, Параська, накрывай-ка на стол, – крикнул поп слегка дрожащим голосом. Я удивленно заметила, что он побаивается эту самую Параську, но ничего странного в этом, как оказалось, не было. Девка на вид здоровая, косая сажень в плечах и вид такой весьма независимый. Эта могла отплясывать на похоронах собственного жениха...

В общем, позавтракали мы чем бог послал довольно основательно. Стол был завален вкусной и здоровой деревенской пищей, хотя остались довольны только мы с Алексом. У кота же была настоящая трагедия. А все дело в том, что Параська ему сунула молоко и громовым басом велела: «Пей, Васька!» Так что несчастный котик, чей бедный желудок не переносил молока в чистом виде (только некоторые молочные продукты), вынужден был поспешно вылакать целую миску. Девица зорко следила, чтобы он съел все, отказ приравнивался к смерти...

Алекс же набросился на еду и ничего вокруг себя уже не видел. Я только смогла одарить несчастного товарища жалостливым взглядом, когда бедный котик, закатив глаза и схватившись за живот, выбежал на улицу. Основательно подзаправившись, мы поблагодарили за хлеб-соль и поклонились Параське, большой души девушке. Отец Пафнутий поделился на прощание своим горем, воспользовавшись тем, что она вышла во двор.

– Вот вам крест, жалею я, дети мои, простите уж старика за слабость, что народ так не ко времени распознал упыря в Параськином женихе. Это был мой последний шанс избавиться от этой девки, ох, грехи наши тяжкие... – горестно воскликнул он.

Не успели мы произнести в ответ хоть пару сочувственных слов, как со двора донесся такой вопль, что даже посуда подпрыгнула на месте! Затем раздались громовые выкрики Параськи, перемежавшиеся с мужской руганью, быстро сошедшей на поскуливание. Мы

всей командой ломанулись в дверь, в итоге я, как обычно, пару раз споткнулась об агента 013, напоследок еще и защебив ему хвост дверью! Священник семенил за нами. Во дворе нашим взорам предстала дивная картина...

Параська, вся пунцовая от гнева, рогатиной прижимала к дверям сарая жалобно взывающего о помощи... колдуна. Он был все в том же черном тулупе, что и на балу, лицо мягкое, невыспавшееся. Увидев нас, он злобно зашипел, но, получив резкий удар коленом под дых от девицы, сник как миленький.

– Гляньте-ка, отец Пафнутий! Ужо я-то, как пошла свиней кормить, смотрю, лезет кой-то задом из сарая, темный да страшный. Ну, думаю – ведьмедь это... Страсти-то какие! Хвать рогатину да и к нему... Ан улов-то получше оказался – колдун наш деревенский!

Пока она болтала, Алекс связал руки скисшему Митрию, пообещал сдать вредоносного колдуна властям.

– Туда ему, злыдню, и дорога, – обрадовалась храбрая Параська, а священник, очнувшись, поспешно закивал, изъявляя свое полное согласие. И тут же по случаю прочел подходящую молитву, дабы ворог не сбежал...

До леса нас провожала едва ли не вся деревня. По дороге колдун пару раз пытался вырваться, но мужики подзатыльниками контролировали ситуацию.

– Отвечай сейчас же, что ты делал у попа в амбаре? – потребовал народ у нашего пленника.

– Кур воровал! – злобно орал колдун. – Казака с таджичкой дожидался, чего же еще? Эх, если бы не костоломка эта, что у Пафнутия в девках числится, заколдовал бы я всех вас... Хоть бы и всю деревню сразу же!

– Ну уж извиняй, коли помешали, – добродушно смеялись люди. – Будешь на Колыме, пиши, не забывай родины...

Настроение у меня было приподнятое, впрочем, как и у всех. Митрий, разумеется, не в счет, ему-то не с чего было радоваться. Особенно после того, как я нашептала ему на ушко, что ждет его не сахалинская каторга, а сумасшедший дом. Прощались шумно и радостно, со взаимными слезами и приглашением забегать в гости. По-моему, тот факт, что необразованная таджичка вдруг свободно заговорила по-русски, никого особенно не тронул...

Найдя подходящее местечко за деревьями, командор вытащил «переходник» и, нажав нужную кнопку, перенес всех нас на Базу. Наконец-то! Когда мы очутились в знакомом коридоре с серыми стенами, одинаковыми дверями и родными монстрами, я даже запрыгала от радости. Кот умиленно смотрел на меня, и Алекс удивленно поинтересовался:

– Что это с тобой?

– Дом! Милый дом! Душ, туалет, теплая койка и двойной компот у Синелицкого...

Мои напарники пожали плечами. Бурная радость в душе медленно улетучивалась.

– Ну и тьфу на вас... – хладнокровно фыркнула я. – Что встали? Может, все-таки сбудем с рук этого озабоченного чудика?!

Колдун ошарашенно озирался по сторонам и уже с гораздо большим уважением посмотрел на нашу команду:

– Что это за колдовство? Как вы это сделали, коллеги? В смысле, как мы сюда перенеслись и что это за место?

– Ну, тут нет никакого колдовства, – важно начала я, но кот меня перебил:

– Хватит терять время. Избавимся от колдуна, сдадим рапорт и отдыхать.

Именно так мы и поступили. Только теперь, сдавая рапорт шефу, я старательно прикрывала свои заостренные уши волосами, все время приглаживая их ладонями. Начальник, заметив появившийся у меня комплекс, поспешил успокоить, сказав, что я очень похожа на эльфийскую девушку.

– Правда? – с надеждой спросила я, если это так, то хоть как-то утешает. Эльфы, по Толкиену, довольно симпатичные существа.

– Правда, правда! – кивнул добрый шеф. – Сколько я их загубил в свое время,

вспомнить страшно... и все симпатичные-е!

Мы заслужили длительный отдых и целых пять дней могли наслаждаться негой и покоем. Учитывая, что наше задание в России прошло с перевыполнением плана, начальство сочло возможным поощрить нас финансово. Когда профессор пересчитал начисленный на мою дисконтную карту гонорар в рублевом эквиваленте на 2003 год – я обомлела! Лет пять можно не работать, а красный диплом об окончании института мне принесет на дом ректор в зубах...

После обеда мы сидели в оранжерее, я не рассказывала о ней раньше, хотя место того стоило. Это был огромный зимний сад с фонтанами, предназначенный для отдыха сотрудников Агентства по борьбе с монстрами, да и вообще всех обитателей Базы. Здесь, как пояснил мне кот, были собраны растения со всех известных его современникам галактик. Но меня больше всего забавляли гуляющие тут в большом количестве больные из клиники для монстров – кто на костылях, кто с перевязанной головой или рукой, и все, включая и выздоравливающих, поголовно в стильных полосатых больничных пижамах. Самоубийцы держались обособленно, людоеды, наоборот, искали компании, гномы любили посидеть с трубочкой, а хоббиты стаями носились взад-вперед.

Пусик под большим фикусом признался мне в своих искренних чувствах и чистых намерениях. Страстно прижимая лапу к груди (к своей, разумеется!), он сказал, что уже давно меня любит и только сейчас наконец-то нашел в себе силы признаться в этом. Мне было страшно приятно это выслушивать. Хотя, разумеется, никаких твердых обещаний я ему не давала. Сама того не замечая, за эти пять дней, что мы отдыхали на Базе, я подозрительным образом сблизилась с котом. Вроде бы всегда между нами существовало определенное противостояние, и слишком уж теплых чувств я к нему не испытывала, считая врединою, зазнайкой и законченным занудой. Нет, он ничуть не исправился, скорее, остался прежним и даже, может быть, еще больше заважничал (перед Алексом, после того как моя нежная дружба с ним начала бросаться в глаза). Но отношения стали намного теплее...

«Это потому, что ты превращаешься в Зверя, – гнусненько шептал разум. – Ты теперь своя и среди нечисти. Недаром так непринужденно чувствовала себя в их кругу, когда тебе „посчастливилось“ побыть Королевой Вампиров, ведь так? Среда животных все больше затягивает тебя, верное доказательство тому – новая стадия отношений с хвостатым профессором. Признайся, тебя тянет к ним».

Незаметно для себя обнаружила, что в эти дни я непринужденно, как со старым приятелем, начала общаться с грифоном Рудиком, подружилась с безголовым официантом из столовки, заимела множество знакомств среди хоббитов, в большом количестве шнырявших по коридорам. Натыкаешься на них просто на каждом шагу, куда ни пойдешь – везде они. По всему видать, размножаются прямо тут, у нас на Базе... Пообщавшись с ними со всеми, я начала приходить к мысли, что никакой трагедии в том, что я превращаюсь в монстра, нет. Просто у меня появится новый круг общения, новые друзья, глядишь, со временем выйду замуж за какого-нибудь дракончика или волкодлака. Чем они хуже людей?

Первым шагом к выходу из этого состояния, которое можно назвать одновременно и пофигизмом, и осознанным выбором, послужил такой случай. Однажды после завтрака мы с котом по традиции резались в шахматы, и тут влетел в комнату Алекс прямо-таки с обезумевшим лицом. Такое впечатление, будто бы его только что лишили офицерского звания...

– Что случилось?! – воскликнули мы с агентом 013. Меня, как обычно в последнее время, командор проигнорировал, однако же с профессором побеседовать соизволил. Выйдя в коридор, разумеется... Я попыталась подслушать их разговор, но не вышло. Когда кот вернулся доиграть прерванную партию, я уже успела убрать с поля его коня, мешавшего мне провести хороший ход, а свою пешку досрочно провела в ферзи.

– Ну?! – с горящими глазами поинтересовалась я.

– Что ну?

– Я имею в виду командора, то есть причину, по которой он пребывает в таком

нехарактерном для него лихорадочном состоянии. Колись, мой боевой друг! – Не то чтобы я так сильно интересовалась проблемами Алекса, просто надо было отвлечь кота от некоторой перестановки на шахматной доске.

– Похоже, в лаборатории сейчас полный разгром, – пробормотал агент 013, косясь на свои фигуры. Видно, пытался, недоверчивый, определить, все ли они на месте.

– А что такое? – удивилась я.

– Да Алекс уже испереживался весь! Ты что, не замечаешь? Волнуется из-за тебя страшно, что ты превратишься в Зверя. С вакциной-то они в лаборатории не успевают, а он просто с ума сходит из-за такой глупости. Подумаешь, беда – стать монстром... Не так все страшно. Хотя, конечно, он судит со своей человеческой позиции, – с некоторым чувством превосходства добавил агент 013.

Котик знал, что мои взгляды сильно изменились, поэтому и говорил в таком тоне. Однако меня его сообщение чем-то задело... Ну то, что лаборанты-гоблины опаздывают с вакциной, действительно плохо. Ведь обещали успеть до завтра! Хотя лично мне теперь до этого нет дела. Наверно, это остаточные страхи – помню, как раньше я боялась превращаться в «чудовище». А теперь у меня, кроме всего прочего, еще и ногти на руках стали в когти превращаться. Прямо-таки орлиные когти, как у Рудика, а мне хоть бы хны. Да ну, так даже прикольное. Я их покрасила ярко-красным лаком и при случае пугаю окружающих, как будто это свежая кровь. Вот разве что мама...

Я вскочила с места и, провожаемая удивленным взглядом кота, выбежала из комнаты. В дверях сбила с ног какого-то хоббита, который по обыкновению пришел ко мне в гости. Я их еще по именам не различаю, уж слишком они одинаковые, в руках у него был какой-то гостинец для меня. Наплевав даже на гостинец, я понеслась по коридору, скользя на глянцевого полу. На поворотах то и дело сшибала кого-то (если этот кто-то был мелкий) или украшала себе лоб шишкой (если существо оказывалось намного крупнее меня и не хотело сшибаться).

Наконец я добежала до цели, ворвалась в комнату, на двери которой висела табличка «Вход только для горбоносых горбунов». Это не шутка, на Базе соответствовали этим критериям только гоблины – сотрудники лаборатории (похоже, они не стеснялись особенностей своей внешности). И ниже сияла категоричная приписка: «Также вход строго воспрещен для всех, кто выше метра ростом».

– Не очень-то приветливо, – рыкнула я себе под нос. Но в комнате меня встретили не так спесиво, как можно было предполагать. Интеллигентные уродцы в белых халатах глядели на меня снизу вверх очень испуганно. Один даже прижался к стене и вжал голову в плечи. Но это у него плохо получилось – плечи были чрезмерно узкими, а голова слишком большой.

– Э-э, уважаемая Алина Рашидовна, – начал один из гоблинов, весь трясась. – Мы хорошо понимаем ваше состояние, для вас сейчас очень важно как можно в более короткие сроки получить нужную вам сыворотку. Уверяю вас, Алина Рашидовна, все силы лаборатории мы бросили на изготовление этого препарата. Но господин Орлов вечно мешает нам и прерывает нашу работу, необоснованно обвиняя нас в халатности и медлительности. Нас, лучших фармацевтов современности! А с некоторых совсем недавних пор, где-то минут десять назад, он начал применять уже не только психологическое, но и физическое воздействие – он приложил маленьким тиглем по голове старшего лаборанта. Это уж совсем никуда не годится! Мы, ученые, не привыкли... – По мере возраставшего возмущения голос горбуна становился все выше и выше. Пришлось прервать его бесконечные жалобы, потому что мне попросту стало тяжело их слушать.

– Э-э... видимо, вы начальник этой шарашки? Извините, этой лаборатории... э-э... господин...

– Фарди, – представился гoblin, слегка поклонившись, что, видимо, заставило его вспомнить еще и о личной травме, – дико вскрикнув и выпучив глаза от боли, он схватился за поясницу. – Да, это тоже последствия вторжения вашего буйного друга, – укоризненным

тоном пояснил начальник лаборатории.

– С ним будет отдельный разговор, а почему лекарство еще не готово? – грозным тоном поинтересовалась я, не испытывая ни капли сочувствия к горбатому ученому, который к тому же принялся весьма правдоподобно стонать.

Фарди сделал мученическое лицо. Тут только я заметила, что остальные гоблины куда-то пропали, откровенно бросив своего коллегу и руководителя на растерзание полумонстра. Наверное, решили, что с них на сегодня уже достаточно побоев и угроз.

– Уверяю вас, мы делаем все, что в наших силах, – привычным тоном занудил гoblin, предусмотрительно отступая к стене. – Весь необходимый материал у нас имеется. Вся незадача в том, что реакция несколько замедлилась.

– Так поторопите ее!

– Это не от нас зависит, как вы сами понимаете, уважаемая Алина Рашидовна, а от взаимодействия разных составов крови... Еще три-четыре дня, и, я думаю, искомая сыворотка будет готова. Не убивайте-е-е...

* * *

– Значит, ты проведешь с нами как минимум еще одну операцию, – не скрывая радости, воскликнул кот, выслушав мои жалобы на лабораторных гоблинов. – И даже не спорь! Это поможет тебе отвлечься. Разве будет лучше, если оставшиеся дни ты без дела будешь слоняться по Базе и портить себе нервы бесполезными размышлениями на тему: «Итак, теперь я стала монстром. Что делать?»

Профессор ничуть не удивился, что мои взгляды так резко изменились за последние пятнадцать минут.

– Конечно, ты человек. Я бы сам не очень обрадовался, если бы ты стала жуткой тварью с клыками и шипами на хвосте. Ведь я... э-э... привязался к тебе такой, какая ты есть. Конечно, жаль, что ты не кошка, у нас могли бы...

– Кхе-кхе, – предупредительно закашляла я, смерив зарвавшегося котика суровым взглядом.

– Вот я и говорю, хорошо, что ты не кошка, – испуганно поправился Мурзик. – А то ведь у нас, у котов, куча проблем: блохи мучают, жара летом опять же, а ты в неснимаемой меховой шубе, а еще аквафобия – жуткая беда, приходится мыться языком. Но ведь кто увидит, обязательно засмеет, дескать, профессор, два высших образования, знание шести языков, а сам вылизывает себе... э-э... под хвостом, – окончательно смутился он. Я утешительно потрепала его за ухом, и он вновь размяк: – Ну вот, с чего я начал-то? Значит, едешь с нами в Шотландию. Нет, ты, конечно, можешь и отказаться, твое право. Для вакцины мы уже добыли все, что нужно. А это дело о безумном призраке – вряд ли оно обещает быть очень уж увлекательным. Может быть, мы там никого и не убьем...

– Кому ты это говоришь? – Я даже чуточку оскорбилась. – Разве я не полноправный спецгент по борьбе с монстрами и оборотнями?! Неужели ты думал, что я отпущу вас вдвоем, а сама останусь здесь в ожидании своей участи, буду грызть ногти и поплевывать в потолок, время от времени устраивая погромы в лаборатории? Не со зла, а исключительно для разрядки.

Котик посмотрел на меня с уважением, сказал что-то вроде того, что он во мне не сомневался, и предложил продолжить прерванную партию в шахматы.

В общем, в отношениях с ним была полная идиллия, оборвавшаяся, впрочем, весьма внезапно. Должна признать, что Алекса я как-то даже перестала замечать, все больше общаясь с толстячком и с ним проводя все свободное время. Если темы для разговоров на каком-то этапе исчерпывались, мы могли часами сидеть в оранжевее бок о бок и любоваться на пальмы в кадках.

Алекс подкараулил меня в коридоре, пока я ждала кота, заскочившего на минутку в комнату с буквой «М».

– Слушай, Алина, – начал он с отрешенным выражением на лице, – я вот тут смотрю, ваши отношения с агентом 013 уже давно больше чем товарищеские. И с каждым днем заходят все дальше... – И пока я стояла, изумленно раскрыв рот от такой наглости, Алекс продолжал все тем же безразлично-суетливым тоном: – ...Конечно, это не мое дело. Но, как друг и старший товарищ, я должен тебя предупредить. Знаешь ли ты, что агент 013 женат? Быть может, для тебя это не помеха, но у него к тому же еще двенадцать несовершеннолетних котят...

– Что-о?!

Наверное, я начала сползать по стенке. Коварству моего хвостатого ухажера не было предела... Алекс исчез так же неожиданно, как и появился. Позади меня скрипнула дверь, из которой вышел кот и счастливым голосом начал (поскольку не видел еще моего лица):

– Помнишь, Алиночка, я хотел подарить тебе кольцо? Вот оно! Я не стал дожидаться аванса, решил вручить тебе немного раньше. Прими в знак глубокого уважения, и, я надеюсь... – договорить он не успел. Пинок под зад оборвал его тщательно подготовленную речь! Он полетел в одну сторону, золотое колечко с недурственным камушком в другую, и последнее, что я увидела, прежде чем броситься бежать, с трудом сдерживая душившие меня слезы, – это его кроткие удивленные глаза.

Куда этот негодяй приземлился, я не успела заметить. Да меня это и не волновало. Ах ты, маленькая скотинка! Сукин кот! Чертов белопогонник! Видеть тебя больше не хочу! Еще раз пришла к выводу, что все мужчины одинаковы – будь то кот (вот ведь каким паршивцем оказался), волк-оборотень или сероглазый человек без сердца. Весь вечер меня утешали хоббиты, жертвы мордорского синдрома, отпаивали чаем и откармливали пирожными, специально для меня уворованными с раздачи у Синелицега.

Теперь я просто игнорировала кота, который ходил с перевязанной головой и никак не мог понять, что он такого сделал, чтобы его вот так походя швыряли об стенку. Естественно, он был жутко оскорблен, но на сатисфакции не настаивал. Более того, благодаря своей рассудочности первым попытался пойти на примирение. Когда во время ужина он подавал мне тарелку за столом и даже принес дополнительный стакан компота, то попытался завести разговор о кулинарии. Тут уж я не выдержала, за столом сидели только мы двое, Алекс ушел за добавкой, а значит, толстун обращался исключительно ко мне.

– Слушай, я не желаю с тобой разговаривать, маленький хвостатый предатель! – безоговорочно прервала его я.

– Но я не понимаю почему? И, кроме того, хочу сказать, что меня еще никто никогда в жизни ни разу не пинал. Я – профессор! – возмущенно воскликнул он.

Никогда не понимала, при чем тут это? Разве профессорство хоть кого-то защищает от трепки? Кот сложил лапы на груди и отвернулся, гневно топорща усы, видимо очень ярко припомнив обиду. В этот момент я его просто ненавидела!

– Вы что, снова ругаетесь? – добродушно поинтересовался вернувшийся Алекс, как будто не понимая, в чем дело.

– А что, вдруг объявившаяся жена и двенадцать детей это еще не повод?! – раздраженно воскликнула я.

– Где?! – выпучил глаза кот.

– В Харькове! – угадала я, торжествуя, в свою очередь, складывая на груди руки. Но торжествовала я недолго...

– Поклеп! Это наглое, бесстыжее и абсолютно беспочвенное обвинение! Я – холост, и никаких детей у меня нет! – на всю столовую вопил кот. – Можешь проверить в секретариате, пусть посмотрят по компьютеру. Двенадцать детей?! За кого ты меня принимаешь, я вам не кролик-производитель...

Столовая гоготала! Бедный командор от смеха чуть не захлебнулся супом.

– Да вы что, ребята, я же по-пошутил! Алина, оказывается, ты совсем не понимаешь шуток... Прости, напарник, если бы я знал, что последствия бу-будут такими... э-э... такими чувствительными ой, не могу!.. вовек бы не стал этого делать, – попытался оправдаться он,

хотя в его тоне не чувствовалось ни малейшего раскаяния. К тому же как можно классифицировать раскаяние сквозь смех? Мой грозный взгляд, которым я поначалу намеревалась испепелить Алекса, быстро сошел на нет. Минутой позже я, не выдержав, хохотала вместе с ним. Одному коту было не до смеха, потому что он решил, что смеемся мы над ним. Неправда, я веселилась исключительно над собственной глупостью...

В тот же день, примирившись, мы уселись в библиотеке и принялись за изучение досье привидения-убийцы из замка Моррисвилль. Профессор, нацепив очки и приняв важный вид, начал объяснять суть дела:

– Почти всех, кто контактирует с ним (или с ними, пока не выяснено), поражает апоплексический удар. И человека, естественно без всяких следов насилия, находят мертвым на лестнице, в спальне, на чердаке – где угодно. Раньше такие случаи наблюдались в других замках, но они были единичны. Тут все объяснялось скорее физическим состоянием жертвы, чем появлением призрака. Это были смерти, произошедшие в результате шока у людей с ослабленным сердцем или чрезмерно ярким воображением. Но сейчас умирают совершенно здоровые люди.

– Это как же надо напугать человека, чтобы он умер от инсульта! – удивилась я. Несмотря на то что у меня за плечами были уже четыре дела с опаснейшими поворотами, предстоящее путешествие казалось в их ряду, может, даже самым опасным из-за непредсказуемости.

– Привидения действуют спонтанно, – продолжал кот. – Они неуловимы. Могут появляться и исчезать, когда им вздумается. Не оставляют следов, если не считать следами хватающегося за сердце и мгновенно поседевшего человека, бормочущего что-то насчет Проклятого Герцога, который попытался подставить ему подножку прямо на лестнице, или насчет Худощавой Дамы, залепившей ему пощечину, когда он в панике попытался пройти сквозь нее.

– И как же мы будем решать эту проблему? – поинтересовалась я сразу у обоих моих товарищей.

– Разберемся на месте, как обычно, – пожал плечами Алекс. – Предположения, конечно, есть, но их еще надо проверить.

В тот же день я встретила в коридоре наше суровое начальство. Хотела поспешно ретироваться – после рассказов об эльфах я его немного побаивалась, – но не успела. Он меня уже заметил и, добродушно улыбаясь, шел навстречу, протягивая ко мне ручки.

– Агент Алина Сафина, как я рад вас видеть!

«А уж я-то как», – сделав кислую мину, подумала я, с трудом пытаюсь улыбаться.

– О вчерашнем недоразумении в лаборатории забудьте! – радостно отмахнулся он. – Я искал вас не для того, чтобы отчитать, а совсем по другому поводу. Премного наслышан о вашей проблеме, весьма и весьма сложной, как оказалось. Не огорчайтесь! При любом исходе, даже если вы, извините, со временем совершенно превратитесь в монстра, насчет работы можете не беспокоиться. У нас на Базе всегда найдется для вас вакантное место уборщицы или посудомойки.

И, ободряюще похлопав меня по поясу (хорошо хоть на этот раз дотянулся), шеф удалился, улыбаясь своим мыслям. Я показала ему вслед язык и отправилась искать ребят, чтобы напомнить им про ужин. Следующий день прошел – как и обычно перед операцией – в бестолковой и суетливой подготовке к отъезду в Шотландию, так что вырвались с Базы только вечером.

Глава 5

Мы очутились на широком плато среди скалистых гор. Внизу была возделанная зеленая долина. Дул холодный порывистый ветер, воздух был довольно влажный, морской. Вдалеке в предзакатных лучах поблескивала серая кромка воды. Похоже, это было озеро, и довольно большое, надо сказать. Проследив за моим взглядом, кот поправил берет и

клетчатую шотландскую юбочку (он все-таки ее надел, как мы с Алексом ни убеждали его, что со стороны это будет смотреться по меньшей мере комично) и с усмешкой заметил:

– Кстати, это тот самый знаменитый Лох-Несс.

– О-о! – восхищенно выдохнула я. Надо сказать, что меня тут все восхищало: и покрытые зеленым ковром поляны, и серые скалы, и свежий ветер с гранитным песком, который забивался в нос, заставляя ежеминутно чихать.

– Апчхи! Кстати, давно хотела узнать, Лохнессское чудовище это действительно реальность или все-таки хороший рекламный ход местных жителей для привлечения как можно большего количества туристов? Последнее звучит более правдоподобно, потому что в противном случае... а-аапчхи!.. здешнему населению пришлось бы жить впроголодь.

Действительно, на клочках неплодородной земли между скал не слишком много вырастишь для прокорма семьи. Разве что на овцеводстве как-то можно выехать. Я углядела пару грустящих овец и решила, что оно тут, похоже, недоразвито...

– Ты же ничего не знаешь о здешней охоте. Погоди, тут за скалами есть такой обалденный лесок, кишачий зайцами, лисами, кабанами и благородными оленями, что закачаешься. Правда, охотится в нем только граф, новый владелец замка Моррисвиль, некто Макмиллан, который, кстати, и пригласил нас сюда. Мы – его последняя надежда. В борьбе с призраками бедняга за полгода потерял двух братьев и бабушку, замок достался ему по наследству, хотя он и раньше сюда наведывался.

– Значит, мы будем жить в настоящем замке? – У меня заблестели глаза. – Здорово! Но что насчет обитателя озера? Я так и знала, что все это вымысел. А как романтично выглядело бы живописное горное озеро со своим собственным змеем-драконом.

– Я все время забываю, что ты еще новичок в нашем деле. Существует ли Лохнессское чудовище? Ответ знает каждый хоббит у нас на Базе. Как оно может не существовать? Ведь это один из наших лучших спецагентов, – с гордостью сообщил кот.

– Одна! – поправила я. – Сколько помню, Лохнессское чудовище – женского пола и зовут ее Несси.

– Это для конспирации... – таинственным шепотом признался кот. – На Базе женщины не работают, за редким исключением, разумеется...

– Очень приятно слышать, что в одной области со мной сотрудничают такие знаменитости, – осторожно заметила я, покосившись на Пусика. Что-то у меня не вызывало доверия его заявление, может, шутит? Хотя, с другой стороны, чувство юмора у него слабо развито. Но как земноводное существо может числиться в такой деятельной организации, как наша, и даже быть лучшим?! Мое любопытство пересилило недоверие.

– Ты меня с ним познакомишь? – с замирающим сердцем спросила я.

– Почему бы и нет... Вот, кстати, именно через него хозяин замка и вышел на нас, – добавил кот, но не пояснил, как именно граф это сделал. Наверно, во время дружеских посиделок у камина, прихлебывая эль из кружки, лорд Макмиллан сказал сидящему в соседнем кресле змею, дракону или динозавру: «Что-то в последнее время призраки у меня расшалились. Совсем проходу не дают... Может, что посоветуешь, приятель?» – «Самой собой, Мак! Конечно, я помогу тебе, вернее мои товарищи, – отвечал змей, выпивая залпом целую кружку пива и блаженно протягивая лапы к огню. – Ты обратился прямо по адресу. Никто не умирят призраков лучше, чем специально подготовленные агенты нашей Базы, профессионалы, борющиеся со всякой аномальной нечистью». – «Вот и славно, друг мой...» – благодарно кивал граф. Господи, ну и бред...

Примерно с полчаса мы вприпрыжку спускались вниз. Вприпрыжку, потому что такой ухабистый был спуск. Проклятые камни – я себе все ноги о них отбила. Данная местность находилась на самом севере Шотландии и сейчас называется Хайленд (не знаю, как называлась тогда, не уточняла у кота). Медальоны «переводчики» мы захватили с собой, без них просто не обойтись. Никто из нас троих не знал кельтского, даже профессор, и тот о нем имел весьма слабое представление.

Мы вышли из-за скалы, и нашим глазам открылся замок, огромный, неприступный и

мрачный, весь из серого камня с узкими окошками-бойницами. Он очень гармонично, не выбиваясь, вписывался в колорит местной природы. Я понадеялась, что хоть внутри там все обставлено в более современном стиле и пригодно для временного пребывания цивилизованного человека. Два-три дня – не больше, дольше я не выдержу, ведь мы предполагали увидеть на дворе девятнадцатый век.

– Эй, ребята, а вы уверены, что мы не ошиблись двумя веками и не попали назад во времени, – недоверчиво сощурилась я, попеременно оглядывая замок и попадавших на пути людей, неумытых и одетых как-то уж слишком неряшливо и бедно. Те в ответ глядели на нас неприязненно и колко, хмуря густые брови. Увидев одетого в юбочку и беретик кота, они резко шарахались в сторону. А ведь в горах, как известно, резко шарахаться нельзя – последствия легко предсказуемы. Проследив взглядом за очередной жертвой сногшибательной внешности кота, с воплями сорвавшейся с обрыва, Алекс спокойно произнес:

– Нет, ошибки никакой, прибыли куда надо.

Пройдя по зеленой, местами каменистой долине, мы наконец-то подошли к замку, окруженному глубоким рвом. Грубо сколоченный мостик не производил впечатления надежности. Мы ступили на шаткие доски. Котик легкой трусцой пробежал по ним первым, ворча, что ни за что не согласится подвергать свою жизнь опасности, находясь на гнилых досках одновременно с такими тяжеловесами, как мы с Алексом. Следом за ним под своды замка ступили и мы. Навстречу нам вышел рыжеволосый парень лет двадцати пяти – дворецкий, судя по красной ливрее и серым перчаткам (когда-то они, видимо, были белыми), – и более эмоционально, чем позволяла его должность, приветствовал нас. Хотя при виде раздетого кота он ничем не выдал удивления, разве что еле заметной дрожью рук.

– Граф Генри Джон Эдуард лорд Макмиллан ждет вас в большой гостиной. Прошу вас следовать за мной. Ой, чуть не забыл... Гости у нас такая редкость, что церемониальный текст со временем вылетает из головы, – оправдываясь, покраснел он. После чего, изменив тон, торжественно выпучив глаза от усердия, произнес: – Я Ларч, дворецкий! Добро пожаловать в Моррисвилль-холл, леди и джентльмены! – При последнем слове он покосился на кота, который слушал дворецкого, подбоченившись и важно задрал подбородок. – Что-то я заболтался тут, пойдемте скорее, а то ведь граф под плохое настроение может и вычестить из жалованья за медлительность. – Он посмотрел на нас с укоризной, словно тут была и наша вина. Странный болтливый тип, как-то не вяжется с образом вышколенного дворецкого.

Мы поднимались по узким винтовым лестницам, затем шли коридорами с удлиненными окнами и полу, выложенному терракотовыми плитами. В общем, европейское Средневековье. Похоже, Ларч не очень испугался, увидев мои вертикальные зрачки, хотя в полумраке, который в основном тут царил, они могли и расшириться. Остроконечные (эльфийские, по словам шефа) ушки были прикрыты моими длинными волосами, мне сделали завивку, и они локонами ниспадали на плечи. В те времена в Шотландии носили такие упрощенные прически, проще говоря, ходили с распущенными волосами даже по улицам, и никому это не возбранялось. Чепчик бы скрыл уши намного надежнее, но надевать такое убожество я наотрез отказалась. Не хочу снова быть похожей на провинциалку или простолюдинку, хватит с меня и Франции...

Может быть, это мой последний выход в свет в человеческом облике, и, само собой, в этот раз больше чем когда-либо мне хотелось выглядеть достойно. В костюмерной я остановила свой выбор (из всего скарба, относящегося к двадцатым – тридцатым годам девятнадцатого века) на нешироком платье с оборками и завышенной талией, с корсетом, страшно поднимающим грудь, так что я в первый момент почувствовала себя так плохо, что даже ненадолго отключилась. Но на какие только жертвы не пойдешь, лишь бы твоя грудь казалась хоть на полразмера больше! Платье в целом ничего себе, очень красивое, из белого муслина, в стиле «почувствуй себя невестой». Сверху я надела синюю бархатную пелерину с капюшоном, на ногах чулки и ботинки со шнуровкой. Чтобы переобуться в замке, я взяла с собой еще и модные туфли на каблуках (неслыханная роскошь – обычно мы обходились

одним комплектом одежды). Плюс перчатки, скрывающие когти, мне, конечно, сделали маникюр, но все-таки... А улыбаться придется очень осторожно, чтобы местные жители не увидели моих белоснежных острых клыков, а то ненароком по своей дикости еще примут за вампира. Если клыки, то, значит, обязательно вампир! Это заблуждение уже начинает раздражать, как будто мало других разных существ с клыками и кроме вампиров? Последними я уже сыта по горло после предыдущей операции в упыриной деревне.

Значит, улыбка, как у Жозефины или Джоконды – не разжимая губ. Я тут же потренировалась на молодом дворецком, то и дело оборачивавшимся на нас, причем с таким тревожным взглядом, как будто существовала вероятность, что мы убежим. Похоже, моя улыбка произвела на него впечатление. Ларч задрожал и ускорил шаг – больше он не оборачивался.

– Не правда ли, красивый парнишка? – обратилась я к Алексу. Парень и верно был очень симпатичный: высокий, статный, с рыжими лохмами, веснушками по всему лицу и выпученными голубыми глазами.

Но Алекс только недовольно фыркнул в ответ. Я не особенно удивилась – этот грубиян никогда не разделяет моих вкусов. И как ни странно, в шотландском народном костюме смотрелся он несколько скованно. Нет, ножки у него хорошие для мужчины, может, стесняется просто? Нас провели в большой зал с высоким потолком и огромным камином. Ларч успел заскочить первым и объявить о нашем приходе графу, который оказался довольно приятным молодым мужчиной. На нем была белая рубашка с высоким накрахмаленным воротничком, сверху темный жилет выше талии и темно-бежевые панталоны. Вьющиеся светлые волосы, баки и длинный породистый нос. В общем, красавчик, типичный лондонский денди, именно такими я их себе и представляла. Вот это уже настоящий джентльмен, не то что Алекс. Граф, споткнувшись на ровном месте, восторженно кинулся нам навстречу. По привычке я разулыбалась, но тут же, опомнившись, крепко сжала губы.

– О, наконец-то вы приехали, друзья мои! Лохис о вас так много рассказывал.

Я подумала, что обо мне-то он вряд ли что говорил, но хозяин слишком перевозбудился, чтобы ему сейчас об этом напоминать.

– Присаживайтесь, джентльмены, прошу вас. А вы, милая леди...

– Алина, – покраснев, представилась я, слегка приседая.

– Алина! Какое божественное имя уже по одному его звучанию! – вскрикнул граф, подсакивая на месте от переизбытка чувств. «Может, он выпил?» – закралась в голову мысль, но я отмела ее как недостойную, похоже, граф по жизни был такой восторженный. Глаза его сверкали, он весьма галантно поцеловал мне руку и добавил: – Для меня большая честь принимать вас в моем скромном доме. Лохис много говорил о вашей выдающейся красоте, но я и подумать не мог, что реальность окажется настолько ослепительной!..

– Позвольте, милейший, – недовольно прервал его профессор. – Кажется, нам надо вам кое-что объяснить...

– О! Говорящий кот! О вас я тоже премного наслышан. – Макмиллан опустил глаза вниз, вежливо улыбаясь коту. – Кстати, вам очень идет этот костюм. Сидит просто идеально по вашей фигуре, шили в Лондоне, на заказ?

Я прыснула в кулак, но тут же сделала постное лицо, поймав полный ярости взгляд агента 013.

– У нас важное дело! Compliments и славословия стоило бы оставить на потом.

– Вы хотите, чтобы я сразу же рассказал о несчастье, постигшем вашего покорного слугу? – капризно спросил граф, после чего поклонился Алексу с самой обворожительной улыбкой. – Сэр Алекс? – поинтересовался он.

Командор чуть наклонил голову, лицо его при этом было как у сушеной воблы, то есть ничего не выражающее. Хм, обычно при первом знакомстве он всегда улыбается. Неужели ревнует? Блеск! Ничего большего на сегодня мне и не было нужно.

– Итак, я готов начать горькую повесть нашего рода...

– Нет! Мы хотим, чтобы вы сначала показали нам наши комнаты, подали в самое ближайшее время ужин и дали нам отдохнуть с дороги. Спуск с горы – довольно утомительное занятие для того, кто ходит без сапог. Будем рады видеть вас часа через два, здесь же, тогда и расскажете поподробнее о ваших баранах, то бишь призраках.

В первый раз видела таким агента 013. И это наш интеллигентный добрый котик! Все это было произнесено столь высокомерным тоном, что граф не посмел возражать. Тут же был вызван Ларч, который поспешно проводил нас до комнат, где уже какая-то миссис Максффри застилала постели. Такая длинная, худая, плоская как доска женщина в чепчике с трагичным лицом и ключами на поясе, видимо домоправительница. Она ничуть не удивилась, увидев кота в берете, и лишь холодным шепотом сообщила мне, что Максорли Игрок в последние дни ведет себя хуже некуда. Выскакивает из-за угла и сбивает с ног своей ужасной клюшкой.

– Остерегайтесь поворотов, мисс, – предупредила меня она, сделав торжественную мину.

– А что, этот Максорли живет в замке? – спросила я, вспомнив известного энхаэловского хоккеиста моего времени Марти Максорли. – Он что, родственник сэра Генри?

– Да, троюродный прадедущка по материнской линии, – кивнула миссис Максффри. – Был видным игроком в мяч в свое время. В один из сезонов он даже получил «Харт Трофи», приз самого ценного игрока.

Я уже поняла, что речь шла о призраке.

– О! Надо же, каким он был талантливым, – восхищенно округлила я глаза. Вообще-то я больше люблю хоккей с шайбой, но все равно и английский хоккей на траве вызывает у меня живой интерес.

– Отнюдь, пользы он приносил даже меньше, чем если бы вообще не играл. Из-за своей драчливости Максорли был прямо-таки рекордсменом по штрафным минутам, из-за него команда вечно плелась в хвосте. Ему и приз-то дали только после того, как он пообещал отдубасить все судейство. Вот его портрет на гобелене, – даже не оборачиваясь, она указала на полотно.

– И что же, все так и молчали? – удивленно поинтересовалась я, разглядывая широкоплечего парня с изуверским лицом, стоявшего посреди луга и замахнувшегося клюшкой.

– Он был сыном владельца двух поместий, сэра Максорли, который и финансировал всю команду, – с натуженной гордостью оповестила женщина.

– И папа тоже ходит здесь призраком? Однако какие у вас знатные привидения! – позавидовала я.

– Нет, к счастью, он умер в другом месте, – изрекла миссис Максффри. – Ведь дополнительный призрак – это дополнительные проблемы.

Закончив свои дела, она вышла из комнаты. Я осталась одна. И зачем только коту потребовался отдых? Очень не вовремя, мне-то совсем не хотелось отдыхать. Я окинула взглядом комнату и поневоле залюбовалась. Да, немного старомодно, конечно, но довольно изысканно. На деревянных стенах, покрытых темным лаком, искусно вырезанные цветочные орнаменты, потолок подпирают колонны, напротив кровати огромный гобелен, как я уже упоминала, с изображением местного «героя» Максорли. А кровать (вот это была самая замечательная вещь в комнате) с деревянными столбиками, на которых были вырезаны драконы, единороги и львы. Правда, последних двух тут друг от друга было довольно трудно отличить. Мастер, похоже, в жизни встречался с огромным количеством драконов – они у него получились прямо как живые, – а львов и единорогов представлял себе очень смутно. Сверху спускался бархатный балдахин бордового цвета, а постель была застлана свежими белоснежными простынями.

Но все равно минуты через две я заскучала, сняла пелерину, бросив ее на покрывало, переобулась, выскочила в коридор и постучала в комнату напарников, которая была по

соседству с моей. В ту же секунду мимо меня что-то пролетело с грохотом и свистом. Посмотрев в ту сторону, куда это пронеслось, я увидела толпу прозрачных бородатых полуголых воинов в шкурах, со щитами и мечами наперевес. С громким улюлюканьем они гонялись друг за другом. Я бочком проскользнула к ребятам, котик мирно дрых, свернувшись клубком посреди огромной кровати, а Алекс, открывший мне дверь, держал в руках огромный фолиант.

– Я их видела, Алекс, – для вящей убедительности изо всех сил тараща глаза, сообщила я.

– Кого это «их»? – отвлеченно поинтересовался он, переворачивая очередную страницу.

– Что ты тут читаешь? Сказания о Беовульфе? – презрительным тоном откликнулась я. Не очень-то приятно, когда тебя игнорируют. Медальон «переводчик» давал нам возможность наслаждаться сокровищами мировой литературы на любом языке, где бы мы ни находились. Хотя до сегодняшнего дня урвать на это время еще не удавалось.

– Это история призраков Моррисвиля. Достал в библиотеке графа.

– Когда ты успел?

– Пока ты болтала с экономкой, когда же еще? – спокойно хмыкнул командор. Но тут же постыдился своей невежливости и, мило улыбнувшись, предложил сесть. Ведь для него это была удача. В последнее время я редко изъявляла желание с ним общаться, предпочитая общество кота.

– Вот смотри, они все обитали тут в разное время. Хромой Йоркширский Лорд, Горбун Эдвард Макмиллан, или, по-другому, Горбатый Граф. Карлик Бинки Безрукий, руки у него были скрючены с детства. Погиб от ревнивой жены, с тех пор его душа бродит по замку уже полтора столетия. Этот, в отличие от многих других призрачных обитателей замка, не строил козней и никогда не был замечен во вредительских поступках, несмотря на то что в этой книге его называют САМЫМ жестоким и коварным призраком эпохи. Безрукий Карлик никогда не трогал никого из обитателей замка, потому что у него не было рук. Вот ты и посуди теперь, кто из привидений мог до смерти запугать братьев и бабушку нынешнего графа, если самый страшный из них за сто пятьдесят лет никого и пальцем не тронул, – вывел Алекс и вопросительно уставился на меня.

Я не знала, что и сказать, загадка призрака и меня поставила в тупик. Пожав плечами, я пробормотала:

– А я сейчас видела древних шотландцев.

– А-а, Дикие Воины, – презрительно бросил он и, полистав книгу, процитировал: «...бегают по всем коридорам, но никому не причиняют вреда, воистину – самые смирные обитатели замка...»

– Ничего себе смирные, если бы я не прижалась к двери, они бы меня с ног сбили, а потом еще потоптали немножко, оголтелые какие-то дикари. Точно такие же были в «Храбром сердце» с Мелом Гибсоном.

Тут проснулся кот и начал буянить! Крайне странно видеть его в таком состоянии... Прыгая на кровати и вопя, он требовал объяснить, почему, пока он спал, не принесли поесть, как он приказывал?! Алекс немного успокоил его, сказав, что видел дворецкого, который просил прощения. Оказывается, на кухне еще ничего не готово, и нам не могут прямо сейчас подать ужин. Но граф передал, что если мы не против, то сможем отужинать вместе с ним в каминном зале, где он и расскажет нам о всех подробностях дела. Ужин, как заведено у них в замке, будет подан в двадцать один ноль-ноль. Если, конечно, говорящий кот не против...

– Говорящий кот! Опять говорящий кот! Это возмутительно, – завопил агент 013, спрыгивая на пол и приосаниваясь. – Я профессор, а не «говорящий кот», как называют меня всякие невежды.

Без этого аргумента, что он профессор, никак нельзя обойтись.

– Какая муха его укусила? – шепнула я Алексу.

– А ты что, не замечала? Он переживает за тебя. И с каждым днем все больше и

больше, видя, как ты меняешься, – так же шепотом ответил мне Алекс, глядя, как его напарник, вспрыгнув на подоконник, начал нервно умыть морду, протирая ее лапой. – Боится, что гоблины не успеют с вакциной, – ведь остались считанные дни. Совсем изнервничался, бедняга...

Это для меня было полной неожиданностью. Ведь буквально то же самое, только об Алексее, говорил мне сам агент 013?!

Ровно в девять часов вечера мы были на месте, в каминном зале. Проводил нас дворецкий Ларч. По дороге ничего особенного не произошло, если не считать мелькнувшего в конце коридора растрепанного старика в белой ночной рубашке до пола. Седые волосы его стояли дыбом, а лицо страшно напоминало лицо Эйнштейна на известной фотографии. Увидев нас, старик еще сильнее побледнел и бросился наутек, глухо подвывая:

– Уху-ху-ху-у-у! Уху-ху-у-у! У-у-у! – Эхо разнесло его вой по всем коридорам и залам Моррисвиль-холла, так что поневоле мурашки забегали по коже.

Я только было хотела потребовать объяснений, как дворецкий забежал вперед, торопливо толкнул тяжелую дверь и, чуть ли не выпрыгивая из штанов от усердия, выкрикнул:

– Мисс Алина Сафина и мистер Алекс Орлов, сэ. Прибыли к столу, сэ.

И, низко поклонившись, пропустил нас. Я услышала, как агент 013 бурчит себе под нос, проходя в дверь:

– А меня, значит, не надо объявлять, я не личность! Да кто я вообще такой? Всего лишь говорящий кот, кстати, единственный в своем роде.

На этот раз он был без берета, но в той же смешной клетчатой юбочке, из-под которой торчал гордо поднятый вверх хвост.

Граф Макмиллан радушно усадил нас за длинный, богато сервированный стол. Все столовые приборы были из серебра. В камине ярко полыхал огонь. По стенам висели портреты предков. На мой вопрос граф смущенно пояснил, что этот старик, которого мы случайно встретили, его слабоумный дедушка сэ Роберт.

– И болезнь его, к сожалению, неизлечима, – грустно добавил граф, – последствие встречи с тем самым призраком, который и стал виновником смерти моих трех ближайших родственников.

– Значит, уже четыре жертвы, – констатировал командор.

– Да, и это за последние полгода, – кивнул хозяин, накладывая себе ветчины. – Сам я отсутствовал где-то с полгода, был в Индии по делам своего банка. Столько хлопот, что я не смог вырваться даже на похороны моей бабушки, которую очень любил, потому что практически вырос у нее на руках. Я скорблю по ней каждый день, хоть и прошло уже три месяца и четыре дня, – он смахнул скупую слезу. – После ее смерти и слабоумия дедушки владельцем замка стал мой старший брат Джеймс, который незамедлительно переселился в Моррисвиль-холл, продав свой дом в Эдинбурге. Он был инвалидом с детства и так и не женился. И вот через месяц после того как он переехал в замок, я получаю извещение о его смерти. Однако срочные дела не отпускают меня и на похороны дорогого братца. Причина смерти одна. Его, как и бабушку, хватил апоплексический удар. И мне казалась нелепой сама мысль о том, что в обеих смертях был повинен новый призрак.

– Новый?! – переспросили мы с Алексом одновременно. – Вы сами видели его?

– Нет, нет, я его не видел, – быстро ответил граф, подкладывая мне на тарелку кусок жареной индейки. – Может быть, его и нет, но, с другой стороны, всех своих призраков мы знаем. Уверяю вас, безвреднее и скромнее их нет во всей Шотландии. Взять хотя бы Безрукого Карлика, хоть он жесток и беспощаден, но милее и забавнее призрака я не знаю. Это мой любимец, надеюсь, он не войдет в ваш список подозреваемых, – с надеждой проговорил сэ Генри, глядя почему-то на кота, у которого с морды не сходило предельно строгое выражение. – В общем, поэтому я и решил, что, может быть, за время моего отсутствия здесь появился новый призрак. Мой второй брат, который жил тут вместе с Джеймсом (его звали Артур), тоже был найден мертвым в своей спальне. Очевидно,

передозировка. Он пристрастился к опиуму в Китае...

– А что говорят слуги? – спросил Алекс, намазывая хлеб маслом.

– Они теперь боятся выходить ночью в коридор, сэр. Наш старый дворецкий попросил расчет сразу после того, как обнаружил Джеймса под перевернутой инвалидной коляской. Какой-то призрак пролетел мимо, задув у него свечу и гаркнув в ухо, – это было последней каплей. Так как дворецкий требовался срочно, мне и пришлось взять Ларча, до повышения он служил у меня на конюшне.

Теперь было понятно, почему парень меньше всего был похож на типичного английского дворецкого.

– И вот, господа, смерть Артура... Кстати, если бы не фамильная гордость, может быть, я бы поостерегся возвращаться в Моррисвиль-холл, понимая, что здесь моей жизни угрожает реальная опасность. Но две смерти были отнесены к разряду случайных, только потом, по свидетельствам слуг, я определил, что тут нечисто... В любом случае вы крупнейшие специалисты в этой области, как заверил меня мой друг Лохис.

Кое-что меня навело на мысль, и я шепотом поинтересовалась у кота:

– А кстати, если этот Лохис агент нашей Базы, и притом один из лучших, как ты говорил, почему же он сам не распутал это дело?

– Алиночка, он специализируется на подводных монстрах.

– А разве он сам не... – Я хотела сказать: «А разве он сам не подводный монстр?», но сдержалась.

Мурзик как будто читал мои мысли:

– Лохис – мирный монстр, к тому же то, что он стал нашим агентом, уже о многом говорит. И у него редкая специальность, он прямо-таки незаменим под водой. Сотрудников, работающих в его области, раз, два и обчелся. Поэтому он ценит себя и не распыляется на земные объекты, полагая, что такую работу выполнит любой. У него вахты, он не может надолго уходить из-под воды, к тому же ничего не смыслит в призраках. И это главная причина, почему вызвали нас.

Генри Макмиллан в это время обсуждал с Алексом преимущества (главным образом безопасности) охоты на уток перед охотой на медведя. После ужина граф с гордостью показал нам портреты своих предков, развешанные по стенам, сказав несколько фраз о каждом из них.

Больше всего меня тронула история молодого графа Шона Макмиллана, жившего в семнадцатом столетии. Этот был симпатичный богатый парень, рано получивший титул графа. Так рано, что именно титул сыграл роковую роль в его жизни, а стань он графом попозже, лет в сорок, бедняга прожил бы намного дольше... Но ему не повезло, так как замужество старухи Хигс пришлось именно на его графское правление. Тогда еще существовал закон о первой брачной ночи. Однако молодой граф, будучи человеком широких демократических взглядов, пользовался своим правом не часто, а исключительно по взаимной договоренности.

Да только старая Хигс придерживалась консервативных взглядов, особенно в этом вопросе, и решила во что бы то ни стало выполнить свою обязанность по отношению к сеньору! Старушка твердо решила в случае надобности не останавливаться даже перед физическим насилием. Это ей вполне бы удалось, несмотря на ее восемьдесят три года, так как Хигс не расставалась с клюкой, а молодой граф отличался хрупким телосложением.

В общем, парень погиб в своей постели от ужаса, когда старая карга решительно начала раздеваться...

Когда мы перешли к портрету «Дамы в серо-буро-малиновом», где была изображена чахоточная девица с нехорошим прищуром, хозяин шепотом сообщил нам, что она имеет обыкновение выходить по ночам и кидаться на неженатых мужчин приятной наружности. Кот при этих словах наострил уши, отнеся их исключительно к своей персоне. Это была дальняя родственница Генри, умершая два столетия назад. Ей суждено было остаться старой девой, из чего и вытекала, наверное, ее сегодняшняя тактика поведения.

– Меня она не трогает, – похвастался граф, – учитывая, видимо, родственные отношения. Но Ларчу частенько достается, поэтому он старается ночью как можно реже выходить из своей комнаты.

После чего Генри посоветовал Алексу быть настороже. В это время подали кофе, который тут было принято пить у камина. Вокруг камина мы и расселись в креслах. Кот сел на скамеечку для ног, потому что она единственная здесь соответствовала его размерам. По нашей просьбе граф подробнее рассказал о Безруком Карлике. Делал он это с удовольствием, хотя знал о призраке и о земной его жизни немного.

– Значит, вы хотите знать о малыше Бинки? – начал Макмиллан смягчившимся голосом. – Но право же, он действительно чист как младенец. Хотя будь у него руки, я бы не поручился за него так уверенно. Как говорила мне о нем еще моя бабушка, которая тоже, естественно, не знала его лично, а слышала от своей бабушки, что при жизни безрукий граф Бинки Макмиллан нередко изменял жене, отчего та, само собой, часто бывала вне себя. Граф Бинки, видя ее страдания, продолжал коварно изводить ее, прилюдно рассказывая о своих изменах. И, одаривая ее гадкими эпитетами и нехорошими словами, находил в этом удовольствие. Но одного граф не учел – возможных последствий. В общем, в конце концов жене надоело терпеть его издевательства, и как-то перед сном она собственноручно утопила мужа в ночном горшке! При его росте это было возможно... Говорят, она получила несказанное наслаждение при самом процессе, слушая визги домашнего изверга! Как она сама потом делилась с кумушками за чашкой чая, ни разу ничего подобного она не испытывала за всю свою брачную жизнь.

История была впечатляющая по своей комичности, однако на лице графа было написано, что он поведал нам не меньше чем шекспировскую трагедию, и я постаралась сохранить серьезность.

– После смерти Безрукий Бинки остался в замке и продолжал изводить жену. Вернее, пытался это делать, потому что женщина только смеялась ему в лицо и часто, собрав своих подружек, гоняла несчастного призрака по всем коридорам. Со смертью жены он был наконец-то избавлен от унижений и, казалось бы, обрел моральную свободу. Но преисполнился чувством мести (немножко поздновато, да?) и возненавидел все человечество. Душа его стала еще чернее, и он замкнулся в себе...

– И что, осуществил он свою месть? Или, в смысле, хотя бы попытался что-то сделать? – поинтересовалась я, уже зная ответ. – И, кстати, вам достоверно известно, что эта клятва мести действительно имела место быть? Это очень важно.

– Да нет, конечно, – смущенно проговорил хозяин замка. – Разве о призраках что-то может быть известно достоверно, о них обычно ходят слухи, легенды, передающиеся из поколения в поколение. Безрукий Карлик появляется тут иногда, к сожалению, не так часто, как раньше. Обычно он кувырком катится под ноги в расчете, что ты от неожиданности споткнешься и упадешь. Если у него получается, он тут же вскакивает на ножки и, попрыгав у тебя на спине, стремительно убегает, дико хохоча. Вот и все его шалости...

В ответ на вопрос командора, почему же тогда Карлик в Книге Хроник назван «САМЫМ жестоким и коварным призраком эпохи», граф ответил, что книгу писал его дедушка. Который, как и все, искренне сочувствовал несчастному предку и, чтобы вызвать в потомках уважение к страдальцу Бинки, приписал эти слова.

– Вообще, как я помню, дедушка был склонен к преувеличениям, – оправдываясь, добавил Генри. – Поэтому в Хрониках много неточностей. Написав эту книгу, он сошел с ума.

Граф помолчал и вдруг, широко улыбаясь, предложил нам перед сном поиграть с ним в триктрак. По кивкам и ужимкам Макмиллана было видно, что он хочет играть исключительно со мной, но Алекс, развернув меня за плечи, решительно подтолкнул к дверям:

– Агент 013, если захочет, останется. А нам с тобой перед сном надо еще расспросить слуг. И на ночь проштудировать Хроники, какие бы там ни были изъяны, но это пока

наиболее полный источник сведений, необходимых по нашему делу. Простите нас, граф, время не ждет. Спокойной ночи.

Граф выразил свое искреннее сожаление и с надеждой повернулся к коту, который как раз в это время пытался выразить свое искреннее возмущение по поводу слов Алекса, намекающих на кошачью ненужность. Но потом сдался на уговоры хозяина, который, как оказалось, не мог заснуть, не сыграв несколько партий в свою любимую игру.

Проходя мимо «Дамы в серо-буро-малиновом», Алекс посмотрел на нее как-то очень внимательно, наверно стараясь запомнить, чтобы при встрече ночью узнать ее еще издали и успеть удрать. Я хихикнула у него за спиной. Он, естественно, это заметил, но промолчал, одарив меня мрачным взглядом. Выйдя в коридор, мы подошли к раскрытому окну. На темном бархатном небе сверкали созвездия. Я даже Млечный Путь различила, и Большую Медведицу, и Полярную звезду... больше я просто не знаю.

– Не правда ли, эта ночь – чудо, сэр Алекс, – сказала я, взяв самый романтический тон. Наши костюмы, место и эпоха соответствовали настроению, к тому же во мне проснулось желание пошалить. – А не прогуляться ли нам с вами по саду, сэр? – Я тронула его за рукав.

– Где ты тут видела сад? – искренне удивился командор. Но, чтобы убедиться, все-таки глянул вниз. Я тоже за компанию свесилась с подоконника, хотя знала, что ничего нового там не увижу. Все те же унылые ландшафты, при свете дня хоть зеленую траву видно, а сейчас что там может быть живописного?

Но я ошиблась: кое-что новое там все-таки было. Под стенами замка сидели волки, целая дюжина, не меньше. Вытянув морды, они молча смотрели в нашем направлении, я бы поклялась, что они смотрели именно на нас.

– Жуткая картина, – заметила я.

– Не страшнее призраков, – ответил Алекс.

Я подумала: а нет ли среди этих зверей нашего французского Волка? Но тут же отбросила эту мысль. Что ему тут делать? Он, наверно, сидит себе сейчас в своем новом доме на Ривьере с бокалом анжуйского в лапе, а другой лапой подгребает с тарелки свою любимую утку по-мексикански. Хотя какое это имеет значение? Главное – такая ночь! И плечо Алекса крепко прижимается (окно слишком узкое!) к моему. И он сам вот уже пять минут никуда не убегает. Алекс повернулся и осторожно взял меня за руку. Это уже более чем странно. Может быть, это не он, а какой-нибудь призрак в его обличье?

– Слушай, – слегка задрожав, обратилась я к нему, со страхом заглядывая в глаза. В них точно было что-то похожее на нежность, если в темноте не перепутала, конечно. Надеюсь, что перепутала, иначе это точно не Алекс, а фантом, притворяющийся в каких-то своих целях моим напарником. Боже, а где тогда настоящий Алекс?! Если я сейчас крикну, этот тип успеет схватить меня, и тогда наверняка пошады не жди.

– Да? – предупредительно спросил коварный двойник. И опять же в глазах ни капли раздражения. Ну все! Я его раскрыла! Это точно не Алекс, тот бы уже давно разозлился на меня, что я полчаса пытаюсь задать вопрос.

– Слушай, я хотела спросить, а привидение может принять облик какого-то конкретного человека?

– В этом мире все возможно, – загадочно ответил он и, немножко подумав, коснулся пальцами моей щеки. Я замерла под гипнотическим взглядом его серых глаз... «Прощай, Алекс, – подумала я. – Он высосет всю мою кровь. Может, сказать ему, что у меня малокровие?»

В это время в конце коридора раздались шаги. Это были Ларч и миссис Максфри. Уф! Я обернулась к ним, с трудом скрывая свою радость. Двойник опустил руку, причем, как я заметила, досадливо поморщившись. Ну что, коварный тип, обломилось?! Я поспешила навстречу экономке и дворецкому, шепнув мнимому Алексу, что пора бы их допросить, в смысле, расспросить. Хотела предупредить кота, чтобы он был настороже, но мое возвращение в каминный зал наверняка вызвало бы подозрение у фантома.

– Миссис Максфри, вы сейчас не заняты? Можно у вас попросить утюг?

Миссис Максфри как раз шла к себе и собиралась заняться штопкой списанного постельного белья. Она пояснила, что отправляет его сироткам, живущим в ближайшем приюте. Утюг был хорошим предложением. Оказавшись в большой комнате, называемой чуланом, и устроившись рядом с ней, мне только оставалось фиксировать в уме сведения, нужные для дела, которые перемежались в безостановочном рассказе миссис Максфри с историей ее семьи и многочисленных тетушек и двоюродных дядюшек. Из каждой новой истории она не забывала извлекать мораль. Кое-что я намеренно пропускала мимо ушей, переживая в это время за настоящего Алекса. За кота я не беспокоилась. Он-то о себе позаботится, но тот факт, что двойник куда-то заныкал агента Орлова, напрягал страшно.

Миссис Максфри ничего не могла сказать о двойниках. Факты их появления в Моррисвиль-холле не фиксировались за четыре столетия его существования. Я начала немножко успокаиваться. Наверно, это все-таки был настоящий командор, но и это несильно утешало, так как значило, что он серьезно болен, судя по его неадекватному поведению. За чаем с кексом, которым меня угостила радушная женщина, я совсем успокоилась и позабыла все свои страхи. Миссис Максфри была дальней родственницей сэра Генри, который со смертями своих старших братьев и любимой бабушки стал главой клана, потому знала об этой семейке все. Мы заговорили об убийствах.

– Даже не скажу, кто из наших призраков был бы на такое способен, – задумчиво протянула она.

– Может, кто-то из них в последние полгода вел себя как-то странно? – предположила я. – Попробуйте припомнить, это важно.

– Ну разве что несчастный Хромой Йоркширский Лорд, он как-то попричих. Да-да, теперь я припоминаю. Раньше бедняга громко стучал костылями по всем дверям, мимо которых пролетал, будя нас посреди ночи. Это была его маленькая радость. И конечно, он был записан в общий хор. Это, видимо, помогает несчастным призракам коротать вечность, потому они и взялись устраивать хоровые пения. Лучший запевала у них малютка Безрукий Бинки, в дни, когда он воет – а волки под стенами замка подхватывают этот вой, – и мы не спим вовсе... – не без гордости добавила экономка.

Теперь было ясно, что волки сегодня под окнами дожидались ежевечерней музыки. Я отметила про себя этот факт, хотя и не знала зачем. Гораздо больше меня заинтересовали совершенно красные глаза домоправительницы. Такие бывают лишь у вампиров или людей, всю ночь штопающих чье-то белье...

– Так вот я и говорю, – продолжала миссис Максфри, – Хромой Лорд замкнулся в себе. Когда мы видим его в коридоре, вид у него такой, будто бы он не замечает никого вокруг и что-то вечно бормочет себе под нос. Дама в серо-буро-малиновом иногда заходит ко мне поболтать, так она говорила, что он стал сторониться других призраков и даже просил исключить себя из хора!

– И что, Дама в серо-буро-малиновом не знает ничего об этом убийственном призраке? – поинтересовалась я, доедая последний кексик.

– По ее словам, нет, – не скрывая своего огорчения, признала женщина. – Но мне кажется, Дама о нем действительно ничего не знает. Остальные призраки, к сожалению, контактируют с нами менее охотно. В последние месяцы каждый из обитателей замка, тревожась за свою жизнь, попытался пообщаться с ними, но все тщетно. Бедного Ларча даже избили!

– Кто конкретно? – пораженно спросила я.

– Да Дикие Воины, кто же еще?! Понесло же дурака обращаться с вопросами к этим варварам. В ответ они как следует отлупили его, а затем подвесили в большой гостиной под самым потолком за шиворот, туда, где раньше висели приговоренные пленники. Невезучий парень так и висел там на крюке, вопя без умолку, пока его не сняли...

Я заметила удивленно, что Дикие Воины почему-то названы в Хрониках самыми смирными призраками Моррисвиль-холла. А миссис Максфри, вздрогнув, ответила, что автор книги был большим шутником, даже когда находился в трезвом рассудке. Я с досадой

подумала, что старый хрыч наверняка писал свои записки о призраках уже будучи законченным психом.

И тут грохнули литавры! Я подпрыгнула на месте от неожиданности, а миссис Максфри оставалась спокойной.

– Не волнуйтесь, душечка, это призраки, – утешила меня она. – Это они стучат в медные тазы на чердаке.

Шум между тем нарастал и поднялся до невообразимого грохота – хоть уши затыкай. Я зажала их ладонями, но это мало помогло. К литаврам присоединились волынки, звуки были такие, будто водили напильниками по ржавым пилам.

– О боже, и вы это терпите?!

– Надо будет завтра с утра послать кого-нибудь из слуг на чердак, забрать оттуда волынку. Я-то думала: куда это пропала волынка покойного сэра Мердока из комнаты реликвий! – громко, чтобы перекрыть этот шум, сообщила экономка.

– Вероятно, сэр Мердок и забрал ее, решив вспомнить любимые мотивы! – раздраженно проорала я.

– Нет, слава богу, сэр Мердок не принадлежал к нашему клану и не жил в Моррисвиль-холле. Просто как-то забыл свою волынку, будучи у нас в гостях, он ее везде таскал с собой! На следующий день его убили на охоте, случайно спутав с оленем. К несчастью, у него был шлем с оленьими рогами, которые красовались и на его фамильном гербе. Отсюда следует мораль: зачем, спрашивается, надевать шлем, собираясь на охоту? – заключила в своем обычном духе миссис Максфри.

Уже некоторое время по замку разносились вой с подвываниями и совиное уханье, время от времени прерываемые диким хохотом, – вероятно, к всеобщей веселухе присоединился слабоумный дедушка Роберт. За окном слаженно выли волки. В общем, полный бедлам! Я пожелала спокойной ночи миссис Максфри (у нее на лице была полнейшая умиротворенность) и выскочила в коридор. На стенах кое-где горели свечи, но благодаря своему «ночному зрению» я и без того различала двери и углы. Из темноты в конце коридора вынырнула какая-то фигура.

– Алекс, это ты? – дрожащим голосом осведомилась я. Нет, это был не он.

Мимо меня прошел хромой старик, одетый по моде шестнадцатого века, – в плаще на меху и штанах с буфами. Медленно переставляя костыли, он скользнул мимо меня, задев огромным страусиным пером, свешивающимся с шапочки, и полностью проигнорировав мое присутствие. Старик что-то бормотал себе под нос, судя по беззвучно шамкающим губам. Несмотря на страх перед слабо мерцающим существом, я решила попытать счастья.

– Простите, вы что-то сказали? – крикнула я ему в самое ухо.

Йоркширский Лорд шарахнулся от такой наглости. Он наградил меня испепеляющим взглядом (превзойдя по воздействию взгляда даже нашего кота!) и попытался пройти сквозь меня. Неожиданно литавры, то бишь медные тазы, заглохли. И я твердо решила довести дело до конца, пусть мне за это и достанется костылями...

– Извините, гражданин Лорд, но почему это вы покинули ваш замечательный, призрачный хор, который ночами улаживает слух всех без исключения обитателей замка, помогая им скоротать время до утра. Ведь уснуть-то им все равно не удастся. Говорят, с тех пор вы не в себе, только...

– Как ты осмелилась обратиться ко мне, грубиянка?! – зарычал сэр призрак замогильным голосом. У меня от этих звуков слегка задрожали коленки. Хорошо еще тут носят длинные юбки, поэтому не так заметно.

Но мне все-таки надо было допросить вздорного старикашку, который является, кстати, и подозреваемым наравне со всеми призраками замка.

– Простите, но такая у меня работа, дедушка... ой, извините, Лорд! Очень хочется спать, но вынуждена вас тут задерживать, чтобы вытрясти хоть какие-то нужные нам по делу сведения. Вы, наверное, в курсе трех смертей, произошедших в этом замке за последние полгода?

– Да, конечно, – раздраженно буркнул старик, в нетерпении постукивая по полу костылем.

Я на всякий случай отошла чуть подальше и деловито напомнила:

– Ну так что? Почему вы ушли из хора?

– Потому что это пустая трата времени...

– ...которого у вас хоть отбавляй. Что для вас время? – Я многозначительно хмыкнула, в душе отчитав себя за попытку поумничать.

Призрак пронзил меня острым взглядом, в глубине его глаз блеснули искорки (по крайней мере, мне так показалось).

– Любое количество времени можно заполнить целесообразным деянием, – глубокомысленно изрек призрак, дернув себя за ухо.

– Слушайте, неужели вы, ну если не вы, так другие призраки в этом замке, не испытываете сочувствия к его обитателям? Я, разумеется, имею в виду живых... Ведь они ничего плохого вам не делают, в тазы разрешают стучать. (Волынку пока не отобрали, добавила я про себя.) Так почему вы скрываете убийцу, который и ваш покой наверняка нарушает. Ведь вы мирные призраки, относительно благовоспитанные. Все-таки из аристократических семей. А это чего-то да значит, по крайней мере, в детстве у вас были лучшие учителя, и в церковь вы ходили, и в плохой компании не вращались...

Лорд продолжал молчать, на лице его была какая-то подозрительная отрешенность, как будто он спит с открытыми глазами. Так оно и оказалось.

– О! Извините, я тут задремал немножко, – ничуть не смущаясь, признался он, когда я, видя, что реакции нет, хрюкнула ему в ухо. Старик развернулся и медленно поковылял прямо сквозь стену. На прощание призрак отдельно и достаточно громко произнес, наклонившись к моему уху, потому что снова грянули медные тазы и волынка.

– Дела привидений неподвластны людскому суду. Мое почтение, милая леди...

Я отправилась к себе. С меня на сегодня достаточно. Имею я право ночью спать или нет? Внеурочные нам, между прочим, не платят. Зевая и потягиваясь, я добралась до своих дверей. Подумав секунду, заглянула к Алексу с котом – ни того, ни другого в комнате не оказалось. Войдя к себе, я по-быстрому разделась, нырнула в постель, натянула на нос пуховое одеяло и... Уже сквозь полуоткрытые веки увидела, как на гобелене, висящем напротив кровати, вышитый Максорли замахивается клюшкой, посылая мяч куда-то в правый край полотна, после чего и сам пропадает из виду, кинувшись в сторону брошенного мяча. Но, может быть, это был и сон, потому что теперь я видела уже все прямоугольное зеленое поле, залитое лунным светом, с игроками, воротами и болельщиками. Началась потасовка, инициатором которой явился Максорли. Раскидав вокруг себя пять-шесть человек (включая и своих, пытавшихся его урезонить), он с гордым видом отправился отбывать наказание, при этом внаглую пройдя сквозь судью. Тут только я поняла, что это все призраки: и игроки, и зрители, которые расположились на деревянных скамейках, в несколько рядов возвышавшихся по краям поля. Оказалось, что один из игроков, участвовавших в потасовке, был довольно-таки серьезно потрепан, Максорли добавили еще десять штрафных минут. А тренер, не выдержав, наорал на него:

«Ты что, парень, хочешь, чтобы мы из-за тебя продули даже свой паршивый местный чемпионат Кельтских Призраков? Я уж не говорю о том, что скудный шанс попасть в розыгрыш Кубка Потусторонних Сил Соединенного королевства благодаря твоим стараниям для нас и вовсе становится призрачным! Зачем ты развеял бедного Коригана?» Максорли угрюмо молчал, косясь в сторону.

«Вы лучше присмотрели бы за своей внучкой, Макмиллан, – раздраженно буркнул он, не обращая никакого внимания на то, что от гнева его тренер начал густеть прямо на глазах, из тумана превращаясь в кисель. – Она бесчинствует даже среди живых, свела с ума мужа и убила двух ваших праправнуков, один из которых инвалид, а вы этому находите дурацкие оправдания! Так вам ли сожалеть о „бедном Коригане“?» – При этом он очень похоже изобразил лицо тренера, жалеющего травмированного игрока.

На этом месте я проснулась и резко вскочила на постели. Максорли по-прежнему замахивался своей клюшкой с гобелена, собираясь бить по мячу. Я подозрительно вгляделась в грубые черты лица дальнего родственника Макмилланов. Но он, естественно, даже не шелохнулся, уставившись вдаль своими пронзительными черными глазами. Так, значит, это бабушка сэра Генри! Но как, зачем и почему?!

– Спасибо, Максорли, – сердечно выдохнула я, еле оторвавшись от путавшихся в голове мыслей. – Ты, наверное, испытываешь ко мне симпатию, раз помог. А симпатия оттого, что я тоже, как и ты, равнодушна к хоккею, хоть и не на траве...

После чего я выскочила в коридор, где нос к носу столкнулась с Алексом и чуть не споткнулась о кота, – они как раз собирались войти к себе в спальню. Эти двое слегка удивились, что я не сплю.

– Три часа ночи, Алиночка, – укоризненно, но с нежностью в голосе произнес Мурзик, который теперь обо мне заботился прямо как будущий муж. – Пора бы уже спать.

Похоже, настроение у кота исправилось.

– А вы почему не спите? – поинтересовалась я, еле сдерживаясь, чтобы с ходу не выдать свою потрясающую новость.

– Вопросы, расспросы, допросы, – деловито пробормотал профессор, приглашая меня войти. Дождавшись, пока я сяду, он устроился поудобнее и пустился в длинный рассказ: – Призраки отмалчиваются, но их мало интересуют людские смерти. Тем более что с момента гибели Артура прошел только месяц. Люди еще носят траур, а призраки, похоже, его смерть и не заметили. Хорошо было бы, чтобы он сам стал призраком и все рассказал нам, но, видимо, братья не собираются этого делать. Может быть, их что-то страшит в замке, наверное, присутствие убийцы. А что касается бабушки, леди Марии Макмиллан – так ее звали, то насчет нее возникли определенные сомнения. Безрукий Бинки, долго болтавший о своей несравненной и вечнлюбимой жене, нечаянно проболтался о некой Горгоне Элизабет, которая в нашем реестре не числится. Он и сам сказал, что это новый призрак, но больше ни слова добавить не пожелал. Вместо этого впал в свое, как мы поняли, обычное состояние: начал корчить рожи и кувыркаться по полу, время от времени вскакивая и бросаясь на нас, после чего с диким хохотом улетел под потолок, где и растворился.

Мы с Алексом успели допросить еще кучу призраков и даже дворецкого Ларча, который все время только и делал, что жаловался на Диких Воинов. А когда мы спросили его, не слышал ли он о Горгоне Элизабет, то парень вдруг живо припомнил, как Дикие Воины напоследок пригрозили ему, чтобы он радовался, что так легко отделался, ибо в следующий раз он может попасть на расправу к Горгоне Элизабет.

– Но молодой граф вроде бы ничего не рассказывал о бабушке...

– В том-то и дело! Не все умершие становятся призраками, но что же в конце концов мы узнали от самого сэра Генри? Что полное имя его бабушки Мария Эстер Элизабет!

Кот торжествующе выгнул хвост трубой. Я шепотом поинтересовалась у Алекса, не узнал ли он, какая муха укусила Пусика днем, отчего он был такой злой и раздражительный? Алекс только махнул рукой и пояснил, что у агента 013 было обычное несварение желудка. Ну конечно, что же еще? Я припомнила, что в такое время котик действительно становится очень нервным. Но я, пожалуй, уже достаточно оттянула момент передачи партнерам моей суперважной новости, поэтому тут же лихорадочно выложила все, в надежде, что меня хотя бы похвалят. Они ведь сами докопались до бабушки, я только подтвердила.

– Хм, повезло тебе, не успела лечь, как увидела вещий сон, – пробормотал сквозь улыбку Алекс с некоторым сомнением в голосе.

Мне такое отношение жутко не понравилось.

– Но разве мой сон не подтверждает ваши подозрения? Мне-то, в отличие от вас, особо напрягаться не пришлось, а результаты куда более существенные, – поддела я. – Можно сказать, дело закрыто. Вам осталось всего лишь разобраться с сущими мелочами: найти мотив и обезвредить призрака!

– Да-а, действительно сущие мелочи, – передразнил Алекс. Он по-прежнему улыбался.

Поначалу мне показалось, что это он надо мной насмехается по своему обыкновению, но, похоже, я ошиблась. Улыбка была подозрительно доброй, а взгляд... уф (только не это!), тот самый, нежный с поволокой. Да, лунные удары, видимо, так быстро не проходят.

Но я все еще дулась.

– Ладно, раз вы так, пойду скорей к себе. Может, опять что-то интересное удастся во сне увидеть. Например, как вас двоих в званиях понизили, а меня генерал-майором сделали.

– Это сразу после младшего-то лейтенанта! – фыркнул кот, усмехаясь в усы.

Наутро, вернее, в полдень я проснулась от стука в дверь. Это была миссис Максфри. Она принесла кувшин с водой и полотенце, сообщив, что завтрак готов, а сэр Генри просил передать, что будет рад за компанию позавтракать с нами вторично. В такой глуши, конечно, встают, как правило, рано, так что для обитателей замка полдня уже позади.

За окном был ясный осенний день, я вышла из комнаты, собираясь постучать в дверь к напарникам. И застыла... В конце коридора показался призрак, который вприпрыжку приближался ко мне, махая руками и подвывая себе под нос. Не может быть, днем?! При ближайшем рассмотрении это оказался всего лишь слабоумный дедушка сэра Генри. На лице его был написан прямо-таки дикий ужас. Старик вращал глазами, драл на голове седые космы и испуганно лепетал себе что-то под нос. Меня он демонстративно не замечал. Только когда старик проходил мимо, мне удалось разобрать отдельные слова.

– Мария! Нет, нет, не надо, прошу!.. Да ты мегера, оказывается... Нехорошая женщина! Плохо... плохо все... Зачем, зачем ты снова взялась за свое?!

– Э, простите, что-то случилось? – остановила его я, поймав за рукав.

Старик поднял на меня безумный взгляд, а взглядевшись в лицо, вытаращился, как краб.

– Еще одна мегера! – рванулся он и, свалив меня с ног, бросился наутек.

Я была возмущена и заинтригована одновременно. Тут из комнаты вышли оба моих партнера.

– Ты что, на пороге отдыхаешь? Неужели всю ночь тут спала? – спросил Алекс, видя, что я лежу на полу. Я поспешно поднялась на ноги.

– Что-то случилось! Наверное, снова было нападение! – лихорадочно выдохнула я, решив обидеться на Алекса в следующий раз, тем более что с поводом у него не заржавеет. В тот же момент в конце коридора появился сэр Макмиллан, замахал нам руками и завопил:

– Быстрее, быстрее! Это опять случилось! – и скрылся за поворотом.

Переглянувшись, мы бросились за ним. Агент 013 вырвался вперед, и я увидела, что он наконец-то избавился от своего шотландского костюмчика и, как и все порядочные коты, был теперь одет только в собственную шкурку. Сильно запыхавшись, мы спустились на первый этаж и за очередным поворотом наткнулись на кучку людей, столпившихся в маленькой прихожей, рядом на стене висело зеркало, отражая дверь, ведущую в кухню. Здесь были слуги, крестьяне и миссис Максфри с белым лицом. Все расступились, давая нам пройти. На полу неподвижно лежал Ларч, которого тщетно пытались привести в чувство. Но парень, несмотря ни на что, был жив.

– Наверное, его надо занести в комнату, – нерешительно проговорил хозяин замка, вопросительно посмотрев на Алекса. С его благодушного круглого лица сошла вся краска, граф, без сомнения, был очень взволнован.

– Говорил мне Лохис, что призрак вряд ли сам успокоится и что, без сомнения, будут еще жертвы, – пробормотал он.

– Кто-нибудь что-нибудь видел? – громко спросил командор, обращаясь ко всем присутствующим.

Вперед вышла дрожащая сухопарая девушка, похоже, горничная, со слезами в голосе она поведала:

– Я видел п'гиз'гак... ст'гашная ста'гуха... ст'гашней, чем даже сэ'г Лохи, п'гостите... Она гычала, а он к'гичал! П'госто ст'гах... – И она бурно разрыдалась.

Судя по картавости и акценту, девушка была француженкой.

Ларча начали поднимать с пола, он постепенно приходил в себя. Лицо у него было

очень бледное, а когда парень открыл глаза, в них можно было прочесть, что бедняга пережил нечто жуткое... Он что-то неразборчиво бормотал себе под нос, ему нужно было время, чтобы окончательно очухаться. Его унесли в спальню.

– Вы же еще не завтракали, друзья мои! – с печалью в голосе воскликнул сэр Генри. – Пойдемте же скорей, в гостиной уже накрыли стол. Нам надо поговорить!

За завтраком мы рассказали графу обо всем, до чего к этому моменту успели докопаться. Макмиллан сидел как громом пораженный:

– Бабушка?! Не может быть! Я ее так любил... Хотя как знать, она и при жизни была довольно суровой женщиной, только со мной обращалась ласково, практически заменив мне мать, которой я лишился еще ребенком. Но, как я слышал, она была весьма деспотичной женой. Обращалась с дедушкой, как с последним лакеем, да и с работниками вела себя порой жестоко, наказывала и увольняла почем зря. Но зачем ей смерть Джеймса и Артура?

– А может, она не хотела их убивать, просто пугала, – заметил кот. – Может, она не сразу узнала, что ее вид способен напугать до смерти. Тем более что бы мы ни говорили о ее выдающихся способностях и ни удивлялись вначале, как призрак доводил здоровых людей до апоплексического удара, – на самом-то деле все вполне объяснимо. Значит, бабушка отменяется, смертей остается две. Это Джеймс, инвалид детства, к тому же не такой молодой. Как мы разузнали у слуг, он, спасаясь от чего-то ужасного, развил огромную скорость на своей коляске и, перестав контролировать ситуацию, со всего маху врезался в стенку. Коляска перевернулась и накрыла его сверху. Шок и послужил причиной инсульта. С Артуром все еще проще. Вы, сэр, говорили, что его нашли в собственной постели с расширенными от ужаса глазами. Как будто он успел увидеть свою смерть. Перед этим он курил опиум, из чего были сделаны соответствующие выводы. Хотя вы, вероятно стыдясь этой порочной слабости брата, и не стали рассказывать нам подробностей, но мы их все-таки раскопали, и факты говорят о том, что несчастный Артур был уже на последней стадии наркомании. Он бредил, днями не вставая с кровати и не выпуская из рук трубку. Так что появление призрака могло послужить для него последней каплей... Организм был слишком истощен. И, похоже, призрак оказался ужаснее всего его опиумного бреда!

– Но... но почему бабушка после смерти так агрессивна? И бедный Ларч... За что же ему досталось? Мы привыкли жить с нашими семейными привидениями в мире, так оно и было до смерти бабушки.

– Скорее всего или что-то было не соблюдено в похоронном ритуале, или здесь может иметь место наличие невыполненного обещания, данного ей при жизни. Это часто вызывает сильное недовольство призрака. А может быть, проигнорирован какой-то пункт ее завещания? Горгона Элизабет свела с ума мужа, довела до смерти двоих внуков и теперь принялась пугать слуг. Очевидно, ей все равно, кого доставать. Но успокоиться она не сможет, пока ее воля не будет выполнена.

Сэр Генри стал усиленно размышлять, но быстро сдался.

– Мне абсолютно ничего не приходит в голову. Надо расспросить тех, кто готовил ее в последний путь и предал земле в нашем семейном склепе. – Граф позвонил в колокольчик.

Вошел слуга, у которого все еще был расстроенный вид. Он сообщил, что Ларчу стало лучше, и теперь в его комнате собралась вся прислуга замка, потому что дворецкий рассказывает им страшные истории о духах, поднявшихся из могил. Получив распоряжение притащить всех сюда, слуга убежал. Вскоре все явились, кроме Ларча, к которому как раз прибыл местный врач, вызванный сразу же после происшествия.

Оказалось, почти весь штат прислуги был набран уже после смерти старой леди Марии сэром Джеймсом Макмилланом. Он был очень капризным человеком, и при нем слуги успели поменяться несколько раз. Со времен бабушки остались только миссис Максффри (потому что была родственницей) и еще две женщины, которые работали на кухне. Они ничего вспомнить не смогли и уверяли, что все было сделано по правилам. Они сами помогали обмывать и заворачивать умершую в саван, и месса была отслужена в церкви. И тут одна из них вздрогнула:

– Пресвятая Богородица! А рыжая Луиза, она ведь была горничной леди Макмиллан и, кажется, говорила, что перед смертью старая леди просила положить с ней в спальню бонбоньерку, в которой она держала леденцы. Она их любила сосать ночью, когда не могла заснуть, это ей помогало от бессонницы.

– И что? Вы ее, конечно, положили? – в нетерпении вскричал хозяин замка.

– Мы... э-э... как-то совсем забыли об этом, сэр. За всеми хлопотами как-то вылетело из головы, – оправдывалась женщина. – Хотя, признаться, сэр, мы даже не приняли всерьез желание взбалмошной старухи... Ой! простите, сэр...

– Все вещи графини хранятся в чулане, – вступила в разговор миссис Максфри. – Если хотите, сэр, я могу поискать ее бонбоньерку.

– Я буду вам очень признателен, – обрадовался граф.

Бонбоньерка была найдена и, заполненная леденцами, в тот же день помещена в спальню графини. Полуразложившийся труп представлял собой страшное зрелище... Интересно, а что же все-таки ужаснее – полусгнившее тело или злокозненный призрак? Кстати, мы так и не узнали, как в точности он выглядел. Ларч не смог (или не захотел) нам его описать, только твердил, что при виде такого ужаса недолго и копыта отбросить. Ночь прошла на редкость спокойно. Я имею в виду, что даже в тазы никто не стучал...

На радостях Генри Макмиллан просил нас погостить у него хотя бы с недельку, тем более что завтра-послезавтра, по возвращении со сложнейшей операции, к нему должен был зайти Лохис.

– Его «сложнейшая операция» на этот раз заключается в усмирении взбесившихся кальмаров где-то в Средиземном море, – насмешливо заметил вечно все знавший кот и, посерьезнев, добавил: – Правда, эти кальмары трехметровые.

– А что меня интересует больше всего, так это почему все-таки Хромой Йоркширский Лорд ушел из самодеятельного хора? – пробормотала себе под нос я. Жаль, что этот вопрос останется без ответа, ведь задание выполнено, а это значит, что пора паковать чемоданы. Мы еще ни разу не задерживались на месте дольше нужного.

– Нет, неделя, дорогой сэр, это слишком. Но вот до завтра мы с удовольствием погостим у вас, – ответил Алекс на предложение графа. С отвисшей челюстью я уставилась на командора, у Мурзика вид был не лучше. Чтобы Алекс, этот вышколенный спецгент, по своей инициативе решил оттянуться лишний день после выполнения задания (ну, теперь уже полдня и ночь, хотя и это немало), а не как обычно перенестись на Базу – сдавать рапорт и получать новое задание?! Где-то кобель сдох...

Алекс просительно посмотрел на меня и профессора.

– Ну я-то не против, конечно, хоть это и непорядок. Но иногда, в виде исключения, мы можем себе позволить... – невнятно пробормотал кот.

– А я тем более всеми конечностями «за»! – воскликнула я, и не думая скрывать свою радость. Да ну, чего там на Базе без нас случится за такой короткий срок? А вдруг гоблины еще не успели приготовить для меня вакцину, и это скорее всего так, ведь операцию мы закончили в рекордно сжатые сроки. – Ребята, давайте отметим сегодня это дело о призраках. У нашего хозяина большие запасы эля и настоящего шотландского виски, он мне сам говорил. А что такого? Я, например, никогда виски не пробовала...

Оставшуюся часть дня мы принимали бесконечные благодарности от всех обитателей замка. Миссис Максфри мне даже по этому случаю подарила красивый веер из белоснежных перьев (наверное, страусиных), оставшийся от графини-призрака. Поначалу веер (он был еще и с зеркалом посередине, просто чудо) меня несколько смущал из-за бывшей его владелицы, но потом я и думать забыла о такой мелочи. Агент 013 с умилением смотрел на меня, пока я кривлялась с этим веером у зеркала, изображая знатную даму.

Потом был торжественный обед в честь нас в парадной столовой, правда, присутствовали на нем только мы и хозяин дома. Алекс все это время был странно напряжен, как будто его ждали дела. Кроме него все веселились. Граф рассказывал анекдоты, потом профессор разоткровенничался с ним насчет какой-то особо замечательной черной кошечки

с шелковистой шерстью и огромными зелеными глазами, оставившей в его памяти весьма приятные воспоминания. Тот начал хвастаться своим успехом у женщин. Они делились всем этим друг с другом шепотом, но слышно было хорошо. У меня же такие уши...

Знаете, эль оказался неплохим напитком. И сегодня мужчинам наверняка можно было и чуточку злоупотребить им. Но Алекс по-прежнему не веселился, он сказал, что не для этого остался в замке, а хотел бы получше изучить призраков – лучшего места для практики не найдешь. Поэтому он сегодняшнюю ночь будет общаться с Бинки. Я ему нагрубила и стала слушать очередной анекдот сэра Генри, на этот раз исторический, о восстании шотландцев против гнета англичан, где шотландцы, конечно, в два счета обставили своих не блиставших сообразительностью недругов.

Тут в дверь неслышно вбежала девушка, по виду горничная, но я ее ни разу в замке не видела. Никто не обратил на нее внимания, кроме меня. К моему удивлению, она подошла именно ко мне и прошептала в ухо:

– Не затруднит ли мисс пройти со мной? Это очень важно.

С этими словами она взяла меня за руку и потянула к выходу. Я хотела сказать всем, что сейчас вернусь. Но в мою сторону никто и не смотрел. Кот с графом совсем побратались и теперь рассуждали о женской неверности. Алекс с грустью в глазах изучал муху на потолке.

– Меня зовут Лизи, мисс, – представилась девушка, едва мы вышли в коридор. – Пойдемте поскорей.

– Куда? Зачем? – Но вопросы были напрасны. Лизи цепко держала меня за руку и почти бегом бросилась вверх по лестнице на третий этаж. Я там еще не была, поэтому из любопытства не стала сопротивляться, тем более что внутреннее чутье подсказывало мне, что ожидается какое-то приключение. Три бокала эля раскрепостят кого угодно, поэтому я сегодня ничего не боялась. Даже затаившегося за углом Максорли с клюшкой на изготовку! Конечно, меня бы он вряд ли тронул, но все же...

Мы шли, вернее, почти бежали по темному коридору, который мало чем отличался от коридоров второго этажа, – те же каменные стены, обитые дубовыми панелями, только гобелены были полуистлевшими. Весь этаж казался необитаемым, полы покрывал толстый слой пыли, причем нетронутой, но на стенах горели светильники, так что путь был хорошо освещен. Я предпочла не думать об этой странности, но считайте, будто бы я ничего не заметила... Потом мы стали подниматься по винтовой лестнице, скорее всего на башню, и наконец-то остановились возле двери, дальше уже идти было некуда, потому что это, несомненно, была самая верхняя комната в замке. Лизи толкнула дверь и посторонилась, пропуская меня вперед. С некоторым сомнением я все-таки решилась войти. И раскрыла рот... Ничего более великолепного и романтического я и вообразить себе не могла. Роскошно убранная комната в готическом стиле сочетала аскетизм Средневековья и изысканность эпохи Возрождения. Я попала в шестнадцатый век, причем с лету прямо в спальню королевы. Вспомнив про Лизи, я обернулась, но ее и след простыл.

Это меня немножко встревожило, но через секунду я и думать про нее забыла, завороченно глядя на весело полыхающий огонь в изукрашенном камине. Кровать под роскошным серебристым балдахином ни в какое сравнение не шла с той, что была у меня комнате. Шелковые простыни, на таких, наверное, спали только короли. Несколько резных изящных табуреток из темного дерева и стол, покрытый белоснежной скатертью, уже накрытый для ужина. Здесь были яства явно не с кухни сэра Генри, фрукты и вина, которых я еще не видела. На столе два подсвечника с горящими свечами, хотя свечи здесь были везде: на стенах и на каминной полке.

И тут только я заметила в кресле с другой стороны кровати пышное белоснежное платье, оно и в сравнение не шло с моим кремовым муслиновым, которым я еще недавно восхищалась. Не удержавшись, я обошла кровать и благоговейно взяла в руки этот наряд. Он оказался весь унизан мелкими бриллиантами и украшен золотой вышивкой. Платье было подпоясано под грудью, рукава парчовые, расширяющиеся книзу и стянутые золотыми

шнурками.

– Нравится? – поинтересовались за моей спиной. Голос был доброжелательный и мягкий. Но от неожиданности я резко обернулась.

В кресле у камина сидела женщина, одетая как знатная дама, и улыбалась.

– Это для тебя, – она поднялась на ноги, по-прежнему улыбаясь. – Сегодня ночь исполнения самых сокровенных желаний.

– Каких же это, интересно? – недоверчиво сощурилась я, еще раз оглядев комнату. Остановившись взглядом на кровати, я покраснела и подняла глаза на незнакомку.

– Это всего лишь образно выражаясь, – пояснила дама. – Но я надеюсь, что ты обретешь наконец-то счастье, к тому же ты это заслужила. Один прирученный жеводанский оборотень чего стоит...

– А вы откуда знаете? – испугалась я.

– Это не важно, надо спешить. Сегодняшняя ночь – твоя. Используй ее так, как велит тебе сердце. – Женщина снова улыбнулась. – А теперь переоденься поскорей, не теряй драгоценного времени.

Я отвернулась и стала переодеваться, сам процесс доставлял мне неслыханное наслаждение – платье было словно сшито на меня, а ткань удивительно мягкая, обволакивающая. Женщина подвела меня к зеркалу, сама расчесала мои волосы золотым гребнем и надела мне на голову усыпанную бриллиантами диадему. Я чувствовала себя Золушкой за полчаса до бала. Причем не Бала Вампиров...

– Будь счастлива! – напоследок пожелала мне дама, с улыбкой отступив в глубь комнаты.

– Но... я даже не знаю, как вас зовут?

– Для тебя просто бабушка Элизабет, дитя мое...

Отвлечшись на собственный сногшибательный вид в зеркале, я прозевала момент, когда она исчезла. Но, услышав звук открывающейся двери, обернулась, увидев вошедшего Алекса. Раскрыв рот, он уставился на меня, так же как и я на него. На командоре был синий бархатный костюм, жакет, зауженный в талии и стянутый поясом. Длинные рукава с разрезами свисают, а под жакетом белая нежная шелковая рубашка. Я хотела было прыснуть со смеху, но что-то меня удержало, по правде, и смеяться-то было нечему.

Алекс быстрым взглядом окинул комнату и снова уставился на меня.

– Э-э, неплохо выглядишь, – смущенно пробормотал он.

– Ты тоже, – сказала я, отчего-то покраснев и опустив голову. – Может, поужинаем, раз уж стол накрыт, – предложила я. И он, споткнувшись два раза, поспешил отодвинуть мне стул, сев напротив.

С минуту мы неподвижно сидели на своих местах, косясь на изысканную сервировку и обильную еду, которой был заставлен стол.

– Эх, жаль, что мы сыты, – заметила я.

– Да, жаль, что мы с банкета, – согласился он.

Конечно, то, что он сидел рядом, волновало мое сердце, тем более что романтической обстановки не придумаешь. Все это, конечно, действовало, и даже стыдно признаться в том, чего мне сильнее всего хотелось сделать в этот момент, но я, само собой, не решилась... В конце концов мы выпили по бокалу шампанского, чтобы не сидеть просто так.

– Что там делает агент 013? – спросила я, решив начать разговор. Затянувшаяся тишина несколько напрягала. Я отправила оливку в рот и снова глотнула вина, не сводя глаз с Алекса в ожидании ответа.

– Он там с графом играет в чехарду. А меня забрала какая-то настойчивая девушка, завела в отдельную комнату и буквально заставила переодеться. Я уж думал, что... а она просто привела меня сюда. Ничего особенно не объясняя, но я почему-то пошел. Как бы нелепо это ни звучало, но... это так, – словно оправдываясь, признал Алекс, увидев мой остекленевший взгляд. Но произошло это по другой причине. Я подавилась оливкой. Потом долго кашляла, а командор хлопал меня по спине, пытаясь помочь.

Я раскраснелась от кашля и в конце концов сумела выдохнуть возмущенно:

– Эй, не так сильно!

– О! Прости, пожалуйста...

Он тут же вернулся на свое место. Опять тишина. Все равно надо о чем-то говорить...

– Слушай, давно хотела тебя спросить, а сейчас, наверное, самый подходящий момент из всех. Тогда, на Чукотке, когда вы с котом оставили меня в снежной яме... Ты, кажется, сказал, что равнодушен ко мне? Хотя вытаскивать из ямы и не думал – это я тоже заметила... Извини, если я ошибусь, но... э-э... твои слова значили, что... ты меня любишь? – набравшись храбрости, выпалила я на одном дыхании.

– Да, конечно, люблю я тебя, – подтвердил Алекс спокойным и уверенным голосом, глядя на меня грустными глазами. И почему-то эти простые слова и интонация, с которой они были произнесены, так на меня подействовали, что я вдруг почувствовала, что не могу больше говорить, не хватало воздуха. Огромный комок подкатил к горлу, а глаза угрожающе быстро наполнились слезами. Я поняла, что всю жизнь ждала этих слов, а когда их услышала, сердце сжала такая пронзительная боль, какую я никогда не испытывала. И теперь я почти с ненавистью глядела на человека, явившегося причиной этой боли!

Руки и ноги просто отказывались подчиняться, несмотря на то что сейчас я больше всего хотела вскочить с места и убежать отсюда подальше. Чем дальше – тем лучше, запереться в своей комнате и выпрыгнуть из окна или подняться на крышу и прыгнуть оттуда. Я испытала полное отсутствие воли и способности управлять собой – своим телом, своими чувствами и мыслями. Все теперь было подчинено одному человеку, который сейчас сидел передо мной и смотрел на меня глазами, в которые хотелось окунуться с головой.

Это была невыносимая мука. И Орлов принял единственно правильное в этой ситуации решение. Он просто нагнулся и поцеловал меня... Это был очень долгий поцелуй, когда я полностью пришла в себя, то с удовольствием обнаружила, что руки и ноги снова мне подчиняются, и воля и разум – тоже. О произошедшем напоминали только слабые покалывания в сердце, которые, как я подозревала, останутся там навсегда. Меня охватило какое-то сладко щемящее чувство. Я вздохнула с облегчением и, обнимая этого мерзавца за шею, с любовью посмотрела ему в глаза. И улыбнулась... Ему ничего не оставалось, как улыбнуться мне в ответ.

Когда мы спустились на свой этаж в тех же роскошных костюмах и дошли до наших комнат, нам бросилась в глаза записка, приколотая внизу на двери спальни Алекса и агента 013. Сняв ее, командор прочел вслух:

– «Сегодня я одновременно потерял друга и любимую девушку. Я не могу пережить вашего предательства и не хочу больше жить. Иду вешаться. Прощайте навек».

И подпись.

«Стальной Коготь».

Мы с Алексом одновременно в едином порыве кинулись на дверь, стукнувшись лбами. Дверь распахнулась, и нашим глазам предстала прискорбная картина. На бронзовом подсвечнике, привинченном к стене, висела веревка с петлей на конце. Под ней стоял стол (он всегда там стоял, у кота бы сил не хватило его сдвинуть), а на одной из кроватей, трогательно свернувшийся калачиком и оттого казавшийся намного меньше, спал агент 013.

Мы стояли и смотрели на него, еще не успев очухаться от пережитого потрясения. Видно, сон у Пушистика был тревожный, потому что он то и дело нервно дергал во сне усами и задними лапами. Удостоверившись, что с профессором все в порядке, я уже собиралась идти к себе, как Мурзик внезапно проснулся и, увидев нас, вскочил на лапы. Вид у него был крайне возмущенный. К сожалению, я не успела сбежать...

– Я тут вешался часа два, а вы все не шли и не шли! Бесчувственные и бессердечные люди... – обиженно заорал кот. На этом мы с Алексом вздохнули свободно. Было ясно, что агент 013 лапы на себя не наложит. Выйдя в коридор, я увидела Йоркширского Лорда, караулящего у моих дверей.

Увидев меня, он поправил костыли и прищурился.

– Так-с, молодая леди, вы отняли у меня последнюю радость, – хриплым голосом проговорил Хромой Лорд, глядя на меня обвиняющим взглядом.

– О чем это вы? – искренне удивилась я.

– О моей бедной Элизабет, о моей последней любви, ради которой я оставил даже хор и всех моих друзей-призраков, уже начав их чураться, – ведь Элизабет предпочитала уединенный образ жизни. Теперь она никогда не поднимется в замок... О я несчастный хромой инвалид! О это унылое призрачное существование! О моя любимая Элизабет! Бедный я, бедный, бедный...

Призрак, опустив плечи, поплелся по коридору, по дороге продолжая сокрушаться о потерянной любви и в порывах внезапной ярости колотя костылем по стенам и дверям.

На следующее утро мы поднялись ни свет ни заря. Наскоро позавтракав у себя и собрав вещи, распрощались с замком и его гостеприимными обитателями. Кот с нами не разговаривал, однако сердечно попрощался с графом, который настоятельно приглашал Мурзика провести в его замке свой отпуск. Нас вышли провожать все, даже сумасшедший дедушка тут присутствовал. Наверное, пришел из любопытства, узнать, чего это все столпились в воротах. Из-за угла выглядывал маленький толстый призрак с круглым лицом, у него не было рук, поэтому в нем нетрудно было узнать Бинки, хотя мне так и не довелось с ним пообщаться. В своей спальне я не забыла помахать рукой гобеленному Максорли, который нам очень помог. И вообще хорошо, что я сюда поехала. Вспоминая прошедшую ночь, я решила, что это было самое замечательное дело из всех пяти, в которых мне пришлось участвовать. Даже несмотря на провалившуюся попытку самоубийства кота... Было видно, что и Алекс так думал, теперь он всегда улыбался, когда мы встречались с ним взглядом...

На Базе, похоже, никаких изменений не произошло. Все оставалось как прежде, хотя казалось, что мы тут не были целую вечность. Я сразу же дернула в лабораторию, Алекс хотел идти со мной, но я настояла на том, что пойду одна. Страшно было от одной мысли о том, что лекарства у них нет. Я представила себе, как они говорят: мол, сожалеем, но нужной сыворотки получить не удалось. Теперь мне меньше чем когда бы то ни было хотелось превращаться в монстра, меня пугало, что это уже почти реальность, хотя в замке никто не спрашивал меня о вертикальных зрачках, но...

Добежав до двери с табличкой «Вход только для горбоносых горбунов», я распахнула ее и вошла внутрь. Что-то грохнуло, что-то упало... Я увидела катящийся по полу стерилизатор и испуганного гоблина, прижухавшегося в уголке под столом. Двое других дернули из комнаты в подсобные помещения. Передо мной остался стоять только дрожащий старший научный сотрудник лаборатории, с которым я и разговаривала в прошлый раз. У него трясся даже горб, и это не предвещало ничего хорошего.

– Э-э, уважаемая Алина Рашидовна, к сожалению, нам не удалось приготовить вакцину, нужную вам для возвращения в первоначальный вид. Но... стойте, стойте!

Ему, наверное, показалось, что я собираюсь в ярости накинуться на него с кулаками, но я всего лишь пошатнулась. Для активных действий у меня просто не было сил. Я устала на гоблина в ожидании продолжения, хотя зачем оно? Ведь все и так ясно. В глазах начали копиться слезы...

– Но не все еще потеряно, вернее, мы еще успеем приготовить вакцину.

– Бросьте... Вы сто раз это говорили.

– Нет, пока вас не было, мы выяснили, чего нам не хватает. Необходимая составляющая – плазма из крови ваших напарников. – В следующий момент бедный гоблин бросился на пол и, прикрыв руками голову, истошно завопил: – Не надо! Не надо!

Я хотела всего лишь расцеловать коротышку в порыве бурной радости, но тот, совсем не привыкнув к такому обращению, подумал, что я собираюсь его загрызть. Не тратя времени на объяснения, я выбежала в коридор и побежала искать своих товарищей. За

Алексом, конечно, дело не станет, а вот агент 013 мог и заупрямиться, но вряд ли надолго. В принципе он неплохой кот, но сейчас были задеты его чувства.

Ну, в общем, что долго рассказывать... Мурзик действительно поначалу не мог скрыть еще свежую обиду, но вскоре оттаял и, чтобы доказать свою любовь, первым на всех парах побежал в лабораторию, чтобы поскорей сдать кровь, обогнав даже Алекса. Через день, который мне показался мучительно долгим, вакцина была готова, и я, дрожа от волнения, получила инъекцию и тут же почувствовала странное покалывание по всему телу, которое вскоре прекратилось.

Прошло несколько дней, я все еще не возвращалась домой. По рекомендации лаборантов нужно было дожидаться, пока я окончательно верну свой настоящий вид. Зрачки стали нормальными уже через день, уши уменьшались и округлялись дня три, а вот клыки исчезали медленней. Напрасно я уверяла своих партнеров, что со мной уже все в порядке и я могу съездить провести своих родителей. Нет, эти двое и слушать меня не хотели, не переставая опекать, пока я выздоравливала. Впрочем, не только они. Синелицкий закармливал меня пирожными и буквально залил вишневым компотом. Хоббиты то и дело забегали и приносили гостинцы. Шеф вызвал к себе в кабинет и сообщил, что я зачислена в штат, так как являюсь очень ценным агентом. Наконец и зубы пришли в норму. На следующий день я должна была ехать домой, взяв кратковременный отпуск. Нужно было обязательно навестить родителей, ведь я их уже почти месяц не видела.

Я сидела в своей комнате, ненадолго оставшись в одиночестве (ребята еще не вернулись с обеда), и вспоминала день, когда впервые встретилась с моими будущими партнерами по команде. В тот вечер я еще была жутко расстроена из-за проваленного зачета. Сейчас было забавно вспоминать об этом. Вот я увидела серо-белого кота, сидевшего у дороги, и почти не обратила на него внимания. Если бы в тот момент мне сказали, что это профессор, суперагент, то есть очень крутой парень, а не дворовый кот, я бы восприняла это просто как забавную шутку. Потом неожиданно появился монстр, оцарапал меня. И если бы не Алекс в еврейском костюме, что было само по себе уже смешно, не знаю, осталась бы я в живых... На меня прыгнул Зверь, и, попятившись, я упала на командора, он выстрелил в воздух, потом я прыгнула ему в глаза из баллончика, думая, что это еще одно чудовище. Почти одновременно с этим он оттолкнул меня от Зверя и в тот же момент несколькими выстрелами застрелил его. Решившись наконец открыть глаза, я увидела мертвое тело огромного монстра. И Орлова, стоявшего рядом с ним с опущенным пистолетом в руках.

Да, именно так все оно и было. Но тут у меня появилось смутное ощущение какого-то несоответствия, что-то явно корбило в этой картинке. Я ее прокрутила вновь, а потом снова и снова и вдруг поняла, в чем дело. ЧТО меня задевало... Тот монстр не был неуклюжим придурком и вряд ли испугался грохнувшего выстрела. Что помешало ему порвать в клочки и меня, и временно ослепленного командора? Не профессор ведь в самом деле... Тогда кто? Неужели... В это было трудно поверить только поначалу, потом легче...

Все так и шло по ходу сюжета, в целом картинка почти не изменилась. Так я видела тогда происходящее. Но я видела не все. Там был и четвертый персонаж. По крайней мере, он там будет! Не кот, не монстр и не Алекс. Теперь я уже знала кто. Да, сомнений нет. Именно так оно все и происходило или будет происходить. Осознанное так меня потрясло, что я несколько мгновений не могла прийти в себя и сидела истуканом на своей кровати. Но надо было действовать, и именно сейчас, я хотела покончить со всеми делами до завтрашнего отъезда. А это дело было слишком важным, чтобы оставлять его на потом. Пора. Я вышла в коридор и устремилась на поиски. Нужный мне субъект объявился за первым же поворотом. Тут он обычно меня и караулил, зная, что я в это время возвращаюсь с обеда, в надежде, что на этот раз буду одна. Стив успел сунуть мне в руку очередную алюминиевую розу (он их клепают на досуге), прежде чем я обратилась к нему.

Слегка удивившись, он меня выслушал и согласился помочь, попытавшись, однако, увязаться со мной.

— Прости, Стив, я должна сделать это одна.

И вот снова на мгновение пространство вокруг заколебалось, как это бывает при переходе во времени. Потом я очутилась на знакомой старой улочке, по которой в тот памятный вечер возвращалась из института. Но сейчас, позабыв про зимний холод, я была одета только в свой серый форменный костюм и держала в руках бластер. Стив показал мне, как с ним обращаться. Я притаилась за углом, отсюда меня не было видно.

События уже разворачивались, и я сейчас с замирающим сердцем наблюдала себя со стороны. Это было очень странно. Вот я налетела на Алекса и упала, в последний момент он сумел устоять на ногах, но грохнул холостой выстрел. Кота не было поблизости, а вот огромный черный монстр с оскаленной пастью, дико рыча и размахивая мощным хвостом, готовился к очередному нападению. Сейчас у меня была возможность его разглядеть, и я отметила, что тварь была чем-то похожа на тираннозавра, только чуть помельче, и покрыта гладкой черной шкурой. Алина-студентка вопила не переставая. Мне даже было стыдно за себя. Как я могла показать себя такой истеричкой перед командором? Но нет, мне было мало вопить ему в лицо в момент, когда бедняге так важно было сохранять трезвость рассудка. Для полного торжества я еще и брызнула ему в глаза слезоточивым газом. Но это я успела отметить, уже стреляя в Зверя, готового растерзать обоих...

Потом я стреляла еще и еще. Серый кот, выскочив из-за угла, несясь нам на помощь. Зверь корчился, издавая душераздирающий рык. Алекс, похоже, был в недоумении: кто стреляет? Борясь с действием газа, он как-то сумел вскинуть свою пушку и стрелял практически на рев монстра! Пули кучно ложились в уродливую голову чудовища. Когда он смог видеть, то его взору предстала уже неподвижная туша, упавшая в нескольких метрах от того места, где лежала я. Он медленно, не понимая, что произошло, подошел к почти бездыханному зверю, громыхнул контрольный выстрел...

В то же мгновение мир задрожал, и я открыла глаза уже на Базе. Рядом стоял Стив, в руках у него был «переходник».

– Такая точность! Как я и просила, причем секунда в секунду. Спасибо!

Он улыбнулся, и тут только я заметила, что мы были не одни – вокруг собралась целая толпа сотрудников и обитателей нашей Базы. И все смотрели на меня, рукоплещая и улыбаясь. Среди толпы я увидела и Алекса, который все не мог протолкнуться ко мне. А вот кот проскочил под ногами у хоббитов и оказался рядом со мной.

– Я всегда в тебя верил, Алиночка, – промурлыкал он, глядя на меня с умильной физиономией.

Вперед, работая локтями, пробился шеф и торжественно возвестил:

– Алина, вы подтвердили звание спецаргента! Мы все следили за вашим походом. Вы вольны вернуться домой, но нам будет вас очень не хватать. Подумайте... и оставайтесь. Теперь вы тоже профессиональный оборотень!

Все кинулись меня поздравлять.

Синелиций растроганно вытирал слезу кончиком своего вывалившегося изо рта языка, а Рудик повис на моей руке и тряс ее до тех пор, пока его не оттерла назад целая толпа восторженных хоббитов. Потом Алекс наконец смог протиснуться ко мне, и я, уткнувшись ему в грудь, плакала от счастья. Он ободряюще похлопал меня по спине и, чтобы отвлечь, радостно сообщил:

– Кстати, Алина, только что мы с агентом 013 получили новое задание. Тебя оно должно заинтересовать. Нужно срочно отправляться в Норвегию, разбираться с двумя озверевшими троллями. Тебе очень понравится. Точно. Поехали?